

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
XXIX

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1996

Редакционная коллегия:

*С. Н. Азбелев, А. А. Горелов, В. И. Еремина,
Т. Г. Иванова, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова*

Рецензенты:

К. А. Богданов, Е. И. Мельник

Ответственный редактор *Е. А. Костюхин*

*Книга издана при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований*

Р $\frac{4604000000-560}{042(02)-96}$ 261-95(П)

ISBN 5-02-028243-X

© Коллектив авторов, 1996
© Е. А. Галущенко, нотная графика, 1996
© Российская академия наук, 1996

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

К. А. БОГДАНОВ

ЗАГОВОР И ЗАГАДКА (К ФОРМУЛЬНОСТИ ЗАГОВОРА)

Не так давно вопрос о формульности фольклорного текста был подвергнут обстоятельному рассмотрению в работе Г. И. Мальцева о формулах русской народной необрядовой лирики. Хотя анализ, им проведенный, имел своим объектом песенный фольклор, выводы, к которым он пришел, как нам кажется, могут быть распространены на фольклорный материал в целом и на заговорный в частности: «...необходимо различать формулу как определенный морфологический тип (от одного слова до стереотипной ситуации, выражаемой группой стихов) и формулу как категорию, обобщающую разнородные и многообразные типы констант фольклорной традиции. (...) Содержательным основанием такого обобщения является не просто повторяемость и устойчивость различных форм («внешняя» традиционность), но проявляющаяся в этих фактах вполне определенная эстетическая доминанта («внутренняя» традиционность), которая создает саму устойчивость форм и мотивирует их повторяемость».¹

Можно согласиться с Г. И. Мальцевым (как и с рядом его предшественников²), что лексико-синтаксический подход к фольклорным формулам не учитывает специфичности фольклора как сугубо традиционалистического мировыражения, замкнутого в своей нормативной типологичности, но именно поэтому не скованного строго текстовыми и текстуально-«атомарными» рамками.³

В самом деле формулы, понятие как «представления сознания» (термин М. Наглера), в текстуальном выражении принципиально неадекватны характеру представляющего их материала, заведомо оказываясь лишь своего рода плоскостной проекцией (в данном случае — на текст) некоего многомерного — и не сводимого к тексту — содержательного (информационного, эстетического и т. д.) континуума, мировоззренческого «объема».

Заметим, кроме того, что требуемое единство в многообразии заговорных формул поддерживается не только их содержательной «каноничностью», но и известным единообразием мнотехнических приемов, «работающих» на их феноменологическую проекцию. Запоминаемость же заговора никоим образом не сводится только к лексически неразъемным и единообразно клишированным «морфемам». В данном случае задействованными оказываются и иные — и по-разному формализуемые — элементы.

Что касается заговорных текстов, то они дают в этом смысле вполне характерные примеры фольклорных формул — разнотипных по форме и разнооформленных по типу.

Таковы, например, формулы, которые могут быть названы формулами непосредственно лексическими:

«Стану я, раб Божий (и. р.), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами, в чистое поле за воротами, из чистого поля в темный лес...» и т. д. (Ефименко, 48);

¹ Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989. С. 33.

² См., например: Daur A. Das alte deutsche Volkslied. Leipzig, 1909; Nagler M. Spontaneity and Tradition. Cambridge, 1974.

³ Мальцев Г. И. Традиционные формулы... С. 3—36.

«Стану я, раб Божий, благословясь, и пойду, перекрестясь, пойду по матери по сырой земле, небом покроюсь, зорею подпояшусь, звездами отычусь» (Ефименко, 78);
 «На море на Окияне, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица... зашивает раны кровавые» (Сахаров, 63);
 «На море на Окияне, на острове на Буяне, сидит добрый молодец, во неволе заточен» (Сахаров, 61);

«На море на Окияне, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит золотой камень...» (Сахаров, 52) и т. д.

Из них при желании могут быть выделены (и к ним добавлены) как «сквозные», «развернутые» в морфологическом отношении формулы, так и «мини-формулы», характеризующиеся абсолютной лексико-синтаксической спаянностью, лексической «атомарностью»: «Стану я... благословясь, пойду, перекрестясь...» (как инверсив: «(не) стану я... не благословясь, пойду, не перекрестясь...»); «На море на Окияне... стоит (лежит, сидит)... камень (дуб, девица, молодец)». К таким же «развернутым» в морфологическом отношении формулам можно отнести формулы-сравнения («как (существует то-то), так бы (было и это)»), формулы-перечисления и формулы «отсчета»:

«Едит един господин, у единого господина 9 жён, от 9 жён — 8 жён, от 8 жён — 7 жён, от 7 жён — 6 жён... от одной жены — ни одной жены» (Макаренко, 388—389) и др.

К «мини-формулам» можно было бы причислить (с той или иной долей произвольности) целый ряд фразеологически клишированных единиц текста (насчитывающих от нескольких до одного слова): «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь», «Моим словам ключ да замок», «Камень-Алатырь», «Будьте мои слова крепки» и т. д.

Однако, обращаясь к заговорному материалу, постоянно приходится считаться с формулами морфологическими и лексическими «случайными», но стилистически и поведенчески явными: таковы, например, формулы «изгнания» (болезней, несчастий и т. д.), «призывания» (здоровья, удачи и т. д.), «обмена» и т. д.

Отдельного разговора в этой связи заслуживает обрядовое функционирование загадок, могущих — при известном допущении — рассматриваться также в роли заговоров.

Загадывание, как мы знаем, наделялось обрядовой функцией магически значимого средства у многих народов мира. В славянской традиции обычай загадывать загадки наиболее наглядно засвидетельствован в составе рождественского обрядового цикла. Документальные свидетельства о загадывании загадок в Васильев вечер датируются уже XVII в.⁴ Хронологическая приуроченность загадывания загадок и включенность их в комплекс обрядовых мероприятий косвенно подтверждается и чисто фольклорным материалом.

Популярность мотива «загадывания загадок» широко представлена, например, украинскими и белорусскими колясками.⁵ Загадки, содержащиеся в подобных песнях, как правило, достаточно однотипны, но для нас существен сам факт их наличия. Примеры наиболее обычных загадок:

...А що ж нам росте без кориннячка?
 А що ж нам горит без поломене?
 А що ж нам шумит без буйного витра?
 Бил каминь росте без кориннячка,
 Золото горит без поломе,
 Сосночка шумит без буйного витра.⁶

⁴ Грамота Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского // Акты исторические, собр. и изд. Археологической комиссией. СПб., 1894. Т. 4. С. 124—125.

⁵ *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 45—48; *Потебня А. А.* Объяснение малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1887. С. 575.

⁶ Колядки та щедривки: Зимова обрядова поезія трудового року / Сост. О. И. Дей. Киев, 1965. С. 387.

Отметим, что, несмотря на диффузию своей общей структуры, обряд колядования наглядно демонстрирует не только живучесть именно этого мотива, но и его внутриобрядовое — и содержательно уже никак не объясняемое — соположение с продуцирующими заклинаниями.⁷

Еще более наглядно обрядовая функция загадок может быть прослежена на материале подблюдных песен. На сходство или даже совпадение загадок и подблюдных песен в научной литературе указывалось неоднократно. Так, например, В. В. Митрофанова, отмечая ряд дословных совпадений между подблюдными песнями и загадками, справедливо писала о том, что «между этими жанрами есть какая-то принципиальная внутренняя общность, позволяющая произведению одного жанра перейти без каких-либо существенных изменений текста в другой жанр и начать там новую жизнь».⁸ Формально общность эта вполне объяснима из единства их обрядовой практики (известна роль тех и других в цикле святочных гаданий⁹), однако помимо обрядовой практики, возможно, у нас есть основания говорить и об их общей обрядовой природе. По крайней мере некоторые ученые склоняются к тому, чтобы признать общность подблюдных песен и загадок за общность генетическую, обусловленную прежде всего единством их заклинательной семантики. Вот что по этому поводу писал В. И. Чичеров: «Близость подблюдных песен к загадкам вполне закономерна. Метафорический язык, каким характеризуются загадки, вообще связан с древними формами обрядовых заклинательных формул; использование его в подблюдных песнях допустимо считать их исконной чертой, поддержанной одновременным бытованием на святках подблюдного гадания и загадывания загадок».¹⁰

З. И. Власова при исследовании поэтики подблюдных песен фактически пришла к тому же выводу, отметив несомненное сходство подблюдных песен как с загадками, так и с заговорами.¹¹ (О последнем, в частности, можно судить, сопоставив «зааминивание» заговоров и обычные «закрепки» подблюдных песен: «Кому песню поем... тому субудется, не минуется», «Кому вымется — правда субудется, слово мое» и т. п.)¹²

Помимо колядных и подблюдных песен мотив «загадывания загадок» широко представлен и в других народных песнях, многие из которых восходят, по всей видимости, к единым обрядовым истокам (таковы, например, масленичные игровые, волочebные, летние плясовые и свадебные песни).¹³

Наконец, хорошо известен обычай загадывания загадок на свадьбе («торг» между «продавцом» и «дружкой»),¹⁴ см., например, у П. В. Шейна:

«— Что такое, друженька, великое поле ирландское, много скота астраханского, а един пастырь, две агницы?»

⁷ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 69—70.

⁸ Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1987. С. 164.

⁹ Костров Н. Святки в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки Сибирского отделения РГО. СПб., 1858. Кн. 5. С. 28—29.

¹⁰ Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого народного календаря XVI—XIX вв. М., 1957. С. 108—109. Ср.: Афанасьев А. Ведун и ведьма // Комета: Учено-литературный альманах. М., 1851. С. 98.

¹¹ Власова З. И. 1) К вопросу о поэтике подблюдных песен // Русский фольклор. Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. 14. С. 78, 89—93; 2) Русские и болгарские припевки к гаданию // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 115, 117—118.

¹² См., например: Календарно-бытовая поэзия сибиряков / Сост. Ф. Ф. Болонев. Новосибирск, 1981. С. 108—131; Колпакова Н. П. Русская народная бытовая поэзия. Л., 1962. С. 51.

¹³ Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия... С. 46; Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 11. С. 122; Земцовский И. И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 147—154; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. М., 1979. С. 129—131.

¹⁴ Морева А. К. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // Художественный фольклор. М., 1927. Т. 2—3. С. 121. Аналогичный обычай известен и в Турции, где загадки загадывает девушка своему поклоннику: Standard dictionary of folklore, mythology and legend. New York, 1950. P. 940. Обобщающая работа: Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАИЭ. Л., 1929. Т. 8.

— Поле великое — небо ясное; скот астраханский — звезды; пастырь — месяц; две агницы — утренняя и вечерняя зори.

— Стоит дуб, в дубу — тина, в тине — сосна, на верху — лен?

— Дуб — квашня; тина — тесто; сосна — мутовка; лен — покрывало, ветошка.

— Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как Илья; посажен в огонь, яко Кирик; вышел из ямы, как Иосиф; кто увидит, всяк к себе в дом берет?

— Горшок.

— Дома-то тят-тят, в лесу-то ляп-ляп, около тпроуценки, а в середине — тпру!

— Сито.

— Летит птица орел, несет во рту огонь, а на конце хвоста — смерть.

— Ружье» и т. д.¹⁵

Интересно, что «противостояние» невесты и жениха возможному колдовству на свадьбе и в целом выражается — словесно и поведенчески — как своего рода загадывание неотгадываемых для колдуна загадок. Это и иносказательный язык сватов, и полный таинственного смысла наряд невесты («Невеста по голому телу перевязывалась обрывком рыболовной сети. Колдун не мог знать, сколько в ней узелков и ячеек, — а без этого заклятья колдуна не могли иметь никакой силы»¹⁶). Отметим, что одной из главных функций дружки (в чьи обязанности, как мы видели, входило и прямое отгадывание загадок) являлась защита жениха посредством различных упредительных мер: заговоров и поведенческих оберегов.

Связь заговоров и загадывания представляется нам сущностной и генетически однородной, отражая единую тактику ритуального поведения и единообразные принципы «магического» логизирования.

Как всякий поведенческий, деятельностный акт заговорное действие разворачивается во времени. Замечательно, что развертывание заговорного акта во времени почти всегда подчеркивается в самом тексте заговора (учитывая, что пространственная локализация заговорного «сюжета» может рассматриваться как семантический аналог временного топоса). Этот часто отмечаемый эзотеризм заговорной хронологии, на наш взгляд, интересен не столько возможной реальностью обрядового приурочения заговорного акта, сколько сам по себе — как свидетельство осознанного и предрешенного «времяполагания», осознание «будущностной природы» этого акта.

Известно, что в качестве своей физиологической предпосылки любой темпорально ориентированный акт уже изначально является как бы структурно завершенным, изначально моделирующим свой процессуальный итог. Н. А. Бернштейн, занимаясь физиологией активности, пришел к выводу, что этот феномен «заглядывания вперед» является универсальным критерием «всякого акта превращения воспринятой ситуации в двигательную задачу»: ¹⁷ «Жизненно полезное или значимое действие не может быть ни запрограммировано, ни осуществлено, если мозг не создал для этого направляющей предпосылки в виде... модели потребного будущего». ¹⁸ «Модель потребного будущего», выступая в роли некой доминанты, генерализующей любую человеческую деятельность, представляется довольно удачной формулировкой той ситуации, с которой мы имеем дело в заговоре. Будучи ориентированным на потребность, заговорный акт невольно моделирует и соответствующую этой потребности ее «будущностную природу». Но поскольку объективация всякой потребности объективирует локализуемое его будущее,¹⁹ постольку мы можем говорить о том, что заговорное действие — процесс заведомо и сознательно ориентированный на его реализацию. Подчеркнем, однако, следующее.

¹⁵ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 655.

¹⁶ Зырянов И. В. Заговор и свадебная поэзия // Фольклор и литература Урала (Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Т. 147). Пермь, 1975. Вып. 2. С. 57.

¹⁷ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966. С. 280.

¹⁸ Там же. С. 308. Ср.: Анохин П. К. Избранные труды. М., 1987. С. 45—48.

¹⁹ Nuttin J. Tache reussite et echec. Theorie de la conduite humaine. Paris: Amsterdam, 1953. P. 63.

Вероятностный прогноз по воспринимаемой ситуации и поведенческий выбор (или, пользуясь терминологией Д. Миллера и его соавторов, «образ» и «план» поведенческой модели²⁰) — два параметра, имплицитно (неосознанно, рефлекторно) определяющие модель потребного будущего,²¹ в данном случае обусловлены «эксплицитно» — его осознанным целеполаганием. Будущее, являясь временным качеством объективированной потребности, тем самым структурно задано в заговоре, осознается как задача — и в этом смысле заговорное действие представляет собою не что иное, как акт познания объективированной в нем потребности. Соответственно структура заговорного действия должна рассматриваться прежде всего как структура такого акта.

С этой точки зрения заговор, безусловно, сопоставим с ритуалом, а словесная часть заговора — с мифом (напомним, что этимологически «миф» соотносится с кругом индоевропейских корней со значением «заботиться», «иметь в виду», «страстно желать» и т. п.²²). В аспекте общеструктурной онтологии заговорное «слово» и «миф» («некое священное слово, точно бы возвещенное оракулом», по Платону — Leg. 4, 712) в сущности выражают единую поведенческую единицу, «феноменологизируют» одну и ту же поведенческую задачу.

В предстоянии функционально осознанной цели такой задачей является деятельностное прогнозирование «предстоящего» объекта и тем самым предосуществление самой этой цели. «Встану я, раб Божий такой-то, благословясь, перекрестясь, пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, под красное солнце, под светлый месяц, под черные облака» и т. д. (Виноградов, 79); «Лягу я, раб Божий (имя рек), благословясь, стану, перекрестясь, умоюсь святою утренней росой; утруса шитой, браной пеленой, и пойду я, раб Божий (имя рек), в чистое поле, в восточную сторону» (Виноградов, 85).

С последним обстоятельством связано помимо прочего столь обычное для заговора и мифа *wishful thinking* — «выдача желаемого за действительное». Отнесение совершаемого к его «экспериментальному» архетипу в данном случае есть не только следствие «коллективной памяти», реактуализирующей «образцовое» действие (о чем скажем чуть позже), но и заведомая «амплификация», агрессия мыслительных клише в заочно структурируемую действительность:

«Я, раб Божий, теплыми оболочками оболочуся, частыми звездами вокруг себя обычуся, утренней зарей опояжуся, вечерней зарей опояшуся. Пойду я, раб Божий, ко святу Окияну морю, есть свят остров там; на святе острову лежит белый камень Латер; на том камне стоит церковь папы Римской; в ефтой церкви стоит злат престол; на злате престоле сидит сам Исус Христос, Матерь Божья, Цярица небесная, в злате ризе, держит золото перо и смахивает, и спихивает, и сдувает, сметает со свята Окияна желту пену» (Виноградов, 86); «Лягу, благословясь, стану, перекрестясь; выйду из дверей в двери, из ворот в ворота; погляжу в чистое поле — едет из чистого поля богатырь, везет острую саблю на плече, сечет и рубит он по мертвому телу, не тече ни кровь, ни руда из энтова мертвого тела» (Забьлин, 290); «Летит ворон чрез Черное море, несет нитку шелковинку; ты нитка оборвься, а ты кровь уймись» (Забьлин, 291); «Иду я не улицею, не дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? отдай мне свои, возьми мои. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк, где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои» (Сахаров, 54).

Очевидно, между прочим, что прошедшее время в заговорах и в грамматическом и в более широком смысле — предваряет и предосуществляет желаемое будущее, это своего рода *futurum exatum*, но заверченный (предзавершенный) в прошедшем. («Кто надеется, подобно верующему, видит умом умопостигаемое и будущее», — как замечательно сказал об интенциональности человеческого рассудка уже Парменид, — ибо «отсутствующее прочно находится в уме»).

«Завяжу я, раб (такой-то), по пяти узлов всякому стрелцу не мирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном орудии. (...) В моих узлах сила

²⁰ Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структуры поведения. М., 1965. С. 26—32.

²¹ Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии... С. 308—310.

²² Тахо-Годи А. А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 80.

могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змия двенадцать-главого, того змия страшного, что прилетел со Окиян-моря, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двенадцать богатырьми под двенадцать муромскими дубами. В моих узлах защиты злой мачехой змеиные головы» (Сахаров, 62—63).

«Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорилась и поклонилась селитра-порох, смиренным-смирнехонько» (заговор от ратных орудий, Сахаров, 55). «Возмутили воду в море двенадцать жен, воду прустодовую, что на горе Синайской, и вышли навстречу им св. отцы: Зиновий, Евсигней, Филипп и евангелисты: Марко, Матфей, Лука и Иоанн Богослов и вопросиша их: „Что вы есте за жёны и куда идёте?“ — Оне отвещаша им: „Мы есмы жёны трясавицы и дщери Ирода царя, идём человеческий род мучити“. — Во имя святые отцы: Зиновий... Богослов вземше тридесять прутьев железных и начаша их бити и мучити. Жёны же трясавицы не можаху противляться и рекоша им: „О св. и грозные отцы, убежим мы от р. Б. (имя рек) на полтораста поприщ“» (Виноградов, 135).

«Христос родися, и роспяся, и воскресе, и в третий день воскресения и живот дарова всему миру, и мне, рабу Божию (имя рек), крест. Крестом человек родися, Бог прославися, сатана связан бысть с сильными своими бес; от ныне и до века, и до второго пришествия Христова, аминь» (Забьлин, 328).

Любое заговорное «вспоминание» структурно есть «вспоминание о будущем». (Так, выпавшая гадательная мета предрешает фактом своего выпадения относимое к этому уже свершившемуся факту будущее).

Русский заговорный материал дает огромное количество таких «вспоминаний» — «вспоминаний», могущих прямо именоваться «мифами».²³

Заметим, кстати, что во многих культурах человек, обладающий во мнении коллектива силой заклинания, часто воспринимается (и выступает) также в роли предсказателя.²⁴ Ограничиваясь русским материалом, укажем здесь хотя бы на многочисленные мифологические рассказы (былички и бывальщины), не только отражавшие, но и, надо думать, способствовавшие формированию определенного стереотипа суеверных представлений.²⁵ Согласно этим рассказам, предсказателями, как правило, оказываются люди, не чуждающиеся заговорной практики, и, наоборот, знахари помимо своей основной «специальности» часто способны предсказывать будущее.²⁶ (На севере России знахарь — знаток, ведун, вещун, но и — гадаль, гад («тот, кто гадает»), ворожеи²⁷). Даже отвлекаясь от сказанного нами выше, заметим, что совмещение в одном лице знахаря и предсказателя представляется вполне закономерным: ведь лечение или насыление «порчи» (как «антилечение») прежде всего предполагает умение поставить диагноз, т. е. умение распознать и предсказать возможное течение «болезни». (Показательно, что даже во вполне сциентистских обществах связь врачевания и предсказания (чаще всего — астрологии) длительное время осознавалась как едва ли не обязательная²⁸).

Говоря об обрядовой функции загадок, обычно приходится говорить о случаях, когда суть самого обряда оказывается в значительной мере утраченной, но семантика его «целевой установки» (термин Е. Г. Кагарова) остается все же достаточно

²³ Ср.: Топоров В. Н. Заговоры и мифы // Энциклопедический мифологический словарь.

²⁴ Афанасьев А. Н. Ведун и ведьма // Комета: Учено-литературный альманах. М., 1851. С. 97; Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. М., 1904. С. 68; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 294—296; Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. С. 250; Тернбул М. Коллин. Человек в Африке. М., 1981. С. 126—129; Спевакowski А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988. С. 167.

²⁵ Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современная судьба // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 385—386.

²⁶ Там же. Тексты № 202, 275, 353, 363, 375.

²⁷ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 15, 63.

²⁸ Гарэн Э. Магия и астрология в культуре Возрождения // Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 342—344; Турилов А. А., Черницов А. В. К изучению «отреченных» книг // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 127, 136—139.

наглядной. Так «продуцирующая» функция загадок (отчасти уже демонстрированная выше) засвидетельствована у многих соседей русского населения. Эстонцы верили, что «загадывание благоприятствует отелу и способствует лучшему росту молодняка».²⁹ «Близкие верования долго сохранялись и у латышей: если перед рождеством загадывать загадки, то свиньи будут хорошо и быстро прибавлять в весе».³⁰ С аналогичной целью загадывались загадки у удмуртов,³¹ забайкальских бурят.³² Обычай загадывать и отгадывать загадки перед охотой засвидетельствован у барабинских татар³³ и у некоторых народов Сибири.³⁴

«Профилактическая» роль загадывания хорошо просматривается в эстонском поверье, согласно которому удачное отгадывание загадок препятствует потере ложек в доме³⁵ (некоторые исследователи достаточно убедительно предполагают, что «потеря ложек» в данном случае означает какое-то гораздо более значительное несчастье — окончание съестных припасов или даже смерть кого-либо из домочадцев³⁶). Известна связь загадывания и с похоронными церемониями: обычай загадывать загадки во время похорон засвидетельствован у самых различных народов (например, в Англии),³⁷ где загадка наряду с заговорами и молитвами играет явно выраженную роль оберега.

В славянской традиции обычай загадывать загадки на похоронах непосредственно не зафиксирован, но зато зафиксирован обычай, представляющий собою поведенческий вариант такого загадывания. Описание этого обычая (существовавшего еще в середине XIX в. на Украине) приводит П. П. Чубинский: «В Подольской губернии, в доме, где есть покойник... мужчины заводят даже игры: бьют лубка. Эта игра отправляется только на похоронах и состоит в том, что кто-нибудь из играющих накрывается тулупом так, чтоб ничего не мог видеть. Другой играющий ударяет жгутом покрытого — „бьет лубка” — и тот должен угадать, кто его ударил. Если угадает, — на его место идет ударивший его, если же нет, его бьет кто-нибудь другой и т. д.».³⁸

Стоит, однако, спросить себя: с чем мы имеем дело — с «загадкой» или «заговором»? Ответ в данном случае не представляется нам слишком очевидным.

Так, на наш взгляд, безусловно, сопоставимы с загадкой широко распространенные в западноевропейской и славянской традиции заговоры-диалоги (т. е. заговоры, выраженные как формулы «вопроса—ответа»).

Обычны также диалогические заговоры «от колотья» (от боли в легких): «Куда идешь? — спрашивает один из присутствующих. — Я иду стрелять колотья. — Да где ж оно? — Вот где» (там же, 355); от икоты: «Икавко, Икавко, де була? — У Києве. — Що ела? — Кобылину. — Де дела? — Покинула. — Покынь и мене» (там же, 354), а также от слеза, от «трясовиц» и некоторые другие (там же, 162—170; 182; 207; и др.; Обр. П. П., 172).

Рискнем предположить, что заговоры эти также восходят к обрядовому соположению заговора и загадки, представляя собой своего рода контаминацию формальной структуры загадки и специфически заговорного содержания (см.,

²⁹ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л., 1977. С. 19.

³⁰ Там же.

³¹ Колесницкая И. М. Загадка в сказке // Учен. зап. Лен. гос. ун-та. Сер. филол. наук. Л., 1941. Вып. 12. С. 134; Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.; Л., 1941. С. 217.

³² Худяков И. А. Великорусские загадки // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1864. Вып. 6. С. 11.

³³ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 7.

³⁴ Зеленин Д. К. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // С. Ф. Ольденбургу. (К 50-летию научно-общественной деятельности). Л., 1934. С. 217.

³⁵ Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 15.

³⁶ Там же. Ср.: Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточные параллели) // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 30—31.

³⁷ Frazer J. D. The Golden Bough. London, 1920. Vol. 9. P. 122. Ср.: Hart D. Riddles in Filippino Folklore. Syracuse, 1964. P. 47.

³⁸ Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край. СПб., 1877. Т. 4. С. 705—706.

например, обычай изгнания из избы клопов и тараканов, приводимый С. В. Максимовым: «Делается это таким образом: когда хозяин придет после обедни домой, он не должен входить прямо в избу, а должен сперва постучаться. Хозяйка же, не отворяя дверей, спрашивает: „Кто там?“ — „Я, хозяин твой, — отвечает муж, — зовут меня Иван. Ну что, жена, чем разговляться будем?“ — „Мы-то разговляться будем мясом, сметаной, молоком, яйцами“. — „А клопы-то чем?“ — „А клопы — клопами“. Крестьяне уверены, что, подслушав этот диалог, клопы или испугаются и убегут из избы, или набросятся друг на друга и сами себя съедят».³⁹ Интересный оберег «на скот» бытовал в Костромской губернии: «В Великий четверг один из домочадцев забирается на печь, другой на чердак в трубу, и переговариваются они между собою. С печи кричат в трубу: „Дома ли телёнки?“ — С чердака отвечают: „Дома, дома“. — И так перебирается вся скотина»⁴⁰).

Об обрядовой значимости формулы «вопроса—ответа» можно судить не только по непосредственным примерам обрядового соположения заговора и загадки, но и по материалу других фольклорных жанров, также сохранившему хотя и опосредованные, но достаточно красноречивые свидетельства магической роли загадок.

К числу таких свидетельств относится известный сказочный мотив «испытания мудрости» героя. Мотив этот хорошо исследован в научной литературе,⁴¹ поэтому, не останавливаясь на нем сколь-либо подробно, отметим лишь то, что представляется для нас наиболее существенным.

Как и в обряде, сказочное загадывание осуществляется в ситуации, как мы сейчас сказали бы, «коммуникативного конфликта»: это ситуация целенаправленного и поведенчески рискованного выбора.

Как и в обряде, правильного отгадывания (семантически замыкающего и демонстрирующего тем самым истинность манифестируемого загадкой знания) в сказке оказывается достаточно, чтобы сделать этот выбор в пользу отгадывающего. В то же время неправильное отгадывание влечет за собой самые негативные последствия (часто смерть) для демонстрирующего свой «профанизм» героя.

Замечательно, что содержание загадываемых в подобных ситуациях загадок ситуационно никак не мотивируется (хотя сюжетно иногда и объясняется). Напомним в этой связи столь, казалось бы, не соответствующую трагизму

³⁹ Максимов С. В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Максимов С. В. Литературные путешествия. М., 1986. С. 314.

⁴⁰ Курс знахарства народных заговоров. М., 1914. С. 12. См. в этой же связи: Шейн П. В. Великокорус в своих песнях... № 1040; Толстой Н. И. Один архаический тип славянского обрядового текста-диалога // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. С. 69; Добровольский В. Н. Егорьев день // Живая старина. 1908. № 2. С. 152.

Отметим в этой же связи популярные еврейские песни-загадки («песни вопросов»), распевавшиеся в первые два вечера Пасхи и входившие в этом смысле в ритуал пасхальных празднеств. Прозаический перевод одной из таких песен находим у П. В. Шейна:

«— Един кто знает?

— Един я знаю: Един наш Бог на небесах и на земле.

— Два кто знает?

— Два я знаю: Две скрижали завета, Един Бог на небесах и на земле.

— Три кто знает?

— Три я знаю: Три патриарха, — две скрижали завета, Един Бог на небесах и на земле.

— Четыре кто знает?

— Четыре я знаю: Четыре наши матери и т. д.» (Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 710—711; ср.: Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 76). Подобные загадки имеются у разных народов. В частности, бытуют они у шведов, финнов и карел, при этом у последних такие загадки совершенно лишены какой-либо религиозной символики, но именно это и позволяет предположить, что контаминация вопросно-ответной формы и религиозно-значимого содержания в пасхальных песнопениях евреев не могла возникнуть случайно, отражая, по-видимому, какую-то первичную, обрядовую самоценность подобного диалога (Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. С. 25—26; она же, в частности, пишет об использовании таких загадок у карел в ритуале святочного гадания).

⁴¹ См. вышеуказанную работу И. М. Колесницкой, в ней же приведены и соответствующие примеры. См. также: Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 138 и след.

ситуации загадку Сфинкса, разгаданную Эдипом: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?».⁴² В сказке та же картина (примеры излюбленных загадок: «Что всего в свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?», «Сколько капель в море?» и т. д.). (См. также вышеприведенный обычай «битья лубка», демонстрирующий именно поведенческую, а не текстовую модель «загадывания»).

В украинских песнях загадки, грозящие оказаться роковыми для того, кому их загадывают, задают русалки:

Ой бижит, бижит мала дивчина,
А за ею да русалочка:
«Та послухай мене, красна панночка,
Загадаю тобі три загадки,
Яко угадаєш — до батька пушу,
Не угадаєш — до себе возьму:
Ой що росте без кориння,
А що бижит без повода,
А що цвите да без цвиту?»
— «Камень росте без кориння,
Вода бижит без повода,
Папороть росте да без цвиту».
(Панночка загадочек не вгадала, —
Русалочка панночку залоскотала).⁴³

В сибирских быличках то же самое делают черти: «Пошла... одна девка ворожить на святках... Вдруг... появляется черт...: — Девка, что на свете три косы?».⁴⁴

В обоих случаях спасение зависит от правильного отгадывания: «Если отгадаете три загадки, то выйдете отсюда».⁴⁵

Интересно, однако, что спастись от русалок и чертей, согласно тем же быличкам, можно с помощью словесного оберега («Чур со мной!», «Господи, благослови!» и т. д.).⁴⁶

В целом функционально отождествление заговора и загадки происходит, на наш взгляд, на основе их возможного поведенческого соотнесения, возможности общего, обуславливающего их «тактического» выбора.

Правила, призванные обеспечить обряду (как поведенческому выражению магического знания) возможность целенаправленного развертывания, определяются структурно характерной для него в данном случае ситуацией поведенческого риска или (учитывая, что структура обряда есть структура коммуникации) ситуацией коммуникативного конфликта. Обряд коммуникационно «конфликтен» — и в этом смысле «стилистичен». Если мы можем говорить о грамматике его вербального выражения,⁴⁷ то семантика этого выражения задается категорией наклонения.

Вопрос о единстве «стиля» заговора и загадки, об их «тактической», «модальной» совпадаемости в данном случае, по-видимому, может быть решен достаточно однозначно: если поведенческая модальность заговора предельно разнообразна, то поведенческая «тактика» загадывания определяется, как кажется, вполне определенно. В совокупности двух своих частей загадка выражает модально-нейтральную, изъяснительную констатацию постулируемого ею уподоб-

⁴² Аполлодор. Мифологическая библиотека / Изд. подгот. В. Г. Борухович. Л., 1972. С. 55. (Кн. 3, 5, 8). Ср.: Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 289.

⁴³ Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции... СПб., 1872. Т. 3. С. 190. См. также: Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С. 8—9; Бессараба И. В. Материалы для этнографии Херсонской губернии // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1916. Т. 44. С. 225; Украинська народна поетична творчість. Киев, 1958. С. 259.

⁴⁴ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зинovieв. Новосибирск, 1987. № 145; см.: Там же. № 142, 146, 145 к.

⁴⁵ Там же. № 146. Ср.: Ионова М. Н., Пуговкина М. И. Якутские загадки // Советский фольклор. М., 1936. № 4—5. С. 243.

⁴⁶ Мифологические рассказы... № 144, 174 к, 148, 149, 76.

⁴⁷ Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам, 15. Тарту, 1983. С. 57—71.

ления.⁴⁸ Стилистически здесь срабатывает не принцип действия, а принцип состояния: «нечто есть что-то». (В этом отношении неверное само по себе мнение о загадке как о «мире существительных» представляется верным по существу).⁴⁹ Поэтому, как нам кажется, допустимость функционального соположения загадки и заговора заключена в возможности общего для них семантически «статичного» режима — поведенчески «компромиссной» манифестации некоего обрядовозначимого знания.⁵⁰

Но каково «формульное» выражение этого знания? Можем ли мы говорить о формулах «загадывания», или стоит говорить о неких конкретных морфологических компонентах текста?

Нам представляется, что помимо собственно лексических (лексико-стереотипных) формул у нас есть основания говорить о потенциальных формулах определенных поведенческих стереотипов (хотя и выраженных текстуально, но не обладающих при этом какой-либо заведомой лексической определенностью).

Очевидно, что автономность заговорных формул в своем текстовом выражении оказывается весьма и весьма условной: в данном случае играют роль как координационные, так и субординационные механизмы текстового пространства, но и само это пространство, в силу обуславливающей его «традиционности», подвергается различным образом формализуемому преломлению.

Показательно, что помимо «явного» соположения тех или иных (количественно выделяемых) формул текста, последний часто представляет собой их неявное смешение, которое в принципе не поддается количественному анализу.

Приведем, например, заговорный текст, содержащий достаточно устойчивый (и весьма архаичный)⁵¹ образ «железного тына»:

«Постави, Господи, вокруг моего стада тын железной, а другой булатной, а третьей мидяной и стену каменну во глубину земную — сколь небесная высота, а третьей до небес. Вокруг стены завали, Господи, землёю матернее во глубину неизмеримую; и проведи, Господи, реку огненную со всех четырех сторон, от востока до западу и от севера и до лета; и повели, Господи, тыны и стену каменну запереть и заложить святому апостолу Петру своими златыми ключами и снести их самому Господу, Иисусу Христу, Сыну Божьему, на престол, под святую ризу его нетленную. И как тех риз видеть никто не может, и так бы никто не мог бы вредить моему стаду: коровам, овцам, егнятам, баранам, быкам, лошадям — разношерстные дикие звери: медведи, медведицы, волки и волчицы, росوماхи и росомашихи, змии — не вредили и не прикасались отныне и до веку. Аминь» (Виноградов, 10).

Стоит задаться вопросом, из каких текстовых формул построен данный текст, чтобы убедиться в его известной проблематичности. Ограничиваясь морфологически «сквозными» формулами, мы могли бы сказать, что налицо в данном тексте как будто три формулы: «одноименная» формула «железного тына», формула сравнения и формула перечисления. Но равновелики («однородные») ли данные формулы, чтобы их можно было равно приписывать единым показателям текста (ведь в сущности образ «железного тына» уже сравнение; перечисление же органически присуще сравнению как таковому). Неудивительно, что А. А. Потевня считал формулу сравнения основной заговорной формулой,⁵² заочно сводя к ней большинство текстов (и не будучи так уж неправ по существу — хотя бы и ошибаясь формально). В конце концов, «для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя,

⁴⁸ *Georges R. A., Dundes A. Toward a structural definition of Riddle // Journal of American Folklore. 1963. N 76. P. 111—118.*

⁴⁹ *Рыбникова М. А. Загадки. М.; Л., 1932. С. 58. Ср.: Kongas Maranda E. The Logic of Riddles // Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1971.*

⁵⁰ «Возможно, что, отгадывая загадки, человек символически проникал в тайны природы, познавал их и этим своим знанием подчинял себе природу» (*Митрофанова В. В. Песня о девице-семилетке... С. 123*).

⁵¹ *Kedem M. Russian Incantations and Magic Spells of Atharvaveda // Slavica Hierosolymitana (Slavic Studies of the Hebrew University). Jerusalem, 1981. Vol. 5—6. P. 63.*

⁵² *Потевня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 616.*

ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (по справедливому замечанию О. Мандельштама⁵³).

Так или иначе, но, не говоря о сложности количественного выделения заговорных формул, проблематичной остается даже их качественная определенность. Что же касается их формального описания, то в целом к заговорным текстам вполне приложим вывод того же Г. И. Мальцева, сделанный им из анализа «многоярусности формульного строения песни» (вывод этот может быть, по-видимому, подкреплен и за счет других фольклорных жанров): «То, что является формулой на одном уровне (...) может оказаться компонентом формулы более высокого уровня (...) и в этом статусе является вариативной, переменной частью данной формулы высшего уровня, т. е. вариантом. Из этого следует, что феномен варьирования оказывается не вне традиции, не вне канона, не нечто противоположное ему (в частности, не отношение *langue parole*, если воспользоваться известной метафорой), но включен в сам канон, в традицию, оказывается фактом ее морфологии... В этой связи получает совершенно конкретное наполнение общий тезис о том, что вариативность есть форма существования фольклорного типа».⁵⁴

Мы убеждены, что, ограничиваясь рамками заговорного текста, «формульность» последнего объяснена быть не может, поскольку принципы, ее организующие, обслуживают не столько текст, сколько стоящую за текстом внетекстовую — коммуникативно-, «ритуально»-актуализируемую — реальность.

Заговорные «формулы» предопределяются клишированностью воспроизводящего их сознания, и именно формальный и содержательный схематизм последнего, на наш взгляд, является основным критерием их «формульной» феноменологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Виноградов	— <i>Виноградов Н.</i> Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1909.
Ефименко	— <i>Ефименко П.</i> О заклинаниях. Архангельск, 1865.
Забылин	— <i>Забылин М.</i> Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
Сахаров	— <i>Сахаров И. П.</i> Сказания русского народа. М., 1990.

⁵³ Мандельштам О. Разговор о Данте. М., 1967. С. 83. Ср.: Веселовский А. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Журнал Мин. народного просвещения. СПб., 1898. Кн. 3. С. 51 и след.

⁵⁴ Мальцев Г. И. Традиционные формулы... С. 163.

М. П. ЧЕРЕДНИКОВА

СМЫСЛ И «БЕССМЫСЛИЦА» СЧИТАЛОК
(К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ)

Проблема поэтики постоянно оказывается в центре внимания исследований, посвященных изучению жанра считалки.¹ Едва ли не главным «камнем преткновения» в анализе этой проблемы является устойчивое тяготение к так называемым «заумным словам», лишенным логически ясного смысла. Не случайно в классификациях, предлагаемых разными авторами, заумные считалки неизменно выделяются в особую рубрику. С проблемой зауми исследователи связывают решение многих теоретических вопросов, возникающих при изучении этого интересного поэтического явления: генезиса жанра (В. П. Аникин), его функционального характера (Г. С. Виноградов), особенностей психологии детского творчества (М. Н. Мельников). Однако предлагаемые объяснения часто основаны на изоморфном анализе текстов без учета внетекстовых связей, изменение которых резко меняет семантику самого текста.

Пожалуй, наиболее подробно контекст исполнения считалки описан в монографии Г. С. Виноградова. Исследователь относит считалки к так называемым «игровым прелюдиям», которые произносятся «с целью установить роли участников игры и очереди начинать игру».² По мысли Г. С. Виноградова, связь с игрой, этим «устойчивым образованием» в жизни многих поколений детей, «охраняет от забвения словесный элемент игры — прелюдию; тому же способствует малый объем, стихотворный строй и стремительный размер считалок».³ Название, распространенное среди детей, определяется особой ролью числительных в считалочных текстах. Однако «счет», как справедливо отмечает исследователь, приобретает в данном случае вспомогательную функцию. Это счет условный, не подчиненный цели «пересчитать» участников игры (как правило, этого-то никогда и не происходит). Главная функция считалок — «выделить из среды играющих кого-либо для выполнения трудной роли».⁴ Последнее слово в считалке — своего рода жребий, неоспоримость которого признается всеми участниками игры. Таким образом, считалка — своеобразный инструмент детского «обычного права», выработанный многовековой традицией и не утративший своего значения и в наши дни.

Ленинградский психолог М. В. Осорина, анализируя социально-психологические функции жанров детского фольклора, отмечает, что и сегодня считалки способствуют передаче неписаных «правил справедливости», регламентирующих взаимоотношения детей в игровой группе.⁵ Справедливость выбора в сознании играющих детей связывается с непредсказуемостью окончательного результата: никто из участников игры не знает, на ком оборвется прихотливый текст

¹ См., например: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор: Игровые прелюдии. Иркутск, 1930; Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 112—118; Мельников А. Н. Русский детский фольклор. М., 1987. С. 126—148.

² Виноградов Г. С. Детский фольклор // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 172.

³ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 28.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Осорина М. В. Детский фольклор: зачем он нужен? // Знание — сила. 1985. № 4. С. 30.

считалки. Трудная, незavidная роль того, кто водит, воспринимается в контексте «прелюдии» как своего рода «перст судьбы», что отразилось в названии текстов, которые Г. С. Виноградов зафиксировал в Сибири: «У детей и подростков Куйтунского района (...) для этого жанра детского фольклора существует термин-обозначение *гадалка*, а в Барнаульском округе — *ворожитка*».⁶ Эта главная функция считалок, по мысли исследователя, объясняет упорное предпочтение зауми: иррациональный характер выбора ведущего вполне соотносится с таинственными, непонятными словами, напоминающими древние магические заклинания. М. Н. Мельников подвергает сомнению такое объяснение, считая, что «Г. С. Виноградов переоценивал роль зауми, умаляя значение всех остальных словесных элементов, образующих тексты считалок».⁷

В. П. Аникин видит в зауми отголоски древнейших форм «тайного счета»: по мере забвения веры в магию чисел реликты условной иносказательной речи приобрели «форму чистой бессмыслицы», которая «не могла долго жить в фольклоре» и постепенно вытеснялась отдельными словами. «Из этих слов сплеталось какое-то содержание, а вскоре появились и сюжетные положения».⁸ Это движение к сюжету В. П. Аникин определяет как закономерную особенность эволюции жанра. Однако при таком объяснении остается непонятной сохранность заумных считалок в современном репертуаре детского фольклора, а также создание новых текстов, тяготеющих к зауми. Исследователь и сам задается вопросом: «Откуда у детей эта тяга к заумным формам?». Аналогию он справедливо усматривает в «игре слов», «словесных экспериментах», которые описаны в замечательной книге К. И. Чуковского «От двух до пяти».⁹ Однако гипотеза происхождения считалки из табуированного счета оказывается самодостаточной, и ее автор отвергает возникшую аналогию, напоминая читателю о том, что «считалка, как правило, достояние игры того времени, когда прошла пора словесных экспериментов» дошкольников.¹⁰ К этому вопросу В. П. Аникин больше не возвращается. Между тем возраст детей, в среде которых активно бытует считалка, имеет прямое отношение к поставленной проблеме.

Г. С. Виноградов отмечает, что знатоки считалок — чаще всего девочки 10—14 лет.¹¹ Известно, однако, что тексты считалок знают и дети значительно младше этого возраста. М. В. Осорина, говоря о традиционной детской культурной норме игрового поведения, регулятором которого является считалка, пишет: «Между пятью-шестью годами ее перенимают достаточно поверхностно от старших детей. Через год-два ребенок начинает сознавать ее глубинный смысл и с пафосом утверждает справедливость жребия, тщательно следя за соблюдением случайности выбора. Например, удлиняются тексты считалок, чтобы невозможно было заранее угадать, на кого попадет последнее слово».¹² Таким образом, считалка как необходимый элемент игры входит в сознание ребенка еще в дошкольном возрасте. В это время общение детей характеризуется тем, что они уже тянутся к старшим и одновременно с удовольствием создают игровые группы с маленькими, ибо в такой группе легче самоутвердиться, стать «коноводом», что в переходный период «кризиса семи лет»¹³ особенно важно для ребенка. В связи с этим становится понятным механизм передачи знания текстов считалок детям среднего дошкольного возраста. М. Н. Мельников неоправданно расширяет границы бытования считалок «с раннего детства (3—5 лет) и до вступления в юность»,¹⁴ однако четырехлетние дети с удовольствием декламируют знакомые стихотворные строки. Правда, вряд ли можно назвать эти тексты считалками, ибо,

⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 31.

⁷ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. С. 140.

⁸ Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. С. 116—117.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Там же.

¹¹ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 34.

¹² Осорина М. В. Детский фольклор: зачем он нужен? С. 30.

¹³ См. об этом: Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии // Выготский Л. С. Собр. соч.:

В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 376—385.

¹⁴ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. С. 126.

сохраняя словесную структуру, они у младших детей приобретают совсем другую функцию. Мне пришлось наблюдать блистательное исполнение считалки в ситуации, напоминающей известные страницы книги К. И. Чуковского.

Девочка лет пяти в белом платье, в белых колготках, с огромным бантом на голове вышла из подъезда пятиэтажного дома. По-видимому, вместе с родителями она должна была пойти в гости. Родители замешкались и выпустили дочку на улицу чуть раньше. Оглядевшись, она не увидела своих сверстников, но скучать не стала. Отойдя на несколько шагов от тротуара, девочка начала подпрыгивать, громко выкрикивая слова считалки, которую мы часто записываем от детей школьного возраста:

Сидели два матроса,
Курили папиросы,
Один не докурил,
Собаке подарил.

Произносятся последние слова считалки:

Начальник удивился
И в яму провалился, —

девочка с удовольствием садилась со всего маху на утоптанную землю. В дверном проеме показалась мама счастливой прыгуньи, а через секунду веселый речитатив считалки сменился громогласным ревом. Праздник бытия прервался так же мгновенно, как начался.

Этот пример показывает, что считалка задолго до того, как ребенок постигнет таинства коллективной игры, находит надежную опору в потребности детей сопровождать движение ритмически организованным словом. Естественно, что и заумные считалки органично входят в контекст орнаментальных стихотворных экспромтов, талантливо введенных в научный обиход К. И. Чуковским. Однако, поскольку речь идет о генезисе явления, мало указать на аналогию. Необходимо понять истоки самой этой детской потребности создавать бесконечные ритмические созвучия, лишенные логического смысла. К. И. Чуковский видит их в первых звуках младенца, «когда, еще не научась говорить, ребенок восьми или девяти месяцев уже услаждается ритмическим лепетом, многократно повторяя какой-нибудь полюбившийся звук».¹⁵

Однако исследования психолингвистов, посвященные анализу закономерностей развития детской речи, свидетельствуют о том, что «отбор звуков» происходит не «в период детского лепета», когда «ребенок произносит самые разные звуки», а тогда, когда «он вступает в стадию нескольких слов (...)» то есть в стадию овладения первыми семантическими значимостями.¹⁶ Ритмически организованные звукосочетания возникают в непосредственном предощущении смысла.

Следующий этап в развитии детской речи и мышления связан с периодом развития, который психологи называют «автономной детской речью». «Ребенок раньше, чем начинает говорить на нашем языке, заставляет нас говорить на своем языке. (...) Переход от безъязычного к языковому периоду развития совершается посредством автономной детской речи».¹⁷ Подводя итоги исследованиям, посвященным этому явлению, Л. С. Выготский выделяет следующие его особенности: во-первых, автономная речь ребенка «моторно, т. е. с артикуляционной, фонетической стороны, не совпадает с нашей речью. Это обычно такие слова, как „пу-фу“, „бо-бо“, обломки наших слов».¹⁸ Во-вторых, «значения автономной речи не совпадают со значением наших слов». В-третьих, ребенок, пользующийся словами собственной речи, уже многое понимает в речи взрослых. Речевые новообразования ребенка соотносятся с языком взрослых и ориентированы на него.

¹⁵ Чуковский К. И. От двух до пяти // Чуковский К. И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 318.

¹⁶ Якобсон Р. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 106.

¹⁷ Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии. С. 325.

¹⁸ Там же. С. 330.

Наконец, четвертая особенность автономной речи — «активное участие ребенка» в ее создании. Это первый период детского словотворчества, связанный с аффективными переживаниями, придающими словам автономной речи особую экспрессивную окраску.

Повышенная эмоциональность определяется и тем, что «значение слов в автономной детской речи всегда ситуационно, т. е. оно получает свою реализацию, когда вещь, обозначаемая словом, находится перед глазами».¹⁹ В слове ребенка выражается не мысль, а восприятие конкретной ситуации. В соответствии с этим слово в детской речи аналогично «нашим восхищениям, с помощью которых мы передаем аффективную оценку, аффективное отношение, эмоциональную реакцию, волевую тенденцию».²⁰

Эмоциональное содержание автономной детской речи связано также с тем, что реализованная потребность в общении доставляет ребенку огромную радость. В сознании говорящего она связана с ритмической организацией парных слоговых сочетаний, составляющих основу детской речи.²¹ Удовольствие, которое испытывает ребенок от произнесения этих упорядоченных звуков, усиливается и закрепляется благодаря тому, что их повторение способствует пониманию со стороны взрослых и дальнейшему словесному общению.²²

По мере того как на смену автономной приходит нормальная речь, звуковые созвучия первых детских слов не вытесняются из сознания ребенка полностью. По аналогии с первыми словами автономной детской речи создаются новые звукосочетания, приобретающие орнаментальный характер и доставляющие ребенку эстетическое удовольствие.

Таким образом, заумь детских стихотворных импровизаций восходит к семантически значимым словам автономной речи. Однако в процессе дальнейших трансформаций, утрачивая логический смысл, ритмические звукосочетания детских орнаментальных повторов не превращаются в бесмыслицу. На первых порах овладения нормальной речью такие «экзерсисы» выполняют очень важную функцию, оценивая которую К. И. Чуковский пишет: «Трудно придумать более рациональную систему упражнений в фонетике, чем такое упорное, многократное повторение звуковых вариаций».²³

Развитие этих вариаций идет в двух направлениях. С одной стороны, по сравнению с предыдущими повторениями конца первого года происходит явное усложнение звукосочетаний, естественное в процессе овладения языком. К. И. Чуковский цитирует строки своего дневника, в котором он зафиксировал ежедневную декламацию своей двухлетней дочери:

Кунда, мунда, карамунда.
Дунда, бунда, парамун.

Другое направление по своим внутренним механизмам противоположно первому: ребенок облегчает фонетику слов ради благозвучия словосочетания; по свидетельству того же К. И. Чуковского, фраза мальчика: «Эку пику дядя дал», — в результате многократных повторов превратилась через несколько минут в речитатив:

Экикики диди да!
Экикики диди да!²⁴

В данном случае ребенок освободил свою песню не от смысла, а от затруднительных звуков. Произнести «экикики» легче уже потому, что все три согласные здесь совершенно тождественны. В сущности таковы же и гласные, ибо, если

¹⁹ Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии... С. 334.

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ См. об этом: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 318—319.

²² Ср.: «Слог, фонематическая рамка требуют фонематического содержания; рамка и ее содержание являются двумя взаимосвязанными понятиями» (Якобсон Р. Звуковые законы детского языка... С. 111).

²³ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 317.

²⁴ Там же. С. 325.

фонетически записать это слово, получится, конечно, «икикики», где одни и те же согласные чередуются с одними и теми же гласными».²⁵

Заумные считалки сохранили следы обоих процессов:

Эни, бени, лики, паки,
Буль, буль, буль,
Каляки, шмаки,
Эус, беус, краснодеус,
Бакс!

Эне, бене, рес,
Фунтер, фунтер, жес.
Эне, бене, ряба,
Фунтер, фунтер, жаба.²⁶

Чрезвычайно важно то, что подобные экспромты связаны с определенным эмоциональным состоянием ребенка. Двухлетняя Мура Чуковская нараспев произносила свое таинственное «заклинание», сидя на чемодане и раскачиваясь. Другие строки, зафиксированные внимательным наблюдателем, рождались в момент экстатического восторга, переживаемого маленькими импровизаторами. Таким образом, заумные словосочетания становятся выражением определенного эмоционального содержания, заразительного и понятного детям. Эти наблюдения совпадают с мыслью Г. С. Виноградова о том, что «у детей их заумные слова в меньшей степени заумны, чем у взрослых: для взрослых с их дискурсивным мышлением часто это — набор звуков, лишенных всякого смысла; для детей, мышление которых целостно, для которых и в мире взаимоотношений между внутренней формой и звуковым образом слова нет разорванности, и заумь — прародина языка — насыщена содержанием и может быть названа заумью только условно, применительно к нашему восприятию взрослых».²⁷

К. И. Чуковский вскрывает внутренние механизмы детского коллективного творчества, когда восторженный экспромт одного ребенка подхватывается «коллективом детей, которые чутко улавливают (...) стиховое звучание и (...) начинают пользоваться им для своей экстатической пляски, вовлекая в нее и поэта».²⁸ Чаще всего такое хоровое исполнение ограничивается определенной ситуацией, возбуждающей всеобщий восторг. Однако если участникам радостного хорового действия захочется повторить стихотворные строки, они могут стать произведением детского фольклора.

Со временем заумные стишки не исчезают из детского обихода, а, наоборот, обогащаются. Одна из возможностей такого обогащения непосредственно связана со считалкой. Г. С. Виноградов и О. И. Капица приводят множество примеров, когда основу зауми в считалках составляют слова иноязычного происхождения. У русских детей это воспринятые на слух и переименованные слова из латыни, французского, а также грузинского, цыганского, молдавского языков. Возникновение такого текста возможно всюду, где соседствуют люди разных национальностей, а их дети оказываются в одной игровой группе. Иноязычные слова не случайно становятся канвой для кружева заумных детских стишков. Чужой язык воспринимается со стороны через целостное восприятие его звучания. Ухо ребенка оказывается особенно восприимчивым к мелодии иноязычной речи. Ее звуки воспринимаются эмоционально и рождают соответствующие ритмические созвучия. С этой точки зрения представляются интересными свидетельства восприятия русской речи нерусскими детьми.

Жительница Ульяновска Л. И. Ярукова (1924 г. рожд.) по национальности коми. Детство ее прошло в комязычной среде. Русского языка в ту пору она не знала. Первые детские воспоминания женщина связывает с детской пляской под аккомпанемент трех русских слов, которые выкрикивались в плясовом ритме:

²⁵ Там же.

²⁶ ФА УГПИ (Фольклорный архив Ульяновского государственного педагогического института). Зап. 21.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд.

²⁷ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 72—73.

²⁸ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 332.

«ру-ка-ва, кур-ман (карман?), корзинка!». Значения слов дети не знали и не пытались их узнавать. Поразительно совпадение этого свидетельства с описанием явления, распространенного «на первых стадиях поэтического синкретизма», описанного А. Н. Веселовским: «...поют на слова, которых не понимают: либо это архаизмы, удержавшиеся в памяти благодаря мелодии, либо это слова чужого соседнего языка, переселившиеся по следам напева. (...) На островах Тонга поются песни на языке Натоя, которых туземцы не понимают, то же явление наблюдается в Австралии и северной Америке: мелодия передается со словами от одного смежного племени к другому и переживает понимание текста».²⁹

Таким образом, детская заумь — явление константное, повторяющееся из поколения в поколение и генетически восходящее к первому этапу мышления и развития речи. В контексте этого явления вполне органичным представляется сохранение в детском фольклоре рудиментов тайной речи. Аналогию такой консервации находим и в исторической поэтике: «Язык „змеиной песни“ индийцев Passamaquoddi непонятен самим певцам, как слова военной песни ирокезов: его словарь либо архаичен, либо принадлежит к *тайным* и *условным* (выделено мною. — М. Ч.)».³⁰ Однако рудиментарные остатки лексики тайной речи в детской зауми — только один из элементов гораздо более сложного процесса, не исчерпывающий его полностью.

Примыкают к считалкам, целиком состоящим из зауми, тексты, в которых лишённые логического смысла звуко сочетания перемежаются с отдельными словами родного языка, понятными детям:

Чички — мачички,
Погусту — понесто,
Лебедь горасто,
Чиво, риво,
Два алтына,
Луковка.³¹

Эна, бэна,
Три конторы,
Сахар — махар,
Помидоры.³²

Об аналогичных поэтических формах А. Н. Веселовский пишет: «Преобладающие ритмико-мелодического начала в составе древнего синкретизма, уделяя тексту лишь служебную роль, указывает на такую стадию развития языка, когда он еще не владел всеми средствами и эмоциональный элемент в нем был сильнее содержательного, требующего для своего выражения развитого сколько-нибудь синтаксиса, что предполагает, в свою очередь, большую смежность духовных и материальных интересов».³³

В приведенных текстах отдельные слова представляют собой вкрапление в заумь, еще не преобразая чисто эмоционального звучания текста и не обогащая его смысловыми оттенками. Но уже следующий тип считалок целиком состоит из понятных слов. Простейший, но чрезвычайно важный для понимания явления в его целостности текст в XIX в. записал Д. Н. Садовников на территории Симбирской губернии:

Краюшечка!
Горбушечка!
Звездочка!³⁴

²⁹ Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 205.

³⁰ Там же.

³¹ ФА УГПИ. Зап. 17.07.1978 И. В. Бобровой в с. Аксаур Инзенского р-на Ульяновской обл. от Тани Киселевой, 1970 г. рожд.

³² Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 150. № 103.

³³ Веселовский А. Н. Три главы... С. 206.

³⁴ Садовников Д. И. Детские песни // Симбирские губернские ведомости. 1874. № 46.

На первый взгляд, восклицательная триада считалки кажется случайным набором слов. Однако организация текста определена его интонацией, которая в записи передана графически и через систему восклицательных знаков. Она подчеркивает завершенность каждой строки, состоящей из одного слова. Это однословные предложения, характерные для начального периода овладения родной речью, в которых, как уже отмечалось, выражается аффективное восприятие конкретной ситуации.³⁵ Считалка, состоящая из трех экспрессивных восклицаний, словно отражает взметнувшийся снизу вверх изумленный взгляд ребенка, перед которым открылся огромный мир от «краюшечки» хлеба в руке до звезды в небе. Знакомые бытовые реалии, воспринятые столь эмоционально, приобретают субстанциональный смысл, который характерен для них и в контексте народной культуры.

Мир маленького ребенка — прежде всего вещный мир. Предметность — главное свойство воспринимаемой реальности. А мир вещей в условиях XX столетия стремительно изменяется.³⁶ Ребенок фиксирует сегодняшние реалии жизни, ибо на них прежде всего направлено его внимание. Отсюда — динамичное обновление репертуара считалок, которое известно каждому взрослому человеку, сравнивающему то, что известно ему, с текстами, бытующими в среде сверстников его собственных детей.³⁷

В гараже стоят машины:
«Чайки», «Волги», «Москвичи», —
Выбирай себе ключи.
(Вар.: От какой берешь ключи?)³⁸

Эта считалка не могла бы возникнуть во времена «фордов», «эмков» и «линкольнов». В сознании современного ребенка ее реалии настолько естественны, что он иногда путает название реки с названием автомобиля.³⁹

Г. С. Виноградов отмечает скудость употребления прилагательных в считалках. Особенно редки в них качественные прилагательные. При целостном, обобщенном восприятии предмета ребенок отождествляет слово с самим этим предметом или наиболее явным его свойством.⁴⁰ Не случайно в считалках, основу которых составляют однословные предложения, называются предметы, вызывающие прежде всего чувственное их восприятие:

Стакан, лимон,
Вышел вон.

Текст этот бытует самостоятельно, но показательно то, что в дальнейшем его развитии, когда происходит движение от слова к предложению, описывающему ситуацию, в описании реализуется первичное восприятие:

Стакан разбился,
Лимон покатился.⁴¹

Сочетание двух слов в первом двустийе закрепилось благодаря рифме с функционально значимой устойчивой игровой формулой. Эта рифма определила завершенность поэтического микротекста. Однако в следующих двух строках проявилось интуитивное стремление ребенка расшифровать обобщенно-ситуативное восприятие, закрепленное первой строкой.

³⁵ Выготский Л. С. Мысль и слово // Выготский Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования. М.; Л., 1934. С. 270.

³⁶ См. об этом: Гранин Д. Ленинградский каталог. Л., 1986.

³⁷ Ср.: Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 119.

³⁸ ФА УГПИ. Зап. 24.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд.

³⁹ Ср.: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 204.

⁴⁰ Это свойство детского мышления доказано известными опытами Ж. Пиаже, в которых детям предлагалось объяснить, как они понимают название предмета. Во всех случаях дети связывали название с известным им признаком (Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л., 1932. С. 156—162).

⁴¹ ФА УГПИ. Зап. 20.01.1990 Е. Ю. Чернышовой в г. Барыше Ульяновской обл. от Сережи Платонова, 1979 г. рожд.

Считалок такого типа в детском репертуаре не так уж и много. Но в наиболее устойчивых из них проявляется безупречное эстетическое чувство, свойственное детям:

Царь, царица,
Вор, мокрица,
Куколка, балетница,
Вображуля, сплетница,
Мальчик Буратино,
Девочка Мальвина.⁴²

Варианты последних строк:

Задавуля, сплетница,
Мама — рукодельница,
Дочь ее бездельница.

Каждое слово такой считалки вызывает в памяти реальный, поэтический или игровой контекст, т. е. обладает тем свойством апперцепции, или «сгущения мысли», вне которого нет истинной поэзии.⁴³

Поэтический импульс этой формы получает поистине гениальную реализацию в считалочном репертуаре:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич...

Здесь одним штрихом воссоздается не сказочная ситуация, а целый сюжет, созданный по принципу соединения «синкретических образов». Игровая ситуация обогащает семантику этого «сюжета», и в памяти взрослого человека он обретает значение сложного комплекса переживаний, объединенных общим понятием «детство».

К особому типу следует отнести считалки, в которых текст состоит из предикативных конструкций, рифмующихся с числительными:

Раз, два — поехали по дрова,
Три, четыре — прицепили,
Пять, шесть — бьем шерсть,
Семь, восемь — сено косим,
Девять, десять — деньги весить,
Одиннадцать, двенадцать —
Кафтан по рубль двадцать.

Множество вариантов этого текста приводит Г. С. Виноградов.⁴⁴

Словосочетания, сопровождающие числительные, кажутся странными, вырванными из контекста фрагментами, появление которых продиктовано необходимостью найти случайную рифму. Настораживает только устойчивость в повторении аналогических синтаксических единиц. А эта особенность между тем восходит к особому типу детской речи, которую проанализировал и описал Ж. Пиаже.⁴⁵ Особенности эгоцентрической речи ребенка тем и определяются, что по своему характеру она фрагментарна и отрывочна. Развивая идеи Ж. Пиаже, Л. С. Выготский пишет: «Ребенок говорит по поводу того, чем он занят в эту минуту, по поводу того, что он сейчас делает, что находится у него перед глазами. Поэтому он все больше и больше опускает, сокращает, сгущает подлежащее и относящиеся к нему слова. И все больше редуцирует свою речь до одного сказуемого».⁴⁶ Чтобы понять эту речь ребенка, нужно знать, что он в данный момент видит или делает. Для самого ребенка предикативные формы, в которых выражается его восприятие и переживания, идентичны иногда целому эпизоду из его жизни. По мере развития эгоцентрическая речь, как показывают

⁴² Личный архив автора. Зап. 9.08.1983 в г. Волгограде от Марины Демяшенко, 1973 г. рожд.

⁴³ См.: *Потебня А. А. Мысль и язык* // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 148—149.

⁴⁴ *Виноградов Г. С. Русский детский фольклор...* С. 148. № 87 а—д.

⁴⁵ *Пиаже Ж. Речь и мышление...*

⁴⁶ *Выготский Л. С. Мысль и слово...* С. 307.

данные психологов, не исчезает совсем, а переходит в своеобразные формы внутренней речи, для которой «абсолютная предикативность» является законом.⁴⁷

С точки зрения этих закономерностей детского мышления, странная поэтическая конструкция считалки находит свое объяснение. А текст, на первый взгляд несвязный, превращается в яркую, динамичную и многоголосую картину крестьянского быта:

Раз, два — бьют вола,
Три, четыре — причепили,
Пять, шесть — бьют шерсть,
Семь, восемь — сено косим,
Девять, десять — деньги весят.⁴⁸

Интересна функция числительных в этих считалках. В каждой стихотворной строке они располагаются попарно. Рифмуется с предикативной конструкцией числительное, обозначающее четное число. Известно, что рифмующиеся слова ребенок запоминает быстрее всех других (самые маленькие дети «читают стихи» вслед за взрослым человеком, произнося вслух только рифмы). А если учесть, что вторая часть строки, следующая за числительными, для ребенка обладает целостностью поэтического образа, становится понятным, что перед нами — блестящий образец парного счета, построенного с учетом опосредствованного запоминания. Предикативные конструкции считалки, таким образом, приобретают в ее тексте функцию «вспомогательных стимулов-средств»,⁴⁹ облегчающих запоминание счета. Таким образом, детский фольклор создает гибкие механизмы воздействия на память, позволяющие совершенствовать «соответствующие естественной природе памяти способы запоминания».⁵⁰

Следующий тип считалок характеризуется тем, что основу текста в них составляет ситуация, выраженная простейшим предложением. Это — результат завершения процесса, суть которого заключается в том, что «смысловая сторона речи идет в своем развитии от целого к части, а внешняя сторона речи от слова к предложению»:⁵¹

Катится горох по блюду,
Ты води, а я не буду.
У Незнайки под подушкой
Лежит мягкая ватрушка.

Лодочка качается,
Парус поднимается.
Раз, два, три,
Лодочка, лети!⁵²

Эти тексты не требуют никакого объяснения. Они легки для запоминания и особенно охотно используются детьми 6—7 лет, только начинающими играть в прятки. Для считалок данного типа характерна «четкая графичность», о которой, анализируя детские стихи, пишет К. И. Чуковский: «...в каждой строке отчетливый зрительный образ, который словно создан для примитивнейшей графики».⁵³

К считалкам этого типа относятся многочисленные заимствования из фольклора взрослых для детей. Это, как правило, первые строки потешек, пестушек, колыбельных, в поэтике которых удивительным образом сохранилась «двуязычная» природа детской речи переходного периода: одна строка двустишья восхо-

⁴⁷ Там же. С. 301.

⁴⁸ *Виноградов Г. С.* Русский детский фольклор... С. 148. № 87-а.

⁴⁹ См. об этом: *Леонтьев А. Н.* Развитие высших форм запоминания // *Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 41.

⁵⁰ Там же. С. 64.

⁵¹ *Выготский Л. С.* Мысль и слово. С. 303.

⁵² ФА УГПИ. Ф. 1, оп. 12, п. 97, л. 6, 14, 28.

⁵³ *Чуковский К. И.* От двух до пяти... С. 360.

дит к зауми, вторая — представляет собой простейшую ситуацию, доступную пониманию ребенка:

Тары — бары — растабары
У Варвары куры стары.

Чики — чики — чикалочки
Едет Ваня на палочке.⁵⁴

По этому образцу дети легко создают свои двустистишья:

Цан, цан, цан, цан,
Вышел маленький пацан.

Барба — барба — барбарис,
Две цыганки подрались.

Ляли, ляли, ляли,
Два пупсика гуляли.

Очевидно, что в этих текстах значительно изменяется функция зауми. Они — результат развития элементарного синтаксиса и поэзии иного рода. Об аналогичном процессе в первобытной культуре А. Н. Веселовский пишет: «Когда эта эволюция совершится, восклицание и незначущая фраза, повторяющаяся без разбора и понимания как опора напева, обратятся в нечто более цельное, в действительный текст, эмбрион поэтического; новые синкретические формы вырастут из старых, некоторое время уживаясь с ними, либо их устраняя».⁵⁵

Э. Тейлор предполагает, что припевы европейских народных песен, непонятные современному человеку, восходят к этому же явлению: «Эти припевы, по-видимому, сохранились от тех степеней культуры, на которых находятся австралийские дикари, повторяющие „абанг-абанг“ по несколько раз после каждого стиха, или какое-нибудь общество краснокожих индейцев-охотников, которые наслаждаются хорovým пением „нях эх ва! нях эх ва!“» — под аккомпанемент трещоток, вроде употребляемых нашими детьми.⁵⁶

Известны многочисленные припевы такого рода в русских песнях.⁵⁷ Однако, если в песне анализируемая форма двустистишья чаще всего встречается в припеве, в детском фольклоре это, как правило, начало текста. Как уже отмечалось, маленький ребенок механически запоминает рифмы в конце строки. С возрастом процесс запоминания больше связывается с началом. Первое слово, первая строка воссоздают в памяти структуру целого. С этим связан эффект восприятия первых строк в поэзии: большинство людей, не обладающих феноменальной памятью, массу стихов помнят только по первым строкам, а песен — по первым строфам. Известна ситуация, когда люди, испытывающие определенное эмоциональное состояние, хотят спеть любимую песню, но конфузливо обрывают ее после первого куплета, ибо не помнят продолжения.

Первая строка считалочной зауми служит своеобразным звуковым сигналом, организующим деятельность памяти.⁵⁸ Непонятные звуко сочетания запомина-

⁵⁴ Личный архив автора. Зап. 2.09.1989 в г. Волгограде от Жени Гусевой, 1973 г. рожд.

⁵⁵ Веселовский А. Н. Три главы из исторической поэтики... С. 206.

⁵⁶ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 162.

⁵⁷ В 1977 г. в с. Потьма Карсунского р-на Ульяновской обл. была записана песня «Во поле береза стояла», в припевке которой есть строки:

«Чувель, мой чувель, чувель-навель,
вель-вель-вель,
Еще чудо, перво чудо, чудо родина моя»,

а в с. Большая Кондарать того же района записана считалка:

Чувель, чувель,
Водилке не верь! (личный архив...).

⁵⁸ Леонтьев А. Н. Развитие высших форм запоминания... С. 35.

ются быстрее в силу того, что ухо отличает их особо среди обычных слов. Кроме того, эти заумные первые строки считалок служат своеобразным камертоном поэтического ритма всего текста в целом.

Постепенно эстетическая функция зауми в тексте усложняется. Известна структурообразующая функция заумных единоначалий, преобразующих прозаический текст в поэзию. К ним относятся известные «Аты-баты», «Цинцы-бринцы». Исследователи неоднократно подчеркивали эффект звукоподражания в этих считалках, приобретающий сюжетную мотивировку в контексте образной поэтической структуры.

Звукоподражания составляют основу считалок, имитирующих дефекты произношения (например, шепелявость: «шишел-мышел») или недостатки в развитии речи («кокол-мокол» по отношению к ребенку, говорящему «коко» вместо «яйцо», «кады» вместо «когда»). Эти считалки явно восходят к дразнилкам. Не случайно звукоподражание приобретает функцию прозвища и олицетворяется:

Кокол — мокол
Яичко слопал.

Кайчин — драйчин,
Шишел — мышел.
Вон пошел.⁵⁹

Кады — бады,
Налей воды,
Корове пить,
Тебе водить.⁶⁰

Таким образом, заумь становится средством создания комического образа. Ребенок самоутверждается, чувствуя свое превосходство над тем, кто в чем-то уступает ему: «ребенку важнее всего быть о себе высокого мнения. Недаром он с утра до вечера ждет похвал, одобрений и так любит тщеславиться своими превосходными качествами».⁶¹ Однако считалка — не дразнилка, и текст последней не воспроизводится в «игровой прелюдии» механически. Благодаря новому контексту обидный смысл дразнилки нейтрализуется, он не обращен ни к кому конкретно, а потому слова, которые вчера обижали, сегодня создают хорошее настроение. Игровая ситуация усиливает смеховое начало текста, снимая напряжение, вызванное недавними конфликтами и ссорами. Игра не только объединяет, но и уравнивает всех участников. В случае, если обидное слово «выпадает» недавнему обидчику, обиженный смеется вместе со всеми. Но смеется и тот, на ком закончился текст считалки, ибо в этом случае насмешка не задевает самолюбия, а приучает к добродушию и самоиронии:

Первый — бравой,
другой — кудрявой,
третий — вшивый,
четвертый — паршивый,
пятый — проклятый,
шестой — со вшой.⁶²

Таким образом, игра становится своеобразной школой нравственного самовоспитания ребенка, развивая при этом у него чувство юмора.

Завершая разговор о трансформациях зауми в считалках, следует отметить, что постепенное звукоподражания приобретают в тексте сюжетную мотивировку. Этот процесс наглядно иллюстрирует известную мысль А. А. Потебни: «Язык не есть только материал поэзии, как мрамор — ваения, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыть наглядное значение слова».⁶³ Счи-

⁵⁹ ФА УГПИ. Зап. 15.11.1990 Л. В. Шиленковой в г. Ульяновске от Веры Сидневой, 1981 г. рожд.

⁶⁰ ФА УГПИ. Зап. 27.11.1990 Е. А. Кобяковой в с. Гулушево Сурского р-на Ульяновской обл. от Наташи Кобяковой, 1976 г. рожд.

⁶¹ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 289.

⁶² Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 150. № 97.

⁶³ Потебня А. А. Эстетика и поэтика... С. 198.

талка «восстанавливает чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону „заумных слов“, вскрывая их внутреннюю форму»:⁶⁴

Шла по полю балерина,
По-немецки говорила:
«Цан — цан — цан», —
Выходи любой пацан.

Кони, кони, кони,
Сидели на балконе,
Чай пили, ложки били,
По-турецки говорили:
«Чаби — чаляби, чаляби, чаби, чаби».⁶⁵

В этих текстах заумь мастерски используется для создания поэтического образа и передает слуховое восприятие чужой речи. Удивительно тонко передана разница в восприятии русским ребенком звуков европейского и восточного языков.

Приведенные считалки — яркое свидетельство изменений не только в функции зауми, но и в структуре поэтического текста. Он заметно увеличивается в размере; ситуация, едва намеченная в простейших двухстрочных считалках, перерастает в затейливый своеобразный «микросюжет». В нем соединяются несколько мотивов, прихотливо и легко сопрягающихся друг с другом по принципу кумуляции. Иногда это кумулятивные конструкции, в которых логические связи предельно ослаблены, сопряжения определены не внутренним содержанием, а ассоциациями внешнего характера:

Шла по полю витамина,
По-немецки говорила:
«Цан — цан — цан»,
Вышел маленький пацан,
А за этим пацаном
Вышла девочка с кольцом,
А кольцо упало,
Девочка пропала.
Девочка проснулась,
А кольцо вернулось.⁶⁶

Кумуляция этого текста определяется не семантикой мотивов, а мгновенной ассоциацией, вызванной последним в строке рифмующимся словом. Таким образом, единица речи (слово) служит своеобразным толчком к разворачиванию и движению мысли (строка).⁶⁷ Однако спонтанно возникающая мысль почти не соотносится с предыдущими и последующими. Ж. Пиаже отмечает, что для детского мышления характерно не наличие причинно-следственных связей, а соположение явлений и предметов.⁶⁸ Само наличие кумулятивных связей в тексте — значительный шаг вперед по сравнению с характерными формами эгоцентрической речи. Однако овладение ими дается ребенку не сразу. На помощь в таких случаях приходят клишированные формулы традиционной народной поэзии (отсюда такая широкая цитация фольклора взрослых). Яркий пример такого перехода — считалка из собрания Г. С. Виноградова:

Раз, два — голова,
Три, четыре — прицепили,
.....
Одиннадцать, двенадцать —
На дворе бранятся.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Личный архив автора. Зап. 14.08.1983 в г. Волгограде от Марины Демященко, 1973 г. рожд.

⁶⁶ Там же. Зап. 7.07.1983 С. В. Беленькой в хут. Генераловский Котельниковского р-на Волгоградской обл. от Людмилы Левшиной, 1978 г. рожд.

⁶⁷ Выготский Л. С. Мысль и слово... С. 198.

⁶⁸ Пиаже Ж. Речь и мышление... С. 144—146. Можно предположить, что аналогичный тип мышления в первобытной культуре стал основой появления кумулятивных сказочных сюжетов. В. Я. Пропп указывал на то, что «принцип кумуляции ощущается нами как реликтовый» (Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 248).

О чем они бранятся?
 Грош потеряли,
 Копеечку нашли,
 Пошли они в лавочку.
 Что они купили?
 Кому — пуговку литую,
 Кому — серьгу золотую,
 Кому — красный сарафан.⁶⁹

Вариант:

Кому — клин,
 Кому — стан,
 Кому — красный сарафан.
 А попову сыну —
 Рубашонку синю.⁷⁰

Здесь последний мотив считалки, состоящий из числительных и рифмующихся с ними предикативных конструкций, разворачивается в микросюжет, подсказанный народной песней.

В это время творчество ребенка определяется способностью комбинировать известные ему словесно-поэтические формулы в некую новую конструкцию.⁷¹ Большая часть считалок, составляющих устойчивый в течение минувшего столетия репертуар, относится к этому типу. Наряду с элементами фольклора взрослых для детей в таких кумулятивных текстах используются и произведения детского фольклора, главным образом дразнилки:

Туки, туки, точки,
 Ехал дед на бочке,
 Бочка упала,
 Дуне на ногу попала.
 Дуня ябедой была,
 Часового позвала,
 Часовой сказал:
 «Дурак!» —
 Убирай один кулак.⁷²

В приведенной считалке уже очевидно не механическое соединение мотивов, а некоторое последовательное движение от начала текста к его концу. Это свидетельствует о том, что текст приобретает целостность и завершенность в то время, когда функциональный его характер определяется «игровой прелюдией». Ж. Пиаже отмечает, что «отсутствие порядка является более или менее исключением для детей в возрасте между 7 и 8 годами. Оно является правилом между 6 и 7 годами».⁷³

Но логика считалок — логика поэтическая. Поэтика «перевертышей» всецело определяет характер произведений этого типа. Это действительно «игра ума», о которой пишет К. И. Чуковский: «...ребенок — и в этом вся суть — забавляется обратной координацией вещей лишь тогда, когда правильная координация стала для него вполне очевидной».⁷⁴

Аналогии и параллели к считалкам такого типа нужно искать в многочисленных явлениях смехового фольклора. Причудливый, забавный мир этой детской поэзии, созданный по законам фантазии, изумляет, радует, развивает чувство юмора. В этом поэтическом тигле переплавляются самые разные впечатления детской жизни: игра, любимая книга, кадр телепередачи. И возникает миниатюрный динамичный текст, который может послужить блистательной основой любимой детьми мультипликации:

⁶⁹ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 148, № 87.

⁷⁰ ФА УГПИ. Зап. 24.11.1990 Е. А. Кобяковой в г. Ульяновске от Светы Крупновой, 1974 г. рожд. На территории Ульяновской обл. текст записывался в качестве плясовой и колыбельной песни.

⁷¹ Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967. С. 8.

⁷² ФА УГПИ, см. примеч. 7.

⁷³ Пиаже Ж. Речь и мышление... С. 140.

⁷⁴ Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 266.

Дядя Степа — великан
 Проглотил подъемный кран,
 А потом и говорит:
 «У меня живот болит».

Мимо облаков
 Летел Олег Попов,
 Ему четыре года,
 Он ходит в детский сад,
 Ему дают компотики
 И сладкий виноград.

На носу у Филимона
 Вырастало два лимона,
 Раз лимон, два лимон,
 Ты не веришь — выйди вон!⁷⁵

Эмоциональное содержание определяет еще одну важную функцию считалок: «игровая прелюдия» создает радостное, приподнятое настроение и приучает ребенка находить удовольствие в трудной игровой роли.

До сих пор мы почти не коснулись проблемы, которая в исследованиях, посвященных считалкам, рассматривается как одна из главных: функции чисел в поэтическом тексте. Г. С. Виноградов называет считалки, содержащие названия чисел, «числовками». Исследователь справедливо отмечает преобразование счета как внелитературного материала в художественном контексте «игровой прелюдии».

По мысли В. П. Аникина, счет (тайный) — генетическая основа считалки, некий ее архетип, со временем теряющий свой первоначальный смысл и потому переходящий в открытое название числа («голый» счет). Однако ни в одном исследовании нет ответа на вопрос, почему при очевидной изменчивости, текучести лексического состава во многих текстах и сегодня счет является одним из характерных признаков жанра. Анализ считалок, которые Г. С. Виноградов называет «числовками», обнаруживает интересную закономерность: счет в них может прерываться на любом числе после двух. Текстов со счетом «раз», «два» очень немного. В книге Г. С. Виноградова, например:

Раз, два, не воронь,
 Беги, как огонь.

Счет до трех распространен значительно больше. Однако и в том и в другом случае текст чрезвычайно прост, как правило, он не превышает двух строк. Последнее в ряду число рифмуется с концом второй строки:

Раз, два, три,
 Поди водить ты.

Раз, два, три,
 Это, верно, ты.

Раз, два, три,
 Огонь, огонь, пли!

Раз, два, три,
 Нос утри.

При счете до четырех текст может усложняться. Вторая строка, которая рифмуется с последним числительным первой, становится основой микросюжета:

Раз, два, три, четыре,
 Мы стояли на квартире,
 Чай пили, ложкой били,
 Три копейки заплатили.

⁷⁵ Личный архив автора. Зап. от Ларисы Плосковой, 1975 г. рожд.

Раз, два, три, четыре,
 Меня грамоте учили,
 Ни читать, ни писать,
 Только по полу скакать.

Счет до пяти снова представлен в упрощенных конструкциях:

Раз, два, три, четыре, пять —
 Это, верно, ты опять.

Интересна в этом ряду считалка, записанная в 20-е гг. в Ленинграде:

Ведьма села на буфет,
 Съела тридцать пять конфет,
 Раз, два, три —
 Это, верно, ты.
 Раз, два, три, четыре, пять —
 Это, верно, ты опять.
 Раз, два, три, четыре, пять,
 Шесть, семь, восемь, десять,
 Черт велел ее повесить.⁷⁶

Это не что иное, как обучение счету. Оно происходит медленно, постепенно. Каждое новое приобретение закрепляется рифмой, паузой и повтором. Простейшие конструкции входят составной частью в более сложные, повторяясь в них вновь и вновь. Таким образом, считалка оказывается своеобразным инструментом самообучения, ориентированным на особенности детской психологии.

Известно, что слова, обозначающие числительные, ребенок слышит очень рано: еще в то время, когда он пользуется автономной речью, родители произносят при обучении ходьбе: «раз-два», «раз-два». В соответствии с этим ребенок и сам, едва научившись говорить, произносит эти слова.⁷⁷ По наблюдениям К. Бюлера, «в свободных играх малютки можно услышать: „раз“, „два“, а затем в пестром беспорядке „четыре, десять“ (...) вероятно, в самом начале это вовсе не названия для выстроенных в ряд вещей, а только сопровождающие феномены, просто сопроводительные выражения для самих актов построения в ряд».⁷⁸ Таким образом, первоначально числительные используются не для обозначения числа, а для обозначения множественности предметов.

Как уже отмечалось, в считалках особенно много текстов, закрепляющих запоминание счета до трех. И это не случайно. Именно это число ассоциируется с ощущением множественности. К. Бюлер приводит интересный пример из области психологии животных: «...говорят, что, если в отсутствие кошки-матери унести из гнезда несколько котят, оставив двух или только одного, она по возвращении сейчас же пускается в поиски за пропавшими; если же, наоборот, три котенка останутся, она не замечает отсутствия остальных и не ищет их».⁷⁹ В некоторых древних культурах число «три», как известно, было первым числом, с которого начинался «числовой ряд».⁸⁰

Выше речь уже шла о парном счете, при котором каждая строка, состоящая из количественных числительных, увеличивается на два счета. Эти ступеньки, по которым поднимается ребенок в запоминании счета, интересно сравнить с данными американского этнографа М. Мид. По ее наблюдениям, в племени арапешей в Новой Гвинее «считают только до двадцати четырех, а после этого говорят: „много“; они считают „один“, „два“, „два и один“; „одна собака“, „одна собака и две“; „одна собака и две и одна“, „две собаки“; после шести собак им это занятие уже надоедает».⁸¹

Таким образом, в считалке заложен механизм опосредствованного запомина-

⁷⁶ Виноградов Г. С. Русский детский фольклор... С. 45, № 66, 67, 88.

⁷⁷ Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930. С. 126.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 37.

⁸⁰ См. об этом: Мифы народов мира: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 630.

⁸¹ Критерии стадий умственного развития // Развитие ребенка / Пер. с англ. М., 1968. С. 79.

ния, основанный на культурном опыте предшествующих исторических эпох и облегчающий ребенку усвоение этого опыта.⁸²

В понимании анализируемого явления интересна еще одна деталь: если «игровые прелюдии» используют самые разнообразные тексты, составляющие поэтический кругозор ребенка дошкольного возраста, то поэтические формулы известных считалок в раннем возрасте приходят на помощь в запоминании счета:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел месяц погулять.
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Царь велел его повесить.

(ФА УГПИ)

Таким образом, само название «считалка» точно отражает первоначальную функцию этих текстов, ибо по ним не «пересчитывались», а учились считать. Отголоски этой функции можно обнаружить в самих текстах:

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти,
Раз, два, три, четыре, пять,
Я иду искать.

Современная считалка продолжает эту давнюю традицию, вводя в текст усложненные формы счета:

Пятью пять — двадцать пять,
Вышли в сад погулять,
Пятью шесть — тридцать,
Братец и сестрица,
Пятью семь — тридцать пять,
Стали веточки ломать.
Пятью восемь — сорок,
Подошел к ним сторож:
Пятью девять — сорок пять,
«Если будете ломать, —
Пятью десять — пятьдесят, —
Не пушу вас больше в сад».

(ФА УГПИ, ф. 1, оп. 12,
Т. 27, № 15)

По мере того как считалка попадала в игровой контекст, происходила трансформация составляющих ее словесных компонентов. Счет уже освоен и в контексте «игровой прелюдии» перестает быть самоцелью, приобретая функцию эстетическую, аналогичную зауми считалочных начинов. Не случайно заумь возвращается в тексты «игровых прелюдий» благодаря известным изменениям формы числительных.

Рази, двази, тризи, лызи,
Пята, лата, шуни, муни...

(там же)

Именно в этот период открывается простор для самых разных заимствований: от рудиментов тайной речи до непонятных слов чужого языка. Дети не столько используют остаточные явления древних тайных языков, сколько заново творят их в процессе игры, используя для этой цели самый разнообразный словесный материал.⁸³

В свете проделанного анализа остается открытым вопрос об исторических корнях «игровых прелюдий». Он не может быть решен без учета характера исполнения считалок. Г. С. Виноградов отмечал особый тип произведения — «скандовки», или речитатива. В момент, когда начинается игра, для ее участников важен не смысл текста, а ритм, в котором он произносится. О нем договариваются непосредственно перед игрой (счет «по словам» или «по слогам»). За правильностью выполнения

⁸² О своеобразии восприятия ребенком числа см.: Чуковский К. И. От двух до пяти... С. 236.

⁸³ Виноградов Г. С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. 1924. № 2. С. 87—112.

этого условия строго следят, так как оно связано с непредсказуемостью результата. Таким образом, каждый ритмически организованный элемент текста играет роль вспомогательного инструмента, применяемого при гаданиях о жребии. Интересен в этом контексте комментарий к считалке:

Арам, жим, жим, жим,
Арамия, мусия,
Посмотри-ка на меня
И раз, и два, и три, —

записанный в 1983 г. в станице Нагавской Котельниковского района Волгоградской области. «Один из считающихся находится в центре круга. Остальные кружатся вокруг него, выкрикивая считалку. На последнем слове тот, кто оказывается лицом к лицу со стоящим в центре, входит в круг. Оба встают спинами друг к другу и на счет „раз, два, три!“ — поворачиваются друг к другу. Если разворот происходит в разные стороны, то оба выходят и счет продолжается без них».⁸⁴

Тут если и появляется счет, семантика которого определена ситуацией, то это счет произвольный, не зафиксированный заранее в тексте. С этой точки зрения, может быть, наиболее близки жанровому архетипу считалки, имеющие форму загадки-вопроса:

Ехала телега,
Сломалось колесо.
Много ли на починку гвоздей —
Сказывай скорей!

Ехал крестьянин,
Сломалась дуга.
Сколько гвоздей
Нужно туда?

Ехал Ваня из Казани,
Сломал Ваня колесо.
Сколько гвоздей,
Говори поскорей!

(Виноградов, № 105, в, б, г)

Неожиданность вопроса, обращенного к конкретному лицу, и произвольность ответа обеспечивают при последующем пересчете случайность выбора — необходимое условие жеребьевки.⁸⁵ Таким образом, жанр игрового фольклора, который сегодня определяется как считалка, исторически восходит к древнейшим жеребьевкам.⁸⁶

Подводя итоги, можно сказать, что поэтика считалки — своеобразный итог, энциклопедия предшествующего мыслительного и поэтического опыта ребенка. В четких ритмах игры она отбирает, шлифует то, что найдено раньше, преобразуя в поэзию случайные поэтические экспромты и бережно сохраняя перлы народной поэзии, обращенной к детям на протяжении многих столетий. Здесь все идет в дело — образ колыбельной, мотив потешки, дразнилки, любимого стишка, многократно повторенного взрослым во время чтения, собственная удачная импровизация. Эта множественность источников определяет необычайную образную пестроту, переменчивость текстов, передающую многообразно изменяющегося мира, воспринимаемого ребенком. Определенные ступени мышления, которые с развитием, с возрастом преодолевает ребенок, не вытесняются новой ступенью сознания, а сохраняются в трансформированном виде, видоизменяя свою первоначальную функцию.

⁸⁴ Личный архив автора. Запись С. В. Беленькой.

⁸⁵ С этим выводом совпадает и характер пересчета, зафиксированный у детей Курской губернии в начале XX в. и описанный В. П. Аникиным (*Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки...* С. 114).

⁸⁶ Ср. с этим современную попытку обрести счастье с помощью угаданного числа в многочисленных лотереях.

Ф. М. СЕЛИВАНОВ

ДУХОВНЫЕ СТИХИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА¹

С введением христианства в конце X в. на Русь обильно проникает церковно-религиозная литература. Это были не только книги Священного писания (Ветхий и Новый завет) и сочинения отцов церкви, но и многочисленные произведения неканонического, апокрифического (т. е. не признаваемого официальной церковью, еретического) содержания. Для грамотных людей в Древней Руси почти не существовало книг, не имеющих отношения к религиозным учениям. Поскольку центрами распространения книжности были монастыри и церкви, в них и около них группировались читатели и слушатели сочинений на религиозные темы. Предполагается, что создателями и распространителями христианских легенд и духовных стихов первоначально были люди всех сословий, близкие к церквям и монастырям, паломники по святым местам, называемые каликами переходжими (слово калики только в последние века приобрело значения *нищий, убогий, бродячий слепец*). Калики были в определенной мере профессиональными знатоками духовных стихов, нередко они добывали себе пропитание их исполнением. Наличие профессиональных исполнителей духовных стихов не помешало их распространению в среде религиозного крестьянства и благочестивых горожан. Становясь фольклором, духовные стихи не «забывали» своего книжного происхождения: они жили не только в устном бытовании, но и размножались в списках, включались в рукописные сборники.

Не ставя целью обзор тем и сюжетов духовных стихов, обратим внимание на некоторые принципиально новые качества, обретенные русским фольклором благодаря духовным стихам.

Набор типовых подвигов героев сказок и историко-героического эпоса, если игнорировать конкретные условия, конечные цели и способы достижения превосходства над противником, относительно невелик: победа в борьбе (с оружием или без него), в различных состязаниях и играх, преодоление препятствий на трудном пути. Персонажи духовных стихов входят в народный эпос с неизвестными здесь ранее подвигами — мученичества, аскетизма и смирения.

Герои былин, например, не знали физических страданий, боли. Пригвожденный к стене Михайло Потык воспринимает свое состояние только как невозможность действовать. Заточенные в «погребца глубокие» на 30 лет богатыри (Илья Муромец, Дунай Иванович) не нуждаются после освобождения в какой-либо (психологической или физической) реабилитации — они сразу начинают свои богатырские дела. Сухману Одихмантьевичу достаточно закрыть свою смертельную рану «маковым листочком», чтобы остаться в богатырском состоянии до выяснения его правоты (и смерти).

В духовных стихах, следующих за христианской литературой, первый подвиг

¹ При написании статьи автор в основном опирался на стихи, представленные в следующих сборниках: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1890; Калечи переходжие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861—1864. Вып. 1—6; Стихи духовные / Вступит. ст. Е. А. Ляцкого. Тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой. СПб., 1912; *Рождественский* Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909; Песни русских сектантов-мистиков / Сборник, составленный Т. С. Рождественским и М. И. Успенским. СПб., 1912.

мученичества за грехи людей принадлежит самому Иисусу Христу, распятому на кресте. Мучениям за веру в Христа подвергаются Егорий Храбрый, святой младенец Кирик со своей матерью Улитой. Их пилят пилами, рубят топорами, бросают в кипящую смолу... Не каждый выдерживает пытки: Улита в страхе перед следующими мучениями согласна принять «веру идольскую». Но главные персонажи через все мучения проходят. Едва ли их неуязвимость («Егорью ничего не вредило») равноценна неуязвимости героев волшебных сказок (которые могут в огне не гореть, в кипятке не свариваться и т. п.), получивших свои способности от чудесных помощников. Герои духовных стихов тоже находятся под покровительством — Всевышнего, но это, как правило, предполагается, а не демонстрируется. Главное — их убежденность в своей вере, обеспечивающая победу духовного над материальным, телесным.

В стихах о загробной жизни и о Страшном суде вечная и неутолимая жажда в геенне огненной, различная степень погруженности в кипящую смолу (в зависимости от характера греховности), подвешенность за ребра или за язык, змеи и ящерицы, крысы и мыши, сосущие и грызущие человека, поджаривание на огне и другие муки — вечный удел умерших грешников. Речь идет обычно об их душах, но изображение адских мук таково, что не возникает сомнений в их телесной природе. Абсолютное преодоление телесного во имя духовного при земной жизни доступно немногим, а считается, только они совершают подвиг мученичества. Осужденные за земные грехи на вечные муки уже не могут покаяться и не получают ни послабления, ни чьей-либо помощи. Телесная боль, физические муки и страдания, как это ни парадоксально, освоены эпосом при изображении поведения в аду «бестелесных» душ.

Царевич Иоасаф, оставив будущее царствование, презрев все блага своего царского положения, удаляется в «пустыню», ест «гнилую колоду», пьет болотную воду, затыкает уши, чтобы не слышать весеннего лесного шума, закрывает глаза, чтобы не видеть ежегодного обновления природы. Свой подвиг аскетизма он творит ради приобщения к Богу («Я Христа в себе приобщаю...»). Мария Египетская тридцать лет стоит на камне, пишет на нем житие свое «ноготочками», питается травой. Она, прежде великая блудница, совершает покаянный подвиг аскетизма и обретает святость.

Алексей, Божий человек, находится на вершине жизненного благополучия: он сын князя, все блага жизни ему доступны. Но он оставляет все, даже невесту в брачную ночь, чтобы стать нищим и «Богу потрудиться». Могли переодеться в нищенскую одежду и какое-то время быть нищими герои сказок или былин, но это было лишь внешнее преобразование. Алексей преобразается полностью: он облачается в нищенские лохмотья, изнуряет свое тело постом и молитвою; княжеские рабы, посланные искать Алексея, не узнают его и подают своему бывшему хозяину милостыню. Много лет стоявший на церковной паперти, заслуживший благорасположение самой Богородицы (на иконе) и посланный ею обратно в родной город (Рим), Алексей, никем не признанный, поселяется в келье у дома своих родителей. Рабы плевали на келью Алексея, обливали его помоями, но нищий все воспринимал «с благодареньем» и за рабов Богу молился. Переход с высшей ступени социальной иерархии на предельно низкую, все невзгоды нищенского бытия — подвиг смирения и уничижения, Богу угодный, людям во спасение. Подвиг подобного типа готовы совершить молодые русские князья Борис и Глеб, умоляя своего старшего брата Святополка не убивать их: они не боятся потерять свои жизни, но рады стать рабами у старшего брата только ради того, чтобы тот не погубил свою душу.

Художественное пространство волшебных сказок замкнуто естественными границами непроходимых лесов и гор, рек и морей, за ними иные миры, недоступные простому смертному. «Наш мир» — это земля рода или племени с центром, в котором живет герой. Пространство расширяется в эпоху формирования народностей, этнической консолидации, отражением которой является героический эпос. Унаследовав некоторые признаки сказочного пространства, эпос по периферии своей территории располагает земли народов, с которыми герои ведут борьбу или в которые они ездят по государственным и личным

надобностям. Как и в сказках, здесь еще нет представления о земле в ее законченности.

География духовных стихов масштабнее географии любого из национальных эпосов. В духовных стихах нашла свое отражение история зарождения и распространения христианства. События христианской истории, начинавшиеся в Иерусалиме, постепенно захватывают Ближний Восток и Средиземноморье. Если иметь в виду русские духовные стихи, то в них в процессе устного бытования происходит некоторое смещение центра событий на Русскую землю.

В духовных стихах нашли образное воплощение средневековые представления о земле — она стоит на семи или на трех китах. Это образ цельной земли, находящейся в центре мироздания, состоящего из трех сфер — небесной, земной и подземной. Обозначив Иерусалим и Голгофу (место распятия Христа и могилы Адама) как пуп земли, духовные стихи пытаются представить мироздание в его пространственной и временной завершенности (во время Страшного суда). Стих о Голубиной книге указывает исходные точки становления всего сущего — природного и творимого человеком: Иордан-река — всем рекам мать, церковь Богородицы в Иерусалиме — всем церквам мать, Псалтырь — всем книгам мать, Иерусалим — всем городам отец и т. д. Возникнув в одном месте, все явления центробежно растекаются в осваиваемом человеком все более широком пространстве. Представляет интерес, что начало разным сферам мироздания положили разные творцы. Все небесные явления идут от Бога: солнце — от очей его, звезды — от риз, месяц — от темечка, ветры — от дыхания; социальная иерархия — от человека (и только опосредованно через Адама, творенья божье, от Бога): цари — от головы Адама, князья и бояре — от груди его, крестьяне — от колен; к творенью подземной сферы Бог никакого отношения не имеет: населяющие ее мифологические существа (единорог-зверь, кит-рыба, страфилица) — сами по себе родоначальники всего в этой сфере. Эта картина мироздания, конечно, далека от канонически христианской. В ней нашла отражение средневековая дуалистическая ересь, согласно которой Бог и дьявол равновелики по своим возможностям влияния на жизнь людей (по богословской доктрине, Бог всесилен). А поскольку дьявол ближе к людям (свергнут с небес), он и господствует на земле, — иначе трудно было объяснить те бедствия, которые постоянно обрушивались на народы: войны и погромы, неурожай и голод, эпидемии и вызываемая ими массовая гибель людей.

Само по себе представление о мироздании из трех сфер восходит к сказочно-мифологическому эпосу родового строя. Однако родовая мифология, представляя вертикальное расположение трех сфер, по горизонтали ограничивала мир теми преградами, о которых сказано выше.

Упомянутые и неупомянутые произведения из круга так называемых старших духовных стихов (сложившихся с XI по XIII в.), как уже сказано, возникали на основе готовых сюжетов из христианской канонической и апокрифической литературы. Все же это было собственно народное творчество, синтезирующее готовые схемы, собственное осмысление христианских идей и понятий, трансформирующее их в художественную (композиционно-стилевую, словесно-образную и стихотворно-песенную) ткань национального эпического и лирико-эпического фольклора. Духовные стихи — результат эстетического освоения христианства народом, далеко не адекватного освоению христианского учения в его чистоте и полноте. Мироззрение, отраженное в духовных стихах, — христианско-языческое, «двоеверное».

В старших духовных стихах повествовалось о событиях и людях далекого прошлого, преимущественно первых веков христианской истории. Герои духовных стихов творили чудеса, совершали подвиги мученичества, аскетизма, уничтожения. Все это демонстрировало возможности Бога и человека, действовавшего его именем, страдавшего за веру в него. События, изображенные в духовных стихах, могли иметь значение прецедента, что подтвердила древнерусская история в ее христианской интерпретации, давшая сюжеты для сложения новых стихов («Борис и Глеб», «Михаил и Федор Черниговские» и др.). Но и стихи, посвященные древнерусским событиям и лицам, складывались как повествова-

ние о давно минувшем и на основе письменных сказаний. Принципиально новое соотношение времени изображаемых событий и времени повествования о них складывается в старообрядческих духовных стихах.

Старообрядчество как религиозное течение (со множеством ответвлений, «толков») начинает формироваться с 50—60-х гг. XVII в., со времени церковных реформ патриарха Никона. Борьба за истинную православную веру, как ее понимали старообрядцы-раскольники (они же наиболее ревностные хранители всего прежнего репертуара духовных стихов), не принявшие реформ Никона, становится объектом изображения в создаваемых ими духовных стихах (чаще называемых псалмами, в жен. р.). Раскольники сами становятся мучениками, пустынниками, гонимыми, обличителями новых церковных и государственных порядков, бытовых обычаев, а их гонителями и мучителями — ныне появившиеся слуги антихриста, Никон и его последователи, священнослужители и все власть имущие, принявшие церковные реформы («О патриархе Никоне», «О временах антихриста», «О разорении скитов» и др.). Старообрядцы длительное время не имели своей государством признанной церкви, и богослужение приняло у них характер «самообслуживания» в обычных избах и молельных домах при исполнении различных треб (крещение младенцев, причастие и т. п.). Они сочиняли ритуальные тексты и песнопения (псалмы). Возникло иное по сравнению с более ранним и официально существующим состоянием христианской культуры. Она, пусть у относительно небольшой части населения, оставаясь ответвлением христианской культуры, становилась собственно народной и даже противопоставляемой официальной христианской культуре (которая в целом народной не стала).

Обратим внимание еще на одну трансформацию христианского мировоззрения — мистическую, культивируемую в сектантской среде хлыстов и скопцов и нашедшую отражение в их песенном творчестве. С точки зрения этих сектантов, евангельский Христос — лишь одно из воплощений Бога в человеке. Бог не может существовать, не воплощаясь в кого-либо из людей, на земле постоянно есть человек-Христос. Таковыми являя себя вожди сектантских общин. Раз есть Христос, в общине должны быть Богородица, пророки, апостолы. В старших духовных стихах и в христианской литературе Христос как непосредственно действующее лицо выступает лишь в своей земной жизни (от рождения до распятия, воскресения и вознесения); дальше его контакты с человеком, до второго пришествия и Страшного суда, реализуются через видения и сны. Так же общаются с живыми людьми персонажи, закончившие земную жизнь и обретшие сан святых; иногда общение людей со святыми осуществляется через их иконописные образы. У сектантов-мистиков формула «Бог с нами» доведена до абсурда: Христос и святые живут среди нас, постоянно или с перерывами с ними контактируют. Есть, например, сектантский стих, переработанный из былины об Илье Муромце на Соколе-корабле. По стиху, кормчий на этом корабле сам Иисус Христос, его окружают апостолы и пророки, он ведет разговор о спасении корабля среди «мира лютого, злого и дикого» с Матерью Божьей.² Данная картина — аллегорическое изображение сектантской общины во главе с «Христом», которая часто представлялась в виде корабля, плывущего по бурному морю — житейским невзгодам и при враждебном отношении к ней окружающего населения. Та же община могла быть названа садом, который возделывает садовник Христос. Отказавшись от «греховных» собственно народных песен, сектанты переводили их символику на свои аллегорические понятия. Так, рост, цветение, увядание сада или цветов, указывающие в народных песнях на различные стадии любовных отношений, становились аллегорическим изображением состояния общины; свидание с милым переходило в свидание с «Христом», разговор девушки с матерью преображался в диалог женщины, члена общины, с «Богородицей»; переход через реку с различными осложнениями (символ брака, брачных отношений) указывал на трудности общения человека со своими, «божьими людьми». Заменив традиционные обряды на различного рода общинные «радения», сектанты в сущности отказались от народной куль-

² Песни русских сектантов-мистиков. С. 260—261.

туры и к христианской не приблизились. Попытка выработать свою изолированную культуру привела к ее разрушению, деградации личности и изуверству (явление скопчества).

Не затрагивая сложнейшей темы трансформации христианской культуры в так называемой массовой культуре, обратим внимание на явления, возникшие в результате воздействия профессионального искусства в сфере фольклора. Под влиянием выработанного в литературе нового типа стиха, силлабо-тонического, рифмованного и куплетного, в русском фольклоре сложились частушки и многожанровый комплекс городских народных песен. Сказалось это влияние и на духовных стихах.

Последние в русском фольклоре, вероятно, никогда не были единым жанром. Сюжетно-композиционно и стилистически они оформлялись в устном бытовании то как былины (стихи о Егории Храбром, о Федоре Тироне), то как баллады (стихи на евангельские сюжеты и др.), то как исторические песни (стихи на темы древнерусской истории, старообрядческие), то как лирические песнопения (старообрядческие и сектантские псалмы и «песнопевцы»). С XIX в., времени формирования новых, близких к литературным, народных песен, начинают слагаться (преимущественно в старообрядческой и сектантской среде) и новые духовные стихи, ориентирующиеся на литературные нормы («О смертной памяти», «Гора Афон», «Умоляла мать родная» и др.).

Таким образом, поскольку все основные песенные жанры русского фольклора имеют жанровые разновидности в виде духовных стихов, то история фольклора без духовных стихов так же неполна, как история русской культуры в целом без истории православной церкви.

А Т ХРОЛЕНКО, М А БОБУНОВА

БЫЛИННОЕ СЛОВО В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Среди разнообразных энциклопедических и лингвистических словарей пока не нашлось места словарю языка фольклора. И не только фольклора русского. Причин, видимо, несколько. Главную мы видим в неадекватном восприятии фольклорного слова. Для одних оно ничем не отличается от аналогичного слова за пределами устного народного творчества, а потому вполне достаточно обычных лингвистических словарей, в которых можно пометой «фольклорн.» или «устно-поэтич.» отметить сравнительно немногочисленные уникалы фольклорной лексики. Для других, специально занимающихся устно-поэтическими текстами, народнопоэтическое слово представляется настолько сложным и специфичным, что сложившаяся лексикографическая практика едва ли в состоянии отразить это своеобразие.

Пока что область лексикографии русского фольклора представлена мечтательными высказываниями филологов, начиная с Ф. И. Буслаева, о желательности словаря, пусть на первый случай и весьма ограниченного, указателей эпитетов, географических названий, персонажей, опорных слов и т. п.

Лингвофольклористическая мысль, однако, на месте не стоит, и уже есть публикации, в которых обсуждается не только вопрос о целесообразности словаря фольклорных текстов, но и проблемы практики — база словаря, характер словника, структура словарной статьи и др. Это прежде всего статьи и выступления С. Е. Никитиной.¹ Лексикографические представления о фольклорном слове и практические предложения исследовательницы во многом созвучны нашим идеям,² важнейшая из которых — текстовая обусловленность сложной и специфической семантической структуры фольклорного слова.³

Как и С. Е. Никитина, полагаем, что лексикографические усилия на первых порах целесообразно ограничить рамками одного фольклорного жанра, с тем чтобы впоследствии совокупность нескольких жанровых словарей, построенных по единой схеме и методике, в итоге дала бы лексикографический портрет фольклорного слова во всей его полноте, статике и динамике.

Группа курских лингвофольклористов избрала былинку, жанр поэтически и лингвистически весьма определенный, достаточно замкнутый, хорошо изученный филологами различной исследовательской ориентации. Базой словаря определены «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (2-е изд. СПб., 1894). Параллельно лексикографически обрабатывается собрание «Древние российские стихотворения, собранные Киршек Даниловым» (XVIII в.), а также былинные записи XX в.

Перед лингвофольклористами-лексикографами сразу же встало несколько

¹ Например *Никитина С. Е.* Словарь языка фольклора: принципы построения и структура // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов. М., 1988. С. 288—300.

² Например *Хроленко А. Т.* Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 229—241.

³ См. *Хроленко А. Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 147—156.

трудных вопросов, решить которые можно только в процессе создания словаря. Это проблема объема достоверной выборки, состав словника, структура словарной статьи, автоматизация трудоемкой работы над словарем и т. д.

Работа ведется в двух направлениях: во-первых, составляется словоуказатель к былинным текстам, в результате чего уточняется словник и определяются статистические параметры фольклорного текста, устно-поэтического слова; во-вторых, создаются пробные словарные статьи.

Полагаем, что лексикографическое описание фольклорной лексики должно быть организовано не только в жанровом, но и в лексико-тематическом направлении: когда будет выявлен весь круг слов, входящих, скажем, в лексико-тематическую группу «вода» (вода, река, озеро, море, океан, болото, струя, заводь, волна, ручей, устье; также производные — заморский, морянин, водовозница и т. д.), можно будет установить тезаурусные связи между фольклорными лексемами.

Цель настоящих заметок — на примере одного былинного слова *море*, извлеченного из всех трех томов собрания Гильфердинга, предметно показать, как ведется работа над словарем, как строится словарная статья, какую полезную информацию может извлечь из нее фольклорист. Сверхзадача заметок — утвердиться и утвердить других в мысли, что лексикографическая работа стимулирует исследовательскую активность и способствует возникновению новых идей и решению старых вопросов.

Итак, словарная статья, посвященная концепту «море». Приступаем к обсуждению вопросов, которые неизбежно встанут перед лексикографом, размышляющим над тем, какова структура словарной статьи в столь необычном словаре.⁴

Заглавное слово. В нашем случае определение начальной морфологической формы заглавного слова затруднений не вызывает. Именительный падеж единственного числа — *море* — полностью соответствует лексикографической практике. Отличие от литературно-языкового аналога — в фонетике: оба слога в различных контекстах могут быть ударными. Ср.:

— А й по сiнему *морю* ведь он плавает.
(I, 464, 65)⁵

Отправлялись купцы новгородский
Торговать за сiне *море*.
(I, 8, 4)

Как тут-то он поехал что за славно за сине *морё*.
(I, 342, 228)

Полагаем, что фонетическая гибкость лексики должна быть отражена в словарной статье. Вопрос только в том, следует ли отражать частоту того или иного ударения.

Количество словоупотреблений. В отечественной лексикографической практике статистические сведения резко разведены по типам словарей — отражены в частотных и отсутствуют во всех остальных словарях, если не считать эпизодические пометы типа «редко». Думается, что количественные характеристики в словаре языка фольклора будут весьма целесообразны. Возникает вопрос, что считать. Можно за единицу счета взять отдельное словоупотребление. Например, во фрагменте:

По край *моря*, *моря* синяго,
По край *моря* ай веряжского,
.....
Там стояла да хоромина некрытая —
(II, 588, 1)

⁴ О первой попытке такого обсуждения на материале лексемы «ворота» см.: Хроленко А. Т. В поисках оптимальной статьи словаря языка русского фольклора // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания. Тамбов, 1991. Ч. 3. С. 126—128.

⁵ Римская цифра обозначает том «Онежских былин», первая арабская цифра — страницу, вторая — номер стиха, с которого начинается иллюстрация.

три словоупотребления лексемы *море*, а всего в трех томах их 360. Можно учитывать только целые фрагменты былинного текста, в которых использована описываемая лексема, вне зависимости от числа ее употреблений. В трех томах «Онежских былин» фрагментов с лексемой *море* мы насчитали 198. Можно за единицу счета взять предикативные структуры, формально равные одному простому предложению. Во фрагменте:

А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
А что мне свалиться Садку мне-ка на доску,
А не то как страшно мне принять смерть во синём мори —
(I, 554, 435)

две из трех предикативных конструкций используют лексему *море*. В этом случае повтор лексемы в пределах такой конструкции, равной обычно стиху, считается как одно словоупотребление. Видимо, подсчет всех словоупотреблений предпочтительнее, ибо, повторяясь в одном узком контексте, лексема обнаруживает разные сочетательные и иные возможности.

Толкование слова. На первый взгляд кажется, что подавляющее большинство лексем в словаре фольклора толкования не потребует, ибо в традиционных устно-поэтических текстах удерживаются в основном слова широко употребительные, общеизвестные. И в нашем случае вроде бы нет необходимости приводить толкование, совпадающее с дефиницией словаря литературного языка: 1. Часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа,⁶ или с определением словаря Даля: «скопление соленогорьких вод в обширных впадинах, раздолах земной поверхности».⁷ Море и есть море. Однако не все так просто. Лексемы устно-поэтической речи обозначают объекты, свойства и действия особого фольклорного мира, а потому они требуют толкования с точки зрения этого мира, менталитета сказителей и носителей произведений устного народного творчества.

Обратимся к наблюдениям, выводам, мыслям этнографов, диалектологов, собирателей и знатоков русского устного народного творчества: «Море — символ неизвестности и гибели»;⁸ «В народных русских заговорах „океан-море“ означает небо...»;⁹ «До синя моря вези нас — всё будем день и ночь новые песни петь, — объявили в вологодской деревне Каксур, где всякое „синё морё“ издавна и непоколебимо считается концом света, т. е. местом весьма отдаленным»;¹⁰ «...„море“ в общеславянском обозначало не только море в нашем понимании, а и озеро, болотистое озеро, болото».¹¹

Замечено, что в «Слове о полку Игореве», близком к восточнославянской фольклорной традиции, слово *море* упоминается 13 раз. Не всегда ясно, «море» ли это, или «озеро» (в XII в. крупные озера могли называться морями). Анализ всех контекстов приводит к выводу: «Образ „моря“ тесно связан с символикой Света и Тьмы: море сначала порождает стихийные силы, закрывающие свет, а затем, способствуя бегству Игоря, помогает возвращению света».¹²

Проанализированные нами былинные контексты довольно убедительно свидетельствуют, что *море* — это «граница, отделяющая Русь от чего-то враждебного». Море противопоставляется русскому, славянскому, христианскому миру. Ср.:

Убил он три орла он три орловица,
А не тех убил, которы летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синім морям.
(II, 549, 11)

⁶ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1983. Т. 2. С. 299.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. язык, 1979. Т. 2. С. 346.

⁸ См.: Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб., 1905. Т. 5. С. 539.

⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 1. С. 121.

¹⁰ Колпакова Н. П. Песни и люди. Л.: Наука, 1977. С. 85.

¹¹ Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 129.

¹² Горский А. А. «Море» в «Слове о полку Игореве» // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 3. С. 76.

Из текста другого кижского сказителя:

Убил три орла, три орловица;
Не тех, которые летают на святой Русе,
Которы летают над синем морем.

(II, 488, 12)

Перед составителем встает нелегкий вопрос, как представить данную часть словарной статьи, — сконструировать ли некую интегральную дефиницию, включив все известные составителю мнения о семантике того или иного былинного слова и тем самым взяв на себя полную ответственность за достоверность толкования лексемы другими исследователями, или дать мнения с указанием авторства. Решение этого нелегкого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что толкование семантики того или иного фольклорного слова не связывается с жанром.

Избранный же нами жанровый подход к лексикографическому описанию устно-поэтической лексики требует предельной корректности в толковании значения и смысла слова. Нельзя выводы, сделанные из наблюдений над сказочными или заговорными текстами, обобщать и переносить на тексты другого жанра. И в то же время при изучении, скажем, былинного слова нельзя не учитывать весь объем фольклорных, этимологических, диалектных и других этнолингвистических знаний. Фольклорные жанры специфичны, но они и связаны друг с другом различными, подчас плохо еще изученными синхронными и диахронными связями. Многие прояснилось бы, если бы лексикографическая работа над словом *море* одновременно велась на материале всех жанров, а также других видов народного и средневекового русского искусства.

Морфологические варианты заглавного слова. Лексема *море* выступает в двух вариантах. Основной — *море*. Другой вариант — *морюшко* — представлен всего семью примерами, напомним, на 198 фрагментов с 360 словоупотреблениями, в которых зафиксирована лексема *море*. Настойчиво напрашивается вывод, что столь незначительное число словоупотреблений с уменьшительно-ласкательным суффиксом обусловлено в целом негативной коннотацией, присущей русскому фольклорному слову *море*, о чем говорилось выше. И это на фоне сравнительно слабой потенции рассматриваемой лексемы к морфологическому варьированию. Обращение ко всем семи контекстам, где употреблено *морюшко*, надежной базы для достоверных выводов об условиях появления деминутива не дает: «Торговали за морюшко» (I, 8, 4); «Подъехал к морюшку, где посмотрел две лебедушки» (II, 147, 13); «Две лебедушки-девушки улетели за морюшко» (II, 148, 35); «Сине морюшко сколыбається» (II, 277, 22); «Казань устьем выпадает в морюшко Черное» (II, 386, 6), аналогично: (III, 104, 7); «...бежать сине морюшко на околь» (II, 691, 4). Видимо, прав Ю. Абызов, переводчик латышских дайн на русский язык, утверждавший, что в русском песенном фольклоре формы существительных с уменьшительными суффиксами — явление более окказиональное, экспромтное, вариативное, тогда как в латышском — это инвариант.¹³ И тем не менее лексикограф обязан не только специально отметить все морфологические варианты заглавного слова, но и привести их количество. Одна цифра — просто цифра, совокупность их — уже статистика. Статистика в лингвофольклористике полезна. Известны интересные попытки составить, например, шкалу грамматических и тематических предпочтений суффиксов.¹⁴ Мы сознательно придерживаемся мнения, что создаваемый словарь должен содержать в себе максимум информации, обеспечивающий базу исследований, темы которых филологическая наука еще пока даже и не сформулировала.

Словообразовательные связи. Лексема *море* входит в ряд однокоренных слов:

¹³ См.: Абызов Ю. «Исполнинские малютки...» (Заметки переводчика) // Слово в нашей речи. Рига, 1985. Вып. 5. С. 83.

¹⁴ См.: Червинский П. П. Словообразовательные и лексико-синтаксические типы языковых единиц в народной песне // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы. Общественные науки. 1987. № 3. С. 116.

прилагательные — *морской, заморский, поморский*; существительные — *замо-ряне, моренин, моренушка*. Наличие такого ряда, во-первых, — основа для более глубокого проникновения в семантику описываемых слов, во-вторых, — основание для формирования сетки тезаурусного описания каждого из входящих в ряд слова.

Изофункциональные слова. Исследуя семантическую структуру фольклорного слова, мы пришли к выводу о том, что слово, и прежде всего слово часто употребляемое, опорное, в устно-поэтическом тексте существенно расширяет свой смысловый объем, совмещая видовое и родовое. Поскольку семантика каждого слова, входящего в одну лексико-тематическую группу, включает в себя в порядкеращения одно и то же родовое обозначение, постольку слова этой группы становятся своеобразными синонимами, не будучи таковыми за пределами фольклорных текстов.¹⁵ В силу особого текстового синонимизма слова одной лексико-тематической группы замещают друг друга, не разрушая в конкретных текстах сложившихся синтагматических и парадигматических связей. Такие слова можно назвать изофункциональными. Для *моря* изофункциональными могут быть существительные *река, озеро*, которые называют преграду между своим и чужим мирами. Полагаем, что и такая форма связи слов на уровне функционирования должна быть отражена в словаре языка фольклора как специфическое и достаточно устойчивое свойство устно-поэтического слова и текста. Небольшую часть изофункциональных слов можно назвать и до составления словаря, однако всю совокупность их можно представить только в итоге работы над словарем, когда будут определены все важнейшие связи слов каждой лексико-тематической группы.

Синтагматические связи заглавного слова. Лексикографическое описание синтагматических связей существительного ведется в трех направлениях: связи с прилагательными, существительными и глаголами.

Постоянные эпитеты и эпизодические определения. Лексема *море* без атрибута отмечена в 37 случаях. Во всех остальных случаях *море* сопровождается определением.

Учитывая разнообразие числа и порядка следования определений, описание ведем с учетом следующих типов атрибуции: 1) атрибутивная пара (*сине море*); 2) атрибутивный ряд (*сине славное море*); 3) атрибутивная пара с наращением (*сине море черное*).

Сине море — самая частотная атрибутивная формула (116 примеров). Другие пары единичны: *Дунайское* (3), *Чёрное* (2), *глубокое* (2), *широкое* (1).

В былинах широко распространен атрибутивный ряд *славное сине море* (22). Преобладают краткие формы прилагательных, хотя используются и полные. Случай инверсии эпитетов (*сине славное море*) единичен. Примеры других атрибутивных рядов — *тихое Дунайское сине море* (1), *синё русское море* (1), *сине дунайское море* (3), *сине варяжское море* (4).

Среди атрибутивных пар с наращением нет сколько-нибудь частотных структур: *славное море персидское* (1), *славное море Каспийское* (3), *сине море солонное* (3), *сине море черное* (2), *черное море турецкое* (возможно: *турецкое море черное*) (4), *сине море турецкое* (1), *сине море глубокое* (1).

К атрибутивным парам с наращением близки пары с эпитетом в постпозиции по отношению к определяемому существительному. Имеем в виду случаи типа *море каримское* (1), *море Каспийское* (1), *море турецкое* (2). Поскольку существительное *море* в подавляющем большинстве случаев определяется препозитивными эпитетами, среди которых доминирует прилагательное *сине*, постольку наличие любого постпозитивного эпитета, кроме прилагательного *сине*, вызывает ощущение наличия нулевого препозитивного атрибута: *∅ море каримское* (*каспийское, турецкое*) (\emptyset — знак нулевого языкового объекта).

Второй эпитет после прилагательного *сине* — прилагательное качественное (*славное, солонное, глубокое*) — реже, прилагательное относительное, называющее географический объект (*Каспийское*), — чаще. Географическая адекват-

¹⁵ См.: Хроленко А. Т. 1) Семантика фольклорного слова / Деп. ИнИОН РАН № 43826 1.02.91; 2) Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 19. С. 147—156.

ность лексем *персидский*, *варяжский*, *турский* и т. п. весьма сомнительна. В специальной литературе на примере существительного *Дунай* и производного от него прилагательного убедительно показана размытость семантики слов из репертуара географических наименований.¹⁶ Совершенно не обязательно, что *море чёрное* это *Чёрное море* (Понт Эвксинский). Достаточно проследить по былинам, куда впадает Волга. Она впадает и в Каспийское море (III, 222, 10), и в море Каримское (III, 222, 1), и в море Черное (III, 228, 14).

Во всех «морских» «географических» определениях наличествует сема 'враждебный'. Поэтому важно не то, что конкретно обозначает второй, «географический», эпитет, важно, что он усиливает и по-своему конкретизирует идею 'враждебность, смертельная опасность', которая в неявном виде представлена в лексеме *сине(е)*. Известно, что в цветовой символике русской древности печаль символизировалась синим цветом, поэтому вино, поднесенное во сне Ярославу в «Слове о полку Игореве», — синее.¹⁷ Можно полагать, что эта «печальная» символика синего цвета — явление сугубо национальное, ибо, скажем, у монголов синий цвет — символ верности, вечности, постоянства, поскольку синее ассоциируется с небом.¹⁸

Наличие нескольких «географических» определений при общности части их семантики позволяет былинному певцу строить фантастические маршруты дальних и опасных плаваний:

Поезд держал из *Чернаго*,
Из Черна моря во *Бело море*,
Из Бела моря во *Свирийское*,
Из Свирийского моря во *Китайское*,
Из Китайского моря в *Окиян-море*.
(II, 437, 50)

При этом в ряду «географических» определений возникает своеобразная иерархия степени отдаленности. Причем определения могут одновременно относиться к одному и тому же морю:

По морю морю морю *синему*,
По тому по морю по *Веряйскому*,
По тому по морю по *Дунайскому*,
Из-за того ли острова Кодольского
Бежит побегит тридцать кораблей.
(III, 51, 1)

В свое время Ф. И. Буслаев мечтал: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдуывался русский человек и какие понятия присоединял к оным».¹⁹ Думается, что наш словарь языка русского фольклора позволит осуществить идею замечательного русского филолога.

Атрибут-существительное. Отмечено всего одно существительное, вступающее в синтагматические отношения с лексемой *море*. Это слово (*о*)*киян*:

А как ведь проснулся Садке купец богатый новгородский
А й в *Окиян-мори* да на самом дни.
(I, 555, 450)

— Подошла бы ты ко славному к *Киян-морю*,
— Бросила бы ты да этот камешок в *Киян-море*,
— В *Окиян-море* глубокое.
(II, 79, 179)

¹⁶ См.: *Балашов Д. М.* «Дунай» // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 95—114; *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

¹⁷ Ср. с иным объяснением словосочетания *синее вино*: *Абаев В. И.* *Parerga I.* «Синее вино» в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 40—41.

¹⁸ См.: *Жуковская Н. Л.* Категория и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. С. 162.

¹⁹ *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. Л., 1941. С. 183.

«Словарь русского языка XI—XVIII вв.» фиксирует: «Море окиян — огромное водное пространство, океан (чаще о Северном Ледовитом океане)».²⁰ Зная о тотальной тенденции к семантическому расширению и превращению денотативного значения в оценочное, можно предположить, что (о)киян, как и дунайский — знак большого, далекого и опасного моря.

Синтагматические связи с глаголом во многом зависят от того, какую синтаксическую функцию выполняет существительное — является ли субъектом, объектом или обстоятельством. Преобладает функция обстоятельства, что опьяняет семантикой лексемы. Поскольку часть словарной статьи, посвященная синтагматическим связям существительного с глаголом, достаточно объемна, возникает вопрос о способе словарного представления этих связей. Алфавитный порядок глаголов с предлогами едва ли применим. Считаем целесообразным группировать глаголы по признаку семантической близости. В случае с существительным *море* просматривается несколько таких групп.

Море — субъект (подлежащее): вскулыбаться (1), всколыбаться (5), колыбаться (1), сколебаться (3), сколубаться (1).

Море — объект (дополнение): бежать м. (5), (с)петь м. (10), сказать м. (4), играть от м. (1).

Море — обстоятельство: быть (∅) на м. (9), за м. (3), из-за м. (6), у м. (2), ко м. (1), в м. (1), мало в м. (2).

Выйти (впадать — о реке) (1), выбежать ('впадать' о реке) (1), выпасть (то же) (4), дать устье в м. (1).²¹

Бросить в м. (4), кинуть в м. (4), отпустить в м. (1), отпустить ('опустить') в м. (1), броситься в м. (1), спустить в м. (5), спуститься в м. (2), выбрать в м. (1), взять в м. (1), идти в м. (2), ложиться в м. (1), метать в м. (1), положить доску на м. (1), спустить на м. (4), тонуть в м. (1), отправиться в м. (1).

Лежать в м. (4), жениться в м. (5), сказать в м. (1), гинуть в м. (1), оставить в м. (1), плясать в м., платить в м. (1), оставаться на м. (1), проснуться в м. (1), повырывать струны в м. (1), пойти пир в м. (1), принять смерть в м. (1), требовать в м. (4), ходить шукой в м. (1), врезать (врезвить) в м. (4), поминать в м. (1).

Послать к м. (1), отпустить ко м. (1), отмечывать на м. (1), идти ко м. (1), пойти к м. (1), прийти к м. (1), полететь к м. (1), подойти к м. (1), сходить к м. (4), выехать на м. (5), вывести детей на м. (1), уехать ко м. (1), сходиться на м. (1), поездить к м. (1), (по)ехать к м. (3), приехать к м. (2), подъехать к м. (1).

Стоять на м. (2), стоять у м. (1), стоять по край м. (1), жить по край м. (1), сидеть на м. (1), скакать около м. (1), поехать о м. (1), снести край м. (1).

Повынести из м. (1), достать со м. (1), достать от м. (4), ломать на м. (2), глядеть во м. (2), разрушиться в м. (1), устояться на м. (1).

Выехать среди м. (1), выплыть по м. (1), бежать по м. (1), плавать по м. (6), бродить по м. (1), летать по м. (3), летать над м. (1), плавать на м. (1), побежать по м. (1), встретить среди м. (1), гореть на м. (1), делать нечего на м. (1), ездить по м. (1), скакать по м. (1), призатемниться среди м. (2), пойти завезть по м. (1), понести по м. (1), разбить на м. (1), разметаться на м. (1).

Отправиться за м. (1), (по)ехать за м. (8), съездить за м. (1), уехать за м. (2), (у)летать за м. (2), пойти за м. (1), жить за м. (2), быть за м. (1), закатиться за м. (1).

Сватать(ся) за м. (3), отдать замуж за м. (2), выдать за м. (4).

Торговать за м. (1), купить за м. (1).

Держать путь из м. в м. (1).

Наехать из-за м. (4), приехать из-за м. (1), выйти из-за м. (1), налететь из-за м. (1), вылететь из-за м. (1), (по)ехать из-за м. (2), налететь из м. (1), прилететь из м. (1).

Не во всех случаях можно легко определить, к глаголу или существительному синтагматически притягивается описываемая лексема. Например: «Есть морян-

²⁰ См.: Словарь русского языка XI—XVIII вв. М.: Наука, 1982. Вып. 9. С. 263.

²¹ Перед нами ряд из четырех синонимов с общей семой 'впадать' (о реке).

ка из-за синя моря» (III, 294, 29). Разграничение несогласованных определений и обстоятельств при предикативе, выраженном бытийным глаголом, — традиционный предмет научного и методического спора в русистике.

Характерно также, что нет устойчивых, многократно повторяющихся словосочетаний существительного *море* с каким-либо одним глаголом. Частотность большинства словосочетаний равна единице.

Как видим, сочетания описываемого существительного с глаголами достаточно отчетливо рисуют былинную картину мира, тот его фрагмент, где «расположено» море. Ни разу лексема *море* не выступила в функции обращения. Причиной тому, как нам представляется, имплицитно присутствующая отрицательная коннотация, свойственная этому существительному.

Ассоциативные связи. Помимо тесных — в пределах одного стиха (одной предикативной конструкции) — синтагматических связей в фольклорных текстах актуальна и другая связь — связь, объединяющая лексемы одной и той же части речи, функционирующие в смежных стихах и изоморфные в грамматическом отношении. В свое время, описывая эту специфическую форму тяготения слов в народно-песенном тексте, мы предложили назвать ее ассоциативным рядом.²² Ассоциативный ряд (АР) включает в себя два и более слов одной части речи и весьма часто одного лексико-тематического поля, расположенных в смежных стихах. Само терминологическое обозначение «ассоциативный ряд» не очень удачно из-за полисемантической слова *ассоциация*. Да и последующий анализ показал, что рассматриваемая связь шире, нежели объединение слов только одного лексико-тематического ряда. А. Н. Сабынин, описывая данные конструкции в русских былинах, по нашему совету использовал термин «дискретно-ритмическая конструкция» (ДРК).²³ Впрочем, едва ли следует отказываться и от термина «ассоциативный ряд».

Полагаем, что в лексикографическом описании указание на АР (ДРК), элементом коих является представляемая лексема, весьма целесообразно, ибо в этом случае хорошо видна текстообразующая роль каждого устно-поэтического слова. Картотека лексемы *море* дает примеры нескольких рядов, среди которых есть и единичные, и повторяющиеся. Наиболее частотны два двухэлементных ряда — *море/поле* и *море/люди*:

Не тот орёл, кой по полям летат,
А тот орёл, кой по морям летат.
(III, 222, 29)

Старину спую синему морю на тишину,
Добрым людям на послушанье.
(I, 288, 736)

Первая ДРК *море/поле* универсальна, поскольку используется во фрагментах различного содержания.²⁴

Единичны двухэлементные ДРК типа *море/заводь* (3), *остров/море* (1), *Русь/море* (2), *море/камень* (1), *река/море* (1), *море/куст* (1), *горы/море* (2).

Нередки в былинных текстах ДРК с тремя и четырьмя элементами. Все они встречаются во фрагментах с описанием пространственной ориентировки персонажа.

Щукой рыбою ходить Вольги во синиих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболки,
Волком и рысать во чистых полях —

(III, 5, 7)

²² См.: Хроленко А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 3—12. С. Е. Никитина называет это явление «ассоциативным комплексом». См.: Никитина С. Е. Словарь языка фольклора. С. 298.

²³ См.: Сабынин А. Н. Основные виды дискретно-ритмических конструкций в текстах русских былин: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

²⁴ О семантике ДРК *поле/море* см.: Хроленко А. Т. Чистое поле, синее море // Русская речь. 1986. № 4. С. 108—113.

мир трех стихий — воды, воздуха и земли.

А й конь ведь *реки-озера* перескакивал,
 А й ён *мхи болота* промеж ног пушал,
 А й как сини *моря* тыи кругом бежал —
 (Ш, 128—129, 72)

путь стремительного движения богатыря.

Вариативность трех- и четырехэлементных ДРК в сравнении с двухэлементными гораздо выше, и потому устойчиво повторяющихся конструкций мы здесь не найдем, хотя приведенные выше примеры не единичны. Полагаем, что в словарной статье фольклорной лексики следует отмечать только устойчивые ДРК типа *поле/море*.

Фразеология в структуре словаря. Лингвистические словари в обязательном порядке фиксируют и фразеологизмы, в которых функционирует описываемое слово. Думается, что словарь языка фольклора не должен быть исключением. Однако и здесь проявляется своеобразие устно-поэтической лексики, которая может входить и во фразеологизм в узком и общепринятом смысле этого термина (идиому), и в так называемый поэтический фразеологизм. В своей монографии мы пытались доказать наличие в фольклорных текстах трех типов устойчивых структур, в совокупности и составляющих поэтическую фразеологию. Это: 1) биномы (*чисто поле, гуси-лебеди, ковыль-трава, грусть-тоска*), 2) ассоциативные ряды, или ДРК, 3) блоки.²⁵

Для лексики *море* характерны такие поэтические фразеологизмы, как бином *сине море*, ассоциативный ряд *поле/море* и блок типа:

Тут век про Добрыню старину поют:
 А синему морю да на тишину,
 А вам добрым-тым людям на послушанье.
 (Ш, 453, 334)

Дополнительная информация. Считаем целесообразным завершить словарную статью дополнительной информацией: 1) исследования, в которых описывается или характеризуется данная лексема; 2) пометы о региональном характере слова; 3) принадлежность идиолекту определенного певца. Само собой разумеется, что эта дополнительная информация будет присутствовать далеко не во всех словарных статьях по причинам как объективным (общераспространенность слова), так и субъективным (лексика фольклора описана выборочно и в значительной мере поверхностно). Выявление пластов региональной лексики в фольклорных текстах («фольклорные диалекты») и описание идиолектов выдающихся носителей фольклора — это задача будущего нашей лингвофольклористики.

Можно надеяться, что успех, а равно и неуспех предприятия по созданию словаря языка русского фольклора непременно активизирует интерес лингвистов и фольклористов к народнопоэтической лексикологии и лексикографии, ибо в центре внимания исследователей предстанет народное слово со всеми его языковыми, текстовыми и ментальными связями.

²⁵ См.: Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.

Д. Ж. БЕЙЛИ

ТРИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ЛИРИЧЕСКИХ РАЗМЕРА

По сравнению с другими областями русской фольклористики стихосложение народных песен изучено мало. Между тем исследование только такой его стороны, как песенная ритмика, дает возможность понять, как создается устная поэзия и какую роль стиховые размеры играют в образовании песенных жанров. Кроме того, знание ритмической структуры песен может облегчить задачи текстологии народной поэзии. Наконец, путем сравнения метрики русского народного стиха и других славянских языков можно показать сходства и различия в народных традициях.

Разногласия во взглядах на народный стих¹ начинаются с тех самых пор, как Третьяковский в 1735 г. заявил, что его реформа русского силлабического стиха опирается на хорейский стих в народных песнях.² Музыковеды занимаются по большей части лирическим стихом и соотношением между напевом и словесным текстом;³ стиховеды сосредоточивают свое внимание на эпическом стихе.⁴ Естественно, их выводы не совпадают. Некоторые музыковеды считают основой ритмической организации многих лирических песен силлабический стих; по мнению стиховедов, изосиллабизм (равносложность) в русской народной поэзии исчез очень рано и размер былины — это разностопный хорей или акцентный стих с определенным числом главных ударений в строке, но с переменным числом слогов между ними.

Напомним наиболее авторитетные и смелые гипотезы о происхождении и исторической эволюции русского народного стихосложения. Н. С. Трубецкой впервые выдвинул идею, что древнерусский эпический стих состоял из десяти слогов и делился цезурой на полустушия в 4 + 6 слогов наподобие сербо-хорватского десетераца, но эта форма была разрушена потерей слабых еров в XII в.; именно эта потеря привела к развитию акцентного стиха.⁵ Расширяя гипотезу Трубецкого, Роман Якобсон предположил, что дактилическое окончание в русском эпическом стихе является инновацией, что эпический стих приобрел при этом добавочный одиннадцатый слог и что до разрушения силлабизма эпическим размером был 5-стопный хорей.⁶

¹ Обзор теорий о русском народном стихе см.: *Bailey James. The Metrical Invariant in a Russian Lyric Folk Song // Russian Verse Theory. Columbus, Ohio, 1989. S. 23—56; Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952. С. 17—135.*

² *Третьяковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов... // Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 383—384.*

³ См.: *Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха // Фольклор 1981: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 94—139; Руднева А. В. Ритмика стиха и напева в русской народной песне // Изв. на Института за музика, Българска академия на науките. 1969. Т. 13. С. 303—334.*

⁴ *Срезневский И. И. Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен // Изв. второго отделения АН. 1860—1861. Т. 9. № 5. С. 345—366; Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины // Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 352—358; Jakobson R. Slavic Epic Verse // Selected Writings. The Hague, 1966. Т. 4. S. 414—463; Тарановски К. (реп.). Roman Jakobson. «Studies in Comparative Slavic Metrics» // Прилози за кн ижевност, језик, историју и фолклор. 1954. Т. 20, вып. 3—4. С. 350—360.*

⁵ *Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины. С. 356—358.*

⁶ *Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 434—444.*

Просодические принципы и ритмические характеристики русского литературного стихосложения изучены гораздо лучше,⁷ чем народного стиха. Изучение литературного стихосложения стало возможным благодаря применению так называемого «русского метода», основанного на учете фонетических и просодических особенностей русского языка. Сначала предлагается точное описание того, как поэты пользуются своим языком, чтобы создать ритмику стихов, а затем на основе статистических подсчетов выводится просодическая теория. Этот объективный метод изучения русского стихосложения применялся мало к анализу народного стиха.

В настоящей статье предлагается краткое изложение книги автора «Три русских лирических народно-песенных размера»,⁸ в которой пересматриваются существующие теории народного стиха, делается попытка заполнить несколько пробелов в изучении народного стихосложения и предлагается методология для анализа словесного ритма лирических народных песен. В первой главе обсуждаются проблемы изучения народного стиха, во второй главе — термины и методология, в третьей главе освещаются особенности народно-песенной акцентуации, а в четвертой — народно-песенного силлабизма (слоговые сокращения и удлинения, которые употребляют певцы, чтобы слагать равносложные строки). Пятая, шестая и седьмая главы основные: они посвящены ритмическому разбору стиха 5 + 5 слогов, 4-стопного хорее с дактилическим окончанием и одного типа 2-ударного акцентного стиха с дактилическим окончанием; в восьмой главе предлагается типология всех народных размеров с дактилическим окончанием. В девятой главе даются выводы и предлагаются темы для будущего исследования. В книге имеются четыре приложения, словарь народно-песенной акцентуации и библиографии справочников, исследовательских публикаций (свыше 800) и сборников народных песен (500).

Глава первая. Введение. Здесь дана попытка объяснить один из центральных вопросов русского народного стиха — почему в нем так часто встречается неравносложность, тогда как в народном стихе других славянских языков обычно соблюдается равносложность. Для пробного исследования были выбраны три размера со схожей ритмической структурой: два типа равносложных размеров и один тип акцентного стиха. В каждом из них 3-й слог от начала и 3-й слог от конца постоянно ударяется: x x \acute{x} ... \acute{x} x x.⁹ Эти три размера состоят из двусложного «анapestического» начала и двусложного «дактилического» окончания, но они отличаются друг от друга числом слогов в интервале между двумя главными ударениями. В 9-сложном 4-стопном хорее с дактилическим окончанием (X4д) строки равносложны, но не имеют цезуры; в 10-сложном размере 5 + 5 строки также равносложны, но имеют цезуру, разделяющую строку на два 5-сложных полустихия; в 2-ударном акцентном стихе с дактилическим окончанием (A2д) число слогов в интервале варьируется от 2 до 6. Для анализа песен, сложенных в форме 5 + 5 и 2-ударном стихе, были рассмотрены все жанры, для анализа песен в 4-стопном хорее — только свадебные песни. Приводим ритм этих трех размеров и количество изученных песен и строк:

X4д	$\acute{x}x\acute{x}x\acute{x}x\acute{x}$	9 слогов (431 песня, 9593 строки)
5 + 5	$\acute{x}x\acute{x}x\acute{x} \acute{x}x\acute{x}x\acute{x}$	10 слогов (318 песен, 6074 строки)
A2д	$xx\acute{x}$... $\acute{x}xx$	8—12 слогов (292 песни, 6309 строк)

При анализе народного стиха приходится учитывать по крайней мере восемь важных моментов, отражающих специфику народной поэзии. Во-первых, народные песни существуют в вариантах и устойчивого текста не имеют, тогда как литературные стихотворения обычно обладают устойчивым текстом. Во-вторых, в самом языке народной поэзии имеются традиционные черты, отличающиеся

⁷ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.

⁸ Bailey James. Three Russian Lyric Folk Song Meters. Columbus; Ohio, 1993.

⁹ В обозначении ритма x — слог, \acute{x} — главное, или фразовое, ударение, \grave{x} — слабое, или словесное, ударение, | — цезура.

от современного литературного языка; поэтому необходимо произвести подробное предварительное исследование акцентных и слоговых вариантов в народной поэзии. В-третьих, необходимо помнить, что требования к записыванию и редактированию народных песен с XVIII в. и до наших дней сильно менялись.¹⁰ Многие собиратели и редакторы сознательно или бессознательно приспособляли язык народной поэзии к нормам литературного языка, искажая словесный текст песен. Только постепенно собиратели поняли, что необходимо записывать словесные тексты во время музыкального исполнения, а не в устном пересказе, разрушающем ритм.¹¹ В-четвертых, из-за того что напев лирических песен может вызвать разного рода вербальные повторения, приходится решать сложный вопрос о том, что именно представляет собой «словесный текст» для анализа. В-пятых, необходимо принимать во внимание жанр песен ввиду несомненных связей между некоторыми жанрами и некоторыми формами стиха. В-шестых, для исследования народного стихосложения требуется полидисциплинарный подход, предполагающий знакомство с основными работами по музыковедению, фольклорной текстологии, фольклорным жанрам, истории фольклористики, языку народных песен, истории акцентуации русского языка, морфологии, диалектологии и стиховедению. В-седьмых, желательно, чтобы изучаемые песни были записаны от разных певцов, разными собирателями, в разных областях и в разное время. Только таким образом станет возможным избежать явлений, типичных только для одной группы исполнителей, одной местности или отдельного собирателя. В-восьмых, необходимо обращать внимание на то, что один и тот же термин может определяться по-разному стиховедами и музыковедами. Например, *тонический стих* для стиховедов означает акцентный стих с переменным числом слогов между главными ударениями, для музыковедов же — *равносложную строку* с постоянными ударениями на специфических слогах. Термин *цезура* для стиховедов относится к постоянному словоразделу внутри строки, для музыковедов — к *кадансу* или *паузе* в конце музыкальных фраз, периодов или *строф*.

Каждый, кто перелистывал сборники русских народных песен, знает, что число слогов в строке может широко меняться даже в записях одной и той же песни. Следовательно, не существует точной границы между *равносложными* и *разносложными* словесными текстами. Это, конечно, осложняет выбор песен определенной стиховой формы. Та же сложность встречается и в анализе литературного стиха. При составлении метрических справочников к стихотворениям русских поэтов не меньше 75 % всех строк в данном произведении должно соответствовать одному размеру, чтобы подтвердить его наличие.¹² В отношении народных песен было применено несколько более строгое требование: одному *равносложному* размеру должно соответствовать не меньше 80 % всех строк. Такие требования принимают в расчет «естественные» ошибки певцов при исполнении устной поэзии и возможные ошибки собирателей, редакторов и наборщиков. Анализ многочисленных словесных текстов обнаружил в русских народных песнях сосуществование трех общих типов стиха: 1) *равносложные метры* (например, форма 5 + 5); 2) *акцентный стих*; 3) *безразмерный стих*, отличающийся только повторением строк, без определенного числа главных ударений и слогов. Эти три типа стиха встречаются в сборниках рядом, что является одной из самых больших загадок в вопросах эволюции народного стихосложения.

Глава вторая. Ритмические характеристики трех русских лирических народных метров. Здесь рассматриваются песни каждого из трех метров, что позволяет дать основные понятия «русского метода». Главную трудность представляет акцентуация, отличающаяся от литературных норм. В публикациях народных песен не существует общего требования к обозначению ударений. Как правило, собиратели отмечают только *нелитературные ударения*, предполагая у всех дру-

¹⁰ Путилов Б. Н. Вопросы текстологии произведений русского фольклора // Издание классической литературы. М., 1963. С. 17—58.

¹¹ Гиппиус Е. В. Сборники русских народных песен М. А. Балакирева // Балакирев М. Русские народные песни. М., 1957. С. 255—267.

¹² Русское стихосложение XIX в. / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 8.

гих слов литературное ударение. Часто и они отмечаются только спорадически или не отмечаются совсем; только в сборниках, дающих нелитературные ударения подробно и последовательно, можно получить верную информацию об акцентуации народного стиха и можно понять, что акцентуация представляет собой неотъемлемую часть поэтического языка народных песен и что словесное ударение выполняет важную роль в создании словесного ритма. Для настоящего исследования из публикаций народных песен было отобрано свыше 80 000 примеров с обозначенными ударениями.

Начиная с Востокова¹³ ученые отмечали особую акцентуацию народной поэзии. Всякий, кто хоть немного знаком с народными песнями, привык к таким вариантам, как *дэвица, мóлодец, свéтлица, рóдный* или *сахáрный*. В отношении традиционных фраз, таких как *ко белú шатру, ясна сóкола* и *мáть сырá земля*, давно учитывается, что единое главное ударение падает на средний слог и что все другие слова атонируются и становятся проклитиками или энклитиками. Также считается, что в таких фразах, как *во чистó поле*, единое главное ударение появляется на окончании краткого прилагательного, причем следующее существительное теряет свое ударение и становится энклитикой.¹⁴ На самом же деле в собраниях с последовательно отмеченными нелитературными ударениями слова в подобных фразах звучат так: *ко белú шатру, ясна сóкола* и *мáть сырá земля*. В словосочетаниях типа *во чистó полé* ударение существительного обычно перемещается к концу, а типа *кóдня дóброго* к началу. В таких фразах более сильное, фразовое (или синтагматическое), ударение появляется на среднем слоге, а более слабое, словесное, ударение на других слогах. Наличие тысяч отмеченных ударений в отобранных примерах показывает, что «теория клитик» не подтверждается на материале народно-песенной акцентуации.¹⁵

С первого взгляда может показаться, что варианты словесных ударений в народной поэзии появляются хаотически. Однако в песнях с хорошо ощутимым метром видно, что певцы обычно выбирают именно те варианты ударений, которые согласуются с размером. В этом нет ничего необычного: литературные поэты, сочиняя стихотворения в каком-нибудь метре, соблюдают тот же самый принцип.¹⁶ Выбор подходящих ударений показывает, как ритмическая функция влияет на сложение песни.

На примере свадебной песни из собрания Гуляева (с. 45) можно проследить, как, согласно «русскому методу», выбираются вариантные ударения:

Семенá ли, мóи сéмена,	x x x x x x x x
Семенá мой сахáрные!	x x x x x x x x
Вáс немнóго бýло сéяно —	x x x x x x x x
Уж кáк мнóго уродíлося,	x x x x x x x x
5 Трí раздóбля, трí ширóкие!	x x x x x x x x
Ты кóсá ли, мóя кóсонька!	x x x x x x x x
Кáк досéлева-то, кóсоньку,	x x x x x x x x
Заплетáла рóдна мáтушка,	x x x x x x x x
Чтó мелкíм онá, мелкóшенько.	x x x x x x x x
10 А тепéрь мою русú косú	x x x x x x x x
Расплетáют ёе нáдвое;	x x x x x x x x
Обвивáют вкруг буйнóй главý;	x x x x x x x x
Надевáют схíму чёрную!	x x x x x x x x
Мнé не снýть её, не сбросíти,	x x x x x x x x
15 Чтó от млáдости до стáрости,	x x x x x x x x
До седóго, бéла вóлоса.	x x x x x x x x
Кáк досéле схíма чёрная	x x x x x x x x

¹³ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. 2-е изд. СПб., 1817.

¹⁴ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 415; Штокмар М. П. Исследования... С. 239—291.

¹⁵ Для примера фонетической записи см.: Кастров А. Ю., Марченко Ю. И., Саппок К. Музыкально-поэтические жанры севера России. СПб., 1991.

¹⁶ Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.

По дворáм она́ валя́лася,	x x x x x x x x x
По подлáвочью таскáлася;	x x x x x x x x x
20 А тепе́рь-то схíма чёрная	x x x x x x x x x
Она́ мне-то пригодíлася,	x x x x x x x x x
На мою́, буйну́ голо́вушку!	x x x x x x x x x

Все строки состоят из девяти слогов, в каждой строке есть дактилическое окончание, и из 75 слов 55 (73.3 %) имеют литературное ударение. Гуляев отметил ударения еще у семи слов: *мои́ се́мена* (строка 1), *сахáрные* (2), *русу́ косу́* (10), *буйно́й* (12), *буйну́* (22); у слов *досе́лева* (7) и *подлáвочью* (19) — диалектное ударение; народно-поэтические частицы *что́* и *каќ* имеют ударения в пяти строках (4, 7, 9, 15, 17).¹⁷ В виду того что почти все ударения появляются на нечетных слогах, можно заключить, что ритм здесь — 4-стопный хорей с дактилическим окончанием, т. е. стиховая форма, в которой метрические ударения падают на нечетные слоги. Хотя сначала может показаться, что ударения шести многосложных слов отклоняются от ритмической модели, но для этих слов в народной поэзии имеются варианты ударения, которые могут выбираться так, чтобы они падали на нечетные слоги: *мо́я косонька* (6), *ро́дна матушка* (8), *мелки́м мелкошенько* (9), *е́е* (11) и *о́на* (21).

После установления акцентуации можно начать анализ ритма. Строка делится на три части:¹⁸ анакруза, или слоги до первого икта (метрического ударения); основа, или слоги от первого икта до последнего икта; и клаузула, или слоги после последнего икта. Метры определяются числом слогов в интервалах между иктами: в двусложных метрах есть постоянный односложный интервал (ямб и хорей) и в трехсложных метрах есть постоянный двусложный интервал между иктами (дактиль, амфибрахий, анапест). В хорее, например, нечетные слоги образуют сильные места, или икты, а четные слоги образуют слабые места. В русских двусложных метрах происходит взаимодействие абстрактного метра (метрической модели) и конкретного ритма (распределения ударений так, как они действительно существуют в стихотворении). Насколько ритмические черты соответствуют метрической схеме, показывают подсчеты. Понятия константа (всегда) и тенденция (часто) указывают на встречаемость элементов метра в ритме.

В табл. 1 отражено количество ударений на каждом слоге строки в свадебной песне из собрания Гуляева и даются их проценты с учетом всех строк. Почти все ударения (72 из 75, или 96.0 %) появляются на нечетных слогах; два исключения касаются ударений, встречающихся на последнем слоге дактилического окончания (в строках 10 и 12); единственное ударение на четном слоге возможно на частице *как* (4). Большинство ударений встречается на нечетных слогах, и поэтому можно заключить, что нечетные слоги образуют сильные места, четные — слабые. Такое чередование обычно ударных нечетных слогов и обычно безударных четных слогов соответствует принятому определению хорейского стиха. На 3-м и 7-м слогах (2-й и 4-й икты) стоит ударение во всех строках (константы), 1-й и 5-й слоги (1-й и 3-й икты) несут ударение часто (50.0 и 77.3 % — тенденции), четные слоги почти все безударные (от 0.0 до 4.6 %). Четные икты несут ударение чаще, нечетные реже: это явление называется акцентной диссимилиацией и представляет собой один из просодических законов как литературного, так и народного русского стихосложения.¹⁹ Таким образом, статистический анализ показывает, что ударения в этой песне распределяются не случайно, а согласно определенной ритмической структуре, которая типична и для литературного 4-стопного хоря.

¹⁷ Когда слушаешь записи и изучаешь фонетические транскрипции песен, создается именно такое впечатление.

¹⁸ Подробнее см.: Тарановски К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953. Ч. 1—2.

¹⁹ Там же. С. 333—351.

Таблица 1

Распределение ударений в 4-стопном хорее

Икты	I		II		III		IV	
	1	2	3	4	5	6	7	8
Слоги								
Всего	11	1	22	0	17	0	22	0
ударений								
Процент	50 0	4 6	100 0	0 0	77 3	0 0	100 0	0 0

При анализе ритма необходимо обращать внимание и на возможность цезуры. Известна гипотеза, что 9-сложник делится на полустипия в 3 + 6 или 5 + 4 слогов (Банин, с. 75). В табл. 2 отмечено, сколько раз словораздел появляется перед каждым слогом в записи Гуляева. Подсчеты показывают, что постоянного словораздела здесь нет и, следовательно, нет цезуры (кстати, цезуры нет и в литературном 4-стопном хорее).²⁰

Таблица 2

Расположение словоразделов в 4-стопном хорее

	2	3	4	5	6	7	8	9
Перед слогами	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего случаев	9	1	6	13	10	10	2	0
Процент	40 9	4 6	27 3	59 1	45 5	45 5	9 1	0 0

Третья глава. Акцентуация в языке народных песен. В конце XIX и начале XX в диалектологи записывали народные песни как примеры диалектной речи. Только постепенно осознавалось, что диалект и язык относящихся к нему фольклорных произведений не тождественны.²¹ В связи с этим встал вопрос, выражается ли язык фольклора в диалекте исполнителей полностью,²² или он представляет собой «наддиалектное образование», которое распространяется за пределы данного региона.²³ Мы подчеркиваем, что язык народных песен подчиняется также поэтической и ритмической функциям, что не свойственно разговорной речи певцов. В результате возможны некоторые общие заключения о связи диалекта и соответствующего ему фольклора. Различия встречаются в фонетике, морфологии, синтаксисе и в лексике, причем наименьшие отклонения в фонетике и наибольшие — в лексике. Специалисты по другим славянским традициям пришли к подобным же выводам.²⁴

Ф. Е. Корш писал, что «без предварительных сведений об ударениях трудно приняться и за исследование самих размеров».²⁵ За исключением З. М. Петеневой, написавшей исследование об акцентуации в былинах,²⁶ этим предметом занимались стиховеды. Исследование акцентуации помогает подтвердить мысль, что язык фольклора представляет собой отчетливую подсистему русского языка. Для аналитика словесный текст песни неполон без маркирования всех «нелитературных» ударений.

Каждый читатель сборников с обозначенными ударениями привыкает к переменным ударениям слов в отдельной строке или в смежных строках. Хотя может показаться, что ударения в нижеследующих примерах случайны, на самом деле они все находятся на нечетных слогах и поэтому помогают создать «правильные» хореические строки. Такие примеры показывают, как выбор вариантов ударений в народных песнях может быть мотивирован ритмически.

²⁰ Там же С 354—356, табл 1

²¹ Hošek Ignac О poměru jazyka písní narodních k místnímu nářečí // Rozpravy České akademie pro vědy, Slovesnost a umění v Praze 1897 Т 3 Вып 4 С 21—22

²² Евгеньева А П Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв М, Л, 1963 С 17

²³ Артеменко Е В Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации Воронеж, 1977 С 23

²⁴ Bartminski Jerzy О języku folkloru Wrocław, 1973

²⁵ Корш Ф Е О русском народном стихосложении // Сб Отд рус яз и словесности 1901 Т 67, № 8 С 49

²⁶ Петенева З М Язык и стиль русских былин Львов, 1985

Выбирал коня́ да ко́ня лучшего...

(Григорьев, т. 1, с. 31)

Тут худая та же́на, да же́на умная...

(Гильфердинг, т. 1, с. 157)

Ничего ты, поле, не поро́дило,
Поро́дило част раки́тов куст...

(Листопадов, т. 2, с. 290)

Согоняет со синя́ моря́,
С синя́ моря́, сбела камешка...

(Маслов, с. 464)

Мы приводим примеры ударений, отмеченных в собраниях с середины XVIII в. до наших дней почти для всех частей речи. Большинство цитат дается в традиционных словосочетаниях, чтобы показать, как выбор ударений большей частью зависит от ритмического контекста. С точки зрения современного литературного языка акцентуация в народных песнях может быть разделена на следующие шесть категорий: литературное, просторечное, диалектное, архаичное, народнопоэтическое и искусственное ударение. Хотя «искусственная категория» может показаться сомнительной, но Тарановский, например, утверждает, что искусственные ударения, сделанные единственно для приспособления слова к размеру, представляют собой самое обычное явление в народных песнях всех славянских языков.²⁷

Глава четвертая. Равносложность в народных песнях. Хотя русские народные песни с равносложными строками встречаются нечасто, можно найти достаточно примеров, в которых певцы обнаруживают тонкое чутье к силлабизму, используя разнообразные элементы языка народной поэзии для создания песен с более или менее равным числом слогов в строке.

Когда в каком-либо языке имеются силлабические варианты, поэты свободно ими пользуются, чтобы соблюсти равносложность строк. Например, русские поэты могут выбрать одну форму из следующих пар: частицы *бы/б, ли/ль* и *же/ж*; союзы *или/иль* и *чтобы/чтоб*; возвратная частица *-ся/-сь* после гласного; окончания женского рода единственного числа *-ою/-ой*; и окончания *-ие/-ье* для некоторых существительных. Народные певцы также осознают урегулированность силлабизма в песнях и действуют как поэты, только круг фонетических вариантов, имеющих в разговорной речи²⁸ и в диалектах,²⁹ гораздо шире: *вид'ли = видели* (Соколов, с. 474), *'що = еще* (Григорьев, т. 1, с. 277), *од'яло = одяло* (Астахова, т. 1, с. 437), *пер'менить = переменить* (Прокунин, с. 72), *просиж'вала = просиживала* (Прокунин, с. 10), *стор'ну = сторону* (Астахова, т. 1, с. 493). Само собой разумеется, если словесные тексты не записаны точно или если они правятся по литературным нормам, ритмический анализ становится затруднительным. Так, при изучении силлабизма в народной поэзии неизбежно поднимаются вопросы текстологии.³⁰

Частое отсутствие взорсиллабизма в словесном тексте русских народных песен возможно приписать, по крайней мере частично, влиянию протяжной песни. И. И. Земцовский подчеркивает, что протяжная песня представляет собой не жанр, а музыкальную форму: многие лирические песни могут исполняться как протяжные песни и один и тот же словесный текст может петься тем или иным образом.³¹ В протяжной песне целая музыкальная фраза может основываться на одном слоге и напев разбивает словесный текст на своеобразные фрагменты вставлением частиц, междометий, повторением слов и словообрывов; из-за этого

²⁷ Тарановски К. (рец.). М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения // Южнославянский филолог. 1955—1956. Т. 21. С. 353.

²⁸ Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973. С. 38—86.

²⁹ Русская диалектология / Отв. ред. Н. А. Мещерский. М., 1972. С. 110—113, 167, 170—178, 193—198.

³⁰ Путилов Б. Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 1. С. 109—113.

³¹ Земцовский И. И. Русская протяжная песня. Л., 1967. С. 5—9, 41—44.

исчезает равносложность. Отрывок из одной лирической песни покажет, как протяжная песня влияет на словесный текст. Песня, имеющая зачин «Из-за лесу, лесу темного», повествует о молодой замужней женщине, которая хочет вернуться к родителям. В большинстве вариантов основной размер ее — 4-стопный хорей с дактилическим окончанием, но некоторые варианты были записаны как протяжные песни.³² Приведем начальные строки варианта протяжной песни, в которой повторяются все строки, кроме первой и последней:

Ай, из-за лесу-ту, да из-за те лесу... ой, ли темного,
Уж да из-за садичка, ой, саду зеле... ой, зеленого,
Из-за садичка, уж саду ли зеле... зеленого,
Уж да по... подымалася ту... ой, да туча те... ой, да темная,
Подымалася ту... ой, да туча те... ой, да темная...

(Колпакова, № 46)

А. А. Банин предлагает метод для выделения совместных черт музыкального и словесного ритмов на основе гипотезы, что во всех вариантах лирической песни имеется «слогоритмический инвариант».³³ Он выделяет четыре уровня в ритмической организации песни: 1) музыкальный ритм; 2) слоговой ритм словесного текста; 3) обобщенный слоговой ритм строфы без частиц, междометий, повторных слов и словообрывов и 4) обобщенный слоговой ритм словесного текста без повторения строк, вызывающегося музыкальной строфой. Первые два уровня отражают напев и словесный текст лирики, поющей как протяжная песня, но последние два уровня представляют собой глубинную ритмическую структуру. Четвертый уровень составляет ритмический инвариант, присущий всем вариантам.

Третий уровень у Банина может иллюстрироваться исключением всех несущественных элементов в словесном ритме той же песни; четвертый уровень приобретает исключение повторения всех строк, порождающихся музыкальной строфой. После того как эта процедура проводится, оказывается, что словесный ритм соответствует большей частью 4-стопному хорю с дактилическим окончанием. Приведем словесный отрывок, отражающий третий уровень, по Банину; ритмический анализ дает четвертый уровень:

Из-за лёсу, лёсу тёмного,	x x x x x x x x
Из-за садичка зелёного,	x x x x x x x x
Из-за садичка зеленого,	
Подымалась туча тёмная,	x x x x x x x x
Подымалась туча темная...	

Свадебная лирическая песня, взятая из собрания Гуляева, может показать, как певцы выбирают языковые варианты, чтобы урегулировать число слогов в строке. В частности, это относится к «наполнительным частицам», представляющим собой важную стилистическую окраску устной поэзии. Хотя частицы *ли* (строки 1, 6), *уж* (4), *как* (4, 17), *что* (9, 15) и *-то* (20, 21) не обязательны, певцы легко могут их включить, чтобы создать 9-сложные строки. Подобным образом исполнители могут вставить полную форму возвратного *-ся* после гласного, чтобы сохранить дактилическое окончание (4, 18, 19, 21). В некоторых случаях певцы используют синлабические варианты, как, например, *доселева* (7) вместо *доселе* (17) или *вкруг* (12) вместо *вокруг*, чтобы соблюсти равносложность строк. Кроме того, они могут выбрать полногласные или неполногласные варианты некоторых слов: в записи Гуляева встречаются формы *главы* (12) наряду с формами *головушку* (22) и *младости* (15) вместо *молодости*, которая разрушила бы 9-сложную строку. Краткие и полные формы прилагательных сочетаются в строке 16 — «до седого, бела волоса»; литературное инфинитивное окончание *-ть* или архаичное *-ти* в строке 14 — «мне не снять ее, не сброси-

³² Bailey James. The Metrical Invariant...

³³ Банин А. А. Об одном аналитическом методе музыкальной фольклористики // Музыкальная фольклористика. М., 1978. Т. 2. С. 117—157.

ти»; исходная форма слова и более длинная производная в строке б — «ты коса ли, моя косонька».

Такие места открывают изобилие силлабических вариантов в языке народных песен и обнаруживают, как певцы, овладевшие устной поэзией, могут искусно использовать языковые возможности, чтобы соблюсти равноритмность в любой песне. Записи Гуляева свидетельствуют, что силлабизм не целиком чужд русской традиции. Следовательно, гипотеза Трубецкого о разрушении равноритмности после потери слабых еров нуждается в пересмотре.

Глава пятая. Народный песенный размер 5 + 5. Форма 5 + 5 восходит к славянскому лирическому стиху, обладающему цезурой и состоящему из двух симметричных полустихий в 4 + 4, 5 + 5 или 6 + 6 слогов. Некоторые ученые считают, что форма 5 + 5 является эпическим стихом,³⁴ но другие относят его к общеславянскому лирическому стиху.³⁵ Якобсон и Тарановский также замечают, что цезура была потеряна в русском эпическом стихе.³⁶

Вопреки тому, что, судя по печатным текстам, народные лирические песни нестрофичны, напев может создавать строфы с помощью повторений разного рода.³⁷ Самыми распространенными типами являются повторения всех строк (АА, ББ, ВВ...) или всех строк, кроме первой и последней (АБ, БВ, ВГ...). Лирические песни в размере 5 + 5 также могут образовывать двустихные строфы, в которых вторая строка состоит из начального полустихия, содержащего бессмысленные слоги (ой ли, ой люли), и из последнего полустихия, повторяющего второе полустихие предыдущей строки (аб, пб, вг, пг...). Включение таких повторений и припевов в анализ увеличило бы число строк резко, и поэтому как основной словесный текст для разбора ритма употребляется чистый текстуальный аналог, т. е. текст без повторений и припевов. Б. М. Добровольский оправдывает такой подход, указывая, что одна и та же песня может исполняться с такими повторениями или без них.³⁹ Еще одна проблема возникает, когда собиратели в печати делят строки на 5-сложные сегменты. В виду того что такие «полустроки» обычно появляются парами и встречаются только в 49 из 318 песен, было решено считать, что строки всегда состоят из десяти слогов.

В табл. 3 приводится процент ударности каждого слога во всех песнях нашего размера. Получается отчетливая картина ритмической структуры — 3-й и 8-й слоги представляют собой константные ударения, крайние слоги полустихий (слоги 1, 5, 6, 10) имеют ударение (от 25.7 до 51.4 %), остальные — редко. Уникальный ритм размера 5 + 5 создается взаимодействием константных фразовых ударений на среднем слоге полустихий и факультативными словесными ударениями на крайних слогах. Словораздел перед шестым слогом соблюдается в 97.3 % всех строк; это показывает, что русские певцы создают цезуру в лирическом стихе, хотя они не используют ее в повествовательном стихе.

Нами выделяется несколько общих жанровых признаков⁴⁰ для песен в размере 5 + 5. Игровые и хороводные песни, свадебные (большей частью причитания и величальные песни) и любовные песни составляют большинство (от 19 до 25 %); исторические, тюремные и солдатские песни и баллады встречаются реже (от 4 до 7 %). За исключением свадебных песен, обрядовые и календарные песни отмечены редко — в отличие от других славянских традиций, в которых обрядовые песни представлены широко в этом размере.⁴¹ Три единичных при-

³⁴ См., например: *Гошовский В.* У истоков народной музыки славян. М., 1971. С. 115—117.

³⁵ *Horálek Karel.* Studie o slovanské lidové poezii. Прага, 1962. С. 154—191; *Jakobson R.* Slavic Epic Verse. S. 452—455; *Тарановски К.* Roman Jakobson; *Vodušek V.* Arhaični slovanski peterec-desetere v slovenski ljudski pesmi // Slovenski etnograf. 1959. Т. 12. S. 181—202.

³⁶ *Jakobson R.* Slavic Epic Verse. S. 444; *Тарановски К.* Roman Jakobson. С. 354.

³⁷ *Кулаковский Л. В.* Песня: ее язык, структура, судьбы. М., 1962. С. 248—272.

³⁸ Большие буквы означают строку, малые — полустроки и «пр.» — припев.

³⁹ *Добровольский Б. М.* Цепная строфика русских народных песен // Русский фольклор. Л., 1966. Т. 10. С. 241—242.

⁴⁰ О жанрах см.: *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962; *Пропп В. Я.* Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность. М., 1976. С. 46—82.

⁴¹ *Vodušek V.* Arhaični slovanski peterec-desetere. S. 201; *Земцовский И. И.* По следам веснянки. Л., 1987. С. 73—74, 110—112.

Расположение ударений в песнях метрического размера 5 + 5

Слоги	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Процент	51.3	7.0	100.0	2.4	51.4	45.5	3.4	100.0	0.4	25.7

мера былины обнаружены в казачьих песнях, исполняющихся хором и представляющих собой лирические песни.⁴² Таким образом, как и в других славянских языках, русский вариант размера 5 + 5 в сущности является лирическим, а не эпическим.

Согласно исследованию Водушека, в других славянских традициях константное ударение в каждом полуступиши размера 5 + 5 обычно падает на четвертый и девятый слоги (x x x \acute{x} x | x x x \acute{x} x),⁴³ а не на третий и восьмой, как в русской версии (x x \acute{x} x x | x x \acute{x} x x). Хотя эти две стиховые формы исходят из общеславянского прототипа, их ритмические структуры в новое время, по-видимому, отличаются друг от друга. Принятие в расчет только силлабизма может привести к неправильному заключению: стиховые формы с одинаковым числом слогов на самом деле могут выявить совсем разные ритмические структуры в зависимости от места ударений. Становится очевидной необходимость сравнительного исследования русского народного стихосложения со славянской метрикой.

Глава шестая. Свадебные песни в четырехстопном хорее с дактилическим окончанием. До сих пор большинство ученых не принимают утверждения Тредиаковского, что он открыл источник хореической реформы литературного силлабического стиха в народных песнях. Такое положение, вероятно, можно приписать новаторскому и все еще влиятельному «Опыту» Востокова об акцентном стихе в народной поэзии.⁴⁴ Уже в 1817 г. Самсонов, выражая господствующее до тех пор мнение, писал: «...нет ни одной старинной песни, тем менее сказки, в которой бы все стихи состояли из равного числа слогов и имели на определенных местах ударения».⁴⁵ Среди тех немногих, кто не разделял такой взгляд, был Гильфердинг (т. 1, с. 66—67), указывавший, что основной размер былины — 5- и 6-стопный хорей; позже Якобсон, Тарановский и автор этой статьи отмечали хореические стихи в былинах и в похоронных причитаниях.⁴⁶ В конечном итоге, не термины сами по себе («хорей» или «анапест») имеют существенное значение, а ритмические структуры и схемы, встречающиеся в стихах многих языков.

Изучение 4-стопного хороя было ограничено свадебными песнями, потому что это один из самых распространенных размеров в русских народных песнях. Здесь имеются некоторые отличия от песен в размере 5 + 5. Припев не употребляется, строки не делятся в печатном тексте, и в длинных севернорусских свадебных причитаниях не встречается строфа, потому что стих и напев соответствуют друг другу, образуя так называемую строчную форму. Все остальные типы повторений в строфах одинаковы.

Мы учитывали шесть различных жанров свадебных песен: величальные, корильные, лирические, плясовые, причитания и церемониальные песни.⁴⁷ В 4-стопном хорее половина песен представляет собой причитания (50 %), около четверти в свадебных лирических песнях (27 %), некоторые величальные песни (10 %) и только изредка остальные типы. Связь между некоторыми размерами

⁴² Коргузалов В. В. Структуры сказительской речи в русском эпосе // Русский фольклор. 1966. Т. 10. С. 128.

⁴³ Vodušek V. Arhaični slovanski peterec-deseterec. S. 187.

⁴⁴ Штокмар М. П. Исследования... С. 17—135.

⁴⁵ Самсонов Д. Крайнее рассуждение о русском стихосложении // Вестник Европы. 1817, август. Т. 94, № 15—16. С. 250.

⁴⁶ Bailey James. 1) The Metrical Invariant...; 2) The Metrical Typology of Russian Narrative Folk Meters. American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. Columbus; Ohio, 1978. Т. 1. S. 82—103; Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 429—444; Тарановски К. (ред.). М. П. Штокмар. Исследования... С. 357—359.

⁴⁷ См., например: Колпакова Н. Л. Лирика русской свадьбы. Л., 1973. С. 241—264; Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М., 1978. С. 6—126.

и отдельными свадебными жанрами, по-видимому, подтверждает схожие выводы, которые делает С. Анашкина в своем исследовании напевов и стиховых форм в свадебных песнях, записанных в одной области Донца.⁴⁸

Чтобы сравнить народный 4-стопный хорей с литературным, в табл. 4 дается распределение ударений в свадебных песнях и в поэме Карамзина «Илья Муромец» (1794),⁴⁹ — той, о которой Карамзин пишет: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами». В общем Карамзину удалось воспроизвести ритмику этого народного размера: и в литературном, и народном стихе здесь перед нами хорей (в нечетных слогах — тенденция к ударности, в четных — к безударности), и в нем есть акцентная диссимилиация (нечетные икты под ударением реже, а четные икты — чаще). В литературном и народно-песенном 4-стопном хорее обычно встречается именно такая двухчленная ритмическая структура. Поэты и певцы «слышат» ритм русской речи подобным образом; и те и другие ощущают основную просодическую особенность русского языка — ударение.

Таблица 4

Сравнение народного и литературного 4-стопного хорей

Икты Слоги	I		II		III		IV		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Свадеб. песни, %	46.0	5.4	100	5.2	50.6	2.1	100	0.2	9.9
Карамзин, %	53.1	2.9	97.1	2.1	47.1	0.8	100	0.2	23.4

Хореи уже были найдены в былинах, балладах, похоронных причитаниях и лирических песнях⁵⁰ — изучение свадебных песен дает возможность выделить хорей в еще одном жанре народной поэзии. Накопилось достаточно сведений для того, чтобы подтвердить наличие хорейских размеров в русском народном стихе в целом, как давно указывал Третьяковский.

Девятисложный размер редок в славянском народном стихе. Карел Горалек в своих работах о сравнительной славянской метрике вовсе не обращает внимания на этот стих.⁵¹ Жарко Ружич нашел единичные примеры в сербо-хорватских лирических песнях.⁵² При этом строка обычно имеет цезуру и делится на полустишия, содержащие 4 + 5 или 5 + 4 слогов. Вероятно, можно заключить, что 4-стопный хорей с дактилическим окончанием представляет собой русское новшество в славянском народном стихосложении.

Глава седьмая. Двухударный акцентный стих с дактилическим окончанием. Востоков, утверждая, что в повествовательном стихе три главных ударения, а в лирическом — два, отчетливо соотносит жанры с размерами. Однако в лирических песнях он выделяет также переходную форму, в которой число главных ударений колеблется от двух до трех.⁵³ Впоследствии композитор и критик П. П. Сокальский изобрел термин «вольный размер» для описания лирических песен, сложенных в 2-ударном акцентном стихе.⁵⁴ Он указывает, что строки песен в размере 5 + 5 легко расширяются и преобразуются в акцентный стих вставлением наполнительных слов.

Чтобы разобраться в типологии акцентного стиха, вводится понятие базовый метр как средство решить, какие именно песни могут быть примерами разных типов акцентного стиха. Базовый метр зависит от типа строки, встречающейся наиболее часто в данной песне; так, от 40 до 80 % строк должно совпасть, например, с размером 5 + 5, для того чтобы его можно было назвать базовым метром. Такой подход может показать ритмическую эволюцию в народном

⁴⁸ Анашкина С. Свадебная обрядность донецких казаков // Сб. трудов Гос. муз.-пед. ин-та им. Гнезисных. 1976. Вып. 29. С. 113—136.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 149—161.

⁵⁰ Bailey James. 1) The Metrical Invariant...; 2) The Metrical Typology...; Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 429—444; Тарановски К. (рец.). Roman Jakobson.

⁵¹ Horálek Karel. Studie. S. 126—246.

⁵² Ружич Жарко. Над загнетком стиха. Нови Сад, 1986. С. 20—39.

⁵³ Востоков А. Опыт о русском стихосложении. С. 105—108, 139—141.

⁵⁴ Сокальский П. П. Русская народная музыка. Харьков, 1888. С. 236—269.

стихосложении: как от расширения одного равносложного размера возникает определенный тип акцентного стиха и как появляются варианты песни в равносложном размере и в акцентном стихе.

Песни в 2-ударном акцентном стихе выявляют те же самые типы повторов строфы, припевов и деления строк на полустушия, которые встречаются в размере 5 + 5. Анализ производится для того, чтобы выявить ритмическое разнообразие 2-ударного стиха и показать, что этот стих имеет некоторое сходство со стихами других размеров. Большинство строк 2-ударного стиха совпадает с размером 5 + 5 (61 %), но остальные содержат от 8 слогов (2-стопный анапест — Аи2д) до 12 слогов (3-ударный акцентный стих — АЗд). Жанровые признаки близки песням в размере 5 + 5. Свадебные, любовные и солдатские песни находятся в большинстве (от 17 до 24 %); баллады же, как и плясовые, разбойничьи и исторические песни, встречаются менее часто (каждая по 8 %); календарные песни редки; обнаружилась одна былина (Пальчиков, № 37, песня 1). Таким образом, 2-ударный акцентный стих с базовым размером 5 + 5 также является лирическим стихом.

Начальные строки из трех вариантов одной плясовой песни могут проиллюстрировать, как произведение, первоначально сложенное, вероятно, в размере 5 + 5, преобразуется в 2-ударный акцентный стих путем расширения середины строки. Первый вариант сочинен в размере 5 + 5, второй сложен в 2-ударном акцентном стихе с базовым размером 5 + 5 и третий представляет собой переходную форму Востокова, колеблющуюся между 2-м и 3-м главными ударениями в строке. В обозначении ритма первое число относится к слогам в анакрузе, второе число — к слогам в интервале между двумя главными ударениями, показанными тире, третье число — к слогам в окончании; знак «/» указывает фразировку; совпадающие типы размеров даются в скобках.

Прокунин, № 40 — размер 5 + 5

Я вечёр млада / во пиру́ была,	2-4-2 (5+5)
Во пиру́ была / во бесе́душке;	2-4-2 (5+5)
Я не ме́д пила — / сладку во́дочку,	2-4-2 (5+5)
И не рю́мочкой / не стака́нчиком...	2-4-2 (5+5)

Лаговский, т. 1, № 119 — 2-ударный акцентный стих

Я вечёр, молода, / во пиру́ была,	2-5-2 (АиЗд)
Во пиру́ была / младёнька, / во бесе́душке.	2-7-2 (Х6д)
Я не ме́д пила / и не по́лпивцо,	2-4-2 (5+5)
Я не ко́фе-чай / пила́, / сладку во́дочку...	2-6-2 (АЗд)

В. Попов, № 46 — переходная форма⁵⁵

Я вечёр, молода, / во пиру́ была,	2-5-2 (АиЗд)
Во пиру́ была / пиру́чке, / во бесе́душке.	2-7-2 (Х6д)
Я была́ молода, / у ми́ла дру́жка.	2-5-2 (АиЗд)
Я не ча́й пила, / не во́дку, / не ча́й ку́шала...	2-7-2 (Х6д)

Глава восьмая. Типология народных размеров с дактилическим окончанием. Цель этой главы — достигнуть лучшего понимания трех изучаемых размеров в контексте всех русских народных размеров с дактилическим окончанием. Метрическая типология дает возможность точнее выяснить связь между равносложными размерами и акцентным стихом, яснее выделить жанровые ассоциации лирического и эпического стиха и пересмотреть главные теории о народном стихосложении. Для анализа всех других размеров было выбрано по 500 строк. Общие требования были соблюдены, чтобы найти подходящие словесные тексты для каждого равносложного размера и для каждого типа акцентного стиха. Несколько баллад, исторических песен, небылиц, былин и одно похоронное причитание были использованы, чтобы охватить повествовательный стих как можно полнее.

⁵⁵ Строки в вариантах Лаговского и Попова разделены в печати; в песне Попова все полустроки повторяются.

Типология обнаруживает три общих типа стиха с дактилическим окончанием. Во-первых, встречается шесть равносложных размеров: 3-стопный хорей (7 слогов), 2-стопный анапест (8), 4-стопный хорей (9), форма 5 + 5 (10), 5-стопный хорей (11) и 6-стопный хорей (13). Во-вторых, по базовому метру имеются восемь типов 2-ударного или 3-ударного стиха. В-третьих, есть три типа стиха в былинах: 3-ударный акцентный стих, вольные хорей, в которых число стоп колеблется от четырех до восьми, и безразмерный стих. Более короткие стихи (от 7 до 10 слогов) связываются с лирическими жанрами; более длинные стихи (от 11 до 13 слогов) относятся главным образом к повествовательным жанрам. Цезура употребляется в некоторых типах лирического стиха, но отсутствует в повествовательном стихе. В общем, подтверждаются жанровые различия, выделенные Востоковым, между 2-ударным лирическим стихом и 3-ударным повествовательным стихом.

На основе этой метрической типологии можно сделать несколько заключений о происхождении и историческом развитии русского народного стихосложения. Во-первых, народные песни богаты вариантами, хорошие певцы могут регулировать силлабизм в лирических песнях; поэтому кажется, что при потере слабых еров в языке исполнители очень легко могли бы восстановить в песнях равносложные строки. Объяснение разрушения силлабизма в эпическом стихе, предложенное Трубецким,⁵⁶ годится для устойчивого литературного текста, но не для переменного народно-песенного. Следовательно, надо будет искать другое объяснение потери равносложности в русской фольклорной традиции.

Во-вторых, равносложные размеры гораздо лучше сохраняются в лирических песнях, чем в былинах. В эпическом стихе 5-стопный хорей крайне редко встречается в чистой форме, и 6-стопный хорей употребляется большей частью в похоронных причитаниях.⁵⁷ Былины сложены другими типами стихов, которые имеют большие силлабические колебания и, по-видимому, уже потеряли равносложность до того, как их начали записывать во второй половине XVIII в. Стиховеды, сосредоточившись на более «престижном» эпическом стихе, внесли значительный вклад в изучение сравнительной славянской народной метрики, но такой «перекос» интереса привел к ошибочному предположению, что русское народное стихосложение потеряло равносложность везде и полностью. Музыковедам удалось выделить многие равносложные стиховые формы в лирических песнях, но они занимаются большей частью «силлабо-ритмическим анализом» и обращают мало внимания на роль словесного ударения в ритме языкового текста.⁵⁸

В-третьих, 5-стопный хорей с дактилическим окончанием представляет собой редчайший размер в русских народных песнях. Даже образцово разобранный Якобсоном песня Кривополеновой «Вавило и скоморохи», где большинство строк сложено в 5-стопном хорее, имеет женское, а не обычное для былин дактилическое окончание.⁵⁹ Разбор свыше тысячи былин обнаружил только один бесспорный пример, в котором по крайней мере 80 % строк совпадает с 5-стопным хореем с дактилическим окончанием — небылица, состоящая из 32 строк (Астахова, т. 2, № 220). Дальнейшие поиски могут открыть и другие песни, но можно уже предположить, что в русской традиции этот размер явное исключение.

В-четвертых, исторически акцентный стих является вторичной формацией, происходящей от частичного распада равносложных размеров, а от дальнейшего разложения акцентного стиха мог образоваться безразмерный стих. Действительно, каждая песня, сложенная определенным равносложным размером, может в то же время существовать в вариантах, сложенных в акцентном стихе. В каждом типе акцентного стиха средняя строка длиннее, чем его исходный базовый метр. Трубецкой, Якобсон и Тарановский первые указали,⁶⁰ что строки в

⁵⁶ Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины. С. 356—358.

⁵⁷ Jakobson R. Slavic Epic Verse. С. 429—433; Тарановски К. Руски дводелни ритмови. С. 369.

⁵⁸ Банин А. А. Об одном аналитическом методе...; Руднева А. В. Ритмика стиха...

⁵⁹ Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilbler // Selected Writings. The Hague, 1966. Т. 4. S. 19—37.

⁶⁰ Jakobson R. Slavic Epic Verse. S. 434—444; Тарановски К. Roman Jakobson. С. 353—355; Трубецкой Н. С. К вопросу о стихе русской былины.

русских народных размерах, как в эпических, так и в лирических, исторически испытывают постепенное расширение.

Пятый вывод гораздо гипотетичнее. Отчего русские народные песни часто утрачивают изосиллабизм, тогда как песни в других славянских языках его широко сохраняют?⁶¹ То, что изосиллабизм большей частью имеется в украинских и белорусских лирических песнях, подсказывает, что причиной должно быть внеязыковое явление, возникшее в русской традиции после разделения восточнославянских языков в XIV в. Таким явлением можно считать протяжную песню, потому что она, по мнению Земцовской, представляет собой русскую инновацию, не встречается в других славянских традициях, появляется в Московской Руси после XIV—XV вв. и как музыкальная форма фрагментирует словесный текст и разрушает силлабизм.⁶²

Известно уже, какие плодотворные результаты дали сравнительные исследования славянского языкознания, фольклористики, музыковедения, этнографии и метрики. Кажется, настала пора обратить внимание и на то, как русский народный стих отклоняется от народного стиха других славянских языков. Например, русские песни сохраняют архаичную форму 5 + 5, но ее конкретная ритмическая структура отличается от таковых в других славянских языках. 4-стопный хорей с дактилическим окончанием является одним из самых распространенных русских народных размеров, но редко встречается в других славянских традициях. Десетерац является основным метром в сербо-хорватском эпосе, но равноценный 5-стопный хорей — редчайший размер в былинах. Другие главные особенности русского народного стихосложения — это отсутствие цезуры в повествовательном стихе, соблюдение цезуры в некоторых лирических стихах, дактилическое окончание во многих традиционных песнях, сосуществование равносложных размеров, акцентного стиха и безразмерного стиха и частая потеря изосиллабизма.

Глава девятая. Заключение. В этой главе суммируются результаты исследования, высказываются методологические и теоретические соображения, делаются замечания о соотношении языкового и музыкального ритмов и предлагается ряд тем для будущего изучения.

В песнях с хорошо выдержанным размером целесообразно анализировать словесный и музыкальный ритмы по отдельности и лишь потом сравнивать их и выяснять, чем они отличаются или как совпадают. Конечно, изучать словесный ритм без напева невозможно, но сперва каждый ритм должен быть изучен по присущим ему особенностям. Среди 1041 песни, исследованной в трех размерах, напев был приложен только для 190 — следовательно, один на каждые пять песен. То, что одни и те же ритмические характеристики проявляются в словесных текстах, опубликованных как с напевом, так и без такового, показывает, что напев не абсолютно необходим для разбора языкового ритма. Если словесный текст будет записан во время пения, он отразит взаимодействие словесного и музыкального ритмов.

Был проведен маленький эксперимент, чтобы решить, какой ритм, музыкальный или словесный, проявляет больше разнообразия. Были выбраны восемь вариантов свадебной лирической песни «Из-за лесу, лесу темного», опубликованных с напевом. В трех песнях появляется тождественный слогонотный ритм, но в остальных пяти встречаются разные слогонотные ритмы. Становится очевидным, что музыкальный ритм гораздо разнообразнее, чем словесный, который достаточно однообразен из-за константных ударений на третьем и седьмом слогах. Из такого анализа возможно сделать предварительный вывод, что один и тот же языковой размер может сосуществовать с разными музыкальными ритмами.⁶³

⁶¹ См.: *Frančević Marin*. O nekim problemima našega ritma. Zagreb, 1957; *Furmanik Stanisław*. O wierszu polskiej pieśni ludowej // *Z Zagadnień Wiersyfikacji Polskiej*. Warszawa, 1956. С. 93—133; *Horálek Karel*. Studie. С. 126—246; *Jakobson R.* Slavic Epic Verse; *Тарановски К.* Roman Jakobson.

⁶² *Земцовский И. И.* Русская протяжная песня. С. 5—20.

⁶³ Один и тот же ритм появляется в трех песнях: *Банин*, № 17; *Жежулина*, № 360; *Пальчиков*, № 85. В пяти вариантах развиваются пять разнообразных типов ритма: *Банин*, № 41; *Гиппиус*, с. 85; *Истомин*, с. 98—99, № 12; *Котикова*, № 112; *Лалин*, № 39.

Остается много невыясненного в области русских народных размеров, их ритмической структуры, метрической типологии, жанровых признаков, в их соотношении с музыкальным ритмом. Предложенные методы могут указать путь к дальнейшему изучению народного стихосложения.

Думается, что нам удалось рассеять некоторые необоснованные мнения о народном стихе — такие как «теория о клитиках», гипотеза об акцентном стихе как единственной форме народной метрики или утверждение, будто литературные и народные размеры не имеют ничего общего между собой. Наконец, остается надеяться, что материалы и выводы, представленные в проведенном исследовании, будут стимулировать более глубокое признание и понимание устной поэзии, мастерства народных певцов, их тонкого чутья к ритмам русской речи и их владения традиционным народнопоэтическим языком, заметно отличающимся как от разговорной речи, так и от литературного языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Астахова	— <i>Астахова А. М.</i> Былины Севера. М.; Л., 1938—1951. Т. 1—2.
Банин	— <i>Банин А. А., Вадакария А. П., Жекулина В. И.</i> Свадебные песни Новгородской области. Л., 1974.
Гильфердинг	— <i>Гильфердинг А. Ф.</i> Онежские былины. М.; Л., 1949—1951. 4-е изд. Т. 1—3.
Гиппиус	— <i>Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.</i> Народные песни Вологодской области. Л., 1938.
Григорьев	— <i>Григорьев А. Д.</i> Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1.
Гуляев	— <i>Гуляев С. И.</i> Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. 1848. Т. 90, отд. 3. С. 1—142.
Жекулина	— <i>Жекулина В. И., Коргузалов В. В., Лобанов М. А., Митрофанова В. В.</i> Традиционный фольклор Новгородской области. Л., 1979.
Истомин	— <i>Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.</i> Песни русского народа. СПб., 1899.
Колпакова	— <i>Колпакова Н. П., Соколов Ф. В., Добровольский Б. М.</i> Песни Печоры. М.; Л., 1963.
Котикова	— <i>Котикова Н.</i> Народные песни Псковской области. М., 1966.
Лаговский	— <i>Лаговский Ф.</i> Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний. Череповец, 1877. Вып. 1.
Лапин	— <i>Лапин В. А.</i> Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1970—1980 гг. Л., 1987. Вып. 1.
Листопадов	— <i>Листопадов А.</i> Песни донских казаков. М., 1950. Т. 2.
Маслов	— <i>Маслов А. Л.</i> Песни с Поволжья // Труды Музыкально-этнографической комиссии. 1906. Т. 1. С. 453—474.
Пальчиков	— <i>Пальчиков Н.</i> Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии. СПб., 1888.
Попов	— <i>Попов Василий.</i> Народные песни, собранные в Чердынском районе Пермской губернии. М., 1880.
Прокунин	— <i>Прокунин В.</i> Русские народные песни. М., 1928.
Соколов	— <i>Соколов Ю. М.</i> Онежские былины / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. Чичерова. М., 1948.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕСЕН, ПОСВЯЩЕННЫХ
ГРОЗНОМУ ЦАРЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

Раскрыв первый том академического свода русских исторических песен¹ или антологический однотомник в серии «Библиотека поэта»,² или какую-нибудь из предшествовавших ему антологий исторической песни, читатель обнаруживает поразительный факт: за превосходной песней «Щелкан», посвященной восстанию в Твери против ордынского баскака Чолхана в 1327 г., сразу же следует песня «Взятие Казани», где речь идет о походе к этому городу войск Ивана IV в 1552 г. — Ни одной исторической песни за 225 лет! — При том что последующий отрезок времени такой же протяженности отмечен 230 песнями (т. е. в среднем по одной песне на каждый год), из которых 29 песен относятся еще к событиям последующих 47 лет того же XVI в.

Давно выявив это странное обстоятельство, фольклористы по-разному объясняли его. Последняя точка зрения главную причину усматривает не в забвении, а в медленной эволюции способов отображения истории песенным эпосом после монголо-татарского нашествия: «Господствующими формами историко-песенного фольклора долгое еще время продолжали оставаться былинный эпос и семейно-бытовая баллада».³ Это общее заключение трудно иллюстрировать: песню о Щелкане можно назвать балладой, но едва ли — семейно-бытовой. Странно, что нет семейно-бытовых баллад, связанных с какими-нибудь известными нам конкретными историческими фактами всего XV столетия и первой половины XVI в., тогда как баллада «Щелкан» выделяется именно очевидной связью с вполне определенным событием, которое хорошо известно по летописям. В XV в. случались не только собственно политические, но и связанные с ними семейно-бытовые коллизии государственного масштаба; общественный резонанс их оказывался немалым, получал отображение в летописях и других письменных памятниках того времени. Особенно это относится к периоду после победы на Куликовом поле, а еще более — к эпохе, последовавшей за уничтожением ордынского ига и прежней феодальной раздробленности Руси в последней четверти XV столетия. Станным и в сущности не объясненным остается то обстоятельство, что «стабилизацию и начало расцвета исторической песни»⁴ исследователям приходится относить к периоду правления Ивана IV, причем большинство исторических песен XVI в. оказывается в той или иной степени посвящено именно этой исторической фигуре, трактуемой в самих песнях по преимуществу позитивно.

О противоречивой личности Ивана IV написано немало. Но данными исторической науки трудно объяснить фольклорный образ Грозного царя Ивана Ва-

¹ См.: Исторические песни XIII—XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960 (в серии «Памятники русского фольклора»). Далее сокращенно: ИП 1 с указанием страницы или номера песни.

² См.: Русская историческая песня / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987.

³ Емельянов Л. И. Исторические песни // Русская историческая песня. С. 21.

⁴ Там же. С. 23.

сильевича. В исторических песнях (не только в них, но и в исторических сказках, и в большинстве исторических преданий) превалируют черты справедливого царя, вызвавшего народные симпатии, иногда — даже восхищение, несмотря на весьма крутой нрав и даже жестокость некоторых поступков. Объяснить народнопоэтический образ Грозного царя только известной народным массам реальной деятельностью Ивана IV невозможно, если не отступить от исторической объективности.⁵

В фольклоре немало случаев эволюции поэтического образа, вызванной несоответственностью его не с одним, а с двумя (иногда — и более чем двумя) историческими прототипами. Наиболее известный пример — образ былинного князя Владимира. Давно выявлена приуроченность одной группы былин «Владимирова цикла» к эпохе киевского князя Владимира Святого, другой — к эпохе его правнука, киевского князя Владимира Мономаха; установлено, что ряд черт былинного главы Русской земли обусловлен не только реальными ситуациями Киевской Руси: в некоторых былинах достаточно отчетливо проступают отзвуки отношений между властителем и подданными Руси Московской. Обратившись к историческим песням XVI—XIX вв., можно указать немало сюжетов, возникших по одному историческому поводу, но позже приспособленных к иному, более или менее похожему историческому факту. Образ центрального героя песни мог испытывать аналогичную метаморфозу — даже если вовсе не совпадали имена исторических прототипов, но было некоторое сходство самих исторических портретов. Особенно много подобных случаев в произведениях (не только песенных), посвященных Петру Великому и Ивану Грозному.

Вернувшись к песням, где речь идет о Грозном царе Иване Васильевиче, зададимся вопросом: какому историческому деятелю они вначале были посвящены?

Такой вопрос, насколько мне известно, в фольклористике не ставился. Исследователи имели, как казалось, вполне достаточно причин полагать, что в этих произведениях всюду изначально подразумевался Иван IV. Хорошо известно, что он, в отличие от своих предшественников, в 16-летнем возрасте по собственной инициативе воспринял титул царя — в обстановке, подчеркивавшей чрезвычайное государственное значение этого события. Широко известно прозвание, закрепившееся именно за ним впоследствии и обязанное его жестокости.

Но это — только впоследствии. Н. М. Карамзин писал об Иване IV: народ «отвергнул или забыл название *Мучителя*, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только *Грозным*, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну».⁶ Дед Ивана IV — Иван III Васильевич, по выражению Н. М. Карамзина, «принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых Провидением решить надолго судьбу народов»; при нем «Россия как держава независимая величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних».⁷ Именно Ивану III «первому дали в России имя *Грозного*, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников».⁸

Поясняя, почему именно Ивана III называли «Грозным» его современники и их ближайшие потомки, Н. М. Карамзин писал, что «твердость, необходимая для великих дел государственных, граничит с суровостью» и, хотя Иван III не был «тираном, подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разу-

⁵ В 1930—1950-х гг. по хорошо известным ныне причинам превалировали положительные, порой даже апологетические характеристики его как прогрессивного борца против реакционного боярства — с весьма односторонней трактовкой репрессий, от которых страдали фактически одинаково все социальные слои русского народа. В фольклористических работах того времени встречаются тенденции объяснить положительное отношение к Ивану Грозному тем, что народ будто бы видел в нем защитника от феодалов-угнетателей.

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 279—280.

⁷ Там же. Кн. 2. Т. 6. Стб. 210, 213.

⁸ Там же. Стб. 215.

ма».⁹ Прозвание «Грозный» правомерно закрепилось в народном сознании сначала за Иваном III, а не за внуком его, чья склонность к мучительству была причиной не только уже монаршей «грозы», но и злодейств, не обусловленных государственной необходимостью.

Имеет смысл обратиться непосредственно к источникам, на которые опирался Карамзин. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., в своем сочинении, изданном впервые в 1549 г., не применял эпитет «Грозный» к Ивану IV, но пользовался этим термином, описывая крутой нрав Ивана III.¹⁰ Петрей, посетивший Московское государство трижды — в 1607, 1609 и 1611 гг., когда впечатлений от деяний, которыми ознаменовалось правление Ивана IV, весьма свежи были еще в памяти русских собеседников любознательного иностранца, — и описавший историю России до начала XVII в., — ни разу не употребил эпитет «Грозный» по отношению к Ивану IV, повествуя об этом царствовании. Но, описывая правление Ивана III, Петрей всякий раз называет именно его «Иван Васильевич Грозный» или просто «Иван Грозный».¹¹

Карамзин ссылаясь на принадлежавшую ему рукопись «Летописца Латухинского», где об Иване III сказано: «Сей бо вел(икий) кн(язь) Иоанн, именуемый Тимофей Грозный».¹² (Родившийся в день памяти апостола Тимофея Иван III, согласно тогдашнему обычаю, прозывался Иоанном-Тимофеем).

В русской историографии первой четверти XVIII в. еще сохранялась эта традиция. А. И. Манкиев, автор известного «Ядра Российской истории», написанного в 1715 г. и опубликованного впервые в 1770 г., так говорит об Иване III: «Иоанн Василиевич, великий князь Московский, Василия Темного сын, во святом крещении именован Тимофей, прозванием Грозный, по смерти отца своего принял Московский престол в году от Р. Х. 1462».¹³ Здесь же далее, в рассказе о походе Ермака в Сибирь, читаем: «Дошли после того до селидьбы господ Строгоновых, которых праотец при деде сего государя великом князе Московском Иоанне Васильевичем Грозне, во время теснения от московских войск Великого Новагорода, от страха со всем своим домом ушел оттуда в зыряны, си есть Пермь великую, на верховье реки Камы, там поселился».¹⁴ В главе, посвященной правлению Ивана IV, последний ни разу не назван Грозным.

Второй крупнейший наш историк С. М. Соловьев был солидарен с приведенным заключением Карамзина и высказывал некоторые дополнительные соображения на основе более широкого привлечения источников — Грозным прозван был уже Иван III, «потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание», — писал С. М. Соловьев и продолжал: «...по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе».¹⁵ Хотя Соловьев не занимался специально песнями, о которых сейчас идет речь, для их понимания небесплозна другая мысль его. По мнению Соловьева, «Иоанн IV не был понят, потому что был отделен от отца, деда и прадедов своих. Одно уже название *Грозный*, которое мы привыкли соединять с именем Иоанна IV, указывает достаточно на связь этого исторического лица с предшественниками, ибо и деда, Иоанна III, называли также Грозным».¹⁶

Сходно обстоит дело в отношении царского титула: с неменьшим основанием его использовал уже Иван III. Хотя он не был провозглашен царем в начале своего долгого правления, право на такой титул Иван III, по тогдашним представлениям, действительно приобрел в результате важнейших государственных

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 68. Ср. в оригинале: Herberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Francofurti, 1600. P. 8.

¹¹ См.: Петрей де Эрлесунда П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 108—111. В оригинале: Iwan Vasiliewitz Grotzdyn (*Petreyum de Erlesunda P. Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow*. Lipsiae, 1620. S. 165).

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6, примеч. 588.

¹³ [Манкиев А. И.] Ядро российской истории. М., 1784. С. 166.

¹⁴ Там же. С. 205.

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 704.

десяний. Среди них на первых местах — прекращение зависимости русского народа и государства от Орды, ликвидация главных остатков феодальной раздробленности в результате присоединения Тверского княжества и Новгородской республики, подчинение Казанского ханства, разорявшего русскую землю опустошительными набегами, женитьба на Софии Палеолог — наследнице кесарей православной Византийской империи, прекратившей существование за несколько лет до вступления на престол Ивана III. При нем была отстроена Москва, создан первый Судебник и осуществлено немало других полезных дел эпохального значения. Н. М. Карамзин не без оснований писал: «Россия Олегава, Владимирова, Ярославова погибла в нашестье монголов; Россия нынешняя образована Иоанном».¹⁷

Документировано, что в 80-х гг. XV в. Иван III «стал усвоять себе» царский титул — в смысле «государя по праву наследства, независимо от какой либо земной власти после падения татарского ига, властью своею никому, кроме Бога, не обязанного».¹⁸ Так, грамота, посланная в Крым в 1484 г., начинается словами: «Божиею милостию, великий осподарь Русские земли, велики князь Иван Васильевич, царь всеа Руси, Володимерьски и Московски, и Новгородски, и Псковски, и Югорьски, и Вятски, и Пермьски и иных». Аналогично начало грамоты, отправленной туда же в 1487 г., но в титуле добавлено «и Тферски»¹⁹ — в связи с тем, что Тверское княжество было подчинено Иваном III в 1485 г. Грамота, врученная в 1498 г. послами Ивана III бургомистру Любека, начинается полным титулом того времени: «Иоанн, Божиею милостию великий государь, царь всеа Русии, Володимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных»;²⁰ титулование «Болгарским» имеет в виду подчиненное к тому времени Казанское ханство, занимавшее земли древней Волжской Болгарии.

Годом официального принятия царского титула впоследствии был признан 1497.²¹ В этом году появилась грамота, к которой привешена большая печать, где, как подчеркнул С. М. Соловьев, «впервые видим изображение двуглавого коронованного орла с распростертыми крыльями» на одной стороне, а на другой — «изображение всадника, попирающего дракона и копьем прободающего ему горло», с надписью по окружности: «Иоанн, Божиею милостию господарь всея Руси».²²

Не только сам Иван III титуловался царем всея Руси в официальных документах и в переписке с зарубежными адресатами: они, в свою очередь, обращались к нему, титулуя его иногда даже императором.²³ Но для оценки произведений фольклорных важнее, конечно, что новое титулование усвоено было самими подданными Ивана III. На этот счет нет никаких сомнений. Царем и самодержцем Иван III не раз назван в летописях. Вот, например, известие о постройке Грановитой палаты в Кремле в 1491 г.: «Того же лета, августа, Божьею милостью зделана бысть полата на Москве болшая на площади повелением великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца, царя и государя всеа Русии и великого князя Владимирьского и Ноугородцкого, Московского и Псковского, и Тферского, и Югорьского, и Вятцкого и Болгарьского, и иных, в 30-е лето государьства его, а мастера Марко да Петр

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 6. Стб. 216.

¹⁸ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 273.

¹⁹ Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 41, 71.

²⁰ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1. Стб. 87.

²¹ Дата отобразилась в оформлении государственного знамени Российской империи: «Государственное знамя России изготавливалось из золотистой ткани (...) на андреевских лентах знамени были указаны года: 862 (основание государства), 988 (крещение Руси), 1497 (принятие царского титула) и 1721 (принятие императорского титула)» (Гребельский П. Х., Мирвис А. Б. Дом Романовых. 2-е изд. СПб., 1992. С. 243; изображение знамени с этими датами — на с. 242). Государственное знамя было освящено в Оружейной палате в присутствии императора и членов царствующего дома (см.: Церковный вестник. 1883. № 20. С. 13).

²² Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 146.

²³ См., например: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 145; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XIV—начала XVI в. М., 1980. С. 102—117.

Антонеи».²⁴ В письмах сановных лиц находятся обращения к Ивану III как «царю всея Руси и великому князю». Митрополит Симон в послании к пермичам называл Ивана III царем и самодержцем.²⁵

Однако наибольший резонанс должны были иметь публичные церемонии, становившиеся достоянием, как бы мы теперь сказали, особенно широкой гласности. К числу их относится обряд венчания царским наследником, впервые примененный Иваном III, сначала к своему внуку Дмитрию Ивановичу, а позднее к своему сыну от Софии Палеолог Василию Ивановичу. Сохранились официальные документы, описывающие венчание Дмитрия (1498 г.). В Успенском соборе Кремля при большом стечении народа проходил исполненный подчеркнутой значительности церемониал; митрополит, во главе высших иерархов церкви, так обращался к сидящему на возвышении Ивану III: «Божиею милостью радуися и здравствуй преславными царю Иване великий князь всея Руси самодержец, и своим внуком с великим князем Дмитрием Ивановичем всея Русии, на многа лета».²⁶

Очевидно, что фольклорные произведения, где речь идет о «Грозном царе Иване Васильевиче», могут в принципе подразумевать как Ивана III, так и Ивана IV. Не всегда можно определить — кого именно, ибо порой только в самих исторических песнях или преданиях дошли сведения об исходных фактах; в истории обоих царствований, известной по документам, встречаются однотипные события. Нередко образ царя в песне и характеристика его деяний — явно результат наслоения впечатлений о временах Ивана IV на припоминания о правлении Ивана III.

Пересмотр «устоявшихся», но, как оказалось, неоправданных соотнесений всего исторического фольклора об Иване Грозном с одной только фигурой Ивана IV совершенно необходим. Дело здесь не только в отношении народа к исторической роли и личным качествам его деда, но и в вопросе о том, способно ли было устное поэтическое творчество реагировать на исторические события ранее царствования Ивана IV.

Не обращаясь здесь к имеющимся данным относительно исторических песен, предшествовавших времени Ивана III, попытаемся уточнить и отчасти исправить традиционные представления о датировках и генезисе некоторых песен именно об Иване Грозном. Для этого необходимо обратиться к их реальному историческому фону.

Ивану III довелось преодолевать немалые препятствия во внешнеполитических делах, но, пожалуй, еще больше было трудностей в политике внутренней. К числу их принадлежали династические интриги, соперничество будущих наследников его престола. Острые столкновения, иногда с трагическим исходом, в самой монаршей семье — это, казалось бы, наиболее подходящие сюжеты для тех именно семейно-бытовых баллад, которые, согласно приведенному выше суждению, особенно характерны для XIII—XV столетий (при том, однако, что примеры ограничивались пока немногочисленными песнями о татарском полоне, ни с какими определенными событиями именно этого времени достаточно убедительно не соотносимыми, ибо исторические явления подобного рода имели место вплоть до второй половины XVIII в.).

От первой жены — тверской княжны Марии Борисовны — у Ивана III родился в 1458 г. сын Иван, прозванный Молодым. После смерти Марии второй женой стала София (Зоя) Фоминична Палеолог — племянница последнего императора Византии. Первенец ее, Василий, родился в 1479 г. Со временем при дворе разгорелась подспудная вражда сторонников Софии и Василия со сторонниками Ивана Молодого. В 1490 г. Иван Молодой умер в результате неудачного

²⁴ Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей (далее сокращенно: ПСРЛ). М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286.

²⁵ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 145—146.

²⁶ Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 331. Ср.: Чин венчания на великое княжение всея России (...) Дмитрия Иоанновича // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 29 (текст здесь аналогичен приведенному).

лечения его врачом, которого привезли из Италии родственники Софии Палеолог.²⁷

Как справедливо писал С. М. Каштанов, «второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследия между ним и сыном Софии. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого еще при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол».²⁸

Существует в единственной пока давней записи песня «Иван Грозный молится о сыне», зафиксированная А. А. Догадиным у астраханских казаков.²⁹

Скорее всего, здесь имеется в виду именно гибель царевича Ивана Молодого и оплакивание его Иваном III — в традиционных формулах народной причеты описана «кручинушка безыходна царская»:

«Ох да, как угасла свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

(ИП 1, с. 454)

Отношение к происшедшему царя и присутствующих в церкви бояр противоположно:

Уж он молится наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да, позадь-то его все бояре-князья
Они остановились.
Как промеж-то себя ухмыльнулись,
Князья усмехнулись.

Царь оглядывает их гневно:

«И чему-то, чему вы, бояре-князья, чему больно радостны?
Эх да, иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?»

Имя царя в песне не названо, как и имя умершего царевича. Без реальных оснований записавший эту песню собиратель, а затем — исследователи связывали ее со смертью другого царевича Ивана, убитого отцом, — Иваном IV в семейной ссоре в 1581 г.³⁰ С такой трактовкой не согласился Б. Н. Путилов: признав вслед за В. К. Соколовой песню вполне законченным самостоятельным произведением, он не говорит о существовании какой-либо исторической основы (ИП 1, с. 664).

На наш взгляд, она достаточно очевидна. Для придворной партии Софии Палеолог смерть царевича Ивана Молодого действительно должна была явиться причиной радости. Напротив, по поводу смерти Ивана Ивановича в 1581 г. радоваться было некому: единственным наследником престола тогда оставался малоспособный Федор, родившийся от той же жены, что и убитый отцом Иван.

Бесспорно, самое интересное и самое значительное из произведений, посвя-

²⁷ В летописях читаем, что прибывший из Рима с русскими послами брат Софии «приведоша с собою к великому князю лекаря Мистро Леона жидовина из Венеции»; Иван Молодой «болел камчюгом в ногах, ходил, и видевав лекарь жидовин Мистр Леон похвалялся рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: яз излечю сына твоего великого князя Ивана от тоя болезни» (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 37, 239). Иван Молодой скоро умер. На 40-й день после его смерти Иван III казнил лекаря.

²⁸ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 35.

²⁹ Как предполагала В. К. Соколова, эта песня послужила источником широко бытовавшей среди казаков песни «Царь у заутрени», записи которой осуществлялись еще в 1945 г. См.: Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960. С. 56.

³⁰ См., например: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 295; Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 56—57. Они справедливо отмечали текстовую перекличку с некоторыми вариантами песни «Гнев Ивана Грозного на сына». Но если Миллер усматривал здесь переделанный осколок ее, то Соколова, на мой взгляд, более права, усматривая, напротив, один из источников песни о гневе Грозного в песне, посвященной оплакиванию сына.

ценных Грозному царю Ивану Васильевичу, это записанная повсеместно, но в основном на Русском Севере, бывшем когда-то землями Великого Новгорода, песня «Гнев Ивана Грозного на сына». Она опубликована в 1960 г. в 61 варианте, общее число записей значительно больше.³¹

Песня изучалась много раз, почти все исследователи считали ее поэтическим отзвуком упомянутого уже убийства царевича Ивана Ивановича царем Иваном IV в 1581 г. Таково было мнение еще Ореста Миллера,³² позже — Всеволода Миллера.³³ С. К. Шамбинаго путем довольно сложного построения пришел к выводу о логичной, по его мнению, трансформации народнопоэтического отклика на убийство Ивана, при которой песня оставила его в живых, заменив при этом Федором.³⁴ В разных вариациях подобную точку зрения высказывали затем М. Н. Сперанский,³⁵ Ю. М. Соколов,³⁶ В. И. Чичеров,³⁷ А. М. Астахова,³⁸ В. К. Соколова³⁹ и др. Л. И. Емельянов, в принципе согласившись с мнением большинства предшественников, выставил аргументом то обстоятельство, что в XVIII в. появилась песня о царевиче Алексее, основанная на переделке песни «Гнев Ивана Грозного на сына», хотя Алексей был не спасен, как в песне, а казнен.⁴⁰

Не согласились с традиционной трактовкой В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Первый из них считал, что песня создана еще при жизни царевича Ивана, но после разгрома в 1570 г. Новгорода Иваном IV.⁴¹ Сходна точка зрения Б. Н. Путилова.⁴² Оба исследователя, как и В. К. Соколова, подробно эту песню рассматривая, говорят о двух главных ее версиях — с двумя сыновьями и с одним сыном. Первичной последнюю считала В. К. Соколова, первую — В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов.

Следует здесь напомнить основное содержание песни. Гнев царя на сына связан с подозрениями в измене, которая гнездится в самом царском дворце. В версии с двумя царевичами один из них интригует против другого. Царь сторяча хочет казнить сына-изменника, но благодаря одному из бояр казнь отменяется, вместо царевича нередко казнят другого человека. Спаситель царевича выговаривает у царя право иметь убежище, где нельзя никого казнить. Группа вариантов, записанных в бывшей Новгородской земле, связывает конфликт с массовыми казнями Ивана IV в Новгороде в 1570 г., активным участником которых в реальной истории был царевич Иван Иванович: он доносит отцу на второго царевича, Федора, будто бы уклонившегося от участия в репрессиях и даже помогавшего новгородцам избегать их. Федора царь за это хочет казнить. В версии с одним царевичем последний обвиняется в измене, суть которой обычно неясна, иногда он как бы заподозрен в намерении захватить власть, чаще «вина» его состоит в том, что он перечит отцу, когда тот утверждает на пиру, что вывел измену в Москве, Новгороде, Пскове и других городах. Записанные варианты не фиксируют угрозу царевичу Ивану: ей подвергается либо Федор, либо царевич с другим именем. Иногда имя царевича в песне не названо. Но ни в одном варианте угроза не реализуется — царевич всегда остается жив.

В. Я. Пропп довольно логично, но без какой-либо опоры на источники пред-

³¹ См.: Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 49. Позже записан еще ряд вариантов.

³² См.: Миллер О. Исторические песни // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1880. Т. 1. С. 126.

³³ См.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. Т. 3. С. 295.

³⁴ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 299.

³⁵ См.: Русская устная словесность. Т. 2. Былины и исторические песни / Под ред., с вводными ст. и примеч. М. Сперанского. М., 1919. С. 357.

³⁶ См.: Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1938. С. 267.

³⁷ См.: Чичеров В. И. Об этапах развития русского исторического эпоса // Историко-литературный сборник. М., 1947. С. 54—56.

³⁸ См.: Северные исторические песни / Подгот. текста, ст. и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947. С. 56.

³⁹ См.: Соколова В. К. Русские исторические песни. С. 56.

⁴⁰ См.: Русская историческая песня. С. 466.

⁴¹ См.: Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына // Вестник Лен. гос. ун-та. 1958. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 100—101.

⁴² См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 203—205.

полагал наличие у этой песни реальной основы. Отметив, что Федор «отличался кротостью и религиозностью», В. Я. Пропп заключает: «...нет ничего невероятного в том, что он способствовал спасению как бояр, так и простых людей, обреченных на расправу, как об этом поется в песне, и что он противодействовал и во всяком случае не сочувствовал новгородской расправе (...). Поэтому вполне можно стать на точку зрения *доверия* к повествованию песни: после новгородских событий Федор оказался на подозрении и над ним нависла угроза. Вряд ли приказ о казни действительно уже имелся и был дан на пиру и в тот же миг начал осуществляться, как об этом наивно повествует песня, но несомненно, что угроза суда над царевичем была весьма реальна. Вполне исторически правдоподобно, что в этом деле Иван, всегда поддерживавший отца, выступал против Федора и что спасителем выступил близкий царю Никита Романович».⁴³

Б. Н. Путилов обратил внимание на то, что в 1570 г., когда состоялся новгородский поход Ивана IV, Федору было только 13 лет, но есть свидетельство очевидца, что однажды Федор отказался присутствовать при массовой казни. Отослав к книге П. А. Садикова «Очерки по истории опричнины», Б. Н. Путилов пишет: «Среди множества дел, которые велись в это время в Москве, особый интерес представляет для нас дело Афанасия Вяземского. Ему ставилась в вину попытка предупредить новгородцев о готовящемся на них походе. Вяземский был подвергнут пыткам, „торговой“ казни и сослан. В том же году он умер».

Итак, заключает автор, «народная песня, приписав царевичу государственную измену, лишь по-своему откликнулась на московские события 1570 года».⁴⁴ При этом Б. Н. Путилов отказался видеть в основе повествования какой-либо реальный факт. Он расценивает песню о гневе Ивана Грозного на сына как «произведение с вполне вымышленным сюжетом» (ИП 1, с. 655).

С этим не согласился историк опричнины Р. Г. Скрынников: «В действительности содержание песни было далеко не вымышленным», — пишет Р. Г. Скрынников и поясняет, что «с точки зрения исторической достоверности внимания заслуживает краткая редакция песни», ибо «в основе ее лежали реальные факты».⁴⁵ Он обращает внимание в этой связи на вариант ИП 1, № 221, где фигурирует один царевич (имя его тут не названо) и говорится, что конфликт между царем и сыном, которого поддержал Никита Романович (Захарьин), произошел после похода на Новгород и Псков, когда царь решил вывести измену в Москве; местом несостоявшейся казни царевича названа Поганая лужа, царь угрожает боярам сварить их в котле. Р. Г. Скрынников напоминает, что «именно на Поганой луже были казнены после новгородского погрома „канцлер“ Висковатый и другие московские „изменники“», причем одного из них — «Н. Фуникова — опричники сварили живьем».⁴⁶ Но самое существенное в том, что именно в это время (в 1570 г.) «раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником», которому симпатизировала часть влиятельных бояр (Р. Г. Скрынников опирается на свидетельство Шлихтинга), причем раздор этот «получил широкую огласку в земщине».⁴⁷ Р. Г. Скрынников не располагает какими-либо указаниями источников на намерение казнить царевича Ивана или на обвинение его в измене, но характеризует общую обстановку: «„Новгородское дело“ повлекло за собой розыск о „московской измене“. Опричники готовились учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. Перспектива повторения в Москве новгородских событий пугала руководителей земщины, которые, конечно, никак не могли сочувствовать новым сумасбродным замыслам Грозного. Очень возможно, что Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника,

⁴³ Пропп В. Я. Песня о гневе Грозного на сына. С. 101.

⁴⁴ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. С. 204, 205. Можно внести одно уточнение на основе более поздней работы: донос на Вяземского, о котором сообщал Шлихтинг, был, очевидно, ложным, во всяком случае — не доказанным. Раньше Вяземского погиб сам доносчик — см.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 443—444.

⁴⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 431.

⁴⁶ Там же. С. 432.

⁴⁷ Там же. С. 431.

чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору».⁴⁸

Таким образом, существуют три различные исторические идентификации: 1) засвидетельствованный источником XVI в. конфликт между Иваном IV и его старшим сыном Иваном после новгородского похода 1570 г. (и сопутствовавшие этому конфликту исторические обстоятельства);⁴⁹ 2) предполагаемый гнев Ивана IV на 13-летнего сына Федора за возможное его сочувствие новгородцам и предполагаемая солидарность при этом царя и его старшего сына; 3) засвидетельствованный источниками факт нанесения Иваном IV смертельной раны старшему сыну Ивану в 1581 г. во время их ссоры из-за жены Ивана Ивановича. Полагаем, что последняя идентификация должна быть совершенно оставлена ввиду слишком больших ее расхождений с содержанием песни. Вторая идентификация, в наибольшей мере отвечающая содержанию большинства вариантов, особенно записанных в Новгородской земле и обладающих часто высоким художественным совершенством, источниками не подтверждена и даже в некоторой степени им противостоит. Первая идентификация исторически правомерна и должна быть принята. Она позволяет объяснить появление того краткого варианта, с которым соотнесена, и в несколько меньшей степени ряда других вариантов. Однако если иметь в виду весь комплекс существующих записей, то эта идентификация оставляет вне возможного исторического объяснения не только детали, по-видимому вымышленные, но и значительный комплекс исторических реалий, трудно сопоставимых вообще с правлением Ивана IV.

Есть варианты песни о гневе Ивана Грозного на сына, зачин которых связывает с его именем строительство каменного города:

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозны царь...
(ИП 1, № 222, с. 360)

Стоящий донныне московский Кремль построен при Иване III: стены и башни были возведены в 1485—1495 гг. При нем же построены Грановитая палата (1487—1491 гг.), Успенский и Благовещенский соборы Кремля (1475—1479 и 1484—1489 гг.). При Иване IV строительства подобного масштаба не производилось. Упомянутый зачин целесообразно рассмотреть до конца. Возьмем другой вариант.

Когда зачиналась каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозной царь,
Что Грозной царь Иван сударь Васильевич.
Как он ходил под Казань-город,
Под Казань-город и под Астрахань,
Он Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя с царицею;
Выводил измену изо Пскова,
Изо Пскова и из Новгорода...

(ИП 1, № 221, с. 358)

В этом зачине только упоминание Астрахани указывает на привнесение, обязанное именно правлению Ивана IV. Остальное, хотя и соотносимо с событиями обоих царствований, в гораздо большей мере характеризует эпоху Ивана III.

Казань сдалась почти без боя войскам Ивана III в 1487 г. после непродолжительной трехнедельной осады. Напротив, Ивану IV пришлось стоять под этим городом в два раза дольше, при непрерывных чрезвычайно ожесточенных боевых действиях, и даже взрывать городскую стену.⁵⁰ Казанский царь Алегам после его добровольной сдачи был вместе с царицей сослан Иваном III в заточение в Вологду.⁵¹ Что касается выведения измены из Пскова и Новгорода, то Иван IV обвинял в измене (по-видимому, неосновательно) только новгородцев; поэтому

⁴⁸ Там же. С. 430.

⁴⁹ Такая идентификация до появления названного труда Р. Г. Скрынникова давалась коротко при комментировании мной этой песни в популярном издании (см.: Исторические песни. Баллады / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986. С. 572; 2-е изд.: М., 1991. С. 685).

⁵⁰ См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 466—473.

⁵¹ См.: там же. С. 71. Судьба казанской царской четы при Иване IV была аналогична.

его приезд в Псков после жесточайшего разгрома Новгорода оказался для псковичей почти бескровным. Зато у Ивана III были не раз крупные недоразумения со строптивыми псковичами.⁵² В 1469 г. обнаружилось, что в Пскове были изменники, тайно помогавшие немцам в войне против соотечественников. Псковских изменников казнили.⁵³ Измена ряда новгородских бояр Ивану III — факт достаточно известный: они тайно возобновили сношения с польским королем после того, как присягнули Ивану III. Это вызвало казнь изменников и выселения многих людей из Новгорода.⁵⁴

Из зачина, таким образом, следует, что песня слагалась об Иване III, а позже история воздействие реалей царствования Ивана IV.

Многие варианты песни начинаются по-былинному — с описания пира и похвалы его участников. В центре внимания здесь похвальба самого царя Ивана Васильевича. Она, в частности, такова:

Есть и мне, царю, теперь похвастати:
Я повынес царенье из Царяграда,
Царскую порфиру на себя надел,
Царский костыль себе в руки взял...

(ИП 1, № 208, с. 317)

А й повынес я царенье из Царяграда...

(ИП 1, № 211, с. 328)⁵⁵

Иногда об этом говорится в ином зачине при характеристике царя Ивана: «А й повнес он царенье из Царяграда» (ИП 1, № 211, с. 327). Вполне очевидно, что подобные утверждения соотносятся с восприятием идейного наследия византийских императоров Иваном III, женившимся на Софии Палеолог и перенесшим византийский герб в Москву (получившую при его сыне в тогдашней публицистике наименование «третьего Рима»).

Этот важный мотив не имеет исторических соответствий в царствовании Ивана IV: он не «выносил царенье» из Царяграда.

Соотносимый с песней о гневе Ивана Грозного на сына раздор между сыном и отцом в правление Ивана IV не имел ни династических причин, ни значительных последствий для царевича Ивана Ивановича. Мы знаем об этом конфликте только по сравнительно краткому упоминанию в одном из свидетельств иностранцев, писавших по личным впечатлениям о Московии времени Ивана IV.

Несомненно, что своим первоначальным появлением сюжет песни о гневе царя на сына обязан гораздо более значительным событиям, происходившим около семидесяти лет раньше и знаменовавшим собой достаточно трагичный династический кризис.

Следует обратить внимание на имена главных персонажей. Среди вариантов песни есть такие, где речь идет о царевиче Василии Ивановиче. Уже одно это указывает на XV столетие: у Ивана IV был сын Василий, но он умер грудным младенцем. У Ивана III имя Василий носил старший сын от Софии Палеолог, объявленный наследником престола после смерти Ивана Молодого и участвовавший затем в острой политической борьбе со своим конкурентом.

Есть варианты, в которых гнев царя Ивана Васильевича обращен на царевича Дмитрия Ивановича. Иван IV имел двух сыновей с таким именем, но первый

⁵² См.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 36—41.

⁵³ См.: там же. С. 127—128.

⁵⁴ См.: там же. С. 32—34.

⁵⁵ Если в одних случаях царь похваляется: «Повынес я порфиру царскую из Царяграда» (ИП 1, № 206, с. 311), «Из Царяграда взял порфиру я» (ИП 1, № 254, с. 435), то в других можно наблюдать процесс искажения: «Достал я перфилушку из Царяграда» (ИП 1, № 215, с. 340), «Вывез Перфила из Царяграда» (ИП 1, № 223, с. 361), и наконец: «Вывел Перфила из Новагорода» (ИП 1, № 251, с. 430). В последнем случае перед нами, очевидно, уже не только искажение, но и переосмысление. Вариант записан в Ардатовском уезде Нижегородской губернии. Именно туда было выслено большое число новгородцев Иваном III в 1489 г. А десятью годами ранее был взят и вывезен из Новгорода игравший там важнейшую политическую роль архиепископ Феофил (он был заключен под стражу в Чудово монастыре); был схвачен купеческий староста Панфилов; вместе с Марфой Борецкой и другими он был вывезен в Москву (см.: Соловьев С. М. История России... Кн. 3. С. 32—33).

из них умер в младенчестве, второй родился за полтора года до смерти отца. Среди сыновей Ивана III был один Дмитрий, достигший при его жизни 14-летнего возраста, но не успевший себя проявить в политической жизни. Зато исключительно важная роль в ней принадлежала тогда другому Дмитрию Ивановичу — внуку Ивана III, сыну Ивана Молодого. Он был торжественно коронован наследником престола в 1498 г. — после опалы на объявленного наследником до того Василия Ивановича. Но спустя несколько лет Дмитрий Иванович сам подвергся опале, а наследником престола вновь стал Василий Иванович. Эти проявления весьма напряженной борьбы двух партий при дворе достаточно подробно отображены в источниках и достаточно определенно соотносятся с содержанием песни: оба царевича побывали под стражей, по крайней мере над одним из них нависала смертельная угроза; хотя до казни наследника престола дело не дошло, смерть постигла близких царевичу людей, причем выдвигалось обвинение в государственной измене.

Большинство вариантов песни имеет наслоения не только реалий правления Ивана IV (имена царевичей Федора и Ивана, боярина Никиты Романовича, опричника Малюты Скуратова, казанского царя, захваченного Иваном IV, упоминания Астрахани, жестоких деяний в Новгороде и др.), но и следы позднейшей деформации самого сюжета, о причинах чего речь пойдет далее. Сейчас мы по возможности отвлекаемся от них, обращаясь к соотношению сюжетной основы песни с ее исходной исторической основой.

Официальная Никоновская летопись сообщает, что в 1497 г. «по диаволу действу и наважению и лихих людей советусполелся князь великий Иван Васильевич на сына своего на князя Василья да и на свою жену на великую княгиню Софию, да в той вспалке велел казнити детей боярских (дается перечисление их. — С. А.), казниша их на леду, главы их ссекоша, декабря в 27 день».⁵⁶

Как выясняется путем сопоставления с другими летописями, последовательность событий была такова: сначала Иван III предъявил митрополиту и высшим иерархам церкви свои обвинения против сына и жены, затем принужден был покаяться перед священным собором, признав себя виноватым в смерти родного брата Андрея (заточенного им в тюрьму в 1491 г. и умершего там в 1493 г.). После этого были казнены ближайшие сторонники Василия Ивановича — участники заговора.⁵⁷

Об аресте царевича Василия Ивановича существует более ясное свидетельство неофициальных летописей. «В лето 7006 декабря восполелся князь великий Иван Васильевич всеа Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы»; мотивировалось это причастностью царевича к заговору, организаторы которого друг друга «тайно к целованию приведоша», узнав, что «князь великий хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего, князя Дмитрея Ивановича». Как выяснилось, Василий находился в центре этого заговора, а заговорщики побуждали его «отъехати» от отца, хотели при этом «казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда учинити».⁵⁸

Воспоследовала суровая казнь главных заговорщиков: четверым, включая князя Ивана Палецкого, отсекали головы, а наказание двух других, более, очевидно, виноватых, было ужесточено отсечением конечностей.⁵⁹

Современные исследователи довольно единодушно оценивают политическую ситуацию, в какой оказался тогда царевич Василий: в 1497 г. «жизнь его и Софии Палеолог почти висела на волоске».⁶⁰ Но у Василия Ивановича нашелся

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 246. Непосредственно за этим текстом идет известие о поставлении Иваном III на великое княжение своего внука Дмитрия Ивановича. (Аналогичный текст есть и в более ранних летописях).

⁵⁷ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 292—303.

⁵⁸ Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 279. Ср.: Список Дубровского // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 530.

⁵⁹ Там же. С. 531.

⁶⁰ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980. С. 111. Мать царевича, как оказалось, имела сношения с ворожеями, имевшими при себе зелья. Вспомнив, очевидно, загадочную смерть Ивана Молодого, Иван III стал после этого соблюдать меры предосторожности в отношении супруги.

спаситель в лице митрополита. Вместе с другими церковными иерархами он оказал сильнейшее давление на Ивана III. Царю пришлось просить прощения «о своем брате, князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил». Митрополит, архиепископ и епископы «едва простиша ѱ и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправить перед Богом».⁶¹

Мнение недавних исследователей сводится к тому, что «смерть Андрея — событие четырехлетней давности — послужила лишь предлогом для разговора об опальном Василии, чья участь внушала митрополиту серьезные опасения и, возможно, была даже близка участи Андрея», и что есть основания говорить «о церковном соборе, спасшем жизнь Софье и Василию».⁶²

В песне спасителем царевича оказывается не митрополит, а боярин Никита Романович — персонаж, в фольклоре весьма популярный, всегда играющий положительную роль и в других произведениях. Его одноименный исторический прототип (родной брат рано умершей первой жены Ивана IV Анастасии, известной благотворным влиянием на характер мужа) был отцом патриарха Филарета и дедом царя Михаила Федоровича Романова. При Иване IV он не запятнал себя участием в его жестокостях. Поддержка, которую, как предполагает Р. Г. Скрынников, Никита Романович оказывал царевичу Ивану Ивановичу при его раздоре с отцом, вероятно, и послужила причиной того, что со временем именно этому персонажу стала принадлежать в песне роль спасителя от смертельной угрозы царевича, первым прототипом которого был Василий Иванович.

Существенно еще одно историческое обстоятельство, параллель которому обнаруживается в очень многих записях песни. После избавления царевича от смерти царь хочет наградить спасителя, тот отвечает:

Мне не надо городов с пригородками,
Мне не надо сел да с приселками,
Мне не надо ни злата, ни серебра, ни скатна жемчуга,
Только дай мне Никитину вотчину:
Кто уйдет в Никитину вотчину,
Того и Бог простит.

(ИП I, № 202, с. 297)

Такой финал, как правило, присутствует в наиболее развернутых вариантах, причем повсюду «Никитина вотчина» трактуется как убежище, избавляющее от наказания. Исследователи песни реального исторического объяснения этому устойчивому ее мотиву не предложили. Между тем аналогичный исторический факт был выявлен при изучении обстоятельств царской опалы на Василия Ивановича.

Анализ совокупности летописных известий в сопоставлении с актовыми материалами привел исследователя этих вопросов С. М. Каштанова к такому заключению: «Очевидно, церковники сумели выговорить для Василия определенные гарантии и право убежища».⁶³ Привлеченные С. М. Каштановым источники позволили конкретизировать этот вывод: речь шла, очевидно, о сохранении за Василием Ивановичем «относительной свободы и княжеской роли на какой-то очень узкой территории в одной из Замосковских волостей»; по-видимому, это была «волость „Шерна-городок“, где находилась церковь Николы в Пружках».⁶⁴ Погост Пружки являлся, очевидно, «митрополичьим владением», и сама церковь Николы «была митрополичьей».⁶⁵

Поскольку Никита Романович в песне «заместил» игравшего в реальной истории аналогичную роль митрополита, митрополичье владение, ставшее убежищем для опального Василия Ивановича, «заместилось» в песне «Никитиной вотчиной», которая в ходе эволюции песни и размывания исторических реалий постепенно превратилась в убежище для всякого, кто подлежал наказанию.

⁶¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 214.

⁶² Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 100.

⁶³ Там же. С. 100—101.

⁶⁴ Там же. С. 98.

⁶⁵ Там же. С. 101. В 1498 г. Василий Иванович подарил этой церкви пергаменное Евангелие и землю «на кормление»; в этом году он фактически не имел уже титула великого князя всея Руси, в сохранившемся позднем списке его дарственной записи этот титул указан ошибочно.

Песня о гневе Грозного царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича была, как можно полагать, первым произведением на этот сюжет. Но за ней последовали другие, относившиеся уже к категории песен-переделок. Взаимодействуя в ходе устного бытования, похожие по содержанию песни сосредоточивались на более запомнившихся впоследствии именах и исторических реалиях, что привело в итоге к тому их разному, какой наблюдается в комплексе разнородных по происхождению вариантов, суммарно обозначаемых как «Песня о гневе Ивана Грозного на сына».

Имя царевича Василия Ивановича удержалось только в двух из известных нам вариантов. Текст, записанный А. Ф. Гильфердингом на Выгозере от Ф. Н. Никитина (ИП 1, № 204), как можно полагать, отобразил не столько исходную песню, сколько первую переделку ее, ибо здесь Василий — не объект царского гнева, а доноситель на второго царевича (названного в песне не Дмитрием, а Федором), этот второй царевич и оказывается под угрозой смерти, но спасен Никитой Романовичем, после чего говорится об упомянутой уже Никитиной вотчине. Перед нами отображение второй фазы династического конфликта (когда страдающим лицом оказался Дмитрий), затемненное воздействием первичной песни, откуда перешел финал и некоторые другие детали (помимо тех, какие обязаны уже эпохе Ивана IV). Начало песни контаминировано: она открывается описанием нашествия вражеского нахвальщика, против которого посылает своих сыновей с войском царь Иван Васильевич (и имеет текстуально шероховатый переход к основному сюжету, в результате чего остается неясной сущность «измены» второго царевича, о которой доносит отцу Василий Иванович).

Более существенно контаминирован вариант ИП 1, № 259, исполненный А. В. Маркову в Зимней Золотице В. И. Чекалевым. Основная часть текста не посвящена гневу царя на сына: это песня о смерти царицы Анастасии Романовны, переходящая в песню о Кострюке; такая контаминация, где соединение двух сюжетов логично и художественно оправдано, бывала на Севере самостоятельно: она представлена текстами ИП 1, № 265—266, записанными ранее в Архангельской губернии.

Сама же песня о гневе Грозного царя на сына присутствует здесь тремя фрагментами, которые резко вклиниваются в остальной текст. Строки 19—40, составляющие первый фрагмент и начинающиеся описанием пира, довольно неуместно следуют за описанием смерти царицы:

А представилась цырица та благоверная.
Ише собрал тут царь-от пир навёсели.

Почти столь же малооправданно второе включение: в строках 55 и 56 Грозный царь сожалеет, что погубил (как он думает) царевича Василия Ивановича, раскаявшись перед тем, что, вопреки наказу благочестивой умершей жены, взял замуж «Марьюшку Верблюковну». Закончив сюжет о Кострюке известием о гибели упомянутой сестры его и о радости царя по данному поводу, песня опять резко переходит к печали его из-за смерти сына, после чего следует в кратком виде финал песни о гневе на царевича (строки 82—97). Перед нами, собственно, даже не контаминация, а почти механический монтаж двух песен (первая из которых — контаминация оправданная), монтаж, вызванный, может быть, только тем, что вторая песня, известная певцу в короткой редакции, имела некоторую, хотя и слабую, тематическую перекличку с первой. Но как раз малоискусность и малооправданность соединения имеет тот положительный эффект, что позволяет с большой долей вероятности выделить весь или почти весь текст не сохранившейся в отдельном виде краткой редакции песни о гневе царя Ивана Васильевича на царевича Василия Ивановича. Привожу текст по изданию собирателя ввиду некоторых упрощений переиздания в ИП 1. Это, как уже указывалось, стихи 19—40, 55—56, 82—91:⁶⁶

⁶⁶ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. С. 528—530 (№ 106).

Ише собрал тут царь-от пир навёсели;
 Ише сам говорил-то да таковы речи:
 «Уж я вывёл-то изменушку из Киева;
 Привезу я ведь правдушку из чиста поля».
 Ише было у царя-то да цядо милоё,
 Ише мило-то ведь чядышко одинакоё
 Ише на имя Васильюшко Ивановичь;
 Ише от роду Васильюшку было двадцать лет.
 Говорил-то Васильюшко таковы речи:
 «Ты Грозён ты наш царь Иван Васильёвиць!
 Уж ты вывёл ведь правдушку из Киёва;
 Привезёшь ты изменушку из чиста поля».
 Розьсердилсэ Грозён царь Иван Васильёвиць
 На своёго на чядышка на милого;
 Приказал отъезъти ёго в чисто полё
 Да отсецк (ч) и ёго ведь как буйну голову,
 Принести-то ёго голову на торёлочки.
 Отвели-то Васильюшка во чисто полё,
 Шьтобы не видал Грозён царь Иван Васильёвиць.
 Они прибрали поганого тотарина,
 Шьто такой же ведь есь — Васильюшко сын Ивановичь,
 Да отсекли у Васильюшка⁶⁷ буйну голову.

 Пожалел тогды своего-та чяда милого
 Ише на имя Васильюшка Иванова.

 Ишше сам он говорил-то таковы речи:
 «Охте-те-мни-чки-то мне тошнёхонько!
 Уходил я своёго-то чяда милого
 Ише на имя Васильюшка Ивановичя!»
 Привели к ёму Васильюшка Иванова,
 Ише сами говорили да таковы речи:
 «Ты Грозён ты наш Иван Васильёвиць!
 Мы отсекли у тотарина буйну голову,
 Принесли тогды к тебе-ка на торелочки;
 Пожалели мы Васильюшка Иванова».

Упоминание Киева, конечно, весьма поздняя замена. Но близко к истине указание на возраст царевича: Василий Иванович, родившийся в 1479 г., опале и аресту подвергся в 1497 г.

Под 1502 г. в летописи читаем: «Тое же весны князь великий, апреля 11, в понедельник, положил опалу на внука своего великого князя Дмитрея и на его мать на великую княгиню Елену; и от того дни не велел их поминати в октенях и литиах, ни нарицати великим князем, и посади их за приставы. Тое же весны, апреля 14, в четверток, на память преподобнаго отца нашего Мартина папы Римскаго, князь великий Иван Васильевичь всея Руси пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княженье Володимерское и Московское и всеа Руси самодержцем, по благословению Симона митрополита всеа Руси».⁶⁸

Победа Василия Ивановича в династической борьбе, как объяснял ее Герберштейн, явилась результатом интриг Софии Палеолог: «Говорят, — писал он, — Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое. Рассказывают, что, между прочим, она убедила мужа лишить монархии внука Димитрия и поставить на его место Гавриила (т. е. Василия — согласно его второму имени. — С. А.). По настоянию жены князь заключил Димитрия в тюрьму и держал его там».⁶⁹

Окончательный выбор Ивана III между двумя кандидатами на его престол имел более серьезные основания, как справедливо считают исследовавшие этот вопрос историки. Но необходимость считаться с женой, вероятно, тоже сыграла некоторую роль. Дмитрий был выпущен из заключения только после ее смерти.

⁶⁷ Т. е. татарина, похожего на Васильюшка. (Примечание собирателя).

⁶⁸ Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 48.

⁶⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66.

Незадолго до ареста царевича Дмитрия был казнен за измену князь Семен Ряполовский и пострижены в монахи князь Патрикеевы. С. М. Соловьев заключал, что эта измена состояла в действиях «против Софии и ее сына в пользу Елены и Дмитрия внука», ибо так можно истолковать некоторые данные источников, а «за опалю Патрикеевых и Ряполовского последовала опала Елены и Дмитрия, торжество Софии и Василия».⁷⁰ Мнения позднейших историков разошлись относительно причастности или непричастности Ряполовского и Патрикеевых к династической борьбе, участия или неучастия в интригах против Василия и Софии.⁷¹ Но для циркулировавших в народе слухов вполне естественно было соотносить одну акцию с другой — по аналогии с явной связью между более ранней опалой на Василия и казнью его сторонников.

Таким образом, сюжет, в котором царевич подвергается гневу отца и оказывается под угрозой, но остается жив, а другой человек вместо него казнен, стал подходящей основой и для песни о гневном царе Иване Васильевиче на царевича Дмитрия Ивановича. Эта песня, явившаяся переделкой предыдущей, отобразилась в несколько большем числе текстов.

В варианте ИП 1, № 236, который записан в Шенкурском уезде А. Харитоновым, царский гнев направлен на Дмитрия; царевич оказывается спасен благодаря тому, что вместо него казнен конюх Никита Романович.⁷² Здесь нет доноса на Дмитрия Ивановича, что существенно отличает этот текст от варианта ИП 1, № 200 (записан в 1938 г. Е. П. Родиной от Ф. А. Конашкова). В данном случае развернутое повествование известного сказителя былин следует той версии сюжета, где царевич — жертва доноса со стороны его родного брата. Но имя последнего здесь — Федор, а не Василий, что объясняется, очевидно, косвенным влиянием той неисторичной версии, где жертвой оказывается именно Федор Иванович. Спасение царевича Дмитрия Ивановича у Ф. И. Конашкова не связано с казнью другого лица: оно результат того, что Никита Романович казнит самого палача Малюту Скуратова.

След первоначальной песни можно усмотреть в варианте ИП 1, № 209 (сохранился в рукописи сказителя А. И. Касьянова): здесь, напротив, Дмитрий Иванович оказывается доносителем на брата (но имя последнего — не Василий, а Федор). Есть еще упоминание Дмитрия Ивановича в числе трех царевичей — безотносительно к описанному здесь гневу царя на Федора Ивановича (вариант ИП 1, № 202 записан В. Ф. Хотьковским в Петрозаводском уезде от М. А. Фроловой).

В подобных случаях конкретные генетические соотношения записанных вариантов с двумя первыми песнями, конечно, гипотетичны, но само имя царевича Дмитрия Ивановича указывает на связь с песней, отобразившейся достаточно определенно в вариантах ИП 1, № 236 и ИП 1, № 200, а исторической своей основой имеющей события 1502 г.

Еще одним ее отображением следует признать вариант не опубликованный, но в некоторых отношениях любопытный. Это старая запись, выполненная еще Е. Фаворским в Нижегородской губернии. По какой-то досадной случайности данный текст (в отличие от соседствующей с ним записи песни о Шереметеве) не попал в число давно изданных и переизданных записей Е. Фаворского. Он находится в фонде академика И. И. Срезневского, где снабжен пометой: «Старинные великорусские песни, записанные священником Е. Фаворским в селе Павлове». Привожу полный текст песни по рукописи.⁷³

⁷⁰ Соловьев С. М. История России... Ч. 3. С. 63.

⁷¹ Ср., например: Каштанов С. М. Социально-политическая история России... С. 102—115; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 160—177 (этот автор считает, что причиной событий явились факторы международной политики).

⁷² Аналогичный текст был записан там же Кузьмищевым (см.: ИП 1, с. 661).

⁷³ Архив Российской академии наук, Петербургское отделение, ф. 216, оп. 4, ед. хр. 245, л. 1—2. Сокращения раскрыты в угловых скобках, знаки препинания несколько дополнены и частично изменены.

Во матушке во Москве стояла полатушка гарновитая,
Железом покрытая, гвоздями убитая полужеными,
Во этой полатушке стоят столики дубовые,
На них скатерти розосланы шелковыя,
А стулики стоят кленовые.
За этими столиками сидят князья, бояря,
Сидят, пьют, едят, проклажаются,
Ничем царю не похвалятся.
Грозный царь Ив(ан) Васильевич сам выхваляется:
«Брал я Казань, брал я Астрахань,
А мелкие города мимоходом шел,
Не мог я вывести изменушку из города Обскаго, из-за Обскаго».
Возговорит речь Димитрий Иванович:
«Уж ты тятинька родимой мой,
Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы». —
«Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на́-имя?» —
«Тятинька, эта изменушка подле тебя сидит,
Пьитё, едитё с одной вы с ней ложечки,
Одно свётна платьица носите».
Грозный царь распаляется,
Выбегает на красён крылец,
И кричал своим громким голосом:
«Если при мне слуги верные — палачи грозные?
Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:
Снесли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи,
Взоткали бы её на вострый штык,
Принесли бы её пред очи, очи царския».
Догадался тут старшой боярин Иван Романычъ,
Выбегал на красен крылец,
И кричит своим громким голосом:
«Если при мне слуги верные?
Седлали бы мне ретива́ коня».
Едет Иван Романыч по матушке по Москве
И кричит громким голосом своим:
«Если таковы люди — царски семяна заменить,
Себе царства небеснаго получить?»
Выискался детинушка — калашный сын:
«Хочу царски семяна заменить,
Хочу царства небеснаго себе получить».
Повели жа его на место лобное — на кровавое,
И снесли ему буйну́ голову по самыя могучи плечи,
И взоткнули ее на вострый штык,
И принесли её перед очи, очи царския.
Не мог он вытерпеть, его ударило.
Приказал в большой колокол звонить
По всей матушке каменной Москве,
Всем боярам в черном платье итти Богу молиться:
«Погасла у меня воску ярова свеча,
Не стала у меня Димитрия Иваныча!»
Нарядился в светна платьица Иван Романычъ —
Распаляется на него грозный царь Ив(ан) Васильич:
«Али ты царю — мне насмехаешься,
Али ты не знаешь, что в живе царевича не стала?
Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
Отсекли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи
И взоткнули бы ее на вострый штык,
И принесли бы ее перед очи, очи царския». —
«Батюшка грозный царь Ив(ан) Васильевич!
Дай ты мне Богу помолитися,
Дай ты Св(ятых) Тайн причаститися!»
Поехал старшой боярин Ив(ан) Романычъ,
Везет он к царю Димитрея царевича.
Увидал грозный царь Иван Васильич
С старшим боярином Димитрея царевича.
Возговрит царь Иван Васильевич
Старшому боярину Ивану Романычу:
«Старшой боярин Иван Романычъ!
Умел ты царски семена блюсти,
Чем мне тебя дарить и жаловать?
Али селами, аль деревнями, али красными подселками?» —
«Не дари меня ни селами, ни деревнями,
Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурляткиным».
Старшой боярин Иван Романовичъ

Схватил Малютычку Скурляткина:
 «Малютычка Скурляткин сын,
 Не за свой ты кус хватаешся,
 Скоро этим кусом ты подавишься».

Особенность публикуемого варианта в том, что выручает царевича из беды не Никита Романович, как в других текстах, а Иван Романович. Возможно, что мы имеем здесь дело с наложением одного имени и отчества на другое (совершенно таким же образом, как в песне о смерти царицы, рассматриваемой нами далее). Князь Иван Юрьевич Патрикеев, упомянутый выше, избежал казни вместе со своим братом, но оказался в монастыре. В песне «старшой боярин Иван Романыч», схваченный по царскому приказу и едва не казненный, отпущен по его просьбе «Богу помолитися» и «Святых Тайн причаститися». Но финал варианта испытал воздействие позднейшей версии — воздействие, однако, не мотивированное предшествующим текстом, ибо о Малюте Скуратове в связи с угрозой казни царевича в этом тексте не говорится.

Рассмотренные варианты достаточно явно указывают на существование двух песен (или, если угодно, — двух версий одной песни), отозвавшихся на исторические факты 1497 г. и 1502 г. — опалу Ивана III на Василия Ивановича, затем — на Дмитрия Ивановича.

Третья песня, возникшая в связи с конфликтом между Иваном IV и его старшим сыном Иваном Ивановичем в 1570 г., представляла собой переделку одной из предшествующих песен на этот сюжет. Она создана была, вероятно, в Москве, где отправные политические обстоятельства могли быть достаточно известны по циркулировавшим в народе слухам.

Но эволюция сюжета созданием третьей песни, по-видимому, не завершилась. Весьма значительная часть вариантов, записанных на Новгородском Севере, свидетельствует еще об одной переработке и заставляет вспомнить приведенное выше суждение В. Я. Проппа. Каких-либо свидетельств источников относительно опалы на царевича Федора в связи с новгородским походом Ивана IV не существует, и сам такой факт маловероятен, учитывая тогдашний возраст Федора. Но царевич был известен кротким характером, вполне проявившимся после смерти Ивана IV, когда Федор стал царем. Вероятно, это и послужило поводом для создания впоследствии еще одной версии сюжета — версии, в своей основе вымышленной, но отобразившей воспоминания новгородцев, оставшихся в живых после погрома 1570 г., в котором активное участие принимал тогдашний наследник престола царевич Иван Иванович. Побудительным толчком к созданию новой песни могло послужить упоминание в песне предшествующей о том, что измена выведена в Новгороде. Мотив расправы с новгородцами получил развитие в новой песне, где царевич Иван обращается к отцу:

Ай, прегрозный сударь царь Иван Васильевич,
 Ай, родитель наш же батюшко!
 Ты то ехал уличкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрмам садил;
 Я-то ехал уличкой,
 Иных бил-казнил да иных вешал ли,
 Достальних по тюрмам садил;
 А середочкой да ехал Федор да Иванович,

 Наперед же он указы да пороссылал,
 Чтобы малыи да поразбегались,
 Чтобы старьи да растулялися.

(ИП I, № 211, с. 328)

Должно было пройти известное время, чтобы вокруг фигуры царевича Федора, точнее — песенного его образа, сконцентрировались воспоминания об обвинениях, выдвигавшихся в адрес некоторых соучастников злодеяний Ивана IV, и о зловещей роли Малюты Скуратова, противопоставленные воспоминаниям о Никите Романовиче и сестре его царице Анастасии. Вновь созданная песня

использовала наследие трех предшествовавших, но, в свою очередь, повлияла на них и со временем почти вытеснила из устного репертуара их неосложненные этим влиянием первоначальные редакции.

Песню «Смерть царицы» исследователи, начиная с В. Ф. Миллера, не без оснований соотносят с кончиной царицы Анастасии — первой жены Ивана IV, хотя имя это ни в одном варианте не фигурирует.⁷⁴ Есть запись, где упомянута Настасья царевна, плачущая у ног матери (ИП 1, № 263, с. 457). Обрисованный в этом тексте характер умирающей, скорее всего, указывает именно на царицу Анастасию, имя которой, вероятно, при искажении текста стало именем ее дочери (ни у Ивана IV, ни у Ивана III среди дочерей не было Анастасии). Но в тех вариантах, где имя царицы фигурирует, она названа Софьей Романовной (ИП 1, № 265 и 266).

Среди жен Ивана IV не было Софьи. Перед нами, очевидно, контаминация реального имени Софии Фоминичны и реального имени Анастасии Романовны. А это заставляет полагать, что предшественницей известной нам песни была песня, посвященная смерти второй жены Ивана III: она скончалась раньше его, в 1503 г.

Песня рисует картину прощания с умирающей:

В головах сидят два царевича,
В ногах сидят млада две царевны,
Супротив стоит сам грозен царь.

(ИП 1, № 265, с. 459)

При кончине царицы Анастасии могли присутствовать царевичи, но не царевны: все три дочери ее умерли во младенчестве, раньше, чем их мать.

В песне царица Софья обращается к мужу, грозному царю Ивану Васильевичу:

Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев;
Когда будут они в полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых земель.
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж.

(ИП 1, № 265, с. 459)⁷⁵

Когда умирала царица София, три ее старших сына уже были «в полном разуме» (им было от 21 до 24 лет) и песня их не могла иметь в виду; но приведенный текст реально мог относиться к двум юным дочерям Софии (третья умерла раньше матери) и к двум ее младшим сыновьям: Андрею в то время было 12 лет, а Семену — 16.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что песня, которая дошла до нас, основывалась на переделке более ранней песни о смерти царицы Софии.

Есть несколько песен, посвященных смерти царя Ивана Васильевича. Большая часть их не поддается доказуемой идентификации вследствие отсутствия примет, определенно соотносящих произведение именно с Иваном III или с Иваном IV. К тому же в этих песнях порой существенную роль играют затрудняющие их датировку позднейшие привнесения, связанные с церковным расколом и нововведениями в армии при Петре I.

Но есть песня, опубликованная в трех вариантах (один из которых контаминирован), вполне отчетливо связанная своим возникновением с кончиной Ивана III.

⁷⁴ Записи ИП 1, № 263 и 264 произведены А. В. Марковым в Нижней Зимней Золотнице от А. М. Крюковой и Г. Л. Крюкова. Контаминированные с песней о Кострюке варианты ИП 1, № 265 и 266 записаны С. В. Максимовым в Архангельской губернии. Дополнительно осложненную контаминацию этого типа представляет собой рассмотренный выше текст ИП 1, № 259.

⁷⁵ Короче в варианте ИП 1, № 264, с. 458:

До своих ты малых деточек будь ты милостив,
А до двух-то всё младых цяревичей.

Как выше упоминалось, Иван III в 1487 г. организовал успешный поход к Казани. В результате была устранена опасность постоянных набегов оттуда на русские земли, приносивших разорение, гибель и плен не только русским жителям Среднего Поволжья. Казанским ханом стал покорный вассал Ивана III. Но в конце его жизни, пользуясь болезнью русского монарха, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла Ивана III в разгаре приготовлений к новому походу на Казань. Это обстоятельство и запечатлела песня, вариант которой А. А. Догadin записал у астраханских казаков. Текст оканчивается обращением к умершему:

Ты восстань, восстань,
Ты наш православный царь (...)
Царь Иван Васильевич,
Ты наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою силушку (...)
Твоя силушка
Скоро во поход пойдет (...)
Как под тот-то славный
Казань, Казань город.

(ИП 1, № 282, с. 475)⁷⁶

Достаточно очевидно, что эта песня не могла быть сложена в 1584 г. по случаю смерти Ивана IV, как полагал ее первый публикатор: Иван IV умер через тридцать с лишним лет после того, как прекратились походы под Казань, которая в 1552 г. окончательно вошла в состав Русского государства.

Но состоявшийся уже после смерти Ивана III в 1506 г. большой поход против Казани не был успешным. Воеводы Василия III были разбиты вследствие собственной небрежности, часть войска оказалась в плену у татар.⁷⁷ Это вызвало переделку окончания песни:

Эх, ты восстань-ко, восстань,
Грозный царь Иван Ва...
Царь Иван Васильевич. (2)
Эх да, твоя силушка
Эх и в полону сто...
Эх и в полону стоит. (2)
Эх да, под неверною
Эх и все под неве...
Эх да, все под скверною! (2)

(ИП 1, № 283, с. 476)

Вариант записан Ф. М. Истоминым в Поволжье, в Симбирской губернии. Там же зафиксирован третий вариант, представляющий собой, как справедливо отметил в комментарии Б. Н. Путилов, «контаминацию двух сюжетов: „Часовой плачет у гроба Ивана Грозного” и „Взятие Казани”» (ИП 1, с. 670). Вторая песня полностью присоединена к первой, которая в этом варианте оканчивается выражением недовольства нерадивостью воевод:

Царь Иван Васильевич!
Погляди-ка ты на свою силу:
Твоя силушка утомлённая,
Утомлённая, некормлённая,
Твой любимый полк во поход пошел,
Во поход пошел под Казань-город.

(ИП 1, № 284, с. 477)

Упоминание Казани побудило далее присоединить песню, повествующую о взятии ее через 46 лет.

Существенно, что один из вариантов записан в среде казаков. Традиционное представление о появлении русского казачества только в XVI столетии (или на рубеже XV

⁷⁶ При цитировании отточиями обозначены опущенные мной повторы.

⁷⁷ См., например: Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 51; Софийская вторая летопись // Там же. С. 245; Список Дубровского. С. 536.

и XVI вв.) ошибочно. Уже при Василии II рязанские казаки помогли москвичам одержать победу над татарами вблизи Переяславля Рязанского, как об этом сообщает Никоновская летопись под 1444 годом.⁷⁸ Упоминание в варианте ИП 1, № 282 «молодого казака», который стоит у гроба Ивана III, может быть не позднейшим привнесением, а исторической реалией. Дело в том, что Иван III, как это видно из летописей, держал казацкое войско в самой Москве и оттуда посылал казаков в походы против Казанского ханства. Таков был поход под командованием воеводы Ивана Руно в 1468 г.: в Никоновской летописи, например, читаем, что Иван III «послал на Каму воевати мест Казанских с Москвы к Галичу Руна с казаки»;⁷⁹ к казакам присоединились воеводы из Галича и других мест, разоряемых казанцами. Одержав победу в бою с ними, ратники Ивана Руна благополучно вернулись в Москву. Под его же руководством в следующем году было проведено успешное нападение на саму Казань и освобождение томившихся там русских пленников.

Неудивительно, что образ Ивана III запечатлелся в казачьем фольклоре в связи с военными действиями против Казани. Хотя астраханских казаков еще не было до присоединения Астраханского ханства к России при Иване IV, это, конечно, не означает, что в их среде не могла бытовать песня, посвященная оплакиванию Ивана III: достаточно вспомнить упомянутую вначале песню о Щелкане, которая записана не в Тверской губернии, а в Олонецкой и на Урале.

Как видим, фольклорный образ Ивана Грозного перестает быть загадочным после соотнесения с двумя его историческими прототипами. Хотя содержание некоторых произведений, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу, несомненно обязано только событиям правления Ивана IV (например — песни о Кострюке), сам образ центрального их персонажа уже сформировался в основных своих чертах в предыдущем столетии, обобщив народное восприятие его деда Ивана III. Эпоха Ивана IV несколько ужесточила этот образ, кое-где прибавила ему противоречивости, но не поколебала в главном: царь Иван Васильевич в фольклоре остался по преимуществу персонажем положительным. Исключение составила относительно небольшая часть репертуара, обязанная жертвам репрессий: таковы несколько новгородских преданий, рисующих царя мнительным истязателем,⁸⁰ — это фольклор об Иване IV «в чистом виде», отобразивший впечатления очевидцев, не осложненные отблеском позитивных припоминаний об Иване III, повлиявших даже на новгородскую обработку песен о гневе Ивана Грозного на сына. В этом комплексе разнородных вариантов жестокость главного персонажа как бы уравновешивается его раскаянием, а несправедливость в итоге оказывается исправленной.

⁷⁸ См.: ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 62.

⁷⁹ Там же. С. 119.

⁸⁰ См., например: Якушкин П. И. Путевые письма // Якушкин П. И. Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. З. И. Власовой. М., 1986. С. 94—95.

А. О. АМЕЛЬКИН

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕСНИ ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ

Одной из спорных проблем современной фольклористики является вопрос о времени возникновения жанра исторической песни. Чтобы решить его, нужно определить время создания каждого произведения этого жанра. Особый интерес представляет датировка песни об Авдотье Рязаночке, считающейся одним из ранних памятников историко-песенного фольклора.

Среди исследователей существует несколько мнений о времени ее создания. Наиболее распространенной является точка зрения Б. Н. Путилова: песня сложилась самое позднее в начале XVI в. и является откликом на разорение Рязани Батыем.¹ Ему пытались возражать, однако развернутой аргументации никто из оппонентов не приводил. Сложность приурочивания песни к тому или иному событию не позволила Л. И. Емельянову отнести ее к разряду исторических, так как, по его мнению, она не связана с конкретным фактом русско-татарских отношений.² Однако, кажется, для такого вывода нет оснований. В настоящий момент большинство ученых относит песню об Авдотье Рязаночке к событиям 1237 г. Эта точка зрения, обоснованная Б. Н. Путиловым, закреплена в учебных пособиях, академических изданиях и популярных работах по русскому фольклору.³

Доказательства ее сводятся к следующему: так как Казань после своего вхождения в состав Русского государства в 1552 г. никаким иноземным нашествиям не подвергалась, то, очевидно, она заменила в песне другой город; в русском фольклоре существует пара Рязань—Казань, и, скорее всего, другим городом была как раз Рязань, на что указывают прозвище героини (Рязаночка) и эпитеты «старая», «подлесная», более привычные в сочетании с названием Рязань. Рязань же первой приняла на себя удар полчищ Батыя — следовательно, первоначально она и была в песне об Авдотье Рязаночке на месте Казани.⁴

Нетрудно заметить, что все доказательство сводится к прозвищу героини, а оценка исторических событий опирается на обобщенную картину прошлого. К тому же такая аргументация ставит целый ряд новых вопросов. Например, отчего меняется наиболее устойчивый элемент фольклорного произведения — имя? Отчего, утратившись в тексте песни, оно сохраняется в прозвище героини? Отчего Казань заменяет в повествовании Рязань, в то время как сам автор гипотезы отмечает, что в условно-эпическом плане чаще упоминается более известная русскому населению Рязань, а с Казанью связаны вполне определенные сюжеты? Откуда появляется имя главного противника Авдотьи? Каким путем в песню попали более поздние исторические реалии? Перечень этих вопросов может быть продолжен.

Сомнительной кажется попытка связать песню с событиями 1237 г., так как

¹ Путилов Б. Н. Песня об Авдотье Рязаночке: (К истории Рязанского песенного цикла) // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 163.

² Емельянов Л. И. Исторические песни // Русские исторические песни. Л., 1987. С. 19—21.

³ Игнатов В. И. Русские исторические песни: Хрестоматия. М., 1970. С. 9; Исторические песни XIII—XVI вв. / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 47—52; Калугин В. И. Струны рокотаху...: Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 266—268.

⁴ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. Л., 1960. С. 54—74.

столица Рязанского княжества подвергалась разорению и в 1382, и в 1472 гг., а татарские набеги на эти земли продолжались вплоть до XVII в.⁵

Возможно, уверенность исследователей в столь ранней датировке песни подкреплялась гипотезой о существовании рязанского песенного цикла XIII в.⁶ Однако литературные памятники, сохранившие, по мнению ее сторонников, отголоски произведений такого цикла (Повести о Николe Заразском, Житие Петра и Февронии), относятся к концу 20-х—40-х гг. XVI в.⁷ и, следовательно, не могут быть использованы для подтверждения датировки песни эпохой монголо-татарского ига.

В то же время ни исторические реалии, ни сюжет песни не позволяют говорить о том, что в ее основе лежат события разорения Рязани Батыем. При этом следует отметить устойчивый характер ее текста. Песня известна в трех записях, сделанных в районе Кенозера в 1860-х—1920-х гг. Помимо типичных фольклорных мотивов дальнего странствия, преодоления трех преград, состязания в мудрости при помощи загадок все три версии этой довольно редкой песни имеют ряд общих черт, характерных только для нее. Единными оказываются место действия, главные герои и их имена, увод полона, его социальный состав, возвращение людей в результате переговоров и восстановление города «по-старому».⁸ Несмотря на то что центральный эпизод песни (получение в результате правильно сделанного выбора большей награды, чем первоначально было обещано) и основная его идея (предпочтение братских отношений всем иным видам родственных отношений) неоднократно встречаются в фольклоре разных народов, подобное оформление сюжета говорит о конкретно-историческом его приурочении, а не об обобщенной ситуации.

При этом он не похож на реальные события Батыева разгрома: царь Бахмет выводит полон, Батый же захватывает земли, налагает дань; город Казань, согласно песне, восстанавливается, Рязань же погибает в огне нашествия, а столица княжества и ее имя переносятся на Переяславль-Рязанский; Бахмет, судя по имени, — мусульманин, Батый — язычник. Все эти сопоставления не позволяют говорить о том, что песня об Авдотье Рязаночке имеет в виду события 1237 г.

В истории русско-татарских отношений можно выделить два больших этапа, первый из которых связан с борьбой за подчинение Руси и существованием монголо-татарского ига, а второй — с обороной независимого Русского государства от ханств и орд, образовавшихся на месте Золотой Орды. Пока Русь находилась в зависимости от ордынцев, их походы были направлены на укрепление власти над завоеванной территорией. Для второго же периода более характерны набеги, когда захватчики спешат взять все, что они в состоянии унести, а остальное — уничтожить. Яркая картина таких набегов рисуется общерусскими летописными сводами и краткими летописцами, житием Павла Обнорского и чудесами Зосимы и Савватия Соловецких, публицистической Казанской историей и беспристрастными жалованными грамотами. В это время многие села оказались «пусты, от казанской войны люди побиты, а иные в полон поиманы, а дворов нет и пашни не пашут», «клетки и дворы, и деревни сожгли казанские люди, а христиан в полон вывели, а иных высекли, да и животину и имущество взяли, а мелкую животину высекли». Войдя в дом, татары «начинали собирать каждый топоры и ножи и прочее все, что из железа и меди. И из дверей чеки и пробои вырвали, и все домашнее имущество собрали и вынесли вон. Отходя, зажгли, окоянные, дворы». Люди убежали, «не взяв с собой ничего, кроме одежды, которую на себе носили». Пойманных ждала страшная участь. Монастырского крестьянина Ивана татары «начали сечь мечами своими, шею ему перерубили мало что не всю и внутренности его пронзили мечами своими, насквозь

⁵ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.

⁶ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. Л., 1960.

⁷ Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV—первой половины XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 84—101.

⁸ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 47—52.

прокалывая, и бросили его нагого на снег».⁹ Пленных насильственно пытались привлечь к мусульманству, что вело, по представлениям того времени, не только к невозможности возвращения на родину, но и к гибели души. Только за первую половину XVI в. было совершено 42 крымских и 40 казанских походов,¹⁰ а в первой половине XVII в. в плен было уведено до 200 000 человек.¹¹ В условиях запустения многих русских городов завоевания монголо-татар могли показаться в первой половине XVI в. более безобидными, чем позднейшие набеги крымцев и казанцев. «И было тогда беды за многие годы от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили; когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь, и посекали как сады русских людей».¹² Рубежом между двумя эпохами стал конец XV—начало XVI в.

К этому же времени относится и начало внешнеполитической активности в Восточной Европе турок, повелителем которых назван царь Бахмет.¹³

Само имя этого царя восходит к тюркской форме имени Махмет, Мухаммет, Магомет. Возможно, Бахмет является адаптацией словосочетания «бай» (богатый) и «ахмет» (похвальный). Трансформация звука М в Б встречается и в других русских словах, заимствованных из татарского или какого-либо иного тюркского языка (например: мусульманин — басурманин¹⁴). Имя Магомед в форме Бохмить встречается еще в «Повести временных лет» под 986 г.¹⁵ Оно становится очень популярным среди турецкой, крымской, казанской, шемаханской и ногайской знати именно на рубеже XV—XVI вв. Из почти 30 случаев упоминания этого имени и производных от него в Никоновской летописи лишь три принадлежат людям, жившим в XIII—XIV вв.: упомянутому под 1284—1285 г. баскаку в Курском княжестве, послу, направленному в 1352 г. в Тверь, и правителю Казани второй половины XIV в.¹⁶

Имя города также может дать некоторую подсказку при определении времени создания песни. События разворачиваются в «Старой Казани-городе подлесной». По мнению Б. Н. Путилова, это заставляет вспомнить о Старой Рязани, разоренной полчищами Батыя. Однако специально занимавшийся вопросами географии в эпосе М. М. Плисецкий, хотя и приводил примеры замены названий географических объектов, подчеркивал необычайную устойчивость топонимов в былинах.¹⁷ Поэтому встречающийся во всех трех записях песни топоним может свидетельствовать о первоначальном присутствии в ней именно Старой Казани. Возможно, что эпитет «старая» использован в песне не как часть топонима, а с целью подчеркнуть древность города, его старшинство и значение в ряду других городов. Б. Н. Путилов не прав, считая, что этот эпитет находится в привычном сочетании только с именем Рязани. Не менее известна и Старая Казань, основанная в середине XIII в., ставшая центром княжества в конце XIII в. и утратившая свое значение в первой трети XV в.¹⁸ Тогда же в связи с основанием современной Казани городище стало называться Старая Казань. Таким образом, можно использовать эти топонимы для датировки песни.

⁹ Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 118—124.

¹⁰ Каргалов В. В. На степной границе. С. 149; Загорский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 54.

¹¹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 436, 442.

¹² Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 364—365.

¹³ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.

¹⁴ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 68—69; Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 100—101.

¹⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 73.

¹⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. Ч. 2. С. 13—14, 17, 91—92.

¹⁷ Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962. С. 166—192.

¹⁸ Добродомов И. Г., Кучкин В. А. «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI—XVI вв. М., 1989. С. 430—479.

Для современников Батыева нашествия ни Казань, ни Рязань не были «старыми». Лишь с возникновением новых городов с такими же именами за ними мог утвердиться этот эпитет. Древняя Рязань так и не смогла оправиться от удара, нанесенного монголо-татарами, и около 1301 г. столица Рязанского княжества была перенесена в Переяславль-Рязанский. Однако на него не сразу перешло название Рязань, и еще в XVII в. город упоминается под своим прежним именем. Но уже в конце XIV в. в списке русских городов дальних и ближних упомянута Старая Рязань.¹⁹ Таким образом, даже если принять предположение о том, что в песне первоначально присутствовала Рязань, время ее сложения не может быть отнесено к XIII в. Если же согласиться с тем, что в тексте с самого начала была Казань, то создание ее произошло не ранее XV в.

Несколько странным кажется наименование Казани русским городом до времени ее окончательного подчинения Московскому царству в 1552 г., вывод из него русского полона, а также указание в одной из записей песни, что Бахмет турецкий, разоряя город, «воевал... землю российскую». Однако в истории Казани был период с момента ее взятия Иваном III в 1487 г. до утверждения на казанском престоле Сахиб-Гирея — брата крымского хана в 1521 г., когда этот город находился в зависимости от великих русских князей, что отразилось в титулатуре Ивана III: «Великий князь Иван Васильевич, государь и самодержец, царь и государь всеа Русии и великий князь Владимирский, и Наугородский, и Московский, и Псковский, и Тферской, и Югорский, и Вятцкий, и Болгарский, и иных».²⁰ Появление в этом титуле княжества Болгарского обозначает подчинение Ивану III Казанского ханства, поскольку оно существовало на землях, ранее входивших в состав Волжской Болгарии, и в русской исторической мысли XVI в. часто выражались идеи преемственности между этими двумя государствами. В спорах с крымской стороной русские дипломаты упорно отстаивали как традиционное право великого князя ставить на казанский престол хана по своей воле.²¹ Русские купцы «жили в Казани, надеясь, как на своего, на казанского царя».²²

Именно на середине этого периода и происходит событие, с которым, как кажется, возможно связать песню об Авдотье Рязаночке. Это разгром посольства Михаила Кляпика в Казани в 1505 г. Не отмеченное в большинстве современных учебников, оно оставило большой след в общественном сознании XVI в., нашло отражение в нескольких десятках летописных сводов и кратких летописцах, а также исторических песнях. Это событие произвело большое впечатление потому, что одновременно с послом в Казани находился русский торг и «было много людей изо всех городов Московского государства, а такова крестьянская кровь не бывала как и Казань стала».²³

Царь казанский, поставленный великим князем на место своего брата Аблетьма (Абдул-Летфа), в 1502 г. расправился со сторонниками своего сюзерена, «на великого князя гнев держа». В 1505 г. он решил воспользоваться династическим кризисом и прислал Ивану III князя городского Шаинсифа с грамотой о неких делах. Холмогорская летопись уточняет характер этих дел. Казанский царь писал: «Аз есми целовал роту за великого князя Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочу быти за великим князем Васильем Ивановичем...» Пользуясь случаем, он спешил выйти из зависимого положения, отказываясь признать нового наслед-

¹⁹ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95.

²⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286.

²¹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 252.

²² Казанская история. С. 330—331.

²³ События излагаются по: ПСРЛ. Т. 12. С. 259; Т. 23. С. 179; Т. 26. С. 297; Т. 28. С. 388; Т. 30. С. 124; Т. 31. С. 259; Т. 33. С. 134; Т. 37. С. 52, 99, 173; Иоасафовская летопись. М.; Л., 1957. С. 147; Казанская история. С. 330—333; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. В. Н. Тащев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 233; Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257—271; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 68—69, 75—78.

ника. «А яз... не рек ся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хочу», — гласила грамота. Обеспокоенный этой претензией на самостоятельность, Иван III «по своему крепкому слову» направил в Казань посольство Михаила Кляпика с наказом, «чтобы он тем речам всем не потокал». Вместе с послом в городе оказалось множество русских купцов. 24 июня на праздник рождества Иоанна Предтечи по приказу казанского царя Михаил Кляпик был арестован, а купцы частью перебиты, частью проданы в рабство в Ногаи и в Астрахань; товары конфискованы. «А которые люди убежали на Волгу, а тех побила черемиса на дорозе, а иных в избу насажав да сожжгли и много зла сотворили Руси». Те немногие, «бегли кои», вернулись домой «нагими душой и телом». Всего в тот день пострадало «в Казани много гостей русских», более 15 000. Эти события произвели большое впечатление на современников и стали прообразом картины разорения русского города в песне.

Во всех ее вариантах подчеркивается, что массовый увод в полон русских людей ударил прежде всего по социальной верхушке общества. В одной из записей этой песни указывается, что царь Бахмет в Казани «князей-бояр всех вырубил, да и княгинь-боярыней в полон побрал», а в двух других Авдотья Рязаночка, прося за своих родственников, подчеркивает свое положение: «Я в Казани-то была женка не последняя! Не последняя я была женка, первая», «Не последняя ведь была женка — первая».²⁴ С другой стороны, нигде не говорится о присутствии в городе государя. Во время же разгрома посольства удар пришелся по находившимся в его составе представителям феодального и купеческого сословий, а отсутствие великого князя в зависимом, но автономном и враждебном ханстве вполне естественно.

Разгромом посольства руководил казанский хан Мухаммед-Эмин, который и является прообразом песенного царя Бахмета. То, что он назван турецким царем, имеет несколько объяснений. Во-первых, сами законы жанра требуют, чтобы враг, разоряющий русский город, прибывал извне. Во-вторых, в этом сказывается влияние образа Магмед-салтана, царя турецкого из повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., челобитных Ивана Пересветова и т. д. В-третьих, с 1524 г. Казань признала себя юртом турецкого султана.

Заставы из больших рек, диких зверей и разбойников, которые царь Бахмет оставил на пути героини, напоминают ту обстановку, которая сложилась в степях в первой половине XVI в. после крушения Большой Орды. Перечисленные преграды отделяют пленников от дома. И в этом судьба купцов, торговавших в Казани, оказывается схожей с ситуацией в песне. Они были «проданы в Орду», сосланы «в Астрахань и в Ногаи», а один из участников посольства — Иван Брюхо Верещагин, сын Блеклого — оказался в далеком Чегодае. Характерно, что районы высылки захваченных в Казани русских людей отделялись от России степями с нестабильной и тревожной обстановкой.

Находится прототип и для Авдотьи Рязаночки — дочь великого князя Ивана III Евдокия, имеющая прямое отношение к событиям в Казани. После начала конфликта в Москву прибывает брат Мухамет-Эмина, царевич Куйдакул, который, приняв крещение под именем Петра, женится на Евдокии. В условиях обострившихся отношений с Казанью московское правительство выдвигает Петра в качестве претендента на казанский престол. Возможно, именно он принял участие в ответном походе на Казань, и не случайно казанцы преследовали именно ту часть войска, при которой находился царевич. Правда, А. А. Зимин считает, что в походе принимал участие один из касимовских царевичей, а преследование его отрядов объясняется отступлением остальной части войска по Волге на судах. Брак с Евдокией сыграл столь большую роль, что некоторое время бездетный Василий III собирался передать по своей смерти престол своему шурина.²⁵

Поход русского войска на Казань закончился неудачей, однако, понимая временный характер своих успехов и опасаясь нового претендента на престол, Мухамет-Эмин бил челом великому князю Василию III. Дальнейшие перегово-

²⁴ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 48—52.

²⁵ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 298.

ры привели к возвращению уцелевших участников посольства на родину. Мирный характер возвращения полона подчеркивается и в песне. Не случайно в песне отсутствует описание каких-либо приключений при преодолении преград Авдотьей Рязаночкой и отмечается возвращение полона в результате переговоров героини с Бахметом турецким.

Но образ Авдотьи собирательный. В ней узнаются черты и других современниц Евдокии: ее сестры, великой княгини Анны Рязанской, свидетельницы антитатарского «чуда» 1521 г., Евдокии Коломянки, ведуньи при дворе великого князя, носившей прозвище Рязаночка.

Неожиданно находит подтверждение и свидетельство песни об убиении брата царя Бахмета во время разорения Казани, известное по одной из версий.²⁶ После разгрома русского посольства Мухамет-Эмин предпринял поход против Нижнего Новгорода, что вполне могло быть воспринято как продолжение казанского разгрома. Однако, простояв два дня под его стенами, казанцы отступили, «ничтоже не успев». Одна из легенд, сохраненная Казанской историей, приписывает это меткому выстрелу из пушки, поразившему в грудь ногайского мурзу — шурина Мухамед-Эмина. Вспыхнувшая после этого распря между казанцами и ногайцами заставила татар снять осаду. Впоследствии эта легенда сохранялась в нижегородском крае и зафиксирована в XIX в. в устном предании, в котором ногайский мурза заменен ногайским ханом, а место, где стоял его шатер, определяется воздвигнутой позже церковью Ильи Пророка.²⁷

Сведения о восстановлении Казани позволяют уточнить время создания песни, которая могла сложиться после возрождения в ней русского торгового центра в 1507 г. и до перенесения его в Нижний Новгород в 1522 г.

Таким образом, в песне отражены события, связанные с разгромом посольства Михаила Кляпика в Казани в 1505 г. Это был первый удар такой мощности в почти покоренном городе, положивший начало полувековой ожесточенной борьбе с казанскими набегами, оставивший глубокий след в общественном сознании России XVI в. Народная историческая мысль превратила разорение русского торгового центра и посольства в завоевание города, а брак Петра и Евдокии — в главную причину успеха в переговорах о возвращении пленников.

Интересен взгляд на врага, представленный в этой песне. Бахмет турецкий в ней выступает как страшная разрушительная сила. Однако в песне нет гротескного изображения противника как неокультурной стихии. Рудимент такого взгляда проявляется лишь в способности Бахмета повелевать стихиями и зверями. Его индивидуальность подчеркнута на протяжении всей песни: он действует как царь, а не как часть подчиненной ему стихии, он обладает мудростью, по достоинству оценивая ответ героини, он в состоянии испытывать родственные чувства, рыдая над погибшим братом. Такой взгляд характерен для XVI в., когда в литературе прочно утвердился образ грозного, но мудрого иноземного, чаще всего татарского или турецкого, царя.

Таким образом, можно сделать вывод, что песня об Авдотье Рязаночке сложилась в первой четверти XVI в. Об этом говорит не только то событие, с которым связывается ее создание, но и образы героев, характер их взаимоотношений.

²⁶ Исторические песни XIII—XVI вв. С. 48.

²⁷ Казанская история. С. 332—335.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Е. П. ГЛАДКИХ

К. Д. КАВЕЛИН В ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) известен в первую очередь как историк, философ и один из лидеров либерального движения, сыгравших важную роль в подготовке крестьянской реформы. Деятельность его как фольклориста остается малоизученной и не оцененной по достоинству.¹ Сделать это представляется тем более важным, что Кавелин в конце 30-х—начале 50-х гг. XIX в. стоял у «колыбели» фольклористики, не только занимаясь сбором фольклорно-этнографического материала, но и предложив свою теорию его интерпретации, впоследствии получившую название «историко-юридической» школы.

Для того чтобы понять причины, побудившие Кавелина обратиться к этой области исследований, нужно вспомнить о решающем повороте в области гуманитарных знаний, происходившем в 30—40-х гг. Это время стало переломным моментом в изучении русской истории и народности: происходит творческое усвоение идей западноевропейской философской и исторической мысли, что было важнейшим условием, необходимым для дальнейшего развития отечественных гуманитарных наук. До этого момента характерной чертой трудов исторических и этнографических был исключительно сбор фактов и изложение их без научного анализа, в то время как в зарубежной, особенно немецкой, науке уже развивались новые отрасли знания с новой методологией, выработанной на основе творческого осмысления философских идей Гердера, Канта, Гегеля и Шеллинга. Это давало возможность по-новому взглянуть на накопленный к тому времени фактический материал и дать ему научную интерпретацию. Была создана историческая школа в историографии, развивалось сравнительное языкознание, изучались мифология и этнография. В этой связи важно подчеркнуть приоритет историографии и ее влияние на становление этнографии и фольклористики как самостоятельных дисциплин. Именно она выработала и предложила новую прогрессивную методологию исследования, которая содержала в себе сравнительно-критический метод, анализ и синтез в их органическом сочетании.

В России следили за развитием немецкой философии с чрезвычайным вниманием. Воздействие западных идей было плодотворным, так как они соответствовали внутренним потребностям отечественной науки и придавали ее эволюции дополнительные импульсы. В 30—40-х гг. гегелевские идеи пропандировались в литературных и публицистических произведениях, в лекциях профессоров университетов, в трудах исследователей, обсуждались в общественно-литературных салонах. Не одно поколение университетских студентов с жадностью впитывало новые философские идеи, и это послужило решающим моментом в формировании взглядов целого ряда замечательных ученых — воспитанников Московского университета, использовавших их в различных научных отраслях.

¹ Некоторые аспекты деятельности Кавелина как этнографа и фольклориста затрагивали в своих работах: Кулишер М. И. Кавелин и русская этнография // Вестник Европы. 1885. Кн. 8. С. 657—665; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2; Баландин А. И., Ухов П. Д. К. Д. Кавелин // Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968. С. 559; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.

В этой связи необходимо отметить два важных момента в биографии ученого: студенческие годы Кавелина пришлись именно на эту «золотую пору» Московского университета, на юридическом факультете которого он обучался с 1835 по 1839 г., а также то, что главная область его научных интересов в то время — история права, где он явился одним из основателей «государственной» школы. В 1843 г. он защищает диссертацию «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях», с 1844 по 1848 г. преподает историю русского законодательства в Московском университете, а в 1847 г. публикует свой знаменитый труд «Взгляд на юридический быт древней России», ставший манифестом нового направления историографии.

Кавелин — фольклорист и этнограф не может рассматриваться отдельно от Кавелина-историка, так как именно в трудах, посвященных древнерусскому праву, он разрабатывает научную систему, сложившуюся под влиянием идей таких западноевропейских ученых, как Гегель и Шеллинг (философия), Эйхгорн и Савиньи (право), Нибур и К. О. Миллер (история). Последние, как известно, были создателями «аналитико-критического» метода, согласно которому для верного понимания прошлого необходимо обращение ко всем памятникам и документам, обрисовывающим жизнь нации с разных сторон; нужна критическая оценка и разработка этого материала, а затем, следующим этапом после анализа фактов, — восстановление между ними связи путем синтеза. Два основных положения «исторической» школы — исчерпывающее знание фактов, генетическая связь и преемственность между явлениями прошлого. Так, создавая новую историческую теорию, Кавелин обращает внимание на значение кровного начала родового быта, ставит в связь с ними государственные отношения, рассматривает их борьбу и победу последних. Это приводит к появлению известной схемы «государственной» школы «семья—род—племя—государство». Скрытые пружины исторического развития объяснялись Кавелиным исходя из основных форм быта; от них, по его мнению, брало свое начало создание государства.

Интерес к прошлому России направляет внимание исследователя к этнографии, к современной народной жизни, сохранившей в поверьях, обрядах и обычаях остатки древности. Второй причиной обращения Кавелина к области фольклора и этнографии было его увлечение славянофильскими идеями. Это было связано с посещением салона Авдотьи Петровны Елагиной и знакомством с ее сыновьями, А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым и другими, чьи идеи оказали на него большое влияние. Даже много лет спустя в своих работах мемуарного характера Кавелин отмечает посещение салона Елагиной как важный фактор, определивший его судьбу. Он пишет, что в «золотые дни студенчества» эта среда оказалась на него благотворное влияние и «ей он обязан направлением всей своей последующей жизни и лучшими воспоминаниями».² Другом этой семьи и постоянным гостем Авдотьи Петровны Кавелин, вероятно, становится с 1835 г., после поступления в университет, хотя можно предположить, что знакомство состоялось раньше, так как с хозяйкой дома через В. А. Жуковского был знаком его отец Дмитрий Александрович.

Со второй половины 30-х—в начале 40-х гг. Кавелин становится страстным поклонником славянофильства. Особенно ярко его настроение характеризуют письма к Д. А. Валугеву, написанные в 1842 г., когда он по настоянию родителей должен был покинуть Москву и уехать в столицу на службу. В письме от 25 июня есть такие строки: «Вообще все вы, мои бесценные москвичи, сделались для меня теперь в миллион раз дороже и милее с тех пор, как... судьба забросила меня на безжизненную, жалкую полурусскую, полузаморскую почву».³ Эти послания молодого Кавелина необычайно искренни и эмоциональны. Их основные идеи: неразрывная связь православия и славянского мира, великое назна-

² Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 139.

³ Письма К. Д. Кавелина к Д. А. Валугеву // Русский архив. 1900. № 4. С. 576.

чение России в деле «очищения святой вечной истины», смысл которой затемнен западными религиозными течениями, противопоставление Запада и российского народа, по мысли Кавелина, особо одаренного Богом, в том числе и особым историческим путем. Вспоминая людей, близких ему, в том числе Свербеева и Хомякова, он заверяет Валуева, что петербургское общество, в умах которого идеи западников нашли благоприятную почву, не поколеблет его убеждений и он навсегда останется «москвичом». Надо отметить, что увлечение его славянофильством не было продолжительным, хотя и сыграло важную роль в становлении взглядов исследователя. Позже Кавелина привлекли идеи западников, и в дальнейшем он пытается обнаружить точки соприкосновения между этими направлениями современной ему общественной мысли, стремится найти между ними компромисс и создать сплав из идей, предлагаемых западниками и славянофилами, учесть все, по его мнению, рациональное, что в них содержалось. С западниками Кавелина сближала высокая оценка роли петровских реформ, а также взгляд на становление государства, которое, как он считал, определялось развитием его общественных и юридических институтов. Вероятно, из-за этого стремления найти «золотую середину» Кавелина до конца жизни называли полузападником, полуславянофилом, но, хотя он и пережил увлечение идеями И. Киреевского и Хомякова, ему всегда была близка мысль об особенностях, непохожести склада русской жизни на западноевропейскую, о неповторимости исторического пути отечества, что, по его мнению, всегда было связано с общинным началом русского деревенского уклада.

Увлечение идеями славянофилов, особенно в такой важный период жизни Кавелина, как учеба в университете, оказало сильнейшее влияние на его взгляды. Во-первых, это выразилось в идее о самобытности народа, о неповторимости его пути развития, что впоследствии оригинально преломилось в споре со сторонниками теории заимствования, а также в признании им особой роли христианских доктрин в становлении нации. Во-вторых, это увлечение предоставило ему возможность проявить себя в качестве собирателя фольклорно-этнографического материала. Важно отметить, что среди множества идей, привлекавших Кавелина в славянофильстве, одной из самых притягательных для него как для историка была та, что, по мнению славянофилов, при изучении российской истории наряду с традиционными историческими документами использовался и фольклорный материал. Такой необычный, новый подход к подбору исторических источников открывал перед наукой небывалые возможности. Вероятно, поэтому в письме от 1 сентября 1836 г. сестре Софье в реестре взятых книг значится «Слово о полку Игореве» и «Древние российские стихотворения».

Все эти причины приводят к тому, что Кавелин становится одним из самых активных корреспондентов П. В. Киреевского. На протяжении нескольких лет он был одним из его помощников, записывая сам и привлекая к сбору фольклорных материалов других лиц. Судя по архивным источникам, фольклорные записи он начинает делать с 1836 г. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 56, ед. хр. 651, п. 456) хранится неопубликованное письмо К. Д. Кавелина П. В. Киреевскому, которое показывает степень его увлеченности сбором фольклорного материала.

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Петру Васильевичу Киреевскому
В собственном доме на Остоженке

Милостивый Государь
Петр Васильевич!

Посылаю Вам свадебный обряд в Нижегородской губернии, списанный слово в слово, без малейших перемен, с изустного рассказа крестьянина, который на днях приехал оттуда. Кроме того, Вы найдете тут несколько песен; мне было бы стыдно послать их к Вам, если бы они не казались мне важными в отношении языка. Народность в языке совершенно сглажена и следов ее не осталось. Кроме

того, тут есть две присказки, или побасенки. Если он вспомнит еще что, то не замедлю доставить Вам их в исправности.

С истинным сердечным уважением и совершенной преданностью честь имею пребыть ваш покорный слуга К. Кавелин.

В предисловии к «Русским народным песням» П. В. Киреевский среди материалов, положенных в основу собрания, отмечает доставленные Кавелиным песни Нижегородские и Тульские.⁴ Его записи упоминаются и в известной описи М. Н. Сперанского.⁵

Материалы, составляющие коллекцию Кавелина в собрании Киреевского, хранятся в различных московских архивах: РГАЛИ, ОПИ ГИМа и Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (РГБ). Собрание очень объемно и рассредоточено по различным фондам, что создает определенные трудности при его описании. Поэтому при атрибуции текстов учитывалось множество моментов, которые излагаются ниже.

1) Помета о месте записи:

— Московская губерния, Подольский уезд, село Дятлово. Это место записи свадебного обряда, сделанной Кавелиным в 1836 г. В РГБ хранится черновой текст с пометой «1836 года ноября 23-го. Собрал студент Юридического факультета 2-го курса Константин Кавелин».

— Тульская губерния, Белевский уезд, сельцо Иваново. Песни из этой местности упоминает П. В. Киреевский, а в фонде Ф. Глинки в РГАЛИ находится небольшая самодельная, сшитая нитками тетрадь, содержащая 26 текстов песен. Она заполнена Кавелиным и разделена на две части. На титульном листе помета «Песни, записанные в сельце Иваново, Тульской Губернии, Белевского у. 1839», вторая часть той же тетради озаглавлена «Тульской Губернии, Белевского уезда в сельце Сныхово» (ф. 141, оп. 2, ед. хр. 16, л. 1 и 14 соответственно). Сельцо Иваново являлось собственностью семьи Кавелиных, и Константин Дмитриевич часто его посещал.

— Тульская губерния, Белевский уезд, село Сныхово, расположенное рядом с Иваново, которое находилось в его приходе. Как пишет племянник исследователя Д. А. Корсаков, Кавелин, гостя в Иваново, любил по вечерам в саду слушать колокольный звон из соседнего села Сныхово, а в письме его к Корсакову от 4 декабря 1870 г. говорится следующее: «Я был тронут чуть-чуть не до слез тем, что мужики нашего деревенского прихода в Сныхове... выбрали меня единогласно в председатели церковного попечительства».⁶ Как можно предположить, Кавелины могли быть совладельцами села Сныхово. Об этом свидетельствуют два документа: список купчих, относящихся к этому селу, хранящийся среди бумаг К. Д. Кавелина в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 119, оп. 2, ед. хр. 4, л. 59), а также письмо Д. А. Кавелина к А. А. Елагину по поводу размежевания земель этого села среди совладельцев (РГБ, ф. 99, картон 24, ед. хр. 36).

— Нижегородская губерния, Княгининский уезд, деревня Сунеево. О песнях нижегородских мы знаем как из письма Кавелина, так и из Предисловия П. В. Киреевского. Название этого населенного пункта зафиксировано в архивах семьи Кавелиных. Среди хозяйственных распоряжений Д. А. Кавелина в письмах 30-х гг. есть упоминание об этой деревне, что свидетельствует о принадлежности ее этой семье. В указателе к беловым копиям в РГБ эта деревня упоминается с именем Кавелина, но с ошибочным написанием уезда — «Кинешенского» и «Кинешемского». Сами тексты песен находятся в том же хранилище (ф. 125, п. 50). Там на л. 83, предваряя несколько песен, записанных рукой Кавелина, есть помета о том, что эти тексты из Сунеево.

⁴ Киреевский П. В. Предисловие // Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1-я. Русские народные стихи. М., 1848. С. 1—VIII.

⁵ Сперанский М. Н. Предисловие // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1918. Вып. 2.

⁶ Корсаков Д. А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний. IX. Из семейной переписки, с 1868 по 1872 г. // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С. 477.

— Тульская губерния, Белевский уезд, деревня Зеново. Деревня была расположена неподалеку от Иванова и Сныхова по тому же Лихвинскому тракту. Если судить по письму К. Д. Кавелина к В. Елагину из Иванова, то можно предположить, что он записывал там песни в 1840 г.:

Милый друг Елагин!

Давно собирался я писать к тебе, но обыкновенная моя лень не позволила мне взяться за перо. — С удовольствием прочел я в газете твое имя между товарищами, выпущенными в нынешнем году из Университета, и выпущенными со славою. Но об этом нечего и говорить — мог ли иначе выйти Елагин? Целое лето поджидал я от тебя письма; но видно, брат, мы оба страдаем одною болезнью.

Лето не прошло для меня без пользы. Я довольно примерно занимался, особенно Русским правом. В октябре думаю непременно держать экзамен. Надобно решиться и положить конец этой полупустой, полувольной жизни.

Недавно открыл я, что по соседству от нас поются старинные песни. Ты можешь себе представить, что я не мог пропустить такого благоприятного случая, и собранные песни посылаю Петру Васильевичу, которому они наверно понравятся и будут полезны. С собою привезу гораздо больше...

Только очень, очень жалко, что не дала судьба провести этого лета с Вами. Я строил воздушные замки об этом, как нам будет весело. По крайней мере утешаюсь тем, что теперь недолго нам быть розно. Через месяц времени я опять увижусь с Вами.

Поцелуй за меня ручку у Авдотьи Петровны и скажи, что я не пишу к ней по обещанию потому, что решительно нечего писать; голова пуста и жизнь так однообразна, что не знаешь как день кончится. Поклонись от меня Марье Васильевне и Петру Васильевичу и всем вашим. Вспоминай обо мне по временам, когда нечего делать. Я тебя часто, очень часто вспоминаю; может быть, я и в этом случае эгоист, как и во всем. Прощай, Елагин. Остаюсь твой друг и товарищ

К. Кавелин... (РГБ, фонд Елагиных, п. 6, № 85, л. 1—2).

— Калужская губерния, Козельский уезд, деревня Бурнашево. Бурнашево издавна принадлежало дворянскому роду Кавелиных: оно было куплено дьяком Иваном Кавелиным в царствование Алексея Михайловича. В этой деревне был крещен отец собирателя, Дмитрий Александрович. Копии песен, записанных там, хранятся в РГБ (ф. 125, п. 44), о них с именем собирателя упоминается и в указателе к песням (п. 62, ед. хр. 1, л. 286, 347).

— Калужская губерния, Боровской уезд, сельцо Богоявление. Богоявление находилось среди владений Кавелиных. По данным РГИА, дедушке собирателя, штаб-ротмистру Александру Александровичу, в этой деревне принадлежало 8 душ крестьян. Среди документов этого дворянского рода, хранящихся в ИРЛИ, есть хозяйственные распоряжения, касающиеся Богоявления (ф. 119, оп. 2, ед. хр. 12, л. 3, 4 об.; ед. хр. 4, л. 10, 31 и др.). Материалы, записанные в этом сельце, находятся в ОПИ ГИМа (ф. 56) с пометой «1839 г.» и в РГБ (ф. 125, п. 50).

— Московская губерния, Верейский уезд, деревня Клин. Записи в деревне Клин, по-видимому, были выполнены кем-то по просьбе Кавелина, так как в РГБ (ф. 125, п. 44) на листках с текстами песен этой местности есть помета «Кавелин», а в п. 8 «Кавелину». Часть песен, судя по почерку, записана малограмотным корреспондентом. Их нумерация частично совпадает с описью Сперанского.

2) При атрибуции принимались во внимание пометы как самого собирателя о том, что записи сделаны им, так и тех, кто работал впоследствии над изданием песен, — П. И. Якушкина и П. А. Бессонова; помещенная на копии до или после песни фамилия «Кавелин».

3) Нередко на листах с записями стоит помета «Кавелину», причем, как правило, эти тексты записаны малограмотными корреспондентами, вероятно, крестьянами или дворовыми по поручению собирателя. Так, например, на одном из черновиков есть зачеркнутая помета «Иван Яковлев» (РГБ, ф. 125, п. 44, л. 1116).

4) При атрибуции также обращалось внимание на косвенные свидетельства — упоминание в текстах имени и отчества собирателя. Оно встречается в четырех из 22 песен из деревни Зиково (искаж. Зеново) Тульской губернии Белевского уезда, например:

«Константин Дмитриевич,
Не ходи по бережку,
Не ступай на камушек,
Не проломи сахьян сапог...»⁷

⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, М., 1911. Вып. 1. С. 116.

ИЛИ

«А кто у нас не женат,
А кто у нас холостой?
Константин-свет не женат,
Дмитриевич холостой»⁸

Эти четыре песни можно считать своеобразным биографическим источником, так как в 1840 г., когда они были записаны, Кавелин был не женат (он женился в 1845 г. на А. Ф. Корш).

5) При атрибуции учитывались и данные, содержащиеся в эпистолярном наследии собирателя: письмах периода 1835—1844 гг. Так, в послании мужу сестры А. Л. Корсакову в 1842 г. Кавелин шуточно возражает на предположение, что в сердце у него, вероятно, поселилась «азноба, азнобушка, азнобчатая». «Могу Вас смело уверить, что ничего подобного еще нет», — прибавляет он. В этом письме первая строка — цитата из песни, записанной им в Зеново в 1840 г.⁹

6) При атрибуции учитывался почерк самого Кавелина и его постоянных корреспондентов.

Необходимо заметить, что как собиратель Кавелин был очень аккуратен и добросовестен: в большей части записей сохранены языковые особенности, встречаются пометы о месте записи; даются пояснения о порядке пения песен, например, что две песни поются одна за другою вслед; о манере исполнения — «Не поется, а говорится»; иногда он поясняет незнакомые слова, например, «„Чапцы“ — украшение из лент и бисера» (РГАЛИ, ф. 141, оп. 2, ед. хр. 16, л. 3 об.—4).

Судя по приведенным выше фактам, можно допустить, что коллекция Кавелина сложилась в период с 1836 по 1840 г. до его отъезда в Петербург после окончания университета. Данных о том, что он осуществлял сбор фольклорно-этнографического материала позже, не обнаружено. Около ста текстов было опубликовано в книгах: «Песни, собранные П. В. Киреевским. Старая серия (М., 1860—1871); «Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия (М., 1911—1929); К. П. Глухарев «Материалы для истории города Боровска и его уезда» (Боровск, 1913. Т. 1); «Калеки переходжие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова» (М., 1861—1864. Вып. 1—4); «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского» (М., 1968). Повторная публикация с учетом материалов последнего сборника предпринималась только однажды в 1986 г., когда 53 песни из коллекции Кавелина были напечатаны в «Собрании народных песен П. В. Киреевского», изданном В. И. Калугиным в Туле.

Эта коллекция в собрании Киреевского представляет собой не только обширный и разнообразный в географическом плане материал, характеризующий песенную традицию различных российских губерний, она интересна и в жанровом отношении. При этом необходимо заметить, что нередко и сам собиратель и его корреспонденты делают попытку определить жанр, о чем можно судить по пометам такого рода: «протяжная», «круговая», «холопская», «плясальная-самодерга», «свадебная», «романс» и др. В этой коллекции — записи свадебных обрядов, любовная и свадебная лирика, баллады, сказки, скоморошины, песни бурлацкие, разбойничьи, солдатские и исторические, духовные стихи. Ценность ее в том, что она представляет собой великолепный образчик фольклорных записей конца тридцатых—начала сороковых годов прошлого века и по праву занимает достойное место в знаменитом собрании П. В. Киреевского. При этом она содержит еще немало неопубликованных текстов, представляющих несомненный интерес для исследования.

В силу многих внешних обстоятельств в начале сороковых годов деятельность Кавелина как корреспондента Киреевского прерывается. После окончания уни-

⁸ Там же⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия М., 1929. Вып. 2. Ч. 2. С. 10

верситета он через некоторое время уезжает в Петербург, где служит в Министерстве юстиции с 1842 по 1843 г. Защитив диссертацию на степень магистра гражданского законодательства, с 1844 по 1848 г. Кавелин преподает в Московском университете историю права, а в 1848 г., переехав в столицу, начинает службу в Министерстве внутренних дел. В том же году он становится действительным членом императорского Русского географического общества (РГО), в этнографическом отделении которого активно сотрудничает до середины 50-х гг. Этот год — начало нового периода деятельности Кавелина как фольклориста и этнографа.

Будучи одним из самых активных членов отделения этнографии, Кавелин ведет работу в нескольких направлениях: это, с одной стороны, участие в обработке поступающих в РГО материалов из различных губерний (по программе, составленной в 1847 г. Н. И. Надеждиным); одновременно он, хорошо зная фольклор как собиратель-практик, пишет ряд работ, в которых формулирует основные положения новой теории интерпретации фольклора — «юридической» школы.

Что касается первого направления его деятельности, то оно связано с редактированием «Этнографических сборников», издаваемых отделением на основе присылаемых материалов. Первая книга вышла в Петербурге в 1853 г. под редакцией Н. И. Надеждина и Кавелина. Согласно плану, в этом выпуске помещались целиком лучшие этнографические описания. Первые четыре главы редактировал председатель Отделения этнографии Надеждин, последние семь — Кавелин, «вызвавшийся помочь... в приготовлении материалов» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 9). После отпечатывания десяти листов сборника Надеждин извещает совет Общества о том, что «в настоящее время по умножению других моих занятий, не предвидя возможности довести это издание до совершенного окончания с желаемой скоростью, я упросил К. Д. Кавелина, независимо от составления второго выпуска Сборника, которым он занимается весьма деятельно, принять в свое полное заведование... печатание первого выпуска, вполне уверенный, что эти труды будут выполнены им к совершенному удовольствию Общества, на пользу науки» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 9).

Второй выпуск вышел в свет в 1854 г., и его появление — целиком заслуга Кавелина. Для того чтобы обеспечить его издание, им был проделан гигантский труд и как организатора, и как составителя. Совет Общества по настоянию Кавелина одобрил новый подход к подбору материалов: вместо составления общего свода данных по всей России было признано более рациональным составление частных сводов по губерниям, так как среди присланных статей данные по различным местностям России распределялись неравномерно и естественно было в первую очередь обработать сведения по тем губерниям, которые были описаны наиболее полно. Присланные в РГО данные подбирались таким образом, чтобы они давали всестороннюю картину быта отдельной губернии. Так, например, по его предложению шесть статей второго сборника были соединены в одну, посвященную быту белорусского крестьянина.

Работа по организации издания сборника была трудной по нескольким причинам. Во-первых, работа редактора требовала выполнения множества административных функций, таких как приглашение цензора, ведение расходной документации и др. Во-вторых, трудности были связаны с особым характером второго выпуска, который должен был состоять из свода этнографических сведений, когда редактору из множества рукописей было необходимо извлечь и расположить в логической последовательности огромное количество фактов. Зная об этом, сам Надеждин, обращаясь в совет РГО, отмечал, что «г-ну Кавелину предстоит работа крайне обширная и вместе чрезвычайно дробная и кропотливая» (РГО, ф. 1—1850, оп. 1, № 23, л. 8 об.), ввиду этого предлагая назначить оплату за такой труд.

Насколько сильно увлечен был Кавелин в то время фольклорно-этнографической наукой, свидетельствует не только то, что он предлагает Надеждину свою помощь в издании первого выпуска, но и одновременно полностью готовит к печати второй. В то же самое время Кавелин редактирует Этнографический

отдел в «Вестнике ИРГО», сложив с себя эту обязанность только в 1854 г., будучи очень занят, работая в канцелярии Комитета министров и в Учебном комитете при Штабе военно-учебных заведений. Самым показательным в этом отношении фактом является его доклад, прочитанный на общем собрании Общества и упомянутый ввиду его значимости в годовом отчете РГО за 1850 г. Название доклада говорит само за себя: «Некоторые извлечения из собираемых в И. Р. Г. Обществе этнографических материалов о России, с заметками об их многосторонней занимательности и пользе для науки».¹⁰ О значении этнографических материалов Кавелин говорил так: «Дополняя и поясняя друг друга, они, в совокупности, представляют картину быта... довольно подробную... Таким образом, они дают возможность проследить историческую нить и последовательность в развитии языка, понятий, обычаев и верований».¹¹

Этот доклад был одной из его теоретических работ из области фольклористики конца 40-х—начала 50-х гг., в которых он сформулировал основные положения «юридической» школы. Важно отметить в этой связи, что к созданию своей теории интерпретации фольклора Кавелин был уже подготовлен всем ходом своей предшествующей работы, пройдя последовательно все этапы от собирателя и корреспондента Киреевского, редактирования этнографических сборников до написания теоретических работ, которые, по словам А. Н. Пыпина, были одними из «замечательнейших трудов в... этнографической литературе», где он «впервые научным образом осветил историческое значение русского народного быта».¹²

Программным сочинением Кавелина явилась рецензия на книгу А. Терещенко «Быт русского народа» (СПб., 1848), которая вызвала интерес как новая обширная публикация фольклорно-этнографического материала. Это достоинство книги Кавелин отмечает в начале статьи, а полемику начинает, критикуя составителя за неверный подход к интерпретации, подчеркивая, что автору неизвестны «самые простые законы исторической критики».¹³ Таким образом, исследователь указывает на основной метод, который считает наиболее подходящим при анализе такого материала.

Кроме рецензии на книгу Терещенко известна и другая работа Кавелина полемического характера. Это публикация 1851 г. «О ведуне и ведьме» по поводу статьи г. Афанасьева в альманахе «Комета». Обоих авторов он упрекает в отсутствии ясной, определенной концепции при интерпретации материала, указывая, что невозможно погружаться в прошлое и объяснять фольклорные явления, имеющие языческие корни, без общего метода в качестве путеводной нити. О нем исследователь рассуждает в статье «Несколько слов о приметах» (1850 г.), проводя аналогию между историей и этнографией, замечая, что «исторические эпохи, деятелей мы не судим же с точки зрения современных нам понятий и требований, а переносимся в их время, подводим их под мерило, которое дает нам их эпоха. Так же должно поступать и в отношении к преданиям, поверьям, памятникам, которые только тогда и делаются понятными, когда станем рассматривать их в связи с теми историческими данными, среди которых они образовались, имели значение и смысл».¹⁴ Здесь он предлагает выработанный немецкой исторической школой принцип «объективного прагматизма», именуемый в современной науке методом историзма. Все этнографические данные, по мнению Кавелина, несут в себе черты разнородных элементов и принимали свой современный вид постепенно, на протяжении веков, испытывая при этом разнообразные влияния. Все они представляют пеструю картину, объединяя с хронологической точки зрения разные начала. Поэтому он считает необходимым «разобрать их по эпохам, к которым они относятся, по элементам, под влиянием которых они образовались, и потом, с помощью способов, на которые указывает историческая критика, восстановить... внутреннюю связь этих эпох и последо-

¹⁰ Географические известия. 1850. Ч. 3. С. 323—507.

¹¹ Там же. С. 324.

¹² Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 26.

¹³ Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1900. Т. 4. Стб. 6.

¹⁴ Там же. Стб. 190.

вательность преемственного влияния этих элементов. По примеру геологии критика должна найти ключ к этим ископаемым исчезнувшего исторического мира». ¹⁵ Все это было основным постулатом нового подхода к интерпретации фольклора, предложенного Кавелиным.

При этом исследователь отмечает трудность осуществления такого анализа, так как позднейшие влияния, вызванные изменениями исторических условий, влекут за собой изменение быта и как следствие — первоначального смысла поверья или обычая. Современное народное толкование часто ошибочно, старое значение обряда забывается, и он получает более рационалистическое объяснение. Возникает разрыв между первоначальным смыслом и современным пониманием фольклорного явления, а это, в свою очередь, способно видоизменить и сам факт, так как форма легко меняется под влиянием другого содержания. Это обстоятельство важно иметь в виду при изучении народного быта. Для того чтобы разрешить это противоречие, Кавелин предлагает следующий выход: путеводной нитью при изучении этнографии должно быть буквальное истолкование обряда или обычая, обращение к факту, непосредственному, прямому смыслу. Это, по его мнению, проливает свет на хронологию, позволяет проследить последовательность изменения быта и причины таких перемен; при таком подходе древность предстает в виде живой красочной картины.

Отстаивая такую точку зрения, Кавелин вступает в полемику не только с Терещенко, но и с Афанасьевым, одним из самых ярких представителей мифологической школы. Так, например, в рецензии на статью последнего «О ведуне и ведьме» Кавелин спорит с автором, который объясняет поверья о доении ведьмами коров древними мифами. Афанасьев утверждает, что так как в индийской религии корова — олицетворение божества, то в русском поверье это отражение мифа, в котором ведьмы, т. е. древние жрицы, молитвами и жертвоприношениями вызывают благорасположение светлых божеств, властвующих на небе. «Зачем, — спрашивает Кавелин, — не осмотрелся он около себя поближе, по тому правилу, что русское поверье правильнее объяснить русским бытом?» ¹⁶ Поясняя свою мысль, он приводит данные земледельческого календаря Э. Рудольфа и делает вывод, что определенные времена года, когда, по поверьям, ведьмы доят коров, — это только важные моменты годичной жизни этого животного (например, крестьяне особенно боятся доения ведьмами коров в июне, когда те дают много молока). Кавелин творчески применяет аналитико-критический метод исторической школы, предполагающий, что в основе любого исследования прошлого должно лежать изучение фактов в их совокупности. Общая картина древности восстанавливается путем воссоздания разрушенной анализом связи и с учетом органической преемственности явлений.

Предлагая такой подход, Кавелин формулирует и основные принципы методики исследования фольклорно-этнографического материала. Во-первых, метод аналогии, который применялся исторической школой при анализе прошлого народов, стоящих на одной ступени развития. Так, рецензируя книгу Терещенко, он приводит примеры из римского права. Во-вторых, Кавелин привлекает документальные свидетельства: обращается к Стоглаву, летописям, другим историческим документам. В-третьих, исследователь нередко подкрепляет свои рассуждения лексическим материалом. Так, в докладе, сделанном в РГО, при объяснении смысла одного свадебного обряда, он говорит о том, что ответ на вопрос о его значении могут дать местные словари, приводя в качестве разъяснения лексический материал польского языка. В-четвертых, для Кавелина важны и современные археологические данные. Например, возражая Терещенко, который написал о сторожевом назначении древних курганов, он указывает на то, что, по современным сведениям, это могильники. В-пятых, исследователь в статье «О приметах» пишет о необходимости использования данных естественных наук и учета психологии.

Поясняя предложенные методы, Кавелин сравнивает работу этнографа с

¹⁵ Там же. Стб. 33—34.

¹⁶ Там же. Стб. 198.

исследованиями естествоиспытателя, разнимающего органическое тело на элементы, который, для того чтобы составить верное знание об этом теле, должен учитывать свойство и стадильность химических процессов, создающих его. По его мнению, один из недостатков современных ему фольклорно-этнографических исследований — обращение авторов преимущественно к анализу, на стадии которого они часто и останавливаются. Завершать его, как считает Кавелин, должен синтез. При этом важно отметить, что, предлагая такую методику как последовательно сменяющие друг друга анализ и синтез фактов, он ограничивает сферу ее применения. Кавелин полагает, что она действительна и находит свое приложение, как правило, при объяснении явлений «семейного, домашнего, общественного и юридического быта»,¹⁷ но редко — при анализе мифологии, которая должна быть подвергнута «особой критике, основанной на законах развития и изменения религиозных верований у младенческого народа».¹⁸

Исследователь оговаривает особый подход к явлениям религиозным потому, что рассматривает процесс образования преданий по аналогии с развитием человека. В этом он выступает последователем Гердера, проводившим параллель между историей общества и жизнью человека. Кавелин полагает, что в глубокой древности, задолго до возникновения обычаев, был период безраздельного господства факта, за которым ничего не было, и в это время человек не находил образа для своих представлений о природных явлениях, а только слепо им покорялся. За этим периодом в жизни каждого народа наступает другая эпоха — «сознательности», когда первобытные верования утрачивают живой, естественный смысл и служат материалом для выражения философских понятий. Так образуется система мифов, к которым историческая, фактическая основа не дает ключа. Но не все народы, по его мнению, подобно индийцам, арабам и римлянам, прошли эти два этапа. Поэтому главной ошибкой мифологов, а именно Афанасьева, Кавелин считает их подход к верованиям славян с меркой, которая предполагает наличие развитой мифологической системы. Славянский мир не успел пройти вторую и третью ступени развития: не создал божеств, имеющих видимый образ, и не сделал их (уже на высшей ступени) воплощением нравственных, философских и политических идей. Он полагал, что причина этого — в победе христианства над язычеством на Руси. По мнению Кавелина, современные исторические и археологические данные не дают основания предположить, что верования древних славян развились до такой высокой ступени, как создание развитой систематизированной «философской» мифологии, изображения богов и оформления полного языческого богослужения. Так, Афанасьев в статье «О ведуне и ведьме» связывает полеты ведьм и колдунов дважды в год на шабаш на Лысую гору с языческими празднованиями Коляды и Купалы, полагая, что они сопровождались богослужениями и жертвоприношениями. Соглашаясь с первым утверждением, Кавелин отрицает второе, указывая, что на этой стадии развития язычества у славян игрища не имели богослужебного характера. Афанасьева и мифологов он упрекает в нежелании уяснить постепенность эволюции язычества на Руси и за подход к нему с общей меркой, приложимой только к верованиям более высокой ступени развития. В этом Кавелин выступает последователем Гердера, новым в философской доктрине которого было признание исторического и национального своеобразия развития народов, сформулировавшим своеобразную концепцию синтеза общего исторического процесса и самостоятельного развития национальных культур.

Выступая с этих позиций, Кавелин полемизирует и со школой заимствования, утверждая, что «народ, как органическое существо... имеющее свой язык, свою физиономию, не мог все заимствовать у других: что-нибудь же было у него свое, природное».¹⁹ Методологию этой школы он называет «парадоксом» и «ложной мыслью», когда только по одному внешнему сходству

¹⁷ Там же. Стб. 50.

¹⁸ Там же. Стб. 51.

¹⁹ Там же. Стб. 41.

обычаев отечественные явления народного быта считаются заимствованными. Главную ошибку сторонников этой теории интерпретации фольклора исследователь видит в их неумении рассматривать этнографические явления как части народной культуры, включенные в ее систему, во взаимосвязи с другими. Он полагает, что если заимствование не доказано, то обычай надо считать исконным. При этом необходимо учитывать постепенность изменения народной жизни. Кавелин сравнивает народную культуру с живым организмом, усваивающим различные элементы и превращающим их «в свою плоть и кровь», подобно пище и питью. При этом народ на все смотрит с точки зрения, которая обусловлена его историей и особенностями развития, «историческим возрастом» в данный момент. Кавелин не отрицает возможности заимствования, но считает, что оно происходит без потери национального своеобразия, так как чуждые элементы становятся частью народной жизни, вводятся в круг понятий, таким образом обогащая культуру.

В своих работах Кавелин большое внимание уделял славянскому язычеству. С его особыми чертами он связывал неповторимость русского быта, который, по его мнению, нельзя объяснять из общих начал и законов. В рецензии на книгу Терещенко он пишет, что многие особенности быта русского народа определили два противоположных элемента, которые находились в длительном противостоянии: язычество и православное христианство. В основе этой борьбы, подчеркивал Кавелин, лежала не столько противоположность их как религий, сколько то, что обе предполагали совершенно разный «общественный и гражданский быт».²⁰ Если православие поддерживало государственное устройство, то язычество существовало в тесной связи с началами кровного родства, родового быта, только позже эти отношения развились в «миры» — первые договорные общины, зачаток государственных отношений.

Следы родового быта Кавелин ищет в обычаях русской свадьбы. В их эволюции он прослеживает отражение древнего гражданского и общественного устройства: от отдельных враждебных родов (чему соответствовал, например, обычай похищения невесты), к их союзу, договорным, мирным отношениям (покупка невесты, затем — дача за ней приданого). Обряды, носящие на себе слабые следы такого развития, сохранились, хотя и потеряли свой первоначальный смысл. Поэтому русскую свадьбу исследователь считал важным источником для познания частного и общественного быта древних славян.

Народные праздники, приметы и демонологию Кавелин рассматривал как богатый источник для изучения языческих верований. Так, например, по его мнению, обряды весенне-летних праздников носят двойственный характер: «обожение живительных... сил природы и поклонение злым духам».²¹ Первые он отмечает в традициях Красной Горки, Семика, Троицына дня, Купалы, второе — в обрядах русальной недели. Эту мысль Кавелин высказывает и в рецензии на книгу Терещенко, и в небольшой неопубликованной статье «Заметки об обрядах и поверьях в различных местностях России, связанные с временами года» (РГБ, ф. 548, к. 2, ед. хр. 34), которая представляет собой комментарии к «Народному дневнику» и «Народным праздникам и обычаям» из второго тома книги Сахарова «Сказания русского народа». В последней работе исследователь, например, рассматривая поверья о водяном, пытается охарактеризовать его как духа воды и ее воплощение. Приводя обычай окликанья родителей на могилах в апреле, он, полемизируя с Сахаровым, пробует воссоздать древние верования о том, что мертвые, «перешедшие только в другой ряд жизни, удалившиеся с земли, возвращаются... с весною, когда прилетают другие духи...» (л. 7 об.).

Таким образом, в нескольких работах, созданных в период с 1848 по 1852 г., Кавелин сформулировал основные положения «историко-юридической» школы отечественной фольклористики, которая предложила новый интересный подход к интерпретации фольклорно-этнографического материала. В его основе были

²⁰ Там же. Стб. 59.

²¹ Там же. Стб. 95.

философия Гегеля, аналитико-критический метод, предложенный исторической школой и апробированный Кавелиным в работах, посвященных истории русского права. Созданию новой теории предшествовал длительный период изучения Кавелиным фольклорных явлений как корреспондента П. В. Киреевского и члена Географического общества. Все это дает основание рассматривать деятельность Кавелина как фольклориста и этнографа в одном ряду с наиболее выдающимися представителями этих научных отраслей середины XIX в.

Ю Д ЛЕВИН

ВИЛЬЯМ РОЛЬСТОН И РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР¹

Одним из важнейших посредников между английским и русским литературным миром во второй половине XIX в. был Вильям Рольстон (полное имя и даты жизни: William Ralston Shedden Ralston — 4 IV 1828—6 VIII 1889), неумолимый популяризатор русской литературы и фольклора в Англии.² Сын английского купца, обогатившегося в Индии, он получил высшее образование в Тринити-Колледже Кембриджского университета, который он окончил в 1850 г. со званием бакалавра гуманитарных наук (Bachelor of Arts). Первоначально он предполагал заняться адвокатской деятельностью. Но неудачный судебный процесс, затеянный его отцом и приведший в итоге к разорению семейства, заставил его искать постоянного заработка, и в 1853 г. он поступил в библиотеку Британского музея в Лондоне, где прослужил до 1875 г., сочетая библиотечные труды с литературными занятиями. В 1860 г. он получил звание магистра гуманитарных наук (Master of Arts), а в 1862 г. был принят в адвокатское сословие, однако адвокатурой никогда не занимался.

По-видимому, служба в богатейшем книгохранилище Великобритании способствовала возникновению у Рольстона интереса к русской культуре. Когда он поступил в Британский музей, в библиотеке музея как раз началась ревизия и переустройство каталога. Наибольшие затруднения для сотрудников музея в этом отношении представлял славянский отдел, особенно русская его часть, поскольку русский язык изучали в Англии тогда очень мало. Это обстоятельство и возбудило интерес Рольстона, который стал заниматься русским языком самоучкою, заставляя себя первоначально заучивать наизусть целые страницы англ-

¹ Настоящая статья составлена на основании книги *Алексеев М П, Левин Ю Д* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора / Отв ред акад Д С Лихачев СПб, 1994 (с приложением писем Рольстона к русским корреспондентам)

² Обобщенный краткий очерк русских литературных связей Рольстона был сделан академиком М П Алексеевым в илчестерской лекции, прочитанной в Институте Тейлора при Оксфордском университете 30 мая 1963 г. *Alexeev M P* William Ralston and Russian writers of the later nineteenth century // *Oxford Slavonic papers* 1964 Vol 11 P 83—93 К сожалению, остается неопубликованной докторская диссертация немецкого исследователя *Lauter Werner* Die Bedeutung von W R S Ralston als Vermittler russischer Literatur nach England Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Philipps-Universität zu Marburg 1962 131 S (далее в ссылках Lauter Ознакомиться с этой диссертацией любезно помогла нам д-р Герда Ахингер, которой выражаем искреннюю благодарность) Библиография печатных трудов Рольстона *Waddington Patrick* A bibliography of the writings of W R S Ralston // *New Zealand Slavonic journal* 1980 No 1 P 1—15 См также словарные статьи *Dictionary of national biography* London, 1896 Vol 47 P 224—225, *Gubernatis A de* Dictionnaire international des écrivains du jour Florence, 1891 P 1653, *Boase Frederic* Modern English biography, containing many thousands concise memoirs of persons who have died since the year 1850 Truro, 1901 Vol 3 Col 21—22 Русские биографические и некрологические заметки *Межов В И В Р С* Ральстон // Пчела 1875 28 сентября Т 1 № 37 С 444—445, *Новости и Биржевая газета* 1889 3 (15) августа № 211 С 3 (Иностранная летопись), *Новое время* 1889 12 (24) августа № 4832 (Среди газет и журналов), *Журнал Министерства народного просвещения* 1890 Ч 267 № 2 Современная летопись С 89—90, *Исторический вестник* 1890 Т 39 № 1 С 215—216, *Энциклопедический словарь* / Изд Ф В Брокгауз, И А Ефрон СПб, 1899 Т 26 С 241—242, *Краткая литературная энциклопедия* М., 1971 Т 6 Стб 349 (подпись А Б Гиленсон)

ло-русского словаря.³ Такие его занятия поощрялись библиотечным начальством, а когда в 1869 г. умер хранитель книжного фонда музея Томас Уотс, полиглот, любитель славянских языков и литератор, положивший начало славянскому отделу библиотеки, Рольстону было поручено комплектование собрания славянских книг.⁴ Этим, однако, судя по его письмам к русским корреспондентам, он мог заниматься сравнительно недолго, и последующие его труды, связанные с русской культурой, с начала 1870-х гг. продолжались в основном уже вне музея.

Самоотверженное изучение русского языка, весьма мало в его время ценимого на Британских островах, побуждало Рольстона неоднократно выступать в печати с защитой этого языка и утверждением ценности созданных на нем художественных творений. Так, в конце 1870-х гг. в предисловии к новой грамматике русского языка с приложенным самоучителем он, подчеркивая значение книги, добавлял: «Я буду, конечно, рад, если обнаружу, что она служит своей цели и помогает читателям, испытывающим разумный интерес к языку, на котором говорит народ в сорок миллионов, языку богатому, благозвучному и ясному, являющемуся ключом к сильной молодой литературе, чей голос, я уверен, будет далеко услышан. Чем больше будет в Англии людей, изучающих русский язык, тем больше англичан освободится от необычайного невежества по части всего русского, которое теперь так широко распространено».⁵

Увлечение Рольстона русским языком и литературой закономерно вызвало в нем интерес к русскому народному творчеству. И показательно, что первым его трудом о русской литературе была статья 1866 г. об А. В. Кольцове — поэте, который ввел в русскую поэзию образы и чувства людей из народа. Опираясь на статью Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова», Рольстон изложил биографию поэта и привел четыре его стихотворения в английском переводе: «Пора любви», «Молитва», «Две жизни» и «Первая любовь».⁶

Следующая статья Рольстона о русской литературе, появившаяся спустя около двух лет, была посвящена творчеству А. Н. Островского.⁷ Разобрав ряд пьес драматурга, он писал в заключении: «...достоинство русской драмы состоит отнюдь не в замысловатых сюжетах (...) Сюжет постепенно развивается сам собою по ходу пьесы с простотою, характерной для младенческой поры искусства, такой, которая отличает драматические произведения Индии или Китая. Сцены, представленные художником, лишены сложной композиции, и они следуют одна за другой подобно картинам в панораме. Но как изображение русской жизни и быта они не лишены интереса».⁸

В 1874 г. Рольстон опубликовал статью «Русские идиллии» (под словом *idyll* он подразумевал стихотворение на деревенскую тему вообще), содержащую помимо новых переводов из Кольцова («Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Сяду я за стол», «Не шуми ты, рожь») также перевод трех стихотворений Никитина («Упрямый отец», «Бурлак», «Зимняя ночь в деревне»)⁹

Еще больший интерес представляет появившаяся спустя два года под тем же заглавием новая статья Рольстона, посвященная на этот раз Н. А. Некрасову, который был здесь показан как «главный представитель негодующей школы», «поэт истинно оригинальный, энергичный и выразительный, превосходно владеющий языком, что дает ему возможность скрывать совершенное искусство под внешностью непринужденной простоты». В статье приведены полностью или в отрывках прозаические переводы основных, с точки зрения автора, «деревенских» стихотворений Некрасова («Деревенские новости», «В деревне», «Забывшая деревня», «В дороге», «Тройка», «Крестьянские дети», «Размышления у пара-

³ Dictionary of national biography. Vol. 47. P. 225.

⁴ См.: *Esdaille Arundel*. The British Museum library: A short history and survey. London, 1942. P. 365.

⁵ How to learn Russian: A manual for students of Russian / By Henry Riola, teacher of the Russian language. With a preface by W. R. S. Ralston, M. A. London, 1878. P. III—IV.

⁶ *Ralston W. R. S.* A Russian poet // *Fortnightly review*. 1866. September 15. Vol. 6, No 33. P. 272—288.

⁷ *Sochineniya A. N. Ostrovskogo*. (The Works of A. N. Ostrovsky) ... // *Edinburgh review*. 1868. July. Vol. 128, No 261. P. 158—190.

⁸ *Ibid.* P. 190.

⁹ *Ralston W. R. S.* Russian idylls // *Contemporary review*. 1874. April. Vol. 23. P. 734—745.

дного подъезда», «Вино», «Несжатая полоса»), а также наиболее «фольклорной» его поэмы «Мороз, Красный нос», ярко рисующей картины русской сельской жизни.¹⁰

Но главным историко-литературным трудом Рольстона была его книга о Крылове, над созданием которой он работал несколько лет. Книга вышла в свет в конце 1868 г. (на титульном листе значится: 1869)¹¹ и затем трижды переиздавалась (в 1869, 1871 и 1883 гг.). Она открывается биографическим очерком баснописца, составленным на основании русских работ, после чего в первом издании следовали английские прозаические переводы 93 басен; в третьем издании число переведенных басен достигло 148.

В Крылове-баснописце Рольстона привлекла близость его поэзии к народному творчеству, яркое отражение в ней жизни и быта русского народа. Он так и писал, излагая в предисловии свой взгляд на предпринятый им труд: «Картины русского быта, представленные словами басен, совершенно понятны всякому, кто возьмет на себя труд изучить их, и они дадут иностранцу значительно более верное понятие о русских нравах и обычаях, чем самые яркие изображения, какие фантазия подкажет живописцу, не так основательно знакомому с предметом. Например, из басен „Два мужика“, „Крестьянин в беде“, „Три мужика“, „Крестьянин и работник“ и некоторых других того же рода можно почерпнуть множество сведений о жите-бытье простого народа в России, этих многих миллионов наших братьев-европейцев, о которых мы, однако же, знаем значительно меньше, чем о китайцах или американских индейцах. Еще интереснее заключающиеся в некоторых из них протесты против угнетения и лихоимства, так долго господствовавших в России, против того, что сильный попирает слабого, а богатый высасывал соки из бедного (...). Такие басни никогда не утратят полностью привлекательности, даже в том случае, когда они лишены своих украшений и облечены в чуждую им прозаическую одежду».¹²

Книга Рольстона встретила доброжелательный прием и вызвала положительные печатные отклики и в Англии, и в России. Но основные его интересы были направлены на изучение и популяризацию русского фольклора.

Вполне закономерно, что Рольстон стремился попасть в страну, чья жизнь и культура и особенно народное творчество так интересовали его. Но на этом пути возникали труднопреодолимые препятствия: занятость службою в Британском музее, которую он не мог оставить, недостаточная материальная обеспеченность, слабость здоровья. Поначалу Рольстон старался установить знакомства с русскими посетителями Британского музея, которые и сами стремились к такому знакомству. П. Д. Боборыкин, например, описывая в одной из своих лондонских корреспонденций 1867 г. Британский музей, отмечал: «Если у вас есть знакомый, который представит вас одному из библиотекарей, вы спасены!.. На мою долю выпал самый благодетельный и приятный экземпляр, *мистер Рольстон*, с большою любовью занимающийся русским языком и литературою. Он собирается зимою в Россию, а теперь сидит над русскими книгами и журналами».¹³

Действительно, в следующем году состоялась первая поездка Рольстона в Россию. Сперва он приехал в Петербург, где был встречен радушно и свел знакомство с русскими учеными-филологами: академиком Я. К. Гротом, который помог ему в окончательной отделке книги о Крылове и подарил ряд книг о русском фольклоре, академиком И. И. Срезневским, востоковедом В. В. Григорьевым, фольклористом О. Ф. Миллером. Поездка была непродолжительной, тем не менее Рольстону удалось съездить в Москву и даже в Воронеж — на поклонение могиле Кольцова.¹⁴

Несравненно более успешной и плодотворной была вторая поездка Роль-

¹⁰ Ibid. 1876. April. Vol. 27. P. 746—763.

¹¹ Krilof and his fables / By W. R. S. Ralston, M. A. Of the British Museum. London, 1869.

¹² Ibid. P. VIII—IX.

¹³ *Мироллюбов Авенир* (Боборыкин П. Д.). Из Лондона // Русский инвалид. 1867. 23 августа. № 232. С. 3.

¹⁴ См.: Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 216.

стона в Россию, осуществленная при поддержке и деятельном участии И. С. Тургенева, с которым у него завязалась переписка еще в 1866 г., после того как Рольстон послал ему свою статью о Кольцове. Переписка постепенно приобрела дружественный характер в связи с тем, что в последующие годы Рольстон трудился над английским переводом «Дворянского гнезда», озаглавленным с согласия Тургенева «Liza» и изданным летом 1869 г. с кратким посвящением «автору его другом-переводчиком». Личное их знакомство состоялось в марте 1869 г., по-видимому, в Париже, куда Тургенев приезжал на несколько дней из Германии, где жил в то время. После этого Тургенев усиленно приглашал Рольстона поехать с ним в Россию в его имение. 19 февраля 1870 г. Рольстон писал Я. К. Гроту: «Надеюсь попасть в Россию в мае. Г-н Тургенев пригласил меня поехать с ним в Орел, если он отправится туда, и побыть у него в деревне некоторое время. Это даст мне прекрасную возможность познакомиться с „простонародьем“, не зная которого, я не смогу написать хорошую книгу о фольклоре. А на обратном пути через Москву и Петербург я надеюсь познакомиться еще с некоторыми русскими писателями, занимавшимися этим вопросом, а также возобновить знакомство с теми, кого я встречал в прошлом году». И дальше: «Моя главная цель будет состоять в том, чтобы досконально изучить быт русской деревни».¹⁵

Получив отпуск в Британском музее, Рольстон в двадцатых числах мая 1870 г. поехал вместе с Тургеневым в Петербург, где они пробыли несколько дней, после чего 28 мая уехали в Москву, а 2 июня были уже в имении Тургенева Спасском-Лутовинове.¹⁶ Здесь Тургенев прилагал все усилия, чтобы помочь Рольстону ознакомиться с разными сторонами русской сельской жизни. 12 июня, по приглашению Тургенева, Спасское посетил А. А. Фет. «Я, — рассказывал он в своих воспоминаниях, — приехал 12-го к мировому съезду и очень был удивлен, увидавши Тургенева на скамьях, предназначенных для публики. Нетрудно было догадаться, что сидящий рядом с ним средних лет мужчина — англичанин Ральстон, которого, показывая ему всякого рода диковинки, Иван Сергеевич привел и на мировой съезд».¹⁷ 14 июня Тургенев справлял специально устроенный для Рольстона сельский праздник, о чем общал тот же Фет (на празднике, впрочем, не присутствовавший),¹⁸ а Я. П. Полонский передал рассказ самого Тургенева о впечатлениях английского гостя от этого праздника: «Когда у меня в Спасском гостил английский писатель Рольстон, — говорил Тургенев, — он, слушая эти горластые песни и видя этих баб, работающих, пляшущих и дующих водку, заключил, что в России запаса физических сил в народе — непочатый край».¹⁹

Тот же Полонский сохранил и другой анекдотический рассказ Тургенева, косвенно свидетельствующий о том, с каким упорством Рольстон использовал представившуюся ему возможность для сбора необходимых сведений о жизни и быте русской деревни: «С Рольстоном мы ходили по избам, где он рассматривал каждый предмет и записывал у себя в книжечке его название; крестьяне воображали, что он делает им перепись и хочет их переманить к себе, в Англию; долго они ждали, когда же их туда перевезут, и не вытерпели, пришли ко мне толпой, да и говорят: а когда же это мы в Англию-то перекочем? Барин, что приезжал за нами, нам очень полюбился — должно быть, добрый; мы за ним охотно, со всей нашей душой, куда хошь...».²⁰

Интересна оценка, которую впоследствии дал путешествиям Рольстона в Россию известный французский славист Луи Леже в статье «Английские писатели и Россия», в которой он сравнивал английские сочинения 1870-х гг. о

¹⁵ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137 (Я. К. Грот), оп. 3, ед. хр. 793, л. 11—12 (здесь и ниже английские письма Рольстона цитируются в русском переводе).

¹⁶ См. письмо Тургенева к А. М. Жемчужникову от 5 (17) июня 1870 г. (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1964. Письма. Т. 8. С. 239—240).

¹⁷ Фет А. Мои воспоминания: (1848—1889). М., 1890. Ч. 2. С. 216.

¹⁸ Там же. С. 217.

¹⁹ Полонский Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 389.

²⁰ Там же.

России. «Г-н Рольстон, — писал он, — посетил Россию не для того, чтобы набраться впечатлений, как г. Диксон, или устроить свои дела, как г. Бэри, но для того, чтобы наблюдать народные нравы, угадать предания, изучить все те примитивные обряды и простодушные песни, которые именуются у англичан *folklore*, словом, еще не имеющим эквивалента в нашем языке».²¹

Возвратившись в Англию, Рольстон почти на два года засел за обработку собранных им материалов, долго не решаясь приступить к публикации своего труда. 1 апреля 1871 г. он писал Гроту: «С тех пор как я был в России в прошлом году, я отдавал все свободное время, каким мог располагать, изучению сказок, былин, песен и т. д. И я почти уже закончил черновой набросок этих жанров русской народной литературы. Однако прежде чем отдать его в печать, я еще раз внимательно пройду по нему и сделаю добавления, собранные из разных книг, которые намерен прочесть в летнее время (...). Я хочу сделать свою книгу как можно лучше; конечно, с русской точки зрения это будет лишь жалкая попытка, но я надеюсь, что мои русские критики смогут увидеть, что я сделал все, что мог, и не выказал ни небрежности, ни лени».²² Основная цель Рольстона состояла в том, чтобы возможно полнее ознакомить англичан с богатством русского народного творчества и достижениями русской фольклористики, ибо, подчеркивал он в том же письме: «В настоящее время Англия совершенно невежественна в отношении того, что сделано в России по вопросу о ее народной литературе».²³

Работа шла медленно: служба в Британском музее отнимала весь день, оставляя лишь короткий вечерний досуг; не хватало русских книг, недостаточными казались собственные познания. Неуверенный в себе и постоянно во всем сомневающийся, Рольстон усиленно переписывался с русскими учеными, с которыми успел познакомиться в своих поездках. Я. К. Грота, с кем у него установились наиболее приятельские отношения, он буквально забрасывал всякого рода библиографическими запросами; писал он также всем, от кого мог ожидать помощи и содействия: И. И. Срезневскому, А. Ф. Гильфердингу, О. Ф. Миллеру, Ф. И. Буслаеву и др. Сохранилось любопытное письмо Тургенева к Рольстону в ответ на его очерденый запрос. Читая в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым», описание свадебного обряда, Рольстон наткнулся на слово «брюдга», поставившее его в тупик, которое он напрасно искал во всех словарях. Тургенев, к кому он обратился за разрешением загадки, тоже не смог ему помочь. «Слово „bryudgi“ совершенно ново для меня, — писал Тургенев 11 января 1872 г. — Как оно пишется по-русски? Это, должно быть, провинциализм».²⁴ В конце концов Рольстон все же доискался его смысла; оказалось, что слово это существует в провинциальных северных наречиях в значении «сватья от невесты», и точное английское объяснение его в итоге попало в книгу.

Рольстон буквально обложился русскими изданиями, вчитывался в них до последней запятой. Желая сосредоточиться, он уезжал из Лондона в маленький глухой приморский городок, чтобы там, на свободе, вдали от городского шума, лучше обдумать свои переводы и рассуждения, и мучился над каждым словом. Когда, например, ему необходимо было перевести эпитет «ненаглядный», он, для того чтобы быть вполне точным, перевел его сложным составным оборотом: «never-enough-to-be-gazed-on».

Он собрал лучшие русские пособия и основательно их проштудировал: «Песни» собраний П. Н. Рыбникова (В 2 ч. М., 1861—1862) и П. В. Киреевского (Вып. 1—10. М., 1861—1874), «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (В 3 ч. СПб., 1836—1837) и «Русские простонародные праздники» И. М. Снегирева (Вып. 1—4. М., 1837—1839), «Быт русского народа» А. В. Терещенко (В 7 ч. СПб., 1848), недавно опубликованные «Русские народные песни», собранные

²¹ *Léger Louis. Les écrivains anglais et la Russie // Léger, Louis. Le Monde Slave: Études politiques et littéraires. 2-me éd. Paris, 1897. P. 259.* Герберт Бэри (Barry) — английский журналист, написавший фельетонные книги о путешествии в Россию: «Russia in 1870» (1871), «Ivan at home; or Pictures of Russian life» (1871). Ср.: Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 244.

²² Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 16.

²³ Там же, л. 17.

²⁴ *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 9. С. 204 (оригинал по-английски).*

П. В. Шейном (М., 1870), сборник «Калики перехожие» П. А. Бессонова (В 2 ч. М., 1861—1864), книги О. Ф. Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности» (СПб., 1863) и «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869), труды Ф. И. Буслаева и множество других книг, статей и рецензий не сходили с его рабочего стола. Весьма существенным пособием, которым пользовался Рольстон, явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (В 4 т. М., 1863—1866). Позднее, откликаясь на известие о смерти лексикографа, Рольстон назвал его словарь «бесценным» (invaluable) и указывал, что «для всех, кто хочет изучать народную литературу России, он абсолютно необходим».²⁵

В особенности же важным оказались для Рольстона книги А. Н. Афанасьева. О «Народных русских легендах» (Лондон, 1859), запрещенных в России цензурой, он написал обстоятельную статью еще в 1869 г.²⁶ А в 1870 г., проезжая через Москву в Спасское, он навестил Афанасьева. Через год с небольшим, узнав о его смерти, Рольстон тотчас же опубликовал статью об этом замечательном русском ученом. В статье он подробно характеризовал важнейшие труды Афанасьева — «Народные русские сказки» (М., 1855—1863. Вып. 8), «Поэтические воззрения славян на природу» (В 3 т. М., 1865—1869) — и вспоминал, что третий том этого последнего труда был подарен ему самим автором в Москве: «Я провел с ним очень короткое время в его совершенно русском доме, стоявшем посреди такого обширного двора (даже, можно сказать, пустыря), что легко можно было подумать, будто находишься в деревне, а не в столичном городе. Комната его со всею ее обстановкою была именно в том роде, в каком можно было надеяться встретить в доме такого истинного ученого — повсюду книги и везде следы и указания на литературный труд. Да и самую личность своей он выражал идею высокого труженика, труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести на свет литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках или же кроющиеся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее».²⁷

Восторженный отзыв, который Рольстон дал не только собранию сказок Афанасьева, но и его многолетнему теоретическому труду — «Поэтические воззрения славян на природу», подчеркивает лишний раз, что он обязан им более, чем каким-либо другим книгам о русском фольклоре. В самом деле, в известном смысле неудачей Рольстона было то, что в своих работах о русском фольклоре он примкнул к «мифологической школе», отжившей уже тогда свой век в русской науке, и не сумел как следует разобраться в тех новых методологических задачах, которые в этой науке не только назревали, но и формулировались все определеннее и чаще.²⁸ Он не оценил по достоинству появившихся в то время статей А. Н. Веселовского, не разобрался как следует и в споре, возникшем по поводу статей В. В. Стасова «Происхождение русских былин», хотя и очень интересовался разгоревшейся вокруг них полемикой и даже вступил в переписку как с самим Стасовым, так и с некоторыми из его оппонентов.

В общем задача, поставленная Рольстоном перед собою, оказалась для него непосильной: новых теоретических вопросов, связанных с русским фольклором, его работы не поднимали, не отразили актуальной научной проблематики. Но зато они оказались весьма важными в другом отношении: Рольстон познакомил Европу с богатством русского народного творчества и ввел в европейский научный оборот огромное количество новых материалов, до него совершенно недо-

²⁵ Athenaeum. 1872. October 19. No 2347. P. 499.

²⁶ *Ralston W. R. S. Russian popular legends // Fortnightly review.* 1869. April 1. New ser. Vol. 5, No 28. P. 377—406.

²⁷ *Ralston W. R. S. Aleksandr Afanasief // Academy.* 1871. November 1. Vol. 2, No 35. P. 491 (цитируется перевод П. А. Ефремова: Русская старина. 1872. Т. 5, № 5. С. 789).

²⁸ См.: *Азадовский М. К. История русской фольклористики.* М., 1963. Т. 2. С. 47—84 (гл. 2. «Русская мифологическая школа»).

ступных для западных ученых. С этой стороны его заслуга была неоспоримой, и в этом смысле А. Н. Веселовский был вполне прав, когда отмечал в своей полемической статье против западных мифологов, что книга Рольстона о русской народной поэзии была «откровением для европейской науки».²⁹

Весною 1871 г. в журнале «The Academy» появилась анонимная заметка, написанная, судя по всему, самим Рольстоном, где сообщалось о его работе «над книгой, которая, по-видимому, окажется весьма интересной, — о народной литературе России». Указывались русские издания, использованные автором в его труде.³⁰ Заметка позволяет заключить, что первоначально Рольстон задумал одну книгу в трех частях, посвященных народным песням, эпическим поэмам (т. е. былинам) и прозаическим повествованиям (т. е. сказкам).

В дальнейшем, однако, по мере того как в ходе работы объем исследования расширялся, Рольстон решил выпустить три отдельных книги, и в следующем 1872 г. вышла первая из них — «Песни русского народа, характеризующие славянскую мифологию и русскую общественную жизнь».³¹ Наибольшее число переведенных Рольстоном песен относится к числу обрядовых. Разделив их на три разряда — песни праздничные, свадебные и погребальные, — Рольстон подробно рассматривал каждый разряд в отдельной главе. При этом он рассказывал об обычаях, описывал самые обряды и даже упоминал о видоизменении обрядов в разных местностях. Особая глава посвящена колдовству.

Переводы Рольстона отличаются замечательной точностью и почти безошибочны. Переводя строка в строку, он сумел тем не менее сохранить поэтический характер текста, для чего, между прочим, употреблял английские народные обороты и выражения. К числу совершенно безупречных относятся переводы таких песен, как «Ты дуброва моя, дубровушка» и «Красна девица по садику гуляла».

Показательно, что при своих весьма скромных средствах Рольстон напечатал книгу малым тиражом (всего 500 экземпляров) на собственный счет, для того «чтобы выполнить работу достойным образом», как он сам признавался Гроту, и, следовательно, не быть в зависимости от требований издателя. Книга и вовсе не должна была принести материальных выгод, если принять во внимание, что более половины экземпляров было разослано разным лицам, учреждениям и органам печати. «Русское сочувствие — вот чего я жду, как главной награды», — писал он Гроту в том же письме.³²

Первой откликнулась на книгу английская печать: профессор Рассель Мартино — в «The Saturday review», историк первобытной культуры Э. Б. Тейлор — в «The Spectator», анонимный рецензент — в близком Рольстону «The Athenaeum» — дали самые лестные отзывы. В «The Athenaeum» говорилось: «Мы внимательно прочли этот том с большим удовлетворением; автор работал над ним честно и с усердием, что очень его рекомендует». Мартино, со своей стороны, замечал: «Этот труд не нуждается в оправданиях: он великолепно выполнен весь целиком». «Pall Mall gazette» назвала книгу путеводителем по «природным способностям, нравственным качествам, нравам и обычаям русского крестьянства» (genius, morality, manners and customs of the Russian peasantry). Вслед за английскими откликнулись журналы американские, немецкие, французские, голландские, итальянские. Феликс Либрехт напечатал весьма похвальную статью в «Goettingische gelehrte Anzeigen»; Анджело де Гу-

²⁹ Веселовский А. Сравнительная мифология и ее метод // Вестник Европы. 1873. Кн. 10. С. 642; Веселовский А. Н. Собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 16. С. 88; см.: там же. С. 222, 338. Впрочем, к самостоятельным фольклористическим изысканиям Рольстона Веселовский относился довольно сурово; узнав, что тот просит Л. Н. Майкову прислать ему его «Великорусские заклинания» (СПб., 1869), Веселовский писал Майкову: «Интересно будет посмотреть, много ли он поймет в Вашей книге; во всяком случае, когда его книга выйдет, и Вам и мне представляется хороший случай для статьи. Надо же разоблачить этого господина, утешающего английскую публику сравнением комедий Островского с индийскими драмами и тому подобным вздором» (ИРЛИ, ф. 166, ед. хр. 317/5, л. 133—133 об.; письмо не датировано).

³⁰ Academy. 1871. April 1. Vol. 2, No 21. P. 192—193.

³¹ Ralston W. R. S. The songs of the Russian people, as illustrative of Slavonic mythology and Russian social life. London, 1872. XVI, 439 p.

³² Письмо от 18 марта 1872 г. (Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 739, л. 22).

бернатис — в итальянском «Rivista Europea».³³ Французский славист Луи Ле-же заканчивал свой упомянутый выше обзор указанием, что он не удивится, если узнает, что книги Рольстона переведены в Петербурге или Москве.³⁴

Часть своей задачи Рольстон мог считать выполненной: творчеством русского народа он заинтересовал ученый мир Европы; более широкий круг читателей он надеялся привлечь вторым изданием книги (вышедшим, кстати сказать, через два месяца после первого). С волнением и надеждой ждал он теперь отзывов из России, куда послал 22 экземпляра книги с сопроводительными письмами, в которых подробно рассказывал о своих трудах и дальнейших замыслах.

По получении книги Тургенев, стремившийся сделать труды Рольстона известными в России, писал В. В. Стасову 1 (13) марта 1872 г.: «На днях Вы получите книгу нашего доброго Ральстона „The Songs of the Russian people”. Составлена она очень добросовестно, по источникам, — и мы, русские, обязаны всячески поощрить этот труд. Ничего подобного ни на одном европейском языке еще не являлось — и Ральстон стоит того, чтобы такой компетентный судья, как Вы, погладил его по головке. И он Вам за это спасибо скажет, и Ваш покорный слуга». В тот же день о необходимости дать печатную оценку книги Рольстона Тургенев писал и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Труд, как Вы увидите, весьма почтенный — и нам, россиянам, следует его поощрить».³⁵

В «Вестнике Европы» действительно вскоре появился отзыв, но не Стасова, как предполагалось первоначально, а А. Н. Пыпина. «Автор дает верную и довольно законченную картину целого отдела русского народного преданья, которое он изучал со вниманием и с очевидной любовью к делу», — писал Пыпин. «Русская литература может выразить почтенному английскому писателю только сочувствие к его добросовестному изучению, трудности которого его не устрашили, и к тому дружелюбному чувству, с каким он обращается в своем изучении к русскому народу. Высказывая, со своей стороны, это сочувствие, от всей души желаем дальнейшим трудам автора полного успеха».³⁶

Впрочем, в том же журнале появились и критические замечания о книге Рольстона. Н. И. Костомаров в статье о великорусской народной поэзии уделил «несколько слов» ей и, соглашаясь в целом с оценкой Пыпина, дабавлял, однако, несколько соображений, ограничивающих ее значение как научного труда. «Книга г. Рольстона, — писал он, — в которой добросовестный и сведущий автор знакомит свою публику как с русскими песнями, так еще более с исследованиями русских ученых, написанными об этих песнях, преимущественно же о мифологической стороне их содержания, не произносит своих собственных приговоров по разным вопросам, касающимся этого обширного предмета, и почти не высказывает своих взглядов, а потому его книга не имеет значения собственно для нас и не может подвинуть вперед нашей науки (...). Английский исследователь руководствуется трудами наших ученых и заносит в свою книгу немало такого, что не выдержало бы критики, если бы подвергнуть ей эти труды».³⁷ В частности, Костомаров осуждал некритическое использование Рольстоном труда А. В. Терещенко «Быт русского народа».

Вполне благожелательные рецензии на книгу Рольстона были напечатаны в

³³ См.: Athenaeum, 1872. March 16. No 2316. P. 329—330; Saturday review. 1872. April 6. Vol. 33. P. 441—443; Spectator. 1872. April 6; Pall Mall gazette. 1872. May 15; North American review. 1872. July; Westminster review. 1873. New ser. Vol. 43. P. 272—273; Academy. 1873. September 15. Vol. 4, No 80. P. 341—346; Literarisches Centralblatt fur Deutschland. 1872. Juli 27. No 30. S. 806—807; Goettingische gelehrte Anzeigen. 1872. Pt. 24. S. 957; Allgemeine Zeitung. 1872. Juni 12; Rivista Europea. 1872. Aprile; Theologisch Tijdschrift. 1872. Juli. Этот перечень и приведенные выше цитаты заимствованы из издательского объявления о выходе второго издания «The songs of the Russian people» с пополнением некоторых сведений по: Lauter. S. 127.

³⁴ *Leger Louis. Les écrivains anglais et la Russie.* P. 261. Высокую оценку работ Рольстона по русскому фольклору в иностранной печати см. также: *Wollner Wilhelm. Untersuchungen uber die Volksepik der Grossrussen.* Leipzig, 1879. S. 17; *Hardy A. L. Anglisti spisovatelé o slovenskych otazkach // Slovansky sbornik.* Praha, 1884. S. 141—142.

³⁵ *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма.* Т. 9. С. 231—232.

³⁶ П. (Пытин А. Н.). Песни русского народа в английской литературе // Вестник Европы. 1872. Кн. 4. С. 921—922 (вся статья — с. 919—922).

³⁷ *Костомаров Н. Великорусская народная поэзия // Вестник Европы.* 1872. Кн. 6. С. 586—587.

«Беседе», «Русском вестнике» и ряде газет.³⁸ Рольстон не мог пожаловаться на невнимание к нему русской прессы. Кроме того, он несомненно получил также ряд письменных откликов из России в ответ на эту книгу, щедро разосланную всем, от кого он мог ожидать доброго слова и поощрения своей деятельности. Теперь его задача казалась ему выполненной в полной мере, и он тотчас же принялся за продолжение своего труда; успех делал его неутомимым.

В разных английских журналах начала 1870-х гг. можно найти немало статей Рольстона по русскому фольклору. В 1871 г. он опубликовал свою лекцию «О русском фольклоре», прочитанную в Королевской ассоциации (Royal Institution) 5 мая;³⁹ в 1872 г. — статью по поводу только что вышедших «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова;⁴⁰ в 1873 г. — обзор посмертно изданной книги А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины»⁴¹ и т. д.

Но главной его заботой было издание русских народных сказок, в переводе и с пояснениями, — второй его книги о фольклоре, явившейся за «Песнями» в следующем же году.⁴² Эта книга содержит прекрасные переводы 51 русской сказки, выбранной из сборников А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, А. А. Эрленвейна и П. П. Чубинского; между сказками помещены в изобилии толкования и подстрочные примечания со ссылками на богатую литературу сравнительного изучения сказок и преданий различных народов. Но, как и первая книга, это не только ученый труд; она предназначена прежде всего к тому, чтобы дать западноевропейскому читателю правильное представление о русском народе.

Оканчивая первую книгу «Песни», Рольстон писал о русском народе: «Полагаю, что об этом народе я не сообщил здесь неблагоприятного понятия. Характер моего труда часто давал мне повод говорить о его слабостях, подробно останавливаясь на его суевериях. Но не по этим слабым сторонам, до некоторой степени общим всему человечеству, должны мы судить о сельском населении, которое всегда отличалось любовью к родне, уважением к старости, сочувствием к несчастью, которое в течение веков, даже под гнетом недавно лишь уничтоженной системы рабства, сохранило такое сильное чувство верности, такую горячую любовь к своей родине».⁴³ В «Русских народных сказках» — та же симпатия к русскому народу, то же стремление объективно оценить его достоинства и недостатки. «Я буду удовлетворен, — говорит Рольстон на последней странице своего труда, — если эта книга окажется полезною для любителей народной литературы. Но мне будет еще приятнее, когда посредством этой книги читатели вообще заинтересуются сказками русского народа, а через эти сказки — бытом тех самых русских крестьян и крестьянок, которые любят их сказывать, и русских детей, которые любят их слушать. Однажды вечером, в первую мою поездку в Россию, поезд, на котором я ехал, задержан был на несколько часов на станции между Петербургом и Москвою. Покуда исправляли локомотив, пассажиры гуляли по линии, между кучками крестьянских детей, которые собрались поглазеть на них. В первый раз удалось мне тут видеть близко русских крестьянских детей, и я был удивлен, когда заметил, до какой степени подходили они на английских детей и чертами и выражением лиц».⁴⁴

Откликаясь на выход «Русских народных сказок», рецензент журнала «The Athenaeum» отмечал, что «г. Рольстон вновь явился перед британской публикой

³⁸ Беседа. 1872. Кн. 5. Новые книги. С. 105—107, 111—116; С. (Кирпичников А. И.). О русских песнях: Книга английского писателя // Русский вестник. 1872. Т. 99, № 5. С. 344—350; Ральстон о поэзии и мифологии русского народа // Московские ведомости. 1872. 15 апреля. № 95. С. 4; Владимиров Л. «The songs of the Russian people...» // С.-Петербургские ведомости. 1871. 15 (27) декабря. № 345. С. 1; Библиография // Там же. 1872. 31 марта (12) апреля. № 89. С. 2.

³⁹ Ralston W. R. S. On Russian folk-lore // Proceedings of the Royal Institution of Great Britain. London, 1871. Vol. 6. P. 326—333 (об этой лекции см.: Русский архив. 1872. № 3—4. Стб. 771—772).

⁴⁰ Academy. 1872. December 1. Vol. 3, No 61. P. 443—444.

⁴¹ Saturday review. 1873. November 8. P. 610—611; November 29. P. 704—705. Ср.: Русский архив. 1874. Кн. 1, № 2. Стб. 0532. См. также анонимную статью Рольстона об изданиях русских пословиц: Quarterly review. 1875. October. Vol. 139, No 278. P. 493—525.

⁴² Ralston W. R. S. Russian folk-tales. London, 1873. XVI, 382 p.

⁴³ Ralston W. R. S. The songs of the Russian people. P. 434.

⁴⁴ Ralston W. R. S. Russian folk-tales. P. 377—378 (цитируется перевод: Русский архив. 1874. Кн. 1, № 2. Стб. 0520; вся заметка — стб. 0519—0521).

в своей знакомой уже роли толкователя русского фольклора». И далее: «При нынешнем состоянии наших познаний о русском фольклоре книги г. Рольстона являются для нас, англичан, образцовыми». В то же время рецензент выражал надежду, что Рольстон выступит с еще более значительными трудами по своему предмету.⁴⁵

Новая книга Рольстона, посвященная русскому народному творчеству, вызвала, конечно, одобрительные отклики в России. Весьма сочувственную рецензию поместил в «Вестнике Европы» его приятель, московский профессор международного права, а в то время директор Демидовского лицея в Ярославле, М. Н. Капустин.⁴⁶ Рецензии печатались и в ряде русских газет,⁴⁷ а позднее в «Московских ведомостях» появилась специальная статья «Г-н Ральстон о народной сказочной поэзии».⁴⁸

Оба своих фольклористических труда Рольстон рассылал знакомым литераторам, деятелям искусства и ученым не только в Англии и России, но и в других странах.⁴⁹ Круг его литературных знакомств был довольно широк, но он не забывал также и лиц, хотя и не знакомых ему лично, но чем-нибудь примечательных, которых, как он полагал, могли заинтересовать его издания. Американский поэт Лонгфелло, известный своей тягой к европейскому культурному миру и своими широкими фольклористическими интересами, показывал посетившему его в 1877 г. русскому этнографу Ю. В. Арсеньеву экземпляры сочинений, присланных авторами ему в дар; среди них были «известные книги англичанина Ральстона о русских народных песнях и сказках».⁵⁰

Показательно, что русские сказки в английском переводе Рольстона были вскоре переведены на французский язык и изданы в Париже.⁵¹ К некоторым вопросам, затронутым в его книге, Рольстон возвращался и позднее.⁵² В то же время пропаганда в Англии русского народного творчества через печать казалась Рольстону недостаточной, поэтому он охотно выступал с лекциями в разных городах, перед различными аудиториями. Выше уже упоминалась его лекция «О русском фольклоре», которую он прочел в Королевской ассоциации в Лондоне; в ней он рассказывал о народных поверьях, праздниках и песнях. С такую же лекцией он выступил затем перед студенческой аудиторией в Оксфорде. В Лаутер в своем исследовании установил, что Рольстон систематически читал лекции с 1870 по 1887 г. не только в Оксфорде и Лондоне, но и в других городах; в последние годы жизни в его лекциях появилась и такая тема, как «Русская деревенская жизнь».⁵³ «При мне, — вспоминал о Рольстоне сын Я. К. Грота К. Я. Грот, посетивший Лондон в 1885 г., — он знакомил английскую публику и молодежь с русским сказочным миром. Большая зала была переполнена слушателями, как взрослыми, так и детьми, в которых живая речь и юмористические выходы талантливого рассказчика вызывали беспрестанно веселый смех и шумные одобрения». «Главная заслуга его, — отмечал тот же очевидец, — конечно, состоит в том, что он своими специальными трудами познакомил своих соотечественников с красотами и богатствами русского народного поэтического творчества».⁵⁴

⁴⁵ Athenaeum 1873 June 28 No 2383 P 815—816

⁴⁶ Капустин М. Russian Folk-tales by W R S Ralston London, 1873 Русские народные сказки В Рольстона // Вестник Европы 1873 Кн 8 С 820—822

⁴⁷ См. Голос 1873 26 июня (8 июля) № 175 С 2, С.-Петербургские ведомости 1873 10 (22) июля № 187 С 1—2 (библиографическая заметка В С.), Московские ведомости 1874 3 января № 2 С 5 (библиографическая заметка А.), Одесский вестник 1874 26 апреля № 92 С 3, Русские ведомости 1874 9 апреля № 73 С 3

⁴⁸ Московские ведомости 1876 17 декабря № 324 С 4

⁴⁹ Так, например, В Лаутер обнаружил экземпляр «Russian folk-tales» с дарственной надписью Рольстона немецкому ориенталисту Рейнгольду Посту (см. Lauter S 12)

⁵⁰ Арсеньев Юрий Воспоминание о Лонгфелло // Московские ведомости 1882 17 марта № 76 С 5

⁵¹ Contes populaires de la Russie, recueillis par M. Ralston, et traduits avec son autorisation par Loys Bruere Paris, 1874

⁵² См. Ralston W R S Notes on folk-tales // Folk-lore record 1878 Vol 1 P 71—98, эти заметки вышли затем отдельной брошюрой (London, 1878)

⁵³ См. Lauter S 116—118

⁵⁴ Грот К Я Лондонские заметки Славянские рукописи Британского музея Славистика в Англии Варшава, 1887 С 22

Написав и издав две из трех задуманных им книг о русском народном творчестве, Рольстон закономерно принялся за третью, которую намеревался посвятить былинам. Впрочем, материалы для нее он собирал, еще работая над первыми двумя, как можно судить по сохранившемуся его письму к А. Ф. Гильфердингу от 12 февраля 1872 г., т. е. написанному тогда, когда он завершал книгу о песнях. В этом письме он просил Гильфердинга прислать ему корректурные листы публикуемой в «Вестнике Европы» статьи «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», в которой русский ученый подводил итог предпринятого им сбора материалов у местных сказителей.⁵⁵

Вообще о работе Рольстона над книгой о русских былинах, так и не завершенной и потому не изданной, можно судить лишь по упоминаниям в сохранившихся его письмах. Так, 29 мая 1874 г. он писал сыну П. А. Вяземского, Павлу Петровичу, библиографу и историку литературы, с которым у него установилась переписка: «К несчастью, почти шесть месяцев я не имел возможности заняться своей работой над былинами, но я надеюсь вернуться к ней в следующем месяце и выпустить книгу в следующем году. У меня, полагаю, есть уже как раз такое количество материала, с каким я смогу управиться. Трудность состоит в том, как его изложить, чтобы сделать интересным для английских читателей».⁵⁶

Однако эта уверенность, что он располагает достаточным материалом, со временем рассеялась. Возникла потребность самому услышать русских сказителей. В 1875 г. Рольстон оставил службу в Британском музее и смог уже свободно ездить в Россию. Эта поездка состоялась в мае 1876 г. За три дня до отъезда в письме к Я. К. Гроту от 10 мая Рольстон замечал: «Если это будет возможно, я бы очень хотел совершить поездку в район Онежского озера, где еще поются былины. Ибо я еще не совсем оставил надежду написать книгу на эту тему, несмотря на книгу г. Рамбо».⁵⁷ Если бы Гильфердинг был еще жив, он помог бы мне в этом».⁵⁸

Но поездка эта не удалась. Рольстон выехал из Англии 13 мая, но через несколько дней по приезде в Петербург заболел ревматизмом «под влиянием невской воды» и 3 июня н. ст., полубольной, отправился обратно в Англию.⁵⁹

Шли годы, а Рольстону так и не удавалось писать книгу о русских былинах. Плохое состояние здоровья, материальная необеспеченность, заставлявшая его поодиночке работать над темами, более выгодными в денежном отношении, чем те, к которым влекли его давние склонности, — все это постоянно мешало осуществлению его замысла. Но мечта не оставляла его. Он надеялся, что удастся поехать в Россию и хотя бы устроиться гувернером в каком-либо семействе или преподавателем английского языка, например в Дерптском университете, и, улучив время, ознакомиться со сказителями былин. В 1884 г. осуществление мечты казалось ему реальным. 3 февраля он писал Гроту: «Итак, я предполагаю снова приняться за давно заброшенную работу о былинах, которую начал лет семь тому назад. Для того, чтобы написать ее как следует, я предполагаю в мае поехать в Россию и пробывать там столько времени, сколько смогу. Я надеюсь прибыть в Петербург как только стает снег. Оттуда я хотел бы совершить поездку в Олонецкую губернию, чтобы увидеть край, где живут люди, сохраняющие былины, и познакомиться с некоторыми „рапсодами“, которые поют их».⁶⁰ А 24 февраля он сообщал своему другу А. Ф. Онегину, находившемуся в Париже: «Когда я попаду в Петербург, я надеюсь найти там кого-нибудь, кто захочет предпринять небольшую экскурсию в страну былин, чтобы я смог посмотреть Заонежский край и его обитателей и познакомиться лично с Рябининым и компанией. Это придаст больше сведений моей предполагаемой книге о былинах, а я действительно надеюсь написать ее».⁶¹

⁵⁵ См.: ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 1203, л. 2—3.

⁵⁶ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 4488, л. 5.

⁵⁷ Имеется в виду кн.: *Rimbaud Alfred. La Russie épique: Étude sur les chansons héroïques de la Russie, traduites ou analysées pour la première fois.* Paris, 1876.

⁵⁸ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 43 об.

⁵⁹ См. его письма к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 19/31 мая и 21 мая/2 июня 1876 г. (ИРЛИ, 24998/CLXX6. 51).

⁶⁰ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 137, оп. 3, ед. хр. 793, л. 46—47.

⁶¹ ИРЛИ, 29065/CCVII б. 25, л. 42а—42б.

Но и эти надежды Рольстону осуществить не удалось. Тем не менее его историко-литературные, а затем и фольклористические труды получили почетное признание в России. Еще 22 мая 1872 г. он был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.⁶² А в конце его жизни, 29 декабря 1885 г., по инициативе Я. К. Грота, его избрали членом-корреспондентом Российской императорской Академии наук по Отделению языка и словесности.⁶³ Получив извещение об этом, Рольстон писал 1 февраля 1886 г. непременно секретарю Академии академику К. С. Веселовскому: «Спешу просить вас, сэр, оказать мне любезность передать Императорской Академии Наук изъявление моей глубокой благодарности за честь, которой я так удостоен, и за высокое поощрение, оказанное таким образом моим скромным попыткам заставить своих соотечественников оценить как должно достоинства языка и литературы России».⁶⁴

Членом-корреспондентом Академии наук Рольстон состоял четыре года. Кончина его была отмечена в речи Л. Н. Майкова, прочитанной в торжественном заседании Академии наук 29 декабря 1889 г.; в ней, объясняя мотивы, руководившие Академией при избрании Рольстона, Майков говорил: «Рольстон высоко ценил проявления самобытности русского духа в произведениях нашей словесности: поэтому-то он с особенным увлечением отдавался изучению произведений русского народного творчества; правда, в этой области он не стремился быть строго научным исследователем, но, представляя переводы русских былин, песен и сказок, он знакомил с ними западных читателей, и в этом труде, требовавшем усердия и любви к делу, заключается его важнейшая заслуга в сфере международных литературных связей. Наша Академия не могла не оценить этой заслуги; избрание его в число наших членов-корреспондентов он считал для себя великою честью».⁶⁵

Так в нашей науке была сформулирована итоговая оценка деятельности Рольстона по ознакомлению Запада с русским народным творчеством.

⁶² См.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете: 1811—1911. М., 1911. С. 240—241; Общество любителей российской словесности при Московском университете: Историческая записка и материалы за сто лет. 1811—1911. М., 1911. Приложения. С. 48.

⁶³ Записки императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 52. С. 47; *Модзалевский Б. Л.* Список членов императорской Академии наук: 1725—1907. СПб., 1908. С. 263.

⁶⁴ Петерб. филиал Архива РАН, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 591, л. 8.

⁶⁵ *Майков Л. Н.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1889 год // Записки императорской Академии наук. 1890. Т. 63, кн. 1. С. 64; Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 267. Февраль. Современная летопись. С. 90.

ПУБЛИКАЦИИ

Ю. И. МАРЧЕНКО, Л. И. ПЕТРОВА

БАЛЛАДНЫЕ СЮЖЕТЫ В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Художественная стилистика баллады отличается исключительной сложностью. Несмотря на то что она активно изучается филологами,¹ есть необходимость ввести в изучение этого жанра важный компонент, связанный с формой произнесения балладного текста, — музыкальное начало, которое может пролить свет на многие спорные вопросы, возникающие вокруг баллады и родственных ей форм устного народного творчества.

Разнообразие поэтических и музыкальных воплощений какого-либо балладного сюжета вызвано частыми переменами условий его исторического бытования. Решающими факторами, влияющими на облик фольклорного произведения, оказывается среда, в которой это произведение распространяется, его целевое назначение. Их изменение влечет за собой обязательное переосмысление исходной формы, приведение ее в соответствие с новыми художественными стандартами.

В песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья балладные сюжеты рассредоточены по многим жанрам поющего фольклора. Помимо баллад как таковых они встречаются в песнях календарного и свадебного обрядов, в лирических и хороводных песнях. Некоторые сюжеты, связанные с христианской легендарной тематикой, получили распространение в традиции внецерковного религиозного пения, в том числе во время поста или на похоронах.

Народная баллада распространена у русских, украинцев и белорусов во всем многообразии собственных ей музыкальных форм. При сравнительном изучении культур трех братских народов место баллады явно среди ключевых жанров поющего фольклора. Однако в русской музыкальной фольклористике она играет скромную роль. Чаще всего интерес к балладе возникает лишь тогда, когда требуется расширить или дополнить представления о стилистике былинного эпоса.

Именно так проблема решается в музыкальной антологии русского эпоса.² Ее части, посвященные балладе, состоят главным образом из севернорусских образцов.³ Некоторые сюжеты включены в раздел «Казачьи былины и былинные песни».⁴ Это полностью оправдано общим замыслом работы: распространенные на севере и юге России напевы старших баллад согласуются с музыкальной стилистикой русского героического эпоса, но они не могут быть единственными репрезентантами жанра в целом.

По-иному сложилась ситуация в украинской фольклористике. Украинская эпика располагает своим весьма значительным и не менее уникальным, чем русская былина, жанром — «думами». Однако это не снижает интереса к изучению музыкальных особенностей баллады. В вышедшей сравнительно недавно на русском языке монографии С. И. Грицы⁵ баллада рассматривается на широком фоне национальной эпики в тесной связи с другими жанрами, что позволяет автору с высокой точностью определить границы ее художественно-стилевого диапазона. В упомянутой монографии и в некоторых других работах С. И. Грицы проводится мысль, созвучная идее экологии и культуры, предложенной Д. С. Лихачевым. По ее мнению, изучение фольклорного произведения в тесной связи с изучением условий его бытования в конкретной среде (этнической, национальной, социальной) находится в прямой зависимости от психологии народного творчества, от исторических детерминант художественного мышления.⁶

Работы С. И. Грицы важны и тем, что в них улавливается стремление освоить применяемый филологами, но пока еще новый для музыковедов эволюционный подход при анализе эпических образцов народного творчества.⁷

¹ Укажем на некоторые этапные работы: Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Вступит. ст. Н. П. Андреева. М., 1936; Народные баллады / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963; *Балашов Д. М.* История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966; *Смирнов Ю. И.*: 1) Славянские эпические традиции. М., 1974; 2) Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.

² Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов. М., 1981.

³ Там же. С. 425—433, 444—485.

⁴ Там же. С. 387—389, 407—408, 415—416.

⁵ *Грица С. И.* Украинская песенная эпика. М., 1990.

⁶ См., например: *Грица С. И.* Образ и среда в фольклоре // Фольклор: Песенное наследие. М., 1991. С. 18—22.

⁷ Подробнее см.: *Смирнов Ю. И.* Восстановление общеславянского эпического репертуара // IX Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов (доклады советской делегации). М., 1983. С. 241—256.

Из музыковедческих трудов, непосредственно связанных с характеристикой песенного материала сопредельных районов России, Украины и Белоруссии, особого внимания заслуживает монография белорусского фольклориста В. И. Елатова «Песни восточнославянской общности».⁸ Это первая работа, в которой предпринимается попытка анализа фольклорных традиций трех народов в районах их постоянных контактов.

Монография выдержана в стиле музыкально-теоретического исследования с привлечением необходимых исторических данных и сведений о характере бытования и распространения песен. Однако подчеркнута музыковедческая направленность исследования несколько снижает его чисто фольклористические достоинства.

Баллада у В. И. Елатова представлена поздними формами, да и то — лишь постольку, поскольку она может прояснить особенности внутрижанрового подразделения местной необрядовой лирики.⁹

Такой подход представляется нам неудовлетворительным. Именно старшая баллада, распространенная в районах русско-белорусско-украинского пограничья (или, по крайней мере, бытовавшая там до недавнего времени), должна была стать предметом первоочередного внимания собирателя и исследователя.

На то есть несколько очень серьезных причин. Во-первых, старшая баллада, как никакая другая поющая форма повествовательного фольклора, одинаково типична не только для русских, украинцев и белорусов, но и для всей «восточнославянской общности». Во-вторых, это наиболее древняя разновидность в украинской и белорусской песенной эпике, сохранившая свою жанровую определенность до настоящего времени (былина, например, эту определенность явно утратила). В-третьих, именно старшая баллада, обладающая до известной степени качествами литературного произведения, соотносится со сферой сказительского искусства.¹⁰

Последнее подчеркнем особенно, поскольку сказительское искусство чаще всего выполняет роль центрального объекта при сравнительно-типологических исследованиях фольклора разных народов.

Иными словами, совершенство поэтического содержания в совокупности с исключительной представительностью музыкальной формы выдвигают старшую балладу на особое место среди основных репрезентантов песенного фольклора русско-белорусско-украинского пограничья. В отношении же проблемы, поставленной в монографии В. И. Елатова, — тем более. Поэтому позиция автора, исключившего ее из своего поля зрения, вызывает вопрос и недоумение.

Из работ белорусских фольклористов высокой оценки заслуживают два выпуска «Песен белорусского Полесья» З. Я. Можейко.¹¹ В связи с интересующей нас проблемой особенно важен выпуск второй, где баллада представлена на фоне местной необрядовой лирики.

След за З. В. Эвальд автор указывает на два различных музыкальных стиля, которые отличают напевы песен с балладными сюжетами. Первый, стадиально более ранний, выражается в музыкальных формах напевной декламации. Типовые напевы приближаются по складу музыкальной речитации к былинным и наиболее типичны для старших баллад.

Второй, более поздний по времени возникновения, связан с преобладанием собственно музыкального начала, на что указывают такие качества, как индивидуализация напева (за каждым поэтическим текстом закрепляются один, либо несколько самостоятельных напевов), развитие многоголосия. Это характеризует мужскую социальную лирику, песни чумацкие, бурлацкие, исторические и др., среди которых — немало с балладными сюжетами.¹²

Особый интерес представляют опубликованные З. Я. Можейко контрастные музыкальные версии баллады «Муж-разбойник» (вып. 2, № 89, 90), варианты напева баллады «Сестра и братья-разбойники» (вып. 1, № 123; вып. 2, № 36), а напевы стихов «О Лазаре» (вып. 2, № 34), «О явлении Божьей Матери» (вып. 2, № 32), по-видимому, следует признать уникальными.

Судя по материалам З. Я. Можейко, характер распространения балладных сюжетов в традиции Полесья почти такой же, как и в районах русско-белорусско-украинского пограничья. Сходны и формы музыкального воплощения этих сюжетов.

Настоящая работа ставит своей целью продолжение публикации баллад и песен с балладными сюжетами, записанных экспедициями Института русской литературы в районах русско-белорусско-украинского пограничья.¹³ Ее главная задача — представление основных музыкально-поэтических форм местной повествовательной традиции.

Соотношение музыкального и поэтического содержания в балладах и балладных песнях — один из наиболее сложных, а потому практически не решенных вопросов фольклористики. Уместно будет подчеркнуть, что баллада как жанр музыкального фольклора так и не получила необходимого теоретического освещения. Отчасти это вызвано тем, что основная масса песен с балладными сюжетами рассредоточена по филологическим собраниям, которые не содержат музыкальных материалов, либо содержат их в количестве явно недостаточном для исследования музыкальной стилистики традиции. Отчасти связано это с несколько предвзятыми взглядами музыковедов-фольклористов, априорно отказывающих балладе в праве на типологическую самостоятельность.

Несмотря на кажущуюся пестроту материалов, представленных в настоящей публикации, особенно

⁸ Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. Минск, 1977. Из белорусских работ см. также: Мухаринская Л. С., Якименко Т. С. К изучению музыкальной типологии народных баллад // Памяти К. Квитки. М., 1983. С. 111—121.

⁹ Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. С. 46—78, 224—237.

¹⁰ Подробнее см.: Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья. М., 1979. С. 37.

¹¹ Можейко З. Я. 1) Песни белорусского Полесья: Вып. 1. М., 1983; 2) То же: Вып. 2. М., 1984.

¹² Можейко З. Я. Песни белорусского Полесья. Вып. 2. С. 5.

¹³ Начало см.: Марченко Ю. И., Петрова Л. И. 1) Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205—255; 2) То же // Там же. СПб., 1995. Т. 28. С. 290—348.

с точки зрения взаимосвязи музыкальной и поэтической формы, определенная логика в них все-таки улавливается. Так, сюжеты старших баллад могут объединяться общим напевом (ср. № 1, 17); один и тот же сюжет «притягивает» к себе типологически родственные напевы индивидуальной и групповой сказительской традиции (ср. № 1, 2). С другой стороны, напевы, записанные за одним или родственными сюжетами, соотносятся как контрастные музыкальные редакции (ср. № 2—4), нередко связанные с индивидуальной и хоровой формой исполнения (ср. 17, 18).

Типовые напевы баллад встречаются в сюжетных лирических песнях (ср. № 2—4 и 26). Часто их мелодические версии оказываются связующими звеньями между двумя разновидностями музыкально-повествовательной культуры (ср. № 1, 17 и 25).

Для сказительской традиции сопредельных районов России, Украины и Белоруссии наиболее принципиальны сложные стиховые напевы, содержащие стих с повтором второго полустиха (№ 2—4, 26, 34), либо строфические композиции, основанные на простейшем музыкально-синтаксическом параллелизме (№ 1, 17, 25). Первые, как нам представляется, связаны с групповой сказительской традицией, последние чаще всего встречаются в традиции индивидуального пения.

Некоторые напевы обнаруживают ритмо-синтаксические параллели с нарративными напевами русского эпоса (№ 33),¹⁴ либо с типовыми напевами белорусского лиро-эпического репертуара (№ 30, 31).¹⁵

Важнейшее качество музыкальных форм, направленных на произнесенные слова, выражается в их ритмической композиции. Ритмические формы напевов классических баллад согласуются с системой русского музыкального эпоса. Эта система, основанная на разграничении напевов по четным, нечетным и смешанным метрам (т. е. по целым и полуторным единицам музыкального времени, приходящегося на каждую пару слоговых нот), убедительно представлена в музыкальной антологии Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалева.¹⁶ Она же существенна и для типовых напевов баллад, включенных в настоящую публикацию (ср.: № 1, 2, 30; 7, 8, 12; 11, 15, 16).

Диапазон музыкальных форм, которые закрепляются за одним сюжетом, может быть очень широким — от типовых нарративных напевов (№ 7—9) до индивидуализированного лирического распева (№ 5). При этом возможны редакции, связанные с традицией ансамблевого исполнения баллады, сохраняющие структурную связь с напевно-декламационными формами (ср. № 6, 7).

Среди публикуемых материалов наиболее контрастные четыре версии баллады «Волкнянка». С одной стороны, это напев, свойственный классическим белорусским балладам (№ 20), с другой — напевная декламация импровизационного характера, но явно согласующаяся с канонами местного музыкально-повествовательного стиля (№ 21). Третий напев типичен для лирических песен позднего происхождения (№ 22), наконец, четвертый представляет собой полностью переосмысленный напев хороводной песни (№ 23). Баллада приурочена ко времени летних полевых работ и определяется исполнителями как «жизненная песня». Под воздействием нового целевого назначения мелодия напева получает и новую условно-жанровую окраску, благодаря которой связь с первоначальным музыкальным источником на слух практически не воспринимается и обнаруживается лишь аналитическим путем.

Одна из существенных черт баллады в районах русско-белорусско-украинского пограничья — ее тесная связь с лирическим жанром. Это выражается и в том, что напевы баллад часто встречаются в лирических песнях, и в том, что сюжет баллады обладает способностью получать музыкальные воплощения в развитых формах лирического распева. Однако ранние музыкальные редакции баллад и лирических песен должны были серьезно различаться и связывались, по-видимому, с двумя контрастными традициями повествовательной культуры.

Баллада как произведение устного эпического творчества предполагала такое исполнение, при котором кто-то (один или группа лиц) рассказывает (поет), а кто-то слушает. В этих условиях напев представлял собой музыкальную форму, направленную на произнесение слова.¹⁷ Для лирики существенным являлся факт совместного пения, где преобладало музыкальное начало, а литературные качества произведения отступали на второй план.

Эволюционные процессы в фольклоре восточного Полесья были направлены, вероятно, на сближение двух контрастных форм музыкально-повествовательной культуры, особенно в традиции женского одиночного пения. Исходя из изучения современной народно-песенной практики, укажем на широко распространенный обычай пения для себя — во время одиночных полевых работ и в часы досуга. Причем основной репертуар составляли баллады и лирические песни, нередко объединенные общими напевами. Это обстоятельство являлось одной из причин (и, думается, не последней) типологического сближения баллады с необрядовой лирикой и приводило к образованию художественных форм, отличающихся интегрирующими свойствами.

Все же некоторые общие признаки, по которым можно распознать балладные напевы или напевы, генетически с ними связанные, привести можно. Это цезурированные композиции, представляющие собой либо сложный мелостих (стих с повтором второго полустиха), либо мелострофу. В основе напевов — ритмо-синтаксическое тождество музыкальных фраз, а в мелодике преобладает принцип соответствия одного слога одному звуку (т. е. преобладают слоговые ноты).

Для лирических песен наиболее типично цепное строение. Его важнейшим структурным элементом является выделенный запев. Мелострофа объединяет контрастные музыкальные фразы (эффект контр-

¹⁴ Ср.: Былины: Русский музыкальный эпос. С. 522 — напев, записанный Н. А. Римским-Корсаковым с голоса Т. И. Филиппова.

¹⁵ См.: 1) Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты... // Русский фольклор. Т. 27. № 11. С. 239; 2) То же // Там же. Т. 28. № 5, 7. С. 320. Ср.: Можейко З. Я. Песни белорусского Полесья. Вып. 2. № 27—29. С. 41—44.

¹⁶ Былины: Русский музыкальный эпос. С. 27—28.

¹⁷ Подробнее см.: Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 131—132.

астности музыкальной формы значительно усилен по сравнению с напевами баллад), велика роль внутрислогового распева.

В песенной культуре пограничных районов России, Украины и Белоруссии среди баллад и лирических песен распространены напевы, в которых улавливаются смешанные типологические признаки, восходящие как к нарративным формам, так и к лирическому распеву. В первую очередь это отличает мелодии, связанные с традицией женского пения во время весенне-летних полевых работ. Однако среди них не встречаются музыкальные структуры, качественно отличные от напевной декламации и лирического распева (ср. № 10, 13, 14, 19, 24, 27, 28, 29, 32).

Уместно предположить, что параллельное бытование и своеобразное переплетение баллады с необрядовой лирикой вызвало к жизни процессы образования нового жанра местного песенного фольклора, которые, однако, не получили логического завершения.

Баллады с религиозной тематикой — важная и практически не изученная сфера местной повествовательной культуры. Она возникает при соединении поздних форм внецерковного религиозного пения (по определению исполнителей — «псалма», что соответствует известной форме духовной лирики) с сюжетами христианских легенд. Многие из сюжетов распространяются письменным путем через так называемые «стиховники» с заметным влиянием виршевой поэзии («Алексей — человек Божий», «Вдова и Бог», «Расставание души с телом» и др.).

В настоящую публикацию включен наиболее колоритный образец, восходящий к апокрифическим песням-притчам. Но обе редакции (сольная и ансамблевая — № 35, 36), опираются на традицию канта-псалмы, которая определяет музыкальную стилистику духовной лирики на территории Украины, Белоруссии и сопредельных с ними районов России. Важно, что в эту сферу в качестве «поминальных стихов» попадают и сюжеты классических баллад.¹⁸

Особая группа песен может быть охарактеризована как календарно-балладная. Такие песни возникают при взаимодействии напевов-формул календарного обряда с сюжетом классической баллады. По мелодике они входят в одну из главных сфер обрядового фольклора, по поэтике принадлежат к эпическому роду. Наиболее яркий образец — весенняя загукальная песня (по музыкальной стилистике) с сюжетом баллады (вероятно, исторической) «Девушка-воин» (№ 37).

В целом же для традиции восточного Полесья наиболее типичны календарно-хороводные песни с балладными сюжетами. Их анализ показывает, что основные качества поэтики, объединяющие тексты, связаны с мотивами отчуждения, убийства, оплакивания, похорон. Ф. А. Рубцов возводил эти мотивы к поминальным обычаям, во многом определяющим эмоциональное наполнение весенне-летней календарной обрядности.¹⁹

Материалы, записанные в районе восточного Полесья, согласуются с гипотезой Ф. А. Рубцова. Календарно-хороводные песни, в которых присутствуют упомянутые мотивы, наиболее типичны для двух условно погребальных обрядов (обряд «похорон стрелы» и обряд «проводов русалки» — см. № 38—43 и коммент. к ним).²⁰ Эти обряды объединяются и общими текстами (например, песня «Стрела» — № 41—43). Один из сюжетов, характерный для песен сигнально-организующей функции в обряде «похорон стрелы», получает распространение в поминальных стихах Смоленщины.²¹ Тем самым устанавливается связь между современными музыкально-поэтическими формами реальной и условной похоронной обрядности.

В Мглинском районе Брянской области в 1991 г. экспедицией ИРЛИ были зафиксированы сведения об обычае водить хороводы на Радунцу непосредственно на кладбище (д. Калиновский поселок Цинковского с/с), записаны некоторые из таких хороводов. Их напевы типологически соотносятся с напевами обряда «похорон стрелы».

Таким образом, возникает системная связь музыкально-поэтических форм условной и реальной похоронной (поминальной) обрядности с календарно-хороводной культурой. Это не только подтверждает мысль, высказанную Ф. А. Рубцовым, но позволяет ставить вопрос о происхождении календарно-хороводной традиции восточного Полесья и от обрядов поминовения умерших в том числе (т. е. от обрядов, непосредственно восходящих к культу предков).²²

Думается, целенаправленный поиск хороводных песен, содержащих мотивы отчуждения, убийства, оплакивания и похорон, с их последующей систематизацией, мог бы способствовать решению этой проблемы. Одновременно прояснились бы и некоторые вопросы, связанные с эволюцией баллады. Мы не исключаем того, что баллада как законченное сюжетное повествование подчеркнута трагической направленности оказалась способной заменять первичные обрядовые тексты сходного эмоционального наполнения (а может быть — и содержания) в общем процессе эволюции обрядов поминовения от изначальных магических до современных художественно обобщенных форм.

¹⁸ Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Песни смоленского Поднепровья. М 20 46433 009. Мелодия, 1985. № 13.

¹⁹ Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 119.

²⁰ О типологической связи обрядов см.: Гусев В. Е. Славянский обряд проводов весны // X Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов (доклады советской делегации). М., 1988. С. 196—208.

²¹ Ср.: Марченко Ю. И. Песенный репертуар обряда «похорон стрелы» // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. № 4, 19, 32, 35. С. 163, 168, 171, 172; Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Песни смоленского Поднепровья... № 13.

²² Мы далеки от той мысли, чтобы возводить местную хороводную культуру только к поминальным обрядам. Художественно обобщенные формы условной похоронной обрядности складывались под сильным воздействием этнографии, поэтики и музыки аграрного цикла. Наименее естественной выглядит связь понятий «хоровод» и «похороны», которую мы в силу необходимости должны подчеркнуть.

1. Вдова и сыновья-корабельщики (Войтовичи)

- Малая удава сем лет без мужа жыла,
 Сем лет без мужа жыла, двух купчыкаў любила.
 Двух купчыкаў любила, двух сыночкаў радила,
 Двух сыночкаў радила, Иванюшу й Василя.
 5 Иванюшу й Василя ў китаячку спавила,
 Ў китаячку спавила, ў Дунай-рэчку занесла.
 — «А ты, тихеньки Дунай, калышы маих сыноў,
 Калышы маих сыноў да семнадцати гадоў».
 На семнадцатый год па [й]шла ўдоўка па ваду,
 10 Па [й]шла ўдоўка па ваду и к тихаму Дунаю.
 Стала ўдоўка ваду братъ, к ёй карабель падплывать,
 Што й у том жа ў карабцы два праўдалых молайцы.
 Адин сяди[ть] ў чардаке, держыть стёран¹ па раке,
 Други сядить у насу, чэша русу валаса.
 15 — «Малая удава, ти пайдёш ты за меня?» —
 «А сама ж я ни пайду, за вас дочку сваю аддам».
 У хатачцы змаўляли, (й)у цэркаўцы венчали,
 У цэркаўцы венчали, (й)у каморы спать клали.
 Палажыушы яны спать, стали ў друг друга пытатъ:
 20 «А ты, милая мая, ну якога ж ты рода?»
 — «А я роду Вайтоўна, па батюшку — Йванаўна.
 А ты, миленьки ты мой, ну якога роду сам?»
 — «А я роду Вайтович, па батюшку — Йванавич».
 Сами сабой вазнали — сястру з братам звенчали.
 25 Бог дай, мати прапала — сястру з братам змаўляла,
 Бог дай, папы прапала — сястру з братам звенчали.
 Бог дай, сваты прапала — сястру з братам спать клали.
 — «Пойдам жа мы, братка, ў лес, скинимся ж мы травую.
 Ты, братачка, — синий цвет, я, сястрыца, — жоўтый цвет,
 30 Я, сястрыца, — жоўтый цвет, пустим славу на ўвесь свет.
 Прийдуть деўки ў лес гулять, будут травачку зрывать,
 Будут травачку зрывать, сястру з братам паминать:
 „Ета тая травица, што братачка й сястрыца!
 А братачка — синий цвет, а сястрыца — жоўтый цвет.
 35 А сястрыца — жоўтый цвет...” Пустим славу на ўвесь свет.
 Прийдут деўки ў лес гулять, будут травачку зрывать,
 Будут травачку зрывать, сястру з братам спаминить».

2. Вдова и сыновья-корабельщики

- А што ж ета за вер(ы)ба, што бяз корыня расла,
 Ох(ы), што бяз корыня расла?
 А што ж ета за ўдава сем год бяз мужа жыла,
 Эй(и), сем год бяз мужа жыла?
 5 Сем год бяз мужа жыла, двух сыночкаў радила,
 Эх(ы), двух сыночкаў радила.
 Двух сыночкаў радила, сама имена дала,
 Ох(ы), сама имена дала.
 Сама имена дала — Иванюшу й Василя,
 10 Ох(ы), Иванюшу, Василя.
 Иванюшу й Василя ў Дунай-рэчку й атнесла,
 Ох(ы), ў Дунай-рэчку й атнесла.
 Ў Дунай-рэчку й атнесла, й у карабель пасадила,

¹ Стёран — руль, киль (по объяснению исполнителя).

- Ой(и), й у карабель пасади[ла].
- 15 У карабель атнесла, тры славечки сказала,
Ой(и), тры славечки сказала.
— «Ты, карабель, карабел(и), калышы маих дзятей,
Ой(и), калышы маих дзятей.
Калышы маих дзятей да семнадцати лятей,
- 20 Ох(ы), да семнадцати лятей».
Ў васемнадцатам гаду пашла ўдоўка па ваду,
Ох(ы), пашла ўдоўка па ваду.
Стала ўдоўка ваду брат(и) — стаў карабель прыплываць,
Ох(ы), стаў карабел(и) прыплываць.
- 25 Стаў карабель прыплыват(и), стаў удовушку пытаць,
Ох(ы), стаў у вдовушки пытаць.
— «Ох ты, ўдоўка, й удава, ти пойдеш ты за меня,
Ох(ы), ти пойдеш ты за меня?
Ти пойдеш ты за меня, за Ёванюшу-Василя,
- 30 Ох(ы), за Ёванюшу-Василя?»
— «За Ёванюшу сама пайду, за Василья доч аддам,
Ох(ы), за Василья доч аддам!»

3. Вдова и сыновья-корабельщики

- Як у нашам у сяле палучылась навина,
Ой, да палучылась навина.
Нарадила удава Ёванюшу [й] Василя,
Вот да Ёванюшу й Василя.
- 5 Ёванюшу й Василя па базару насила,
Ой, да па базару насила.
У лавачку с(ы)тупила, китаячку купила,
Вот да китаячку купила.
Китаячку купила, на Дунай-рэчку [а]тнесла,
- 10 Ой, да на Дунай-рэчку [а]тнесла.
На Дунай-рэчку [а]тнесла, ў карабель палажыла,
Ой, да ў карабель палажыла.
— «Карабель мой, карабел(и), калышы маих дзятей,
Ой, да калышы маих дзятей.
- 15 Калышы маих(ы) дзятей да [сем]надцати лятей,
Ой, да да семнадцати лятей».
А в семнадцатам(ы) гаду паш(ы)ла Катя па ваду,
Ой, да пашла Катя па ваду.
Адин(ы) сядит(и) у насу, чэшыт(и) русаю касу,
- 20 Ой, да чэшыт(и) русаю касу.
Д(ы)ругий сядит(и) у пяте, машыт(и) вяслом па ваде,
О[й], да п(ы)равит(и) вяслом па ваде.

4. Казак и шинкарка

- Выезжала пахвала с(ы) горада са М(ы)глина,
Ой, с(ы) горада с(ы) М(ы)глина.
Станавилась пахвала ли пачтовага д(ы)вара,
Ой, ли пачтовага двара.
- 5 Ли пачтовага д(ы)вара шын(ы)карачка й(и) малада,
Ой, шынкарачка малада.
— «Шын(ы)карачка малада, павер(и) мёду и вина,
Ой, паверь мёду и вина».
— «Верю, верю, ты мой пан(ы), за твой зеленой жупан,

- 10 Ой, за твой зеленой(и) жупан.
 За твой зеленой жупан(ы) за тябе дочырь аддам,
 Ой, за тябе дочырь аддам».
 Мы ехали пад(ы) вянец(ы), ня моўвили ни славец,
 Ой, ня моўвили ни славец.
- 15 Прыехали с-пад венца, прамоўвили два слаўца,
 Ой, прамоўвили два слаўца.
 «Ой ты, милен(и)кай ты мой(и), с адкул(и) родам жа ты сам,
 Ой, с адкул(и) родам(ы) жа ты сам?»
 — «Из Кяява, папович, па батюшку — Пятрович,
- 20 Ой, па батюшку — Пятрович.
 Ой ты, милая мая, с адкул(и) родам(ы) ты сама,
 Ой, с адкул(и) родам(ы) ты сама?»
 — «А с Кяява, папоўна, па батюшку — Пятроўна,
 Ой, па батюшку — Пятроўна».
- 25 — «Ой, ти Бог жа нас стярёг(ы), што брат с сястрой спатъ ня лёг,
 Ой, што брат с сястрой спатъ ня лёг.
 Иди, сястра, гарою, а я, братец, другою,
 Ой, да я, братец, другою.
 А ты, сястра, жоўтый цвет, а я, братец, синен(и)кай,
- 30 Ой, да я, братец, синен(и)кай,
 А ты, сястра, каряшком, а я, братец(ы), вер(и) хушком,
 Ой, да я, братец, вер(и) хушком.
 А хто будя траву рвать, брата с сястрой паминать,
 Ой, брата с сястрой паминать».¹

5. Сын прогоняет мать из дома

- Гоман, гоман да й на вулицы,
 А пайдём, братцы, паслушаем(ы).
 Пайдём, братцы, мы паслушаем:
 Ай, сынок мати из двара в(ы)ганяя.
- 5 — «А иди, иди, мая мамачка,
 А ка мне приехали гости любыя.
 Прыехали гости любыя,
 Ай, мае жаны братцы родныя».
 Па [й]шла, па [й]шла мая мамачка,
- 10 Да й па [й]шла з двара, заплакаўшы.
 Па [й]шла мати да заплакаўшы,
 Да шумить, шумить лес-дуб(ы) ровачка.
 Шумить, шумить лес-дубровачка,
 А стогня, стог(ы)ня дарожачка.
- 15 Шумить, шумить да дарожачка,
 Да едя за мамачкай пагонячка.
 — «Вярнись, вярнись, мая мамачка,
 А ў мяне ў дварэ тры нишастяйки.
 Ў мяне ў дварэ тры нишастяйки:
- 20 А первая нишастя — жана в(ы)мярла.
 Первая нишастя — жана в(ы)мярла,
 А другая нишастя — ў мяне коник прапаў...»²

¹ Последнюю строфу исполнители вспомнили при повторе окончания баллады. После нее были исполнены две предшествующие, но в обратном порядке.

² При пересказе исполнительница вспомнила последнюю строфу:

Другая горя — конь ў стане стаить,
 Третья горя — сын на лаўцы ляжыть.

6. Сын прогоняет мать из дома

- Шум(ы)на, шумна да на вулицы,
 Як сын(ы) матку й(и) да далоў гонить.
 Как сын(ы) матку да далов(ы) гонит(и):
 «Далов(ы), далоў, мая мамачка.
 5 Далов(ы), далов(ы), мая мамачка,
 А ўжо ж(ы) ты м(ы)не й(и) надакучыла.
 А ўжо ж(ы) ты м(ы)не й(и) надакучыла,
 Дзятей маих да й памучыла.
 Дзятей(и) маих(ы) всех памучыла!»
 10 Пайшла матка й(и) да заплакаўшы.
 Па[й]шла ж(ы) матка да й заплакаўшы,
 Шумит(и)-гудить да дубровушка.
 Шумит(и)-гудит(и) да дубровушка,
 Ой, сын(ы) матку й(и) да даганяеть.
 15 Ой, сын(ы) матку да даганяеть:
 «Вярнися, вяр(ы)нись, мая мамачка.
 Вярнися, вярнися, мая мамачка,
 Ў маём(ы) дварэ да несчастей(и)ка.
 Ў маём(ы) дварэ да несчастейка:
 20 Вароный(и) конь да й на стайне ўпаў.
 Вароный(и) конь да на стайне ўпаў,
 Жана мая да й сбясилася.
 Жана мо... мая й да сбясилася,
 Дети мае да й у блуд па[й]шли».

7. Сын прогоняет мать из дома

- Ой, сын матку далов(ы) гонить:
 «Далов(ы), далов(ы), мая мамачка.
 Далоў, далоў, мая мамачка,
 (й)А ўжо ж ты мне надаскучыла.
 5 (й)А ўжо ж ты мне надаскучыла,
 Дзятей(и) маих(ы) да памучыла.
 Дзятей(и) маих да памучыла,
 Жена мая да с ума сы[й]шла.
 Жена мая да с ума сы[й]шла,
 10 Детки мае ўси ў блуд(ы) па[й]шли.
 Детки мае ўси ў блуд(ы) па[й]шли!»
 Па[й]шла матка, зап(ы)лакаўшы.
 Па[й]шла матка, зап(ы)лакаўшы,
 Галовачку ды павесиўшы.
 15 Стагнить, стогнит(и) дарожач(ы)ка,
 Шумить, шумить да дубровачка.
 Ай, сын матку даганяить
 И ў ножачки ёй упадаить.
 (й)А ў ножачки ёй упадаить:
 20 «Вярнись, вярнися, мая мамачка!
 Вярнись, вярнися, мая мамачка,
 Ў маём(ы) дваре да нисчастейка.
 Ў маём дваре да нисчастейка —
 Сын большый [мой] да на лаўки лёг.
 25 Сын(ы) большый мой да на лаўки лёг,
 Конь вараный(и) да на стай(и)ни ўпаў».

8. Сын прогоняет мать из дома

- А гоман(ы), гоман на вулицы...
 А гоман(ы), гоман на вулицы,
 Там сын(ы) матку з двара гонить:
 «А иди з двара. мая мамычка,
 5 А иди з двара, мая родныя,
 А ужо ж ты м(ы)не надаела.
 А жану маю из(ы)нурила...
 А жану маю из(ы)нурила,
 Маих детачык пазамучыла!»
 10 Па[й]шла з двара мая мамачка,
 А па[й]шла з двара мая родныя,
 Пра[й]шла поля и д(ы)ругоя.
 А стогнить, стог(ы)нить дарожычка...
 А стогнит(и), стогнить дарожычка,
 15 А шумит(и), шумить дубровычка.
 А сын матку даганяить...
 А сын(ы) матку даганяить:
 «А вярнись, вярнись, мая мамачка!
 А ўжэ ў мяне беда ў дваре...
 20 А ўжэ ж ў мяне беда ў дваре —
 Кон(и) вароный(и) на стайни упаў!»

9. Сын прогоняет мать из дома

- Ой, яки тяпер свет настаў,
 Што сын(ы) мамачку из(ы) двара прагнаў.
 Из двара прагнаў...
 Идеть мамачка ўсё ж(ы) рыдаючы.
 5 Идеть мамачка ўсё ж(ы) рыдаючы,
 Свайго сыначку прак(ы)линаючы.
 Свайго сыначку прак(ы)линаючы:
 «Штоб(ы) табе, сынок, Бог доли ня даў.
 Штоб(ы) табе, сынок, Бог доли ня даў,
 10 Як ты мамачку из(ы) двара прагнаў!
 Як ты мамачку из(ы) двара прагнаў...»
 Шумит(и)-грымит(и) лес(ы)-дубровачка.
 Шумит(и)-грымить лес(ы)-дубровачка,
 Ай, за мамачкай(и) ўслед(ы) пагоначка.
 15 Ай, за мамачкай ўслед(ы) пагоначка:
 «Вярнис(и), вярнис(и), мая мамачка!
 Вярнис(и), вярнись, мая мамачка,
 У нашам(ы) дварэ няшасця стала.
 У нашам дварэ няшасця стала —
 20 Кон(и) вароны ў нас на стаян(ы)ку ўпаў.
 Кон(и) вароны ў нас на стаян(ы)ку ўпаў,
 Жана молада дитя прыспала».

10. Мать прогоняет сына из дома

- А ў нядельку рана па ранен(и)ку,
 Ой(и), (й)а што й мать сын(ы)ку, сынку, а [я]на праклинала.
 Ой, што й(и) мать сын(ы)ку, сына праклинала,
 Ой(и), што й пракляўшы яго, далоў з двара гнала.
 5 Што й прак(ы)ляўшы яго, далоў з двара гнала:

- «Ох(ы), што й иди, сын(ы)ку, иди далоў з двара.
 Што иди ж(ы), сын(ы)ку, иди далоў з двара,
 Ох(ы), невазлюбленная твая жена ў доме.
 Невазлюбленная твая жена ў доме,
 10 Ох(ы), непослушныя твае дробны дет(ы)ки.
 Непослушныя твае дробны детки!»
 — «Ох(ы), (й)ох ты, мая мать, сам я добра знаю!
 Ох, ты ж(ы) мать, мая мать, сам я добра знаю,
 Ох(ы), варанога каня сам я себе маю...»¹

11. Волки разрывают падчерицу

- Як(ы) была у Ганнуси ни мать — мачыха,
 Пасылала Ганнусю и туды-сюды.
 И туды-сюды, с(ы) паўноч вады,
 Як па[й]шла Ганнуса ни зираючы.
 5 Ни зираючы, ни г(ы)ледаючы,
 Думала Ганнуса, што лясы шумяць.
 Аж(ы) за Ганнусей три ваўки бегать,
 А ўзяли Ганнусю да й пад пашачки.
 Павяли Ганнусю у балотища,
 10 И ў балотища, на калодища.
 Як стали ж(ы) Ганнусю да й дялитиси,
 Каму ручачка, каму ножачка.
 Стараму ваўку — ўся галовачка.
 — «Ай, сядь-ка ж ты, воран(ы) на мае груди.
 15 Ай, напийсь-ка, воран(ы), да й мае криви,
 Ай(и), ляти-ка, воран, к майму батюшку.
 Ай, сядь-ка ж ты, воран(ы), пад(ы) вышня вакно,
 Паслухай-ка, воран, ти плачут(и) па мне».

¹ Приводим более полный вариант, записанный от тех же исполнителей (ЭР Бр. — 1989, 20-01):

- А в нядел(и)ку рана па ранен(и)ку,
 Ох(ы), (й)а што й мать сын(ы)ку, сынку праклинала.
 Ой, што й мать сын(ы)ку ой [я]на праклинала,
 5 Ох(ы), што й пракляўшы яго, далоў з двара гнала.
 Пракляўшы яго, далоў з двара гнала:
 «Ох(ы), што й иди, сын(ы)ку, иди далоў з двара.
 Иди ж(а), сын(ы)ку, иди далоў з двара,
 Ох(ы), невазлюбленная твая жана ў доме.
 Неваз(ы)люб(ы)леная твая жана ў доме,
 10 Ох(ы), непослушныя твае дробны дет(а)ки.
 Непослушныя твае дробны дет(а)ки!»
 — «Ох(ы), (й)а што й мать мая, мать, сам я добра знаю.
 Ох, ты ж(ы) мать мая, мать, сам я добра знаю,
 Ох(ы), варанога каня сам я себе маю.
 15 Варанога каня сам я себе маю,
 Ох(а), што й с(ы) вечара й аўса засыпаю.
 Што й с(ы) вечара аўса засыпаю,
 Ой(и), што й с(ы) поўначы коника сед(ы)лаю.
 Што й с(ы) поўначы коника сед(ы)лаю,
 20 Ой(и), што к белу свету з двара сьезжаю.
 Што й к белу свету з двара сьезжаю!»
 Ох(а), еду я поля, еду я другая.
 Што я поля еду я другая,
 Ох(а), што й на трэтя стал я й узьезжати.
 25 Што й на трэтя стал я й узьезжати,
 Ох(ы), панаехали тучы грамавыя.
 Панаехали тучы грамавыя,
 Ох(ы), палились дажжы, дажжы пралиўныя.
 Палились дажжы, дажжы пралиўныя,
 30 Ой, патякли рэки, рэки крававыя.

Бат'ка лапки пляте, сил(е)нен(и)ка плача,
 20 Мачыха блины пячэ, усмехаецца,
 Што як дурнишу стараму ўздыхаецца.¹

12. Муж губит жену по научению матери

Марусенька ж(ы) по бережку ходя,
 Ой, за ёю ветер хвилю го[ня].
 Ой, за ёю ж(ы) ветер(ы) хвилю гоня,
 Марусенька на хвилю ступи[ла].
 5 Марусенька ж(ы) на хвилю ступила,
 Няволяю мать сына жани[ла].
 Няволяю ж(ы) мать сына жанила,
 Пры людячках нявестку суди[ла].
 Пры людячках(ы) нявестку судила:
 10 «Санливая, дрямлива няве[стка].
 Санливая ж(ы), дрямлива нявестка,
 Ящэ к таму ня хоча раби[ти].
 Ой, щэ к(ы) таму ж(ы) ня хоча й рабити,
 Тольки майго сыночка журы[ти].
 15 Тольки ж(ы) майго ж(ы) сыноч(ы)ка журыти...»
 — «Ой, мать, мати, парадница ў ха[ти]!
 Ой, мат(и), мати ж(ы), парад(ы)ница ў хати,
 Парадь, мати, як жынку скара[ти]!
 Парад(и), мати ж(ы), як жын(ы)ку скарати...»
 20 — «Ой, йди, сынку, у новаю кле[тку].
 Ой, йди ж(ы), сынку ж(ы), (й)у новаю клетку,
 Вазьми, сынку, ряменнаю плётку.
 Вазьми ж(ы), сынку ж(ы), ряменнаю плётку,
 Ящэ к таму — пяньковыя вожки.
 25 Ай, щэ к таму ж(ы) — пяньковыя вожки,
 Звяжы шэльме и'ручки и ножки.
 Звяжы ж(ы) шэльме ж(ы) ручач(ы)ки и ножки,
 Ой, бий, сынку, з вечара да све[ту].
 Ой, би ж(ы), сынку, з(е) вечара да свету...»
 30 С(ы) вечара камора рыпе[ла].
 С(ы) вечара ж(ы) камора рыпела,
 С(ы) поўначы нагайка звине[ла].
 С(ы) пов(ы)начы ж(ы) нагай(и)ка звинела,
 К белу свету ў жаны души не[ту].
 35 К беламу свету [ў] жаны души нету,
 Ляжыт(и) жынка як синя жавин[ка].²
 Ляжыт(и) жынка ж(ы) як синя жавинка,
 Стаить мужык як бела папе[ра].
 Стаит(и) мужык(ы) як бела папера:
 40 «Ой, мать, мати, парадница ў ха[ти]!
 Ой, мать, мати ж(ы), парад(ы)ница ў хати,
 Парадь, мати, як жынку схава[ти]!
 Парад(и), мати ж(ы), як жын(ы)ку схавати...»
 — «Ой, йди, сынку, (й)у нову стоя[нку].
 45 Ой, йди ж(ы), сынку ж(ы), (й)у нову стоянку,
 Сядлай, сынку, сиваю кабы[лку].
 Сядлай, сынку ж(ы), сиваю кабылку,
 Ой, едь, сынку, на маю ўкрай[нку].

¹ Последний стих добавлен при пересказе.

² Жавинка (жавина) — по объяснению исполнителей — ежевика.

- Ой, ед(и), сынку ж(ы), на маю ўкраинку,
 50 Привязи сабе маладую жын[ку].
 Привязи ж(ы) сабе ж(ы) маладую жынку...»
 — «Годя, мати, мяне празнуща[ти]!
 Годя ж(ы), мати ж(ы), мяне п(ы)разнущати,
 Табе, мати, тюрьмы не мина[ти].
 55 Табе ж(ы), мати ж(ы), тюрьмы не минати,
 А мне, сынку, на вечнаю ссы[лку]!»

13. Муж просит смерти жены

- Як выйду я й за вароты,
 Зирну-г(ы)ляну ў белый свет.
 У белый свет...
 Зирну-г(ы)ляну ў белый свет(ы) жа,
 5 Ай, за м(ы)ною смерти нет.
 Смерти нет...
 — «Вох ты, с(и)мерть мая страшная,
 Ни бяры ж(ы) мене, малайца.
 Малайца й(и)...
 10 Ни бяры ж(ы) мене, маладога,
 Да й вазьми маю жану.
 Ой, жану...
 Да й вазьми маю жоначку,
 Аслабани ж маю й галаву.
 15 Галаву...»
 Ни ўспеў словечка сказати,
 Стала жоначка й канать.
 Ой, канать...
 Паклаў жоначку пад акенца.
 20 Накрыў беленьким палатном.
 Палатном...
 Накрыў белечьким палатенцам,
 Сам да девачак пайшоў.
 Вот пайшоў...
 25 Сам да девачак пайшоў жа,
 У карагоди их найшоў.
 Их найшоў...
 — «Ох вы, девачки-сястрыцы,
 У мене ў доме есть беда.
 30 Ой, беда й...
 У мене ў доме есть беда же,
 Памёрла й мая й жана.
 Ой, жана...»
 [Видна] все девачки скачуть-пляшуть,
 35 Й адна девачка смутна.
 Вот смутна...
 Й адна девачка смутна же,
 Наверна ее сестра.

14. Казак убивает жену по совету любовницы

- Высока соўняйка усходя,
 Ой, низен(и)ка захо[дя].
 Низенька заходя...
 Ай, молодой жанатый казака

- 5 Да да девачки хо[дя].
 Да девачки ходя...
 — «Ни хади-ка, малады казача,
 Ай, ужо ж ты жана [тый].
 Ужо ж ты жанатый...»
- 10 Каг(ы)да хочыш да мене хадити,
 Ой, убий сваю жын[ку].
 Убий сваю жынку...»
 — «Паўчы, паўчы, красна дявица,
 Ой, як жынку ўбива[ти].
- 15 Як жынку ўбивати...»
 — «А йди [у] двору й абними галову,
 А [я]на станя пыта[ти].
 [Я]на станя пытати...»
 Толька жынка ў яго васпытала —
- 20 А ён яе ў ву[ха].
 А ён яе ў вуха...
 Як ударыў (й)ў правая вуха —
 А яна й падала[ся].
 А [я]на падалася...
- 25 А ў яе ж-то, ў яе, ў сяречныя,
 Ох, и кроў палила[ся].
 И кроў палилася...
 Як пайшоў жа маладый казача
 На Дунай(и) ручак мы[ти].
- 30 На Дунай ручак мыти...
 Памыўшы ён свае белы руки,
 Ой, зайшоў да сасе[дяў].
 Зайшоў да саседяў...
 — «Суседушки, вы добрыя люди,
- 35 Ой, накажытя тё[шцы].
 Накажытя тёшцы...
 Накажытя маёй роднай тёшцы,
 Ой, нихай ў гости бу[дя].
 Нихай ў гости будя...
- 40 Ой, [я]на сваю дачку Ганнутачку
 Ой, харанити бу[дя].
 Харанити будя...»
 Як падыйшла яе родна мати
 Ой, тиха пад акен[ца].
- 45 Тиха пад акенца...
 Ляжыть дачка, дачка Ганнутачка
 Проти жаркага со[л]н[ца].
 Проти жаркага со[л]нца...
 — «Ох, дачка ты мая, дачка Ганнутачка,
- 50 Ох, и што ж ты зрабы[ла]!
 Ох, што ж ты зрабыла...
 [А] ты сваих, сваих дробных детак
 Ой, навек ссирати[ла]!
 Навек ссиратила...
- 55 [А] ты свайго, свайго чалавека
 Да навек засили[ла]!»¹

¹ Засилила — по объяснению исполнителя — силò павесила, насилье такое.

15. Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле

- Як паехаў мой(и) мiлы ў дарогу,
Кинуў, бросiў жану нездарову.
Нездарову...
- Прыежжая милен(и)кий з дароги,
5 Пытаецца ў мiлыя здароўя.
Здароўя...
- «Ох, ти жыва, мiла, ти здарова?»
— «Ну якоя ж то маё здароўя!
Здароўя...»
- 10 — «Ти я тебе бол(и)на ў шоку ўдарыў,
Ти я тваё здароўяйка ўмалiў?
Ўмалiў...»
- «Памру, мiлы, жыва ж(ы) я ни буду,
Пастрой мне с кляниначки трону.
- 15 Трону...»
— «Негде, мiла, клён-дараўца ўзяти!
Будеш, мiла, ў сасновым лежати.
Лежати...»
- «Схарани м[е]ня ў вишнёвым садочку,
20 Абсади м[е]ня чырвонай калинай.
Тудой будуць пташачки летати,
Чырвонаю калинку клевати.
Клевати...
Чырвонаю калин(ы)ку клевати,
- 25 А мне будя весяла лежати.
Лежати...»
Мне ж(ы) бачыцца, што соўняйка ўсходя,
А мой мiлы па садочку ходя.
Ходя...
- 30 А мой мiлы па садочку ходя,
Дитятакку на ручачках нося.
Нося...
Дитятакку на ручачках нося,
А другога за ручачку вода.
- 35 Вода...
А другога за ручачку вода,
Ён жа свою миленькаю прося.
Прося...
— «Устань, устань, мая милен(и)кая,
- 40 Вазьми сваё дитя маленькая.
Маленькая...»
— «Тепер мне й адсюль не ўставати,
Дитятакку на ручки ни брати.
Ни брати...
- 45 Дитятакку на ручки ни брати,
Табе з ими гора гаравати.
Гаравати...
Вазьми сабе жану маладую,
Маим деткам мачыху лихую».

16. Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле

- «Памру, мiлы, жыва я ня буду!»
— «Умирай, шэльма, я плакаць ня буду!»
— «Сделай, мiлы, з клён-дереўца трунку,

- Палож мяне ў зялёнам садочку.
 5 Палож, милы, ў зялёнам садочку,
 Пасодь, милы, ў голавы калину.
 Пасодь, милы, ў голаву калину,
 Ка мне будуць пташкі прылетати.
 Ка мне будуць пташкі прылетати,
 10 А мне будеть весела лежати».

Я ж думала, што соняйка ўсходя,
 Ажна милый па садочку ходя.
 Ажна милый па садочку ходя,
 Дитятачку за ручачку вода.
 15 Дитятачку за ручачку вода,
 А другога на ручачках нося.
 А другая на ручачках нося,
 Сваю милаю й у з магилачки прося.
 — «А устань, мати, пагадуй дитяти!»
 20 — «Кали жалка — найми яму мамку.
 Кали жалка — найми яму мамку,
 А ни жалка — кидай ка мне ў ямку!»

17. Муж-разбойник

- Ни быть мне за маёрам(ы), за палкоўничкам,
 А быть жа мне за ворам, за разбойничкам.
 И з вечара разбойнички у разбой збирались,
 А с поўначы разбойнички у разбой па [й] шли.
 5 И с поўначы разбойнички у разбой па [й] шли,
 К беламу свету разбойнички из разбоя идуть.
 Из разбоя идуть, семяра коней видуть,
 И стучыть, и грючыть в щытовья¹ варата.
 — «Вставай, жана малада, ни ўзрывавай жывата,²
 10 Ни ўзрывавай жывата, бяры платьея с каня.
 Ты ж няси ета платьея на ручай на раку³
 Ни раз(ы) глядаючы, ни разгартаючы».
 Маё сердца ни ўтярпела — развярнула, пагляде[ла],
 Развярнула, паглядела, я й заплакала.
 15 — «А ты вор, ты сабака, зарезаў ты майго бра[та]!
 Ета ж тая рубашачка, шго я вышивала.
 Ета тая рабашачка, што я вышивала,
 Свайму радному браточку я падаравала.
 — «Маўчы, жана, ни кажи, а то скипиш на нажи!»
 20 — «Хоть скиплю, ни скиплю — я ўсю праўдачку скажу!»
 — «Ў тёмной ночачки папаў, „добрый вечар” ни сказаў,
 Хоть и батюшка радной — с плеч галовачка далой!»

18. Муж-разбойник

- Деўка шыла-вышивала, сама сабе разважала:
 «Што не быти мне за панам, за палкоўничкам.
 Толька быти м(ы)не за ворам(ы), за разбойничкам(ы),
 За разбоям(ы) добра жыт(и), мёд-гарэлачку пить».
 5 За разбоям(ы) добра жыть, мёд-гарэлачку пить,

¹ При пересказе — «в тесовыя».

² «Ни валнуйся» — коммент. исп. Букв. — «Не ори с испуга».

³ При пересказе — «на Дунай на раку».

- И з вечара разбойнички мёд-гарэлачку пьютъ.
 И з вечара разбойнички мёд-гарэлачку пьютъ,
 И с паўночы разбойнички у разбойства идуть.
 И с паўночы разбойнички у разбойства идуть,
 10 И к беламу и к дянёчку па пары коняй вядуть.
 И к беламу и к(ы) дянёчку па пары коняй(и) вядуть,
 А мой жа-та рассукин(ы) сын(ы), ён девятера вядеть.
 А мой жа-та рассукин(ы) сын, ён девятера вядеть,
 На десятым(ы) сам(ы) сядить, набор шапачку дяржыць.
 15 На десятым(ы) сам(ы) сядить, набор шапачку дяржыць,
 Падъезжая к(ы) двару, клича милаю сваю.
 Падъезжая к(ы) двару, клича милаю сваю:
 «Ох(ы) ты, милая мая, выхади-ка ты сюда!
 Ох ты, милая мая, выхади-ка ты сюда,
 20 Ты бяры варонных коней за шалковы павада.
 Ты вяди варонных коней и у тём(ы)ныя паг(ы)ряба,
 Ты няси ету рубаху на Дунай-рэчку памой.
 Ты няси ету рубаху на Дунай-рэчку памой,
 Ты няси ету рубаху не развёр(ы)таючы.
 25 Ты няси ету рубаху ни развёр(ы)таючы!»
 Маё сер[д]ца ни ўстярпела, развярнула, паг(ы)лядела.
 Развярнула, паг(ы)лядела — и ўгадала братскаю кроў:
 «А мой жа ты рассукин сын(ы), зачём брата загубил?»
 А мой жа ты рассукин(ы) сын, зачём брата загубил?»
 30 — «Вот(ы) за то я загубил(ы), што з дароги ни зваратиў.
 Вот за то я загубил, што з дароги ни зваратиў,
 А я крыкам крычал(ы), а я свистам свистаў.
 А я крыкам крычаў, а я свистам свистал(ы):
 „Зварати, шурьяк, з дароги!” — Ён жа не..., ни зваратиў!»

19. Невестка превращается в тополь

- Жанила мати сынку да й не па няволи,
 Ай, ўзила нявестку да й не па любо[ви].
 Узила нявестку да й не па любови,
 Ай, выправила сынку ў вялику даро[гу].
 5 Выправила сынку ў вялику дарогу,
 А маладу нявестку й братъ беллага лё[ну].
 Маладу й нявестку братъ беллага лёну;
 «Ай, ня выберыш лёну, то й не йди да до[му].
 Не выберыш лёну, то й не йди да дому!»
 10 А [я]на брала, брала, да заначава[ла].
 Ай, [я]на брала, брала, да й заначавала,
 Ай, к заўтрыму вутру таполяю ста[ла].
 А к заўтрыму й вутру таполечкай стала,
 А прыежая сынку з вяликих дарог.
 15 А прыежая сынку з вяликий дароги,
 А пытаецца ў мати: «А где мая жо[нка]?»
 Пытаецца ў мати: «А где мая жонка?»
 — «А жана маладая з деўкамы гуля[я].
 Жана маладая з деўкамы гуляя,
 20 Ай, сынку мой, сынку, па дарогах ез[диш].
 Ай, сынку мой, сынку, па дарогах ездиди,
 Па дарогах ездиди, ничога ни зна[еш].
 Па дарогах ездиди, ничога ни знаеш,
 Што й на нашам поли вырасла тапо[ля].
 25 Што й на нашам поли вырасла таполя,

- А бяры-ка, сыночык, вострый тапаро[чык].
 Вазьми-ка, сыночык, вострый тапарочык,
 А зруби-ка й таполю щэ й пад карянё[чык].
 Зруби-ка й таполю щэ й пад карянёчык!»
 30 А первый раз секануў — шэпачка й упа[ла].
 Первый раз секануў — трэсачка й упала,
 А трэтий¹ раз секануў — жана й атазва[лась]:
 «А штоб тваёй мати тяжола ўмирати,²
 А як мне, маладою, таполяй стая[ти].
 35 А як мне, маладою, таполяй стая[ти]...»

20. Волк-нянька

- Ў мяне, ў маладе, лиха свякрова,
 Пасылае млада ў поля жать адну.
 А я жну, я жну день да вечыра,
 Прыйду ў дворачку я — за даёначку.
 5 А восем кароў падаила я,
 Пад девятаю толька падыйшла.
 Як уздумала пра дитятачку,
 Як уз(ы)думаю пра маленькага.
 Прайшла я поля, прайшла другога,
 10 А на трэтия толька ўсхадила.
 Як уздумала пра дитятачку,
 Як уздумала пра маленькага.
 А ў майго ж дитя чатыры няньки,
 Чатыры няньки, серыя валки.
 15 Адин гаворить: «Дай, пакальшу!»
 Другий гаворить: «Дайтя, паняньчу!»
 А трэтий кажыть: «Дайтя, я ўнясу!»
 Чатьвёртый кажыть: «Дайтя, падылю!»
 Каму ручачка, каму ножачка,
 20 Роднай мамачки — хоть галовачка!
 Роднай мамачки на ўспаминания,
 Лихий свякрови на ўздыхания!»

21. Волк-нянька

- Ой, крапивачка й(и), ты стрыкучая,
 Ой, свякровачка, змея лютая.
 Ой, свякровачка, змея лютая й(и),
 Пасылала й(и) маладу ў поля жать адну.
 5 Пасылала й(и) маладу ў поля жать адну,
 Ой, [я]на жала ж(ы) день, день да вечара.
 А [я]на жала й(и) ден(и), ден(и) да вечара,
 Ой, у вечары снапы зносила.
 Снапы зносила, ой(и), прытамилася,
 10 Пры[й]шла [ў] дворачку, ой(и), пахвалилася.
 Пры[й]шла [ў] дворачку, ой, пахвалилася,
 Што я в(ы) поле дитя, ой(и), пазабылася.
 Што я в(ы) поле дитя, ой(и), пазабылася...
 — «Ой, иди ж ты, сука й(и), забяры ж(ы) ты дитя.»

¹ Здесь, по-видимому, должно быть: «други раз секануў» — и т. д.

² Двое исполнителей здесь пели: «тяжола ўздыхати».

- 15 Ой, иди ж ты, сука й(и), забяры ж ты дитя!»
Ишла полямы и дарогамы.
Ишла полямы и дарогамы,
Ой, на трэтыя поля й(и) толька ўсхажаю.
Ой, на трэтыя поля й(и) толька ўсхажаю —
- 20 Ой(и), висить люлячка й(и) сидять нянячки.
Висить люлячка й(и) сидять нянячки,
Ой, адин(ы) кажыть: «Я й(и) дитя й(и) калыхаў!»
Адин кажыть: «Я дитя й(и) калыхаў!»
А другой кажыть: «Я й дитя й(и) забав(ы)ляў!»
- 25 А другой кажыть: «Я й дитя й(и) забав(ы)ляў!»
А трэтий кажыть: «Я дитя й(и) разар(ы)ваў!»
— «Разар(ы)вали дитя, ой(и), разарвита мяне,
Да па чыстаму полю разняситя мяне!»

22. Волк-нянька

- Пасылала мене мать ай, у поля жыта жать,
Ой, я жала, жала, снапы зносила.
Ой, я жала, жала, снапы зносила,
Сама [ў] дворку па[й]шла, дитя бросила.
- 5 Сама [ў] дворку па[й]шла, дитя бросила,
Павячэрыла, да и спат(и) лег(ы)ла.
Павячэрыла, да я спат(и) лег(ы)ла,
А свякроўка сука ў яе спрашавала.
А свякроўка сука ў яе спрашавала:
- 10 «Ты, нявестка мая, а йде тваё ж(ы) дитя?
Ты, нявестка мая, а йде тваё дитя!»
— «А я сваё дитя ў поли забыла.
Ой, я сваё дитя ў поли забыла!»
Ой, бягу я поля, бягу другога.
- 15 Ой, бягу я поля, бягу другога,
Ой, на трэтыям поли стаять пялачки.
Ой, на трэтыям поли стаять пялач(ы)ки,
Стаять пялачки залатен(и)кия.
Стаять пялач(ы)ки залатен(и)кия,
- 20 Висить люлячка щэ й сярэбрыная.
Висить люлячка щэ й сярэбрыная,
Ле тыя люлячки да тры нянячки.
Ле тыя люлячки да тры нянячки,
Да тры нянячки — серыя ж(ы) вал(ы)ки.
- 25 Да тры няняч(ы)ки — серыя вал(ы)ки,
Ой, адин кажыть: «А мне ножачки!»
Ой, адин(ы) кажыть: «А мне ножачки!»
А другой кажыть: «А мне ручачки!»
А другой(и) кажыть: «А мне ручачки!»
- 30 Ох, и трэтий кажыть: «А мне телячка!»
Ох, и трэтий кажыть: «А мне телячка,
А той мамачки — адны вочачки!
А той мамач(ы)ки — адны вочачки,
Штоб ни бегала [я]на да паўночачки!»

23. Волк-нянька

Як была ў мяне свякроў лютая,
Як паслала й(и)на ў поля жыта жать.

- Як паслала й(и)на ў поля жыта жать,
А я ни жала да ўсё лежала.
- 5 Ни жала (й) да ўсё лежала,
А праснулася я — (й)а ўжо ни рана.
Праснулася я — (й)а ўжо ни рана,
Як стала я жать, стала пил(ы)навать.
Стала я жать, стала пил(ы)навать,
- 10 Нажала сем коп, сем коп, чатыры.
Нажала сем коп, сем коп, чатыры,
Прыйшла ў дворачку, пахвалилася.
Прыйшла ў дворачку й пахвалилася,
А на детачку я й забылася.
- 15 [А на дета]чку я й забылася!
— «А иде, сука, детачку дела?
[А иде, су]ка, детачку дела!»
— «Мамачка мая, ў поле забыла.
[Мамачка ма]я, ў поле забыла!»
- 20 Ой, бягу поля, бягу другога.
[Ой, бягу] поля, й бягу другога,
На трэтьям поли висит люлячка.
[На трэть]ям поли висит люлячка,
Ли тыя люлячки да тры нянячки.
- 25 [Ли тыя] люлячки да тры нянячки,
Ой, адин кажа: «А я калыхаў!»
[Ой, адин ка]жа: «А я калыхаў!»
А други кажа: «А я забаўляў!»
[А други ка]жа: «А я забаўляў!»
- 30 А трэтьтий казыть: «А я пицкаваў!»¹
А трэтьтий казаў: «Ой, я пицкаваў!»
А што калыхаў — тый ручачку атьеў.
А што [забаўляў]² — тый ножачку атьеў,
А што пицкаваў — ой, тый саўсим зьеў.
- 35 [А што] пицкаваў — ой, тый саўсим зьеў!
То ж ни нянячки — серыя ваўки!

24. Невестка в несогласном семействе

- Аддала ж-то мая мамачка ж(ы)
Ў тую сям'ю й у вяликаю.
Ў тую сям'ю у вяликаю,
А ў их усё ни па-нашаму.
- 5 А ў их усё ни па-нашаму,
А снаданья перад абедам.
Ай, снаданья перад абедам(ы),
Ай, абед жа перад полуд(ы)ням.
Ай, абед жа перад полуд(ы)ням,
- 10 Ай, вечэра перад пев(ы)нямы.
Ай, вячэра перад пев(ы)нямы,
Ай, самы сядуть вячэрати.
Ай, самы сядуть вячэрати,
Меня, младу, пашлють по ваду.
- 15 Меня, младу, пашлють по ваду,
Ай, разутаю, ай, разде[таю].

¹ Пицкаваў — по объяснению исполнителя — няничил.

² Здесь вместо «забаўляў» ошибочно — «калыхаў».

- Ай, разутаю, ай, раздетаю,
Только лычкам падпиразанаю.
Дарожачка мне й указаная:
20 «А йди, шэльма, тераз бат(и)кав(ы) двор.
А йди, шэльма, тераз батькаў жа двор(ы),
Тераз мамкина падвор(ы)яй(и)ка.
Тераз мамкина падвор'яй(и)ка ж(ы)!»
Мой батюшка й у вакош(ы)ка сматрыть.
- 25 Мой батюшка й у вакош(ы)ка сматрыть,
Ай, мамачка й у варотах стаить.
Ай, мамачка й у варотах стаить,
А ў бытюшки слёзы котятца.
А ў батюшки слёзы котятца ж(ы),
- 30 А ў мамачки — як рака ж(ы) тячэ.
А ў мамачки ж — як рака тячэ!
— «Ты дитя ж маё, детка род(ы)ненькая!
Ты дитя маё, детка род(ы)ненькая ж(ы),
Ти ни баисся ж ты, дитят(ы)ка маё!
- 35 Ты ни баисся, дитят(ы)ка маё ж(ы),
Тыя ночки, ночки тём(ы)нен(и)кия?
Тыя ж(ы) ночки, ночки тём(ы)ненькия ж(ы),
Таго ваўка, ваўка серага?
Таго ж ваўка, ваўка серага!»
- 40 — «Только баюся, мая мамач(ы)ка!
Только ж(ы) баюся, мая мамачка,
Таго свёкра, свёкра лютога.
Таго свёкра, свёкра лютога,
А свякрушачки сярдитыя!»

25. Невестка в несогласном семействе

- Ой, аддала мяне мать у вяликаю ў сям'ю,
У вяликаю ў сям'ю безуряд(ы)ливаю.
У вяликаю ў сям'ю безуряд(ы)ливаю,
Самы сядут(и) вячэраць, а мне ложки нима.
- 5 Самы сядут(и) вячэраць, а мне ложки нима,
Ой, мяне, маладу, пасылають па ваду.
Ой, мяне, маладу, пасылають па ваду,
Па вадицу я йду, як галубачка гуду.
Па вадицу я йду, як галубачка гуду,
- 10 Прыхажу я к калодизю, умываюся.
Прыхажу я к калодизю, умываюся,
Тонким белым(ы) рукавом утираюся.
Тонким белым рукавом утираюся,
Прыхажу я к(ы) варотячкам, прыслухаюся.
- 15 Прыхажу я к варотячкам, прыслухаюся,
Ти ня б'ютца яны, ти ни сварютца.
Ти ня б'ютца яны, ти ни сварютца,
Ой, свякроўка бурчыть, свайго сына вучыть.
Ой, свякроўка бурчыть, свайго сына вучыть:
- 20 «Ой, ты сынку мой, сыночык(ы), дарагая дитя!
Ой, ты сынку мой, сыно[чык], дарагая дитя,
Чаго водки ня п'ёш, чаго жонку ня б(ы)ёш?
Чаго водки ня п'ёш, чаго жынку ня б'ёш!»
— «Зачэм, мати, водку пить — ад яе галава балить!
- 25 Зачэм, мати, водку пить — ад яе галава балить,
Зачэм, мати, жану бить — ана можыть рабить!»

Зацэм, мати, жану бить — ана можыть рабить,
 Ана можыть рабить, атцу-матиры наравить!
 Ана можыть рабить, атцу-матиры наравить,
 30 Тебе, матушка, й атцу, и мне, добру маладцу!»

26. *Девушка идет на Дунай топиться*

Ай, ты голуб(ы)-галубок, ляти ў маю старану,
 Ой, ляти ў маю старану.
 Ляти ў маю старану, накажы роду майму,
 Ой, накажы роду майму.
 5 Накажы роду майму, што я тута гарюю,
 Ой, што я тута гарюю.
 Што я тута гарюю, я тут жыти ня буду,
 Ой, я тут жыти ня буду.
 Я тут жыти ня буду, сямеячка ни мая,
 10 Ой, сямеячка ни мая.
 Сямеячка ни мая, як пайду да Дуная,
 Ой, як пайду да Дуная.
 [Як] пайду да Дуная, пайду затап(ы)люся я,
 Ой, пайду затаплюся я.

27. *Замужняя дочь прилетает домой кукушкой¹*

Ни была я ў мамачки а чатыры ж(ы) гады ж(ы), эй,
 Да на пяты гадочык я а пташкай(и) палячу.
 [На] пяты гадочык я а пташкай(и) палячу ж(ы), эй,
 Да як сяду я ў садику, а ў зялёнам да саду.
 5 Як сяду я ў садику, а ў зялёнам(ы) а ў саду ж(ы), эй,
 Ой, ў зялёнам(ы) садику, ай, пад игрушаю.
 У зялёнам садику, ай, пад игрушаю ж, эй,
 Да пад ябланкаю ж, ой, пад салодкаю.
 Я тую игрушачку а с корэння асушу ж, эй,
 10 Да салодкаю ябланку а слязамы абальлю.
 [Я] тую ж ябланку а слязамы абальлю ж, эй,
 Да й ужо ж мая мамачка, ай, па двару да ходя.

¹ Приводим более полный вариант, записанный от Зуевой М. Л. (ФА 2732-01):

Калину й малинушку, ай, вада й панияла ж, эй,
 Да ни ў тую пору ж маменька а мене ж радила.
 Ни ў ту й пору й маменька а мене радила ж, эй,
 Да ни прыбраўшы розуму, а замыж(ы) й аддала.
 5 Ни прыбраўшы розуму, ай, замуж аддала ж, эй,
 Да ни была я ў мамачки, ай, чатыры да гада.
 Ни была я ў мамачки, ай, чатыры да гада, эй,
 Да на пятый гадочык я а пташкай палячу.
 На пятый гадочык я а пташкай палячу ж, ой,
 10 Да як сяду ж я ў садику, а ў зялёнам да саду.
 Як сяду я ў садику, а ў зялёнам да саду ж, ой,
 Да я ў зялёнам садику, ай, пад игрушаю.
 А ў зялёнам садику, ой, пад игрушаю ж, ой,
 Да пад ябланкаю ж, ай, пад сахарнаю.
 15 Ой, пад ябланкаю ж, ой, пад сахарнаю ж, ой,
 — «Да ўставайтя ж, нявехначки, ай, на дварэ да ўжо свет.
 Вставайтя, нявехначки, ай, на дварэ да ўжо свет, ой,
 Да як у нашам садику а пташка ж да пяе.
 Як у нашам садику а пташка да пяе ж, ой,
 20 Да пяе, пяе пташачка, ай, прычытавая.
 Пяе, пяе пташачка, ай, прычытавая ж, ой,
 Да й адкуль тая ж пташачка а прычыты ж да бярэ?

- Ужо ж мая й мамачка, ай, па двару да ходя ж, эй,
 Да нявестачак-ластачак, ай, разбуджавая.
 15 Нявестачак-ластачак, ай, разбуджавая ж, эй:
 «Да вставайтця, нявестачки, а на дварэ ўжо свет.
 Вставайтця й, нявехначки, а на дварэ ўжо свет(ы), эй,
 Да й у нашам садику а пташка да пяеть.
 Што й у нашам садику а пташка да пяеть, эй,
 20 Да пяе, пяе пташачка, ай, прычытавая.
 Пяе, пяе пташачка, а прычытавая ж, эй,
 Да й адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ?
 Адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ ж», эй,
 Да большы браток кажа(я): «А пайду я й пагляджу».
 25 Ай, большы брат кажа: «А пайду я пагляджу», эй,
 Да сярэдний браток кажа: «А пайду я застралю».
 Ой, сярэдний брат кажа: «А пайду я застралю ж», эй,
 Да меньшы браток кажа(я): «А пайду я распрашу».
 — «Кали сера зязюля — а ляти ў шыры бор, эй,
 30 Да кали наша сястрыца — а хади ў батькаў двор.
 Кали наша сястрыца — а хади ў батькаў двор», эй,
 — «А спасиба, мой братачка, а за твой за прывет.
 А спасиба, братачка, а за твой за прывет, эй,
 Да ни пазваў жа, братачка, а перва в(ы) батькаў двор.
 35 Ни пазваў жа й, братачка, а перва в(ы) батькаў двор, эй,
 Да пазваў жа, мой братачка, а перва в(ы) шыры бор».

28. *Молодка, обернувшись кукушкой, прилетает к нелюбимому*

А ўсе люди двору йдуть...
 А ўсе люди двору йдуть,
 Я, млада, ня думаю.
 Я, млада, ня думаю...
 5 Я, млада, ня думаю
 К сваяму нялюбому.
 Скинуся я, молада...
 Скинуся я, молада,
 Серью зязюлею.
 10 Палячу я, молада...
 Палячу я, молада,

- Адкуль тая пташачка а прычыты да бярэ ж», ой,
 Да большый браток кажа(я): «А пайду я пагляджу».
 25 Ай, большый брат кажа: «А пайду я пагляджу ж», ой,
 Да сярэдний браточык кажа: «А пайду я застралю».
 Сярэдний брат кажа: «А пайду я застралю ж», ой,
 Да меньшы ж браточык кажа: «А пайду я распрашу».
 А меньшы брат кажа: «А пайду я распрашу ж», ой,
 30 — «Да кали сера зязюля — а ляти в(ы) шыры бор.
 Кали сера зязюля — а ляти в шыры бор, ой,
 Да кали ж наша сястрыца — а хади в(ы) батькаў двор.
 А кали ж наша сястрыца — а хади ў батькаў двор», ой.
 — «Да спасиба ж, мой братачка, а за твой за прывет.
 35 Ай, спасиба, мой браточык, а за твой за прывет, ой,
 Да ни пазваў жа, братачка, а перва в(ы) батькаў двор.
 А ни пазваў жа, браточык, а перва ў батькаў двор, ой,
 Да паслаў жа, мой, браточык, а перва в(ы) шыры бор.
 Ай, паслаў жа, браточык, а перва ў шыры бор», ой,
 40 Да я борам лятела ж — а бары ж ламила.
 Я борам лятела ж — ой, бары ламила, ой,
 Да я лугам лятела ж — а луги ж тапила.
 Я лугам лятела ж — ой, луги тапила, ой,
 Да я полям лятела ж — ой, пыты ж пылила.

К сваему нялюбыму.
 Пагляжу я, молада...
 Пагляжу я, молада,
 15 Што нялюбый дельнить.
 А мой жа-то нялюбы...
 А мой жа-то нялюбы
 Дитятычку калышыть.
 — «Баю-баю, дититка,
 20 Баю-баю, родныя!
 Нима тваей мамачки.
 Нима тваей мамачки...
 Нима тваей мамачки
 И с чужый жа нивычки».
 25 А чужая нивычка...
 А чужая нивычка
 Атабрала силычку.

29. *Сын прилетает к матери, обернувшись кукушкой*

Задумала мамачка сына жанити,
 Ой, аддала, родная, царю служыти.
 Ой, напосли мамачка раздумалася:
 «Вярнись, мой сыночык, папрашаем!»
 5 — «Ни вярнуся, мамачка, ни вярнусь, радна!
 Нашто ж мяне, родная, в салдаты [ад]дала?
 А жди мяне, мамачка, ў девятам гаду,
 Ў девятам гадочку, ў десятам часо[чку].
 А я к табе, мамачка, ни пешкам прыйду,
 10 Ой, я к табе, родная, пташкой прылячу.
 Ой, сяду я, сяду я ў вишнёвам саду,
 Ў вишнёвам садочку пад игрушаю.
 Ой, запяю песенку жалку галасну!»
 Ой, радимый батюшка па двору ходя.
 15 Ой, радимый батюшка па двору ходя,
 Нявестачак-ластушак разбужавая.
 — «Вставайтя, нявехначки, ўжо белый свет,
 Што ж у нашам садочку за пташка пяе?
 Пяе, пяе пташачка, прычытавая.
 20 Адкуль тая пташачка прычыты бярэ?
 Кали сера зязюлячка — ляти ў шыры бор,
 Кали мой сыночык — хади ка мне ў двор».
 — «А спасиба, батюшка, за твой за хлеб-соль,
 Што ни пазваў, родненький, паперяд у двор.
 25 Што ни пазваў, родненький, паперяд у двор,
 Пазваў мяне, родненький: „Ляти ў шыры бор!”»
 Лятеў я барамы — бары папалиў,
 Лятеў я лугамы — луги патапий.

30. *Молодца забирают в неволю*

Чула, чула мая доля,
 А йна чула, не сказала й(и),
 Ня быть молайцу й у до[ме].
 Ня быть молайцу й у доме,
 5 А быть молайцу ў няволи,
 Быть малойцу у няво[ли].

Добрага молайца й узяли...
 Добра молайца й узяли,
 Назад(ы) ручачки звяза[ли].¹
 10 Сами сели да й запели...
 Ани сели да й запели,
 Добрый моладец запла[каў].

31. *Молодца забирают в неволю*

А гоман, гоман на вулицы,
 Гоман, гоман на шырокай.
 И гаворють, и гамонють,
 И гаворють, и гамонють.
 5 Иванюшку дружка ловють,
 Иванюшку дружка ловють.
 Уловили, пасадили,
 И ўловили, пасадили.
 И ў вазочык,
 10 Ай, у саменький задочык,
 И ў вазочык.
 Сами сели, загремели,
 Сами сели, загремели.
 Громки песенки запели,
 15 Громки песенки запели.

32. *Девушка проклинает речку, в которой утонул милый*

Эй, черяз речку, черяз быстру...
 Ой(и), чырыз речку, чырыз быстру
 Мост калиначка ляжыць.
 Ой, як па тый жа маставинки...
 5 Ой(и), як па тый жа маставинки
 Друг мой миленький ишол.
 Ой, маставинычка [а]блამилась...
 Ой(и), маставинычка [а]блამилась,
 Друг мой милый патанул.
 10 Ой, увидела красна деўка...
 Ой(и), увидела красна деўка
 З высокага терема.
 Ой, [я]на схватала вядёрычку...
 Ой(и), [я]на схватала вядёрычку,
 15 Стала речку выливать.
 Ой, не вылиўшы быстру речку...
 Ой(и), не вылиўшы быстру речку,
 Стала речку праклинать.
 — «Ой, худа табе, быстра речка...
 20 Ой(и), худа табе, быстра речка,
 Без крутога бережка.
 Ой, а так жа мне, краснай деўки...
 Ой(и), а так же мне, краснай деўки,
 Без милога без дружка!»

¹ При пересказе исполнители добавили еще одну строфу:

Пасадили у вазочык
 Да на саменький задочык.

33. *Молодец на похоронах возлюбленной*

- Ни агон(и) гарыть, ни вада кипить,
 Ой, кипить, кипить сердца ў моладца.
 Ох, кипить, кипить сердца ў моладца й(и),
 Ни па [а]тцу кипить, ни па матери.
 5 Ни па атцу кипить, ни па матери,
 Ой, кипить сердца па краснай(и) деўцы.
 Ох, кипить сердца па краснай(и) деўки,
 Красну девачку харанить нясуть.
 Красну девачку харанить нясуть,
 10 Добрый моладец у варот стаить.
 Добрый(и) моладец у варот стаить,
 Яго ножачки падламилися.
 Яго ножачки падламилися,
 3 вачэй слёзачки пакатилися.
 15 З вачэй слёзачки пакатилися,
 Як па [й]шоу жа ён да ў канюшэньку.
 Як па [й]шоў жа ён (ы) на канюшэньку,
 Заседлаў каня вараненькага.
 Заседлаў коня вараненькага
 20 И зъезжаў з двара шырачэнькага.
 И зъезжаў з двара шырачэнькага,
 И паехаў жа ён на кладбища.
 И паехаў жа ён на к(ы)ладбища й:
 «Вы рассыптеся, жолтыя пяски.
 25 Вы рассыптеся, жолтыя пяски,
 Разайдитеся, грабавы доски.
 Разай(и)дитеся, грабавы доски,
 Ты устань, устань, мая милая.
 Ты й устань, устань, мая милая,
 30 Давай с табою распрацаемся.
 Давай с табою распрацаемся,
 На падарачки разменяемся.
 На падарачки разменяемся,
 Ты вазьми, вазьми шалковый платок.
 35 Ты вазьми, вазьми шалковый платок,
 А аддай, аддай златы перстянёк!»

34. *Матросы увозят девушку на корабле*

- Расцветали синя моря раз(ы)ными цветами,
 Эй, ой цветами.
 Разными цветами, й(а) всё караблями,
 Эй, караблями.
 5 Што й у тых жа (й)а ў караблях мат(ы)росы гуляли,
 Эй, ой гуляли.
 Ани ж(ы) сабе красну деўку ў караб падмаўляли,
 Эй, падмав(ы)ляли.
 — «Хади, хади, красна деўка, к нам ў карабль гуляти,
 10 Эй, ой гуляти.
 Будем тябе, красна деўка, вином напавати,
 Эй, напавати.
 Напаёмшы, бел-пастельку, ой, мы будем(ы) стлати,
 Эй, будем(ы) стлати.
 15 А пастлаўшы бел-пастельку, спатечки лажытца,
 Эй, ой лажытца.

- А спи, спи, к(ы)расна деўка, дасписся да горя,
Эй, ой да горя!»
Праснулася красна деўка сярёд синя моря,
20 Эй, сярёд(ы) моря.
— «Вы мат(ы)росы, вы бур(ы)ланы, што ж(ы) вы нарабили,
Эй, нарабили!
Нашто новенький караблик ад бережку [а]дбили,
Эй, ой адбили?»
25 — «Было ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) родом папрашатца,
Эй, папрашатца!
А ўжо ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) родом не видатца,
Эй, не видатца.
30 А ўжо ж(ы) табе, красна деўка, з(ы) матросам венчатца,
Эй, ой венчатца!»

35. *Егорий и Змей (Юрай и Смок)*

- А были люди да ниверныя,
Ай, ни веравали Госпаду Богу.
А ни веравали Госпаду Богу,
Да й паверавали праклятаму Смоку.
5 Адавали Смоку што дня па [а]брокку,
Што дня па [а]брокку, ўсё па чалавеку.
Ат'еў жа Смок палавину царства,
Ай, дабраўся Смок да самога цара.
Сам цар ни йдёт и царэв(ы)ню ни шлётъ,
10 Пасылая ён дочку сваю.
Надяе на ее дарагия платья,
Дарагия платья, шаўковыя шнуры.
Чапляя на [я]е залатыя шнуры:
«Иди ж(а), мая доч, и к синяму мору.
15 Иди, мая доч, и к синяму мору,
Стань на беражочку, на жоўтым пясочку».
Выплывая Смок из синяга мора,
Из рота ж яго полым(ы)я шыбая.
Из рота ж яго полым(ы)я шыбая,
20 Из няздёр у яго жар сыпитца.
Из наздёр из яго жар сыпитца,
А з вушэй из яго дым кураетца.
Стаить царэвна — да й абамлела,
Адкуль узяўся святы Юрай.
25 А святы Юрай на сивым кане:
«Стой(и), царэўна, ни пужайся!
Стой, царэв(ы)на, ни пужайся,
Праклятага Смока ни ўликайся!
И сымай(и) с себя залатыя шнуры,
30 Да й чапай Смока за крутыя роги.
Чапай Смока за крутыя роги,
Да й вяди Смока к свайму батюшку ў двор!»
А мой батюшка па двару ходя,
Па двару ходя, белы руки ломя.
35 Белы руки ломя, Госпада прося:
«А хто ж(ы) маю дочыр ад смерти спасе —
Атпишу я таму палавину царства,
Палавину царства и дочку аддам!»
Абазваўся Юрай(и) на сивым кани:
40 «А ни нада ж(ы) мне палавину царства!»

Палавину царства и дочка твая —
 Пастрой цэркву ты святога Юр'я!
 Святога Юр'я...
 Штоб люди хадили, Богу малились!
 45 Богу малились, Богу веравали,
 А уверавали ў Госпада Бога!
 Да й паверавали ў Госпада Бога,
 А ни веравали [ў] праклятага Смока!»

36. *Егорий и Змей (Юряй и Цмок)*

Пад(ы)няўся бунт межды народу,
 Ой, и з'ядаў Цмок ў день па чалавеку.
 З'ядаў Цмок ў день по чалавеку,
 Ой, прыйшла чар(ы)га да самога царя.
 5 Ой, прыйшла чарга да самога царя,
 Хоть сам иди, хоть доч вяди.
 Хоть сам иди, хоть доч вяди,
 Царь царэўну суряджая.
 Царь царэўну суряджая,
 10 Шаўковыя платэти надявая.
 Шаўковыя платэти надявая,
 Шаўковыя шнуры падпирасавая.
 Шаўковыя шнуры падпаясывая,
 Царэўна к морю прыходжавая.
 15 Царэўна к морю прыходжавая,
 Цмок из моря выплывая.
 Цмок из моря выплывая,
 Ой, царэўна злякалася.
 Ой, царэўна злякалася,
 20 З белым светам прашалася.
 З белым светам прашалася,
 Адкуль ўзяўся святы Юряй.
 Адкуль ўзяўся святы Юряй,
 Святы Юряй(и)- и Грыгоряй.
 25 Святы Юряй(и)- и Грыгоряй:
 «Стой, царэўна, ни лякайся.
 Стой, царэўна, ни лякайся,
 З белым светам ни прашайся.
 З белым светам ни прашайся,
 30 Распирасавай-ка шаўковыя шнуры.
 Распаясавай-ка шаўковыя шнуры,
 Цапляй Цмока за крутыя раги.
 Цапляй Цмока за крутыя раги,
 Да вяди Цмока на царськи дварэц.
 35 Вяди Цмока на царськи дварэц!»
 Царь в акошка паглядавая.
 Царь в акошка паглядавая:
 «Ай, царэўну ад смерти спас!
 А хто ж маю доч ад смерти спас,
 40 Палавину царства я яму аддам.
 Палавину царства и доч сваю!»
 — «Ни нада мне царства и доч твая!
 Ни нада мне царства и доч твая,
 Пастав цэркву святому Юрью.
 45 Святому Юрью и Грыгоряю,
 Святому Юрью-Грыгоряю».

37. Девушка-воин

- Ай, у нядельку параненьку.
 Эй, параненьку...
 Сабиралася грамадачка.
 Грамадачка...
 5 Ёсё салдатскага парадачка.
 Парадачка...
 — «Ё каго сыночки — ё вайску шлітя!
 Ё вайску шлітя...
 А хто ни мая — нихай наймая!
 10 Нихай наймая...»
 Ё абазвалася й удовачка.
 Ё удовачка...
 Бедная ее галовачка.
 Галовачка...
 15 — «Ни ймею сына ни воднага.
 Ни воднага...
 Тольки адна дачка Ганнулячка.
 Ганнулячка...»
 И тую мати выпраўляла.
 20 Выпраўляла...
 Да й на коничка пасаджала.
 Пасаджала...
 А пасадіўшы, праводила.
 Праводила...
 25 А правадіўшы, прыказала.
 Прыказала...
 — «Едь, мая дачка, Ганнулячка.
 Ганнулячка...
 Паперад войски ни хватайся.
 30 Ни хватайся...
 Да й па задочку ни аставайся.
 Ни аставайся...»
 Ганнулька мамку ни слухала.
 Ни слухала...
 35 Паперад войски паехала.
 Паехала...
 Ёна прыяжджая к Дунаёчку.
 К Дунаёчку...
 Ёна стала думать и гадати.
 40 И гадати...
 Як тихий Дунай параехати.
 Параехати...
 Ё адкуль узяўся пан Дуналович.
 Пан Дуналович...
 45 Узяў коничка за павадок.
 За павадок...
 А Ганнулячку за ручачку.
 За ручачку...
 Павёў коничка да стаянки.
 50 Да стаянки...
 Ё а Ганнулячку да святлицы.
 Да святлицы...
 Сыпаў коничку аўса й сена.
 Аўса-сена...
 55 Ё а Ганнуляццы мёду й вина.
 Мёду й вина...

- Коничак ни есть, а ўсё ржэти.
 Да ўсё ржэти...
 Ганнул(и)ка ни пье, да ўсё плача.
 60 Да ўсё плача...
 — «Вох ты, коничак, иржы — не ржы.
 Иржы — ни р(ы)жы...
 Табе у вайски не бывати.
 Ни бывати...
 65 С тыми конямяи ни стаяти.
 Ни стаяти...
 Й а ты, Ганнулька, хоть плач — не плач.
 Хоть плач — ни плач...
 Табе ў мамачки ни бывати.
 70 Ни бывати...
 З мамкай ў варотах ни стаяти.
 Ни стаяти...
 З деўкама таночки ни вади[ти]».

38. Смерть-сват

- Да була ў матки да й адна дачка,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 Да й адна дачка, адиничачка,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 5 Ды й прыйшло к ёй да трое сватов,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 Первие сваты да маскоўськие,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 Други сваты да немецкие,
 10 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 Третье сваты да турэцкие,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 За перьви сваты батька не [а]ддае,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 15 За други сваты matka не [а]ддае,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 За трэти сваты сама не па[й]шла,
 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 Як прыйшла и к ёй да смерта(э)чка,
 20 Ви сады мае, ви зелёны[e].
 [Не спрася взяла] — не хатя пайшла,
 Сильна жаластна matka плака[ла].
 — «Ой, худа мае несчысленнае!»
 Ви сады мае, ви зелёны[e].¹

39. Смерть-сват

- Да була ў матки да й адна дачка,
 Громким голасам зямля стонить.
 Да й адна дачка да адиниченька,
 Громким голасам зямля стонить.

¹ Окончание песни плохо помнили, но пересказали словами:

— Ой, худоба мая,
 Де мене тябе падывати?
 Рушничкама дарогу устилати...

- 5 Да прыйшло и к ёй аж трои с(ы)ватоў,
 Громким голасам зямля стонить.
 За пер(и)вие матка не аддала,
 Громким(ы) голасам зямля стонить.
 За другие батька не аддаў,
 10 Громким голасам зямля стонить.
 За трэтие сама не па[й]шла,
 Громким голасам зямля стонить.
 Прыйшла смертачка не пытаючы,
 Громким голасам зямля стонить.
 15 Па[й]шла дэвачка не змагаючы,
 Сильна жаластна матка плакала.
 — «Худобка мая несчастливае, —
 Сильна жаластна матка плакала.
 Де ж мене тябе пазадевати!»
 20 Сильна жаластна матка плакала...¹

40. Смерть-сват

- Як була ў маткі да й адна дачка,
 Громкаголасна земля стогня.
 Да й адна дачка, адиничанька,
 Громкаголасна земля стогня.
 5 Сватало ея да трое сватоў,
 Громкаголасна земля стогня.
 Шо перьвие сваты да турэцкие,
 Громкаголасна земля стогня.
 А други сваты да немецкие,
 10 Громкаголасна земля стогня.
 А трэтыи сваты каралеўские,
 Громкаголасна земля стогня.
 Шо за первие матка не аддала,
 Громкаголасна земля стогня.
 15 За други сваты батька не аддаў,
 Громкаголасна земля стогня.
 За трэтыи сваты сама не па[й]шла,
 Громкаголасна земля стогня.
 Смертачка прыйшла, силаю взяла,
 20 Громкаголасна земля стогня.

41. Стрела

- Да ляти, стрэла, ва кругом села,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Не ўбий, стрэла, ясна со[кала],
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 5 А убий, стрэла, таго моладца,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Па том моладцу некаму плакать,
 Ви сады мае, ви зелёны[е].
 Матка стара, сястрица мала,

¹ Конец песни, записанный с пересказа:

Де ж мене тябе пазадевати!
 Рушничкамі коней ваяти,
 Настульничкамі горы застилати!
 (Се матка так па дачцы плакала).

- 10 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Де мати плачыць — там рэка течэ,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Де сестрычачка — там крыничанька,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 15 Де жена плачыць — там расы нема,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].

42. Стрела

- Ой, пушу стрэлу у канец села,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Ой, лети, стрэла, у канец села,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 5 Да й не убий, стрэла, добра моладца,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 А убий, стрэла, ясна сокала,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Шо па сокалу некаму плакаць,
 10 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 А па моладцу е каму плакаць,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Де матка плачыць — там рэка течэ,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 15 Де сестричэчка — там крыничэчка,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Де жена плачыць — сухавей вее,
 Ви сады мае, ви зелёны [е].
 Сухавей вее, сухий дощ иде,
 20 Ви сады мае, ви зелёны [е].

43. Стрела

- Як пушу стралу да й па ўсём сялу,
 Ох и вой лёли, да й па ўсём сялу.
 Да ты ж(ы) ляти, страла, да й удолю села,
 Ох и вой лёли, да й удолю села.
 5 Да й удолю села, й удол(и) вулицы,
 Ох и вой лёли, й удолю вулицы.
 Да ты убий, страла, добрага молайца,
 Ох и вой лёли, добра молайца.
 Да па тым молайцу некаму плакати,
 10 Ох и вой лёли, некаму плакаць.
 Да матка старынька, сестра маленька,
 Ох и вой лёли, сестра маленька.
 Да жана молада, детки д(ы)робныя,
 Ох и вой лёли, детки дробныя.
 15 Да йде матка плача — там(ы) рака тяче,
 Ох и вой лёли, там(ы) рака тяче.
 Да йде сестра плача — там(ы) калодези,
 Ох и вой лёли, там калодези.
 Да йде жана плача — там(ы) расы нема,
 20 Ох и вой лёли, там расы нема.
 Да там(ы) расы нема, пажары гарать,
 Ох и вой лёли, пажары гарать.
 Да пажары гарать, жураўли кричать,

Ох и вой лёли, жураўли кричать.
 25 Да солнца выблесня — раса высахня,
 Ох и вой лёли, раса высахня.

44. *Король возвратится домой, если жена родит дочь*

Да ў саду ж(ы) вишанька распу [с]каетца,
 Ох и вой лёли, распу [с]каетца.
 Да карол(и) на вайну сабираетца,
 Ох и вой лёли, сабираетца.
 5 — «Да карол(и), каролу, вярнись да дому,
 Ох и вой лёли, вярнись да дому.
 Да твая жана сына радила,
 Ох и вой лёли, сына радила».
 — «Да кали ж(ы) сыначку, дак(ы) ни вярнуса,
 10 Ох и вой лёли, дак ни вярнуса».
 А кали б(ы) дочачку б(ы) — на ўсю б(ы) ночачку,
 Ох и вой лёли, на ўсю ночачку.
 А да сын(ы) вырастя — на вайну пойдя,
 Ох и вой лёли, на вайну пойдя.
 15 А на вайну пойдя, ваевать будя,
 Ох и вой лёли, ваевать будя.
 А дачка ж(ы) вырастя, да й замуж пойдя,
 Ох и вой лёли, да й замуж пойдя.
 Да ў мяне зять будя — гастевать будя,
 20 Ох и вой лёли, гастевать будя.
 Да гастевать будя, мене звать будя,
 Ох и ой лёли, мене звать будя».

45. *Брат брата уььет из-за жены*

Да мы на сена идом, мы на новая,
 Ох и вой лёли, мы на новая.
 Да мы на новая, на зялёная,
 Ох и вой лёли, на зялёная.
 5 Да падыйдом пад сад(ы) пад зялёненький,
 Ох и вой лёли, пад зялёненький.
 Да там(ы) люди гаворут(и)-выгаварують,
 Ох и вой лёли, выгаварують.
 Да ох и брат брата да й каня прося,
 10 Ох и вой лёли, да й каня прося.
 Да ох и брат брату да й ни словечка,
 Ох и вой лёли, да й ни словечка.
 Да мы на сена идом, мы на новая,
 Ох и вой лёли, мы на новая.
 15 Да мы на новая, на зялёная,
 Ох и вой лёли, на зялёная.
 Да падыйдом пад сад(ы) пад зялёненький,
 Ох и вой лёли, пад зялёненький.
 Да пад тым садикам(ы) люди гаворуть,
 20 Ох и вой лёли, люди гаворуть.
 Да люди ж(ы) гаворут(и)-выгаварують,
 Ох и вой лёли, выгаварують.
 Да вот и брат брата да й жаны прося,
 Ох и вой лёли, да й жаны прося.
 25 — «Да за жану, братец(ы), галаву зрублю,

Ох и вой лёли, галаву зрублю.
 Да галаву зруб(ы)лю да як макаўку,
 Ох и вой лёли, да як макаўку.
 Да як макаўку, да як макаў цвет,
 Ох и вой лёли, да як макаў цвет».

46. *Брат убивает брата из-за девушки*

- Што й у поли, ў поли тры дубы стаяла,
 Лёли-лёли-лёли, тры дубы стаяла.
 Пад тыми дубамі тры палкі салдатаў,
 Лёли-лёли-лёли, тры палкі салдатаў.
 5 Тры палкі салдатаў, маладых рабятан,
 Лёли-лёли-лёли, маладых рабятан.
 Што й у першым палку пугаўкі блишчалі,
 Лёли-лёли-лёли, пугаўкі блишчалі.
 Ай, у другім палку шабел(и)кі лешчалі,
 10 Лёли-лёли-лёли, шабел(и)кі лешчалі.
 Ай, у трэцім палку галоўкі леталі,
 Лёли-лёли-лёли, галоўкі леталі.
 Брат брата ні злюбіў, галовачку зрубіў,
 Лёли-лёли-лёли, галовачку зрубіў.
 15 Давайце ж мы, братцы, грамаду збіралі,
 Лёли-лёли-лёли, грамаду збіралі.
 Грамаду збіралі, пісямцо пісалі,
 Лёли-лёли-лёли, пісямцо пісалі.
 Пісямцо пісалі, да мамачкі слалі,
 20 Лёли-лёли-лёли, да мамачкі слалі.
 — «Прыедь, прыедь, мамачка, сына хараніці,
 Лёли-лёли-лёли, сына хараніці.
 А я ж(ы) табе, мамачка, ўсю праўду раскажу,
 Лёли-лёли-лёли, ўсю праўду раскажу.
 25 А мы ж(ы) з ім, мамачка, в адным палку служылі,
 Лёли-лёли-лёли, в адным палку служылі.
 В адным палку служылі, адну деўку любілі,
 Лёли-лёли-лёли, адну деўку любілі.
 А я ж(ы) яго, мамачка, па ласцы прасіў жа,
 30 Лёли-лёли-лёли, па ласцы прасіў жа.
 А ён(ы) мне, мамачка, деўку ні ўступіў жа,
 Лёли-лёли-лёли, деўку ні ўступіў жа.
 А я ж(ы) яму, мамачка, галоўку зваліў жа,
 Лёли-лёли-лёли, галоўку зваліў жа».
 35 Закукуй, кукушачка, борам лятучы ж(ы),
 Лёли-лёли-лёли, борам лятучы ж(ы).
 Заплач, заплач, мамачка, (й)у след идучи ж(ы),
 Лёли-лёли-лёли, (й)у след идучи ж(ы).

1

$\text{♩} = 96$

1. Ма_ла - да - я у - да - Ва сем лет без му_жа жы_ла,
 сем лет без му_жа жы - ла, двух куп_чы - каў лю_би - ла.

2. Двух куп_чы - каў лю_би - ла, двух сы_ноч - каў ра - ди - ла,
 Двух сы_ноч - каў ра - ди - ла, И - ва - ню - шуй Ва - ск - ля.

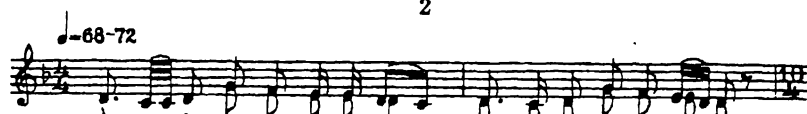
3. И - ва - ню - шуй Ва - ск - ля ў кк_та - яч - ку спа - ви - ла,
 ў кк_та - яч - ку спа - ви - ла, ў Ду_най - рэч - ку за - нес_ла.

4. „А ты, тк_хек_кк Ду_лай, ка_лы_шы ма_их сы_ноў,
 Ка_лы_шы ма_их сы_ноў да сем_над_ца_ти га_доў!“

5. На сем_над_ца_тый год па[й]шла ў_доў_ка па ва_ду,
 Па[й]шла ў_доў_ка па ва_ду к ктк_ха_му Ду_на_ю.

6. Ста_ла ў_доў_ка ва_ду бреть, к ёй ка_ра_бель па_плы_вать,
 Штой у том жа ў_ка_раб_цы дэ пра_ўла_ных мо_лай_цы.

2

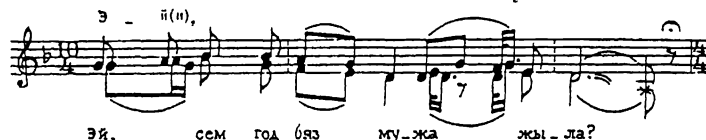
1. А што же - та за ве-р(ы)-ба, што бяз ко-ры-ня рас-ла,

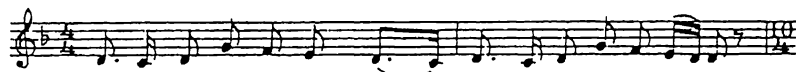
Ох, х(ы), што бяз ко - ры-ня рас - ла?

2. А што же - та за уда - ва сем год бяз му-жа жы-ла,

Э - й(и), сем год бяз му-жа жы - ла?

3. Сем год бяз му-жа жы - ла, двух сы-ноч-каў ра-ди - ла,

Э - х(ы), двух сы - ноч - каў ра - ди - ла.

4. Двух сы-ноч-каў ра-ди - ла, са-ма и-ме-ня да-ла,

О - х(ы), са - ма и - ме-ня да - ла.

5. Са-ма и-ме-ня да - ла - И - ва-ню-шу й Ва-си-ля,

О - х(ы), И - ва-ню - шу, Ва - си - ля.

3

$\text{♩} = 92$

1. Ях у на - шам у ся - ле па - лу - чы - лась на - зи - на,
Ой, да па - лу - чы - лась на - зи - на.

2. На - ра - ам - ла у - да - ва И - ва - ю - шу[й] Ва - си - ля,
Вот да И - ва - ю - шу й Ва - си - ля.

а И - ва - ю - шу й Ва - си - ля па ба - за - ру на - си - ля,
Ой, да па ба - за - ру на - си - ля.
сту - пи -

4. У ла вач - ку сф[а]ту - пи - ла, ки - та - яч - ку ку - пи - ла,
Вот да ки - та - яч - ку ку - пи - ла.

5. Ки - та - яч - ку ку - пи - ла, да Ду - най - рэч - ку [а]т[е]с - ла,
Ой, да на Ду - най - рэч - ку [а]т[е]с - ла.

♩ = 84-88

4

1. Вы - ез - жа - ла па - хва - ля с (ы) го - ра - да са М (ы) гли - на,

Ой, с (ы) го - ра - да с (ы) М (ы) гли - на. (У)

7 да 7

2. Ста - на - вх - лась па - хва - ля ли пач - та - ва - га д (ы) ва - ра,

Ой, ли пач - то - ва - га два - ра.

да 7

3. Ли пач - то - ва - га д (ы) ва - ра шы (ы) ма - рач - ка (ы) ма - ла - да,

Ой, ши - ма - рач - ка ма - ла - да.

да

4. Шел(ь) ка - реч - ка ма - ла - ая, па - ве - рю мё - ду и ви - на,

Ой, па - верь мё - ду и ви - на.
да

5. Ве - рю, ве - рю ты мой па(л)ы, за твой зе - ле - ный жу - лан,

Ой, за твой зе - ле - ный жу - лан.
да

6. За твой зе - ле - ный жу - лан(ы) за тя - бе до - чырь ая - дам,

Ой, за тя - бе до - чырь ая - дам.
да

5

♩ = 80-84

1. Го - мая, го - мая да й ла ву - ли - цы,
 А пай - дём, брат - цы, па - слу - ша - е - м(ы).
 Пай - дём, брат - цы, мы па - слу - ша - ем.
 Ай, сы - нок ма - ти из два - ра в(ы)г - ля - я.
 2. „А йак и - ди, ма - я ма - ма - ма - ка,
 А ка мне при - е - ха - ли гос - ти лю - бы - я.
 4. При - е - ха - ли гос - ти лю - бы - я,
 Ай, ма - е жа - ны брат - цы род - ны - я.
 5. Па - [к]шла, па - [к]шла ма - я ма - ма - ма - ка,
 Да й па[к]шла за ва - ра, за - шла - каў - шы.
 6. Па - [к]шла ма - ти да за - шла - каў - шы,
 Да шу - мить, шу - мить лес - лу в(ы)ро - вач - ка.

$\text{♩} = 72-76$ 6

1. Шу-м(ы)-на, шум-на да на ву - зк - ны,

Як сы - п(ы) мат - ку й(и) да да-лоу го - нить.

2. Как сы - н(ы) мат - ку да да-ло - в(ы) го - ми - т(е).

„Да-ло - в(ы), да - лоу ма-я ма - мач - ка.

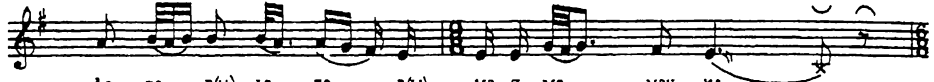
3. Да - ло - в(ы), да - ло - в(ы), ма-я ма - мач - ка,

А ўжо ж(ы) ты м(ы)не й(и) на - да-ку - чы - ла.“

7

1. Ой, сын мат - ку да - ло - в(ы) го - пить:

„Да - ло - в(ы), да - ло - в(ы), ма - я ма - мач - ка.

2. Да - лоу, да - лоу, ма - я ма - мач - ка,

(й)А ўжо ж ты мне на - да - ску - чы - ла.

3. (й)А ўжо ж ты мне на - да - ску - чы - ла,

Дя - те - й(и) ма - х - х(ы) да па - му - чы - ла.

4. Дя - те - й(и) ма - хх да па - му - чы - ла,

Же - на ма - я да су - ма сы - [й]шла.

5. Же - на ма - я да су - ма сы - [й]шла,

Дет - ки ма - е у - си ў блу - д(ы) па - [й]шли."

8

♩ 128

1. А го - ма (ы), го - ман на зу - ли - цы...

А го - ма - я (ы), го - ман на зу - ли - цы,

Там сы - н (ы) мат - ку з два - ра го - нить,

2. „А и - ли з два - ра, ма - я ма - мыч - ка,

А и - ли з два - ра, ма - я род - ны - я,

А у - жо ж ты м (ы) не на - да - е - ля.

3. А жа - ну ма - ю и - з (ы) ну - ри - ла...

А жа - ну ма - ю и - з (ы) ну - ри - ла,

Ма - их де - та - чык та - за - му - чы - жи!

4. Па - [й]шла з два - ра ма - я ма - мач - ка,

А па [й]шла з два - ра ма - я род - ны - я,

Пра - [й]шла по - ля и д (ы) - ру - го - я.

9

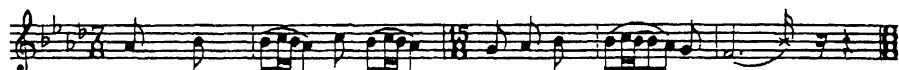
1. Ой, я - ки та пер овет на стау,

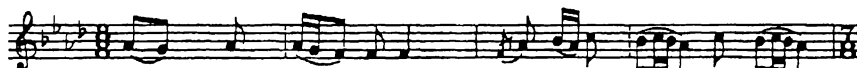
Што сы-к(ы) ма - мац-ку и-з(ы) два - ра пра - гнаў.

2. Из два - ра пра - гнаў...

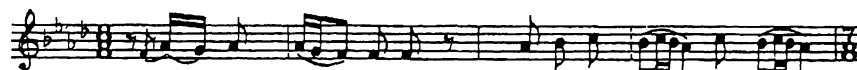
И - деть ма - мац-ка ўсе ж(ы)ры - да - ю - чы.

3. И - деть ма - мац-ка ўсе ж(ы)ры - да - ю - чы,

Свай - го сы - мац-ку пра-х(ы)ли - ка - ю - чы.

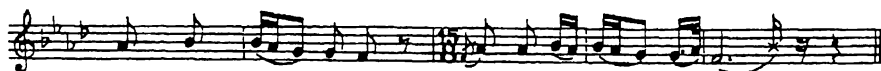
4. Свай - го сы - мац-ку пра-х(ы)ли - ка - ю - чы:

„Што-б(ы) та - бе, сы-нок, Бог до - ли мя даў.

5. Што-б(ы) та - бе, сы-нок, Бог до - ли мя даў,

Як ты ма - мац-ку и - з(ы) два - ра пра - гнаў!"

10

♩ = 72-76

1. А́ ты ня-дедь - ку ра-на ла ра-нь-ко́-ку,

О-х(ы),
О-й(и), (и)а што й мать сы-н(ы)-ку, сын-ку, в [я]на пра-кли-на - ла

2. Ой, што й(и) мать сы-н(ы)-ку, сы-на пра-кли-на - ла,

О-х(ы),
О-й(и), што и пра - кляу - шы я - го, да-лоу з два-ра гва - ла

3. Што й пра-кляу - шы я - го, да-лоу з два-ра гва - ла.

„О-х(ы), што й к - ак, сы-н(ы)-ку, и - ак да-лоу з два - ра

4. Што к - ак ж(ы), сы-н(ы)-ку, к - ак да-лоу з два - ра,

О-х(ы), не-ваз - лю - бле-на-я тва-я же-на ў до - ме.

3. Не-ваз - лю - бле-на-я тва-я же-на ў до - ме,

О-х(ы), не-па - слуш - ны - я тва-е дробны де-т(ы)-кы¹⁴

11

$\text{♩} = 168-172$

1. Я - к(ф) бы - ла у Ган - ну - си ки мать - ма - чы - хя,
Па - сла - ва Ган - ну - сю и ту - ды - сю - ды.

2. И ту - ды - сю - ды, с(ф) паў - лоч ва - ды,
Як па - [й]шла Ган - ну - ся ни зк - ра - ю - чы.

3. И зк - ра - ю - чы, ни - г(ф)ле - да - ю - чы,
Ду - ма - ла Ган - ну - ся, што ля - сы шу - мяць.

4. А - ж(ф) за Ган - ну - сей три ваў - ки бе - гать,
А ўзя - ли Ган - ну - сю да й пад па - шач - ки.

5. Па - вя - ли Ган - ну - сю у ба - ло - ти - ша,
И ў ба - ло - ти - ша, на ма - ло - ди - ша.

124-128 12

1. Ма_ру - сень_ка ж(ы) по бе - реж - ку хо - дя.

Ой, за ё - ю ве - тер хви - лю го[ня]. (А - у)

2. Ой, за ё - ю ж(ы) ве - те - р(ы) хви - лю го - ня,

Ма - ру - сень_ка на хви - лю сту - пи[ля]. (А - у)

3. Ма - ру - сень_ка ж(ы) на хви - лю сту - пи - ля,

Ня_во - ля_ю мать сы - на жа - ни[ля]. (А - у)

4. Ня_во - ля_ю ж(ы) мать сы - на жа - ни - ля,

При лю - дях - как ня - вест - ку су - дх[ша]. (А - у)

в. При лю - дях - ка - ж(ы) ня - вест - ку - су - дх - лш:

„Сан - лш - ва - я, дрям - лш - ва ня - ве[стка]. (А - у)

13

♩ = 80

1. Як вый - ду я й за ва - ро - ты, зир - ну - г(ы) -

- ля - ку ў бе - лый - свет. 2. У бе - лый свет... Зир - ну - г(ы) -

- ля - ку ў бе - лый свет(ы) жа, ай, за м(ы) - но - ю смер - ти -

нет. 3. Смер - ти нет... Вох ты, с(ы) - мерть ма - я страш -

- на - я, ни бя - ры ж(ы) ме - ке, ма - лай - па. 4. Ма - лай -

- па й(ы)... Ни бя - ры ж(ы) ме - пе, ма - ла -

- до - га, да й вазь - ми ма - ю жа - ку.

14

$\text{♩} = 120$

1. Вы - со - ка соу - льяй - ка у - схо - дя, ой, мк - зе - к(к) - ка за -

- хо [дя].

2. Лк - зель - ка за - хо - дя... Ай, ма -

- ло - дльй жа - на - тый ка - за - ча да да де - вач - ки

хо [дя].

3. Да де - вач - ки хо - дя... „ Ни ха -

- ди - ка ма - ла - ды ка - за - ча, ай, у - жо ж ты жа -

- на [тый].

4. У - жо ж ты жа - на - тый... Ка - г(ы) - да

хо - чьш да ме - не ха - ди - ти, ой, у - бий сва - ю жок(жу).

15

$\text{♩} = 176-180$

1. Як па - е - хаў мо - й(к) ми - лы ў да - ро - гу,

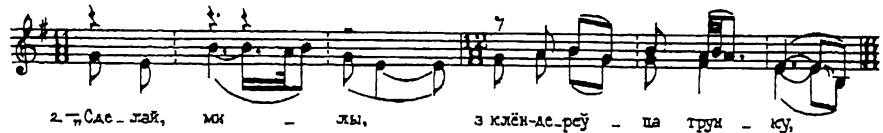
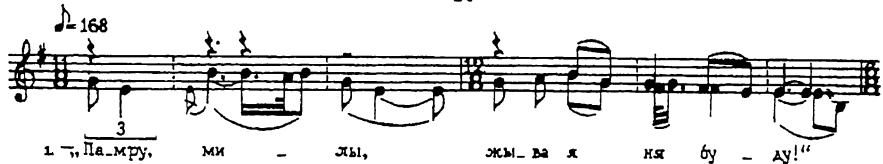
Кк - нуў, бро - сцў жа - ну ке - зда - ро - ву.

в. Не - зда - ро - ву...

Прк - еж - жа - я ми - ле - к(к) - кий зда - ро - ги,

16

3. Па - лож, ми - лы, ўзя - лё - нам са - доч - - ку,
Па - соль, ми - лы, ўго - ла - вы ка - ли - лу“

17

$\text{♩} = 88-92$

1. Ни быть мог-не за ма - ё - ра - м(ы), за пал - коу - нич - кам,
А быть жа ми - не за во - рам, за раз - бой - нич - кам.

2. И зве - ча - ра раз - бой - нич - ки у раз - бой зби - ра - лись,
А споу - на - чы раз - бой - нич - ки у раз - бой па - [й]шли.

3. И споу - ла - чы раз - бой - нич - ки у раз - бой па - [й]шли,
К бе - ла - му све - ту раз - бой - нич - ки из раз - бо - я и - дуть.

4. Из раз - бо - я и - дуть, се - мя - ра ко - ней вля - дуть,
И сту - чать, и грю - чать в шы - то - вы - я ва - ра - та.

5. „Вста - вай, жа - на ма - ла - да, ни ўзы - вай жы - ва - та,
Ни ўзы - вай жы - ва - та, бя - ры платъ - ть ска - ня.

о. Ты ж иж - сик с - та илатьж на ру - чай ма ра - ку
Ни ра - з(ы)гж - да - ю - чы, ни раз - гар - та - ю - чы."

♩ = 60 18

1. Асў - ка шы - ла - вы - шы - ве - ле, са - ма са - бе раз - ве - жа - ла.
..Што не бы - ти мне за ла - нам, за пал - коў - лж - кам.

2. Толь - ка бы - ти м(ы) не за зо - ра м(ы), за раз - бой - нич - ка - м(ы),
я - м(ы) жж т(ы),
За раз - бо - ям доб - ра жыть, мёд - га - рэ - лж - ку пить."

3. За раз - бо - я м(ы) доб - ра жыть, мёд - га - рэ - лж - ку пить,'"

И з в с - ча - ра раз - бой - нич - ки мѣд - та - ро - лач - ку пьють.

19

Жа - ни - ла ма - ти сын - ку дай не па ня -
во - ли, ай, ѿ - зи - ла ня - вест - ку дай не па лю -
бо [ви]. 2. ѿ - зи - ла ня - вест - ку дай не па лю -
бо - ви, ай вы - пра - ви - ла сын - ку ѿ - вя - ли - ку да - ро [гу]

20

1. ѿ - мя - не, ѿ ма - ла - де, ли - ха свя - кро - ва,
Па - сы - ла - ст мла - ду ѿ по - ля жать ад - ку.
2. А я жжу, я жжу дѣнь да во - чы - ра,
Пры - йаду ѿ дво - рѣч - ку я - за да - с - яч - ку.
3. А во - сем ка - роу па - да - и - ла я,
Пад а - вя - та - ю толь - ка па - ды - йшла.

4. Як у - зу - ма - ла пра ли - тя - тач - ку,
Як у зу - ма - ю пра ма - дель - ка - га.

21

1. Ой, кра - пи - вач - ка й(и), ты стры - ку - ча - я,
Ой, свя - кро - вач - ка, зме - я лю - та - я.

2. Ой, свя - кро - вач - ка, зме - я лю - та - я й(и),
Па - сы - ла - ла й(и) ма - ла - ду ў по - ля жать а - лу.

3. Па - сы - ла - ла й(и) ма - ла - ду ў по - ля жать а - лу,

Ой, [а] на жа - ла ж(и) дель, дель да ве - ча - ра.

4. А [а] на жа - ла й(и) дель, дель да ве - ча - ра,

Ой, у ве - ча - ры сн - пы зно - си - ли.

5. Сн - пы зно - си - лев, о й(и), пры - та - ми - ла - ся,

Пры - [р]шла [у] аво - рач - ку, о й(и), па - хва - лям - ла - ся.

6. Пры-[я]шла [у]дво - рач - ку, ой, па - хва - ли - ла - ся,
 што я в(ы) по - ле дх - тя, о й(ю), па - за - бы - ла - ся.

22

♩ = 100-104

1. Па - сы - ла - ла ме - ке мать ай, у по - ля жы - та жать,
 Ой, я жа - ла, жа - ла, сна - пы зло - си - ла.

2. Ой, я жа - ла, жа - ла, сна - пы зло - си - ла,
 Са - ма [у]двор - ку па - [й]шла, ам - тя бро - си - ла.

3. Са - ма [у]двор - ку па - [й]шла, ам - тя бро - си - ла,
 Па - дя - че - ры - ла, да х спа - т(к) ле - г(ы) - ла.

23

$\text{♩} = 72-76$

1. Як бы - ла ўмя - не сля - кроў лю - та - я,
Як па - сла - ла й(и) - на ўпо - ля жы - та жать.

2. Як па - сла - ла й(и) - на ўпо - ля жы - та жать,
А я ни жа - ла да ўсё ле - жа - ла.

3. Ни жа - ла (й) да ўсё ле - жа - ла,
А пра - ску - лась я - (й)а ўжо ни ра - на.

4. Пра - ску - лась я - (й)а ўжо ни ра - на,
Як ста - ла я жать, ста - ла пи - л(ы)на - вать.

5. Ста - ла я жать, ста - ла пи - л(ы)на - вать,
На - жа - ла сем коп, сем коп, ча - ты - ры.

24

♩ = 84-88

1. Ал - да - лаж-то ма - я ма - меч - ка ж(ы)
 ъ ту - ю сям' - ю й у вя - ли - ка ю.

2. Ёту - ю сям' - ю у дя - ли - ка ю,
 А ъ их у - сё ни па - ла - ша му.

3. А ъ их у - сё ки па - ла - ша - му,
 А сме - дь - ня пе - рад а - бе дам.

4. Ай, сме - дь - ня пе - рад а - бе - ла - мы,
 Ай, а - бед жа пе - рад по - лу(ы) - ням.

5. Ай, а - бед жа пе - рад по - лу - д(ы) - ням,
 Ай, дя - чэ - ра пе - рад пе - в(ы) - кя - мы.

184-188

1. Ой, ва - да - да мяне мать у вя - ли - каю ўсям'ю,
 У вя - ли - ка - ю ўсям'ю, без - у - ря - д(ы)ли - ва - ю.

2. У вя - ли - ка - ю ўсям'ю без - у - ря - д(ы)ли - ва - ю,
 Са - мы ся - ду - т(ы) вячэ - рять, а мне лож - ки жи - ма.

3. Са - м(ы)ся - ду - т(ы) вячэ - рять, а мне лож - ки жи - ма,
 Ой, мя - ле, ма - ла - лу, па - сы - ла - юць па ва - лу.

4. Ой, мя - ле, ма - ла - лу, па - сы - ла - юць па ва - лу,
 Па ва - ли - цу я йду, як га - лу - бач - ка гу - лу.

5. Па ва - ли - цу я йду, як га - лу - бач - ка гу - лу,
 Пры - ха - жу я к каю - ли - зю, у - мы - ва - ю - ся.

♩-112 26

1. Ах, ты го-лу-бок-га-лу-бок, ля-ти ўма-ю ста-ра-му,
Ой, ля-ти ўма-ю ста-ра-му.

2. Ля-ти ўма-ю ста-ра-му, на-ка-жы ро-ду май-му,
Ой, на-ка-жы ро-ду май-му.

3. На-ка-жы ро-ду май-му, што я ту-та га-рю-ю,
Ой, што я ту-та га-рю-ю. (у)

4. Што я ту-та га-рю-ю, я тут жы-тк ня бу-ду,
Ой, я тут жы-тк ня бу-ду.

27

♩-84

1. Ни бы_ла я у_ма - ма_ч - ки а ча - ты - ры ж(ы) га -

-ды ж(ы), эй, да на_ша - ты га - до - чык я

- или

а пташ_ка_й(ы) па - ля - чу. 2. [На]пя_ты га -

- ка и

- до - чык я а пташ_ка_й(ы) па - ля - чу ж(ы), эй,

да_к ся - лу я ў са - дк - ку, а ў_зя_лэ - нам да са -

- лу. 3. Я_к ся - лу я ў са - дк - ку,

- нам

а ў_зя_лэ - на_м(ы) а ў са - лу ж(ы), эй, ой, у_зя_лэ - на_м(ы)

са - дк - ку, ай, пад х гру - ша - ю.

28

♩-100

1. А все лю-ди дво - ру йдут... А все лю-ди дво - ру йдут,
Я, млада, ня ду - ма - ю.

2. Я, млада, ня ду - ма - ю... Я, млада ня ду - ма - ю
Ква я - му ня лю - бы - му.

3. Ски-ну-ся я, мо - ла - да... Ски-ну-ся я, мо - ла - да,
Се - ры-ю зя - зю - ле - ю.

4. Па-ля-чу я, мо - ла - да... Па-ля-чу я, мо - ла - да,
Ква е - му ня лю - бы - му.

5. Па-гля-жу я, мо - ла - да... Па-гля-жу я, мо - ла - да,
Што ня-лю быт де - лы - кта.

29

♩-80

1. За - ду - ма - ла ма - ма - ча сы - на жа - ки - ти,

Ой, аа - да - ла, род - на - я, па - рю слу - жи - ти.

3

2. Ой, на - пос - лок ма - ма - ча раз - ду - ма - ла - ся.

„Вяр - нись, мой сы - но - чы - к(ы), па - пра - ща - юм - ся!“

30

♩-104-108

1. Чу - ла, чу - ла ма - я до - ля,

А йна чу - ла, не ска - за - ла й(к),

ля быть мо - лай - пу й у до(ме). (У)

2. йя быть мо - лай - пу й у до - ме,

А быть мо - лай - пу у ня - во - ли,

Быть ма - лой - цу у ня - во[ли]. (У)

3
-рвй

3
3

3. Доб - ра - га мо - лай - па й у - зя - ли...

Доб - ра мо - лая - шай у - зя - ли,
 Ма - за - да - ру - чач - ки зья - за [ли]. (У)

4. Са - ми се - ли да - й за - пе - ли...

А - ли се - ли да - й за - пе - ли,
 Доб - рый мо - ла - дцы за - пла [каю]. (У)

$\text{♩} = 80$ 31

1. А го - ман, го - мак на бу - ли - шы,
 Го - ман, го - ман на шы - ро - кая.

2. И га - во - рю - ть, и га - мо - ню - ть,
 И га - во - рю - ть, и га - мо - ню - ть.

3. И ва - нюш - ку друж - ка ло - вю - ть.
 И ва - нюш - ку друж - ка ло - вю - ть.

4. У - ла - вх - ли, па - са - лх - ли,
 И у - ла - вы - ли, па - са - лх - ли.

5. И ўва - зо - чык, ай, у са - мень -
- кий за - до - чык, и ўва - зо - чык.

6. Са - ми се - ли, за - гре - ме - ли,
Са - ми се - ли, за - гре - ме - ли.

7. Гром-ки пе - сен - ки за - пе - ли,
Гром-ки пе - сен - ки за - пе - ли.

32

$\text{♩} = 80-88$

Эй, че - ряз реч - ку, че - ряз
быст - ру... О - й(и), чы - ряз реч - ку, чы - ряз
быст - ру мост ка - ли - нач - ка ля - жить. 2. Ой, як па
тый жа мас - та - вил - ки... О - й(и), як па
тый жа мас - та - вил - ки друг мой мх - лень - кий и -
- шол. 3. Ой, мас - та - ви - ныч - ка [а]бла -

- ми - лась... О - й(и), ма - ста - ви - ныч - ка [а]бла -

- ми - лась, друг мой ми - лый па - та - кул.

33

1. Ни а - го - ко(и) га - рыть, ни ва - да ки - пить,

Ой, ки - пить, ки - пить се - ра - па умо - лад - ша.

2. Ой, ки - пить, ки - пить се - ра - па ўмо - лад - ша й(и),

Ни па [а]тиу ки - пить, ни па ма - те - ри.

3. Ни па ат - цу ки - пить, ни па ма - те - ри,

Ой, ки - пить се - ра - па ла крас - ка - й(и) леу - цы.
- май

4. Ох, ки - шть серд - па па крас - на - й(и) деу - ки,
- ний
Крас - ну де - вач - ку ха - ра - кить ля - суть.

34

$\text{♩} = 80$

1. Рас - цве - та - ли си - ня мо - ря ра - (ы) ны ми цве - та - ми,
Эй, ой цве - та - ми.

2. Раз - ны ми цве - та - ми, (й)а всё ка - раб - ля - ми,
Эй, ка - раб - ля - ми.

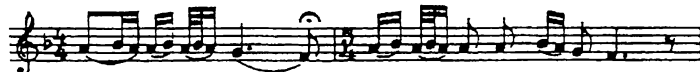
3. Што й у тых жа (й)е ўка - раб - лях ме - т(ы) ро - сы гу - ля - ли,
Эй, ой гу - ля - ли.

4. А - ни жи са - бе крас - ну деу - ку ўка - раб па - ма - ў - ля - ли,
Эй, па - ма - ў - ля - ли.

5. - , Ха - ли, ха - ли, крас - на деу - ка, к нам ўка - рабля гу - ля - ти,

35

36

$\text{♩} = 100$

1. Па - д(ы)-жаў - ся бунт меж-ды на - ро - ду, ой,

к з'я - даў Цмок ўдзь па ча-ла-ве - ку.

2. З'я - даў Цмок ўдзь па ча-ла-ве - ку,

(ой,)

ой, пры-яшла ча - р(ы)-га да са - мо - га пв-ря.

пры -

37

$\text{♩} = 168-172$

1. Ах, у ня - деть - ку ла - ра - мель - ку.

2. Эх, ла - ра - нень - ку...

Са - би - ра - ла - ся гра - ма - дач - ка.

3. Гра - ма - дач - ка...

Ўсе сал - дач - ка - га ла - ра - дач - ка.

4. Па - ра - дач - ка...

„У ка - го сы - ноч - жи - ў вайс - ку шли - тя!

5. Ў вайс - ку шли - тя...

А хто ни ма - я - ни - хай на - йма - я!”

38

♩ 144-148

1. Да бу - ла ўмат - ки да й ад - на дач - ка.

Ви са - ды ма - с, ви зе - лё - ны [с].

2. Да й ад - на дач - ка, а - ли - ни чач - ка,

Ви са - ды ма - с, ви зе - лё - ны [с].

3. Да й прышло к ёй да тро - е свя - тов,

Вх са - ды ма - с, вх зе - лё - ны[e].

Пер - ви - е свя - ты да мас - жоуь - ки - с,

Вх са - ды ма - с, вх зе - лё - ны[e].

39

♩ - 180

1. Да бу - ля ўмат - ки дай ва - на дач - ка,

Гром - кым го - ля - сам зям - ля сто - лить.

2. Дай ва - на дач - ка да с - ак - ни - чень...

Громким го - ла - сам зям - ля сто - нить.

ка, ... юм - ня.

3. Да пры - яшло и х ёй аж тро - и с(ы) - ва - тоў,

Громким го - ла - сам зям - ля сто - нить.

4. За пе - р(ы)в(ы)е мат - ка хе ад - да - ля,

Громким м(ы) го - ла - сам зям - ля сто - нить.

40

1. Як бу - ла ў мят - лях да й ва - на дач - ка,

Гром - ка - го - лас - на зем - ля стог - ня.

2. Дай ва - на дач - ка, а - ли - ки - чыць - ка,

Гром - ка - го - лас - на зем - ля стог - ня.

3. Сва - та - ло е - е а - тро - е сва - тоў,

Гром - ка - го - лас - на зем - ля стог - ня.

$\text{♩} = 168-172$ 41

1. Да ля - ги, стра - ла, ва кру - гом се - ла,

Вх са - ды ма - е, вх зе - ле - ны[с].

2. Не уби - й, стра - ла, яс - на со - [ка - ла],

Вх са - ды ма - е, вх зе - лё - ны[с].

3. А у - бий, стра - ла, та - го мо - лья - ца,

Вх са - ды ма - е, вх зе - лё - ны[с].

1 Па - том мо - лодцу ле - ка - му пла - хать,

Ви са - ды ма - е, ви зе - ле - ны[с].

42

1 Ой, пу - шу стрэ - лу у ка - нец се - ла,

Ви са - ды ма - е, ви зе - лё - ны[с].

2 Ой, ле - ти, стра - ла, у ка - нец се - ла,

$\text{♩} = 160$

Вх са - ды ма - е, вх зс - лѣ - ны [с].

$\text{♩} = 120$

а дай не убий, стра-ла, лоб-ра мо - ла-ла,

$\text{♩} = 180$

Вх са - ды ма - е, вх зс - лѣ - ны [с].

$\text{♩} = 120$

а. А у - бий, стра-ла, яс-ка со - ка-ла,

$\text{♩} = 180$

Вх са - ды ма - е, вх зс - лѣ - ны [с].

43

$\text{♩} = 88$

1. Як пу - шу стра - лу дай па ўсём ся - лу,

Ох и вой лё - ли, дай па ўсём ся - лу.

$\text{♩} = 88$

2. Да ты ж(и) ля - тки, стра - ла, дай у доль се - ла.

Ох и вой лё - ли, дай у доль се - ла.

3. Дай у доль се - ла й у - до(л)к) ву - ли - цы,

Ох и вой лё - лк, й у - доль ву - ли - цы.

46

№ 88-92

1. Штой у по - лх, ўпо - лх тры ду - бы ста - я - ла,
 лё - лх - лё - лх - лё - лх, тры ду - бы ста - я - ла.

2. Пад ты - мх ду - ба - мх тры пал - кх сал - да - таў,
 лё - лх - лё - лх - лё - лх, тры пал - кх сал - да - таў.

3. Тры пал - кх сал - да - таў, ма - ла - дх ра - бя - таў,
 лё - лх - лё - лх - лё - лх, ма - ла - дх ра - бя - таў.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

Экспедиционные материалы расшифрованы с фонограмм Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой. Фонетические отличия местных говоров передаются средствами русской орфографии с учетом особенностей русского и белорусского литературных языков. Для обозначения диалектов русско-белорусско-украинского пограничья «у» неслогового дополнительно введена буква «ў». «Г» везде означает «г» фрикативное. Восстанавливаемые части слов заключены в квадратные скобки. Круглыми скобками в текстах отмечаются огласовки согласных.

Все записи хранятся в Фонотеке Института русской литературы. Индекс и номер фонограммы означает следующее: буквенное обозначение (МФ) — вид хранения (магнитофонный фонд), четырехзначное число — номер пленки, двузначное число (через дефис) — порядковый номер записи на пленке. В том случае, когда материалы еще не получили постоянного фондового номера, приводится ссылка на экспедиционный реестр (ЭР) с указанием области, в которой работала экспедиция (Бр. — Брянская, Гом. — Гомельская, Мг. — Могилевская, Ч. — Черниговская), года (четырёхзначное число), номера пленки (первое двузначное число, порядкового номера записи на пленке (второе двузначное число через дефис)).

Полные сведения об исполнителе приводятся при первом упоминании о нем.

1. ЭР Гом.-1990, 47-06. Исп. Пелагея Егоровна Кондратова, 1912 г. рожд. Зап. в д. Юрковичи Ветковского р-на Гомельской обл. 25 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.

Белорусская обработка сюжета «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики». Одна из отличительных особенностей текста: в трагедии кровосмешения обвиняется не только мать, но и попы, венчавшие брата с сестрой, и сваты. Библиогр. вар. см.: РФ-27, коммент. 5. Доп.: Баллады, с. 24—37.

2. ЭР Бр.-1989, 20-06, 21-01. Исп.: Анастасия Евграфовна Борисенко, 1915 г. рожд., Мария Сидоровна Литвякова, 1927 г. рожд. Зап. в д. Красная Слобода Суражского р-на Брянской обл. 19 июня 1989 г. Ю. И. Марченко и А. М. Келаревым.

Иная версия сюжета «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики» (ср. с № 1), где за одного из сыновей выходит замуж сама вдова, за другого отдает свою дочь. Художественно выразителен зачин баллады.

- Ю. И. Смирновым сюжет трактуется как самостоятельный в отличие от контаминированного «Вдова и сыновья-корабельщики» + «Брат женился на сестре». См.: Указатель, 21.
3. ЭР Бр.-1990, 05-02. Исп.: Галина Герасимовна Нетбай, 1909 г. рожд., Александра Ивановна Язвенко, 1912 г. рожд. Зап. в д. Луговец Мглинского р-на Брянской обл. 5 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.
Сокращенный вариант баллады, лишенный трагической развязки (ср. с № 1). Интересен зачин о «навине», как бы привязывающий повествование о случившемся к истории конкретного села.
4. ЭР Бр.-1990, 13-02. Исп.: Татьяна Ефимовна Бугаева, 1908 г. рожд., Матруна Олимпиаевна Хмелева, 1913 г. рожд., Нина Александровна Бугаева, 1932 г. рожд. Зап. в д. Попелевка Мглинского р-на Брянской обл. 10 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.
Вторая часть баллады, где повествуется о легендарном происхождении цветка «иван-да-марья», оказывается «кочующей» (ср. сюжет «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики», в частности № 1 настоящей публикации). Ю. И. Смирнов трактует сюжет «Брат женился на сестре» как самостоятельный, а легендарную концовку считает сугубо полесским явлением по своему происхождению (см.: ЭП-4, примеч. к № 31, с. 280). Тем не менее публикуемая баллада вряд ли представляет собой контаминацию. Ее первая часть не получает развития в каких-либо вариантах и не фиксировалась в виде отдельного сюжета. Вар. см.: Русские народные песни Смоленской области / Сост., расшифр. и коммент. Ф. А. Рубцова. Л., 1991. № 31 (с. 34—35) и комментариев к нему (с. 114—116).
5. ЭР Бр.-1988, 14-07. Исп. Мария Григорьевна Привалова, 1906 г. рожд. Зап. в д. Летяхи Краснорского р-на Брянской обл. 17 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Очень широко распространена в районах ГБЧ. Текст близок опубликованному ранее (см.: РФ-27, № 7), но содержит иную мотивировку изгнания сыном матери из дома. Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 6.
6. ЭР Бр.-1990, 20-03. Исп.: Григорий Никифорович Марченко, 1926 г. рожд., Аксенья Алексеевна Лахтикова, 1911 г. рожд., Надежда Герасимовна Марченко, 1925 г. рожд. Зап. в д. Калиновский поселок Мглинского р-на Брянской обл. 12 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.
Варьируется содержание трех несчастий, совершающихся как возмездие за деяние сына.
7. ЭР Бр.-1990, 19-04. Исп. Авгинья Ильинична Зайцева, 1910 г. рожд. Зап. в д. Молодьково Мглинского р-на Брянской обл. 12 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.
В балладе отсутствует традиционный зачин. Необычна причина изгнания сыном матери: в ней видят сын виновницу уже происшедших в доме неурядиц. Ср. концовку предыдущего текста, «перенесенную» здесь в начало.
8. ЭР Мг.-1987, 13-10. Исп. Ольга Никитовна Баева, 1918 г. рожд. Зап. в д. Забелышино Хотимского р-на Могилевской обл. 23 июля 1987 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Несколько усеченный вариант. Не содержит полного перечня совершившихся в отсутствие матери бед.
9. ЭР Гом.-1988, 01-06. Исп. Елизавета Егоровна Приходько, 1929 г. рожд. Зап. в пос. Свобода (Навина) Ветковского р-на Гомельской обл. 14 апреля 1988 г. Ю. И. Марченко и В. П. Шиффом.
Вариант наиболее «назидательный» из всех публикуемых. Содержит прямое осуждение и мотив проклятия сына матерью.
10. Эр Бр.-1989, 20-02. Свед. о зап. см. коммент. 2. См.: Баллады, с. 365—367, а также сходные тексты, представленные в наших предыдущих работах (см.: РФ-27, № 8; РФ-28, № 15). Предлагаемый вариант содержит основной конфликт сюжета, но отсутствует концовка, по всей видимости, более позднего происхождения (ср.: РФ-27, № 8).
11. ЭР Бр.-1989, 10-03. Исп. Аксинья Павловна Склима, 1904 г. рожд. Зап. в д. Тугани Красногорского р-на Брянской обл. 14 июня 1989 г. Ю. И. Марченко и А. М. Келаревым.
Довольно редкий сюжет. В балладе активно используются элементы сказочной фантастики, сказочные мотивы, к чему располагает и самый характер конфликта, традиционный для сказки («мачеха—падчерица»). Вар.: Радченко, № 189, с. 213; Гринченко, № 737, с. 413; РФ-27, № 12. Доп.: Баллады, с. 410—411.
12. ЭР Бр.-1990, 27-02. Исп.: Зоя Тимофеевна Малашенко, 1918 г. рожд., Ульяна Васильевна Малашенко, 1925 г. рожд., Прасковья Вавиловна Горохова, 1926 г. рожд. Зап. в д. Высокое Мглинского р-на Брянской обл. 14 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской.
По характеру разработки сюжета текст согласуется с вариантами, включенными в предыдущие публикации (см.: РФ-27, № 4; РФ-28, № 1 и комментарии к ним), но обладает своеобразием художественной детализации. Наиболее распространенной в юго-западных областях является другая версия, где роковую роль играет ненависть свекровки к невестке и ее безграничная власть над своим сыном. Библ. вар. см.: Баллады-2, № 946—970, с. 707—710.
13. МФ 2766-09. Исп. Софья Михайловна Пушеченко, 1902 г. рожд., родом из д. Неговка Буда-Косшелевского р-на Гомельской обл. Зап. в д. Ленино (Поповка) Добрушского р-на Гомельской обл. 25 июня 1983 г. Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой.
Судя по малому количеству публикаций, редкий сюжет. Будучи явно поздним по происхождению, текст содержит тем не менее отголоски архаических представлений: убийство жены мужем совершается посредством заклятия, деяния словом (обращение-просьба к смерти). Вар.: Радченко, № 3, с. 124—125; РФ-28, № 9.
14. ЭР Бр.-1990, 30-01. Исп. З. Т. Малашенко. Зап. в д. Высокое Мглинского р-на Брянской обл. 14 июля 1990 г. Ю. И. Марченко.

- Отсутствует типичный для аналогичных текстов мотив муж приходит домой, начинает точить ножи, и жена таким образом догадывается о его злом умысле. В данном варианте все выглядит более прозаичным, лишенным нарочито эффективного, «картинного» приема. Библ. вар. см. Баллады-2, № 971—981, с 710—712
- 15 ЭР Гом -1990, 48-02 Свед. о зап. см. коммент 1
Близкий вариант содержится в одной из предшествующих наших публикаций (см. РФ-27, № 10). Здесь появляется новый мотив косвенной вины мужа: он бросил жену больную, а не здоровую. Вар. см. Радченко, № 70, с 186
- 16 ЭР Мг -1988, 19-03 Исп. Любовь Никитична Подолякина, 1924 г. рожд., Любовь Никифоровна Архипцева, 1935 г. рожд. Зап. в д. Яновка Краснопольского р-на Могилевской обл. 24 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой
Настоящий текст предельно сжат, динамичен. Традиционный зачин отсутствует (ср. с № 15). Текст более соответствует канонам балладного жанра. Конфликт в отношениях между мужем и женой здесь откровенно обнажается и подчеркнут суровой концовкой
- 17 ЭР Гом -1990, 47-03 Свед. о зап. см. коммент 1
Текст относится к первой версии общеславянского сюжета «Муж-разбойник», распространенной в Польше, Белоруссии и в районах центральной Украины (см. об этом Линтур, с 261). В районах ГБЧ обязательным оказывается мотив запрета разворачивать и рассматривать платье убитого, которое разбойник передает жене (ср. Балашов, с 128). Библ. вар. см. РФ-27, коммент 15. Доп. Можейко-2, с 103—105, Баллады, с 445—450
- 18 ЭР Гом -1990, 40-12, 41-01 Исп. Прасковья Дмитриевна Сляпухина, 1905 г. рожд., Прасковья Борисовна Шаповалова, 1913 г. рожд., Екатерина Наумовна Шаповалова, 1924 г. рожд., Наталья Трофимовна Шугалева, 1925 г. рожд., Анастасия Остаповна Шаповалова, 1929 г. рожд. Зап. в д. Сивинка Ветковского р-на Гомельской обл. 21 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской
О сюжете см. коммент 17
- 19 МФ 2774-02 Исп. Анастасия Семеновна Горелова, 1922 г. рожд., Анастасия Яковлевна Волкова, 1923 г. рожд., Вера Григорьевна Савяноква, 1928 г. рожд., Елена Максимовна Корхова, 1937 г. рожд., Нина Петровна Сидролева, 1938 г. рожд., Надежда Борисовна Волкова, 1939 г. рожд. Зап. в д. Перелевка Ветковского р-на Гомельской обл. 29 июня 1983 г. Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой
Разбор полесских вариантов см. Толстой Н. И. Невестка стала в поле тополем («тополей») // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 39—44. Библ. вар. см. РФ-27, коммент 3. Доп. Можейко-2, с 53—55, 86—87, Баллады, с 216—236
- 20 ЭР Мг -1987, 13-08 Исп. О. Н. Баева Свед. о зап. см. коммент 8
По свидетельству исполнительницы, — «летняя песня», в которой нашли поэтическое обобщение реальные (бывшие в прошлом отнюдь не единичными) факты гибели младенцев, оставленных в поле без присмотра во время жатвы и других крестьянских работ. В публикуемых вариантах по-разному осмысливается доля вины невестки и свекрови в происшедшей трагедии (см. № 21—23). Библ. вар. см. Список, 82, Указатель, 3. Доп. РФ-27, № 13. Ср. Можейко-2, с 91—92
- 21 ЭР Бр -1990, 08-01 Исп. Татьяна Александровна Вerezубова, 1937 г. рожд. Зап. в д. Зимодровка Мглинского р-на Брянской обл. 6 июля 1990 г. Ю. И. Марченко и О. В. Недзведской
Трагический исход усилен редкой для этой баллады концовкой: молодая мать просит волков разорвать и ее. Сюжет в большей степени «повернут» в сторону раскрытия горькой участи замужней молодой женщины в чужом доме. См. также коммент 20
- 22 ЭР Бр -1990, 15-01 Исп. Т. Е. Бугаева Свед. о зап. см. коммент 4
О сюжете см. коммент 20
- 23 ЭР Бр -1990, 27-04, 28-01 Исп. З. Т. Малащенко Свед. о зап. см. коммент 12
О сюжете см. коммент 20
- 24 МФ 2754-05 Исп. Арина Степановна Буракова, 1914 г. рожд. Зап. в с. Столбун Ветковского р-на Гомельской обл. 16 июня 1983 г. Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой и А. В. Осиповым
Яркий образец белорусской семейно-бытовой лирики, восходящий к традиции песни-жалобы
- 25 ЭР Бр -1990, 30-02 Исп. П. В. Горохова Свед. о зап. см. коммент 12
В отличие от баллады «Муж губит жену по научению матери» (см. № 12), песня завершается благополучной концовкой. Поэтические аналогии с текстами лирических песен (ср. с № 24) указывают на разрушение канона эпического жанра. Вар. см. Красноярские песни, № 114
- 26 ЭР Бр -1990, 07-08 Свед. о зап. см. коммент 3
В целом сюжет развивается в русле семейно-бытовой лирики. Но концовка носит явно балладный характер
- 27 МФ 2732-01 Исп. Аксинья Лаврентьевна Фяськова, 1922 г. рожд., Мария Лаврентьевна Зуева, 1927 г. рожд., Мария Даниловна Таранова, 1924 г. рожд., Федора Федосовна Халюкова, 1910 г. рожд., Зоя Даниловна Буракова, 1939 г. рожд., Мария Павловна Морозова, 1935 г. рожд. Зап. в с. Столбун Ветковского р-на Гомельской обл. 18 августа 1982 г. Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой
Исполнение песни приурочено к летним полевым работам. Чрезвычайно популярный в Полесье и в районах ГБЧ сюжет. Интересен с точки зрения постановки вопроса о взаимодействии эпоса и обряда. Некоторые ученые считают, что древнейшей формой сюжета была свадебная песня (Колесса), оторвав-

- шаяся затем от обряда и обогатившаяся элементами баллады (Линтур). Другие придерживаются противоположной точки зрения (Земцовский). Подробно о сюжете см.: *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 102—108. Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 27. Доп.: Можейко-2, с. 78—81.
28. ЭР Мг.-1987, 14-13. Исп.: Софья Григорьевна Романенко, 1918 г. рожд., Мария Филипповна Анищенко, 1927 г. рожд. Зап. в д. Тростино Хотимского р-на Могилевской обл. 24 июля 1987 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Песня, приуроченная к периоду летних полевых работ с центральным (получившим здесь своеобразное преломление) мотивом превращения женщины в кукушку. Среди публикаций аналогий не выявлено.
29. ЭР Бр.-1988, 15-09. Исп. Наталья Васильевна Главинская, 1912 г. рожд. Зап. в д. Летяхи Красногорского р-на Брянской обл. 17 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Редкий случай приспособления сюжета «Дочка-пташечка» к рекрутской тематике (см. № 27 настоящей публикации и коммент. к нему). Среди опубликованных материалов прямых аналогий обнаружить не удалось.
30. ЭР Бр.-1988, 17-07. Исп.: Татьяна Михайловна Рубан, 1913 г. рожд., Александрия Антоновна Рубан, 1923 г. рожд. Зап. в д. Николаевка Красногорского р-на Брянской обл. 18 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Текст восходит к рекрутским песням о насильственном пострижении в солдаты. Ср.: РФ-28, № 7 и коммент. к нему.
31. ЭР Мг.-1988, 19-11. Свед. о зап. см. коммент. 16.
О сюжете см. коммент. 30.
32. ЭР Мг.-1987, 13-07. Исп.: О. Н. Баева, Анна Степановна Шауридина, 1924 г. рожд. Свед. о зап. см. коммент. 8.
Текст, близкий публиковавшемуся ранее (см.: РФ-28, № 20), но вместо обращения девушки к рыбакам с просьбой выловить милого из реки появляется новый мотив: девушка сама пытается вычерпать речку ведрами. Библ. вар. см.: РФ-28, коммент. 20.
33. ЭР Бр.-1990, 21-02. Исп.: Г. Н. Марченко, Н. Г. Марченко. Свед. о зап. см. коммент. 6.
Текст, по всей видимости, представляет собой оторвавшийся фрагмент, который со временем получил композиционную и смысловую завершенность песни с развернутым повествовательным сюжетом. Вар. см.: Чулков, № 177, с. 213—214. Ср. также сюжет «Муж хоронит жену и разговаривает с ней на могиле» (№ 15—16 наст. публикации).
34. ЭР Мг.-1988, 18-05. Исп. Матрена Ивановна Игнатенко, 1907 г. рожд., родом из Березняковского с/с Краснопольского р-на Могилевской обл. Зап. в д. Выдренка Краснопольского р-на Могилевской обл. 23 июля 1983 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
Ю. И. Смирнов рассматривает три версии сюжета баллады «Матросы увозят девушку на корабле» (см.: Указатель, 106). Все три зафиксированы в районах ГБЧ. Публикуемый текст представляет третью версию, где драматическая развязка не приводит к трагическому финалу: отсутствует заключительный эпизод гибели девушки (ср.: РФ-27, № 16, РФ-28, № 17). Библ. вар. см.: РФ-27, коммент. 16.
35. ЭР Гом.-1990, 49-02. Свед. о зап. см. коммент. 1.
Эпический духовный стих — как правило, включаемый в сборники в качестве баллады с христианской легендарной тематикой. В районах русско-белорусско-украинского пограничья исполнители определяют его как «псалму», связывая с традицией внеобрядового религиозного пения. В тексте улавливаются элементы сказочной фантастики — в описании Змея, в посулах царя герою, освободившему дочь, отдать ее в жены с половиной царства в приданое. Полесские вар. см.: ЭП-2, № 63, с. 255—256; ЭП-3, № 5, с. 187; Климчук, № 7, с. 221—222.
36. МФ 2692-01. Исп.: Авдотья Васильевна Гузанова, 1907 г. рожд., Матрена Кондратьевна Фяськова, 1913 г. рожд., Алена Кондратьевна Фяськова, 1915 г. рожд. Зап. в пос. Залядье Ветковского р-на Гомельской обл. 3 марта 1982 г. Ю. И. Марченко.
Текст близок предыдущему, но с иным зачином и несколько усеченным окончанием. Поэтому смысл укрощения Змея Егорием — укрепление веры в Господа среди извервившихся — выражен в нем с меньшей определенностью (ср. с № 35). Библ. полесских вар. см.: коммент. 35.
37. ЭР Гом.-1990, 50-04. Свед. о зап. см. коммент. 1.
Весенняя загуляльная песня с развитым эпическим сюжетом. В полном соответствии с канонами балладного жанра беда, происходящая из-за нарушения материнского запрета, оказывается непоправимой. Включение мотива перехода через реку, отсутствующего во многих близких вариантах (см. например: ЭП-2, № 10—11, с. 234—235), характер заключительного развернутого параллелизма подчеркивают эффект отчуждения, невозможность возврата плененной девушки в родной дом. Библ. вар. см.: Указатель, 139, 140. Доп.: РФ-27, коммент. 31; Можейко-1, с. 26, 37.
38. ЭР Ч.-1988, 26-17. Исп.: Матрена Порфирьевна Кисель, 1915 г. рожд., Ефросинья Ивановна Кисель, 1916 г. рожд., Мария Ивановна Протченко, 1915 г. рожд. Зап. в д. Автуничи Городнянского р-на Черниговской обл. 1 августа 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой.
«Грязная» песня, связанная с заключительным этапом троицко-семицкой обрядности — на русальной неделе. Довольно редкий сюжет. Произведенные нами записи свидетельствуют о достаточной стабильности текста. Варьируются в основном припевы и конкретные наименования сватов. Суровое содержание песни в заключительной части нередко переходит в причет матери, что согласуется с эмоциональным наполнением полесских «русальных» обрядов (подробнее см.: *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья

- на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88—130). Вар. см.: РФ-27, № 26; РФ-28, № 35. Ср. иную разработку сюжета: Баллады-2, № 629—630, с. 96—98. Доп.: *Савельева Н. М.* Суземские песни. М., 1995. С. 27—30; Баллады, с. 299.
39. ЭР Ч.-1988, 28-11. Исп.: Мария Ивановна Стволова, 1914 г. рожд., Варвара Леоновна Стволова, 1920 г. рожд., Татьяна Филипповна Попович, 1922 г. рожд. Зап. в д. Лемешовка Городнянского р-на Черниговской обл. 2 августа 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой. О сюжете см. коммент. 38.
40. ЭР Ч.-1988, 21-07. Исп.: Мария Гавриловна Осадчая, 1913 г. рожд. Ефросинья Миновна Пинчук, 1914 г. рожд., Екатерина Кондратьевна Верхуша, 1921 г. рожд. Зап. в д. Андреевка Городнянского р-на Черниговской обл. 28 июля 1988 г. Ю. И. Марченко и Н. Н. Поповой. О сюжете см. коммент. 38.
41. ЭР Ч.-1988, 28-15. Свед. о зап. см. коммент. 39. «Грязная» песня. См. коммент. 38. О сюжете см. коммент. 43.
42. ЭР Ч.-1988, 21-03. Свед. о зап. см. коммент. 40. «Грязная» песня. См. коммент. 38. О сюжете см. коммент. 43.
43. ЭР Гом.-1990, 38-08, 39-01. Исп.: П. Д. Сляпухина, П. Б. Шаповалова, Н. Т. Шугалева, А. О. Шаповалова, Прасковья Анатольевна Шаповалова, 1910 г. рожд. Зап. о зап. см. коммент. 18. Календарно-хороводная песня, связанная с обрядом «похорон стрелы». О сюжете и о вар. песни см.: *Гусев В. Е., Марченко Ю. И.* «Стрела» в русско-белорусско-украинском пограничье (к проблеме изучения локальных песенных традиций) // Русский фольклор: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. 24. С. 129—147. Об обряде см.: *Гусев В. Е.* Вождение «стрелы» («сулы») в восточном Полесье // Славянский и балканский фольклор... М., 1986. С. 63—76. Доп. вар. см.: *Марченко Ю. И.* Песенный репертуар обряда «похорон стрелы» // Русский фольклор. Т. 25. С. 159—181; *Правдюк А. А.* Из записей «Стрелы» украинскими фольклористами // Там же. С. 181—187; РФ-28, № 25, 31.
44. ЭР Гом.-1990, 39-02. Свед. о зап. см. коммент. 43. Календарно-хороводная песня, связанная с весенней обрядностью. Исполняется на типовой напев, общий для всех песен, поющих во время обрядового шествия. См. № 43 и коммент. к нему. О сюжете см.: РФ-28, коммент. 34. Ср.: *Можейко-1*, с. 80.
45. ЭР Гом.-1990, 38-06. Свед. о зап. см. коммент. 43. Календарно-хороводная песня. О форме бытования и обстоятельствах исполнения, а также о напеве — см. коммент. 43, 44. О сюжете см.: РФ-27, коммент. 25.
46. ЭР Гом.-1990, 49-09. Исп.: П. Е. Кондратова, Анна Ивановна Нечипаркова, 1919 г. рожд. Свед. о зап. см. коммент. 1. Хороводная песня, связанная с весенней календарной обрядностью. Текст отличается от аналогичных выразительной завершающей параллелью. Библ. вар. см.: *Список*, 55; Баллады-2, № 1043—1053, с. 719—721; ЭП-3, примеч. 27, с. 213; *Можейко-2*, с. 51—53.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Балашов — Народные баллады / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова; общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1962. (Б-ка поэта; Б. сер.).
- Баллады — Баллади: родинно-побутові стосунки / Упорядники О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук (тексти), П. І. Іваницький (мелодії). Київ, 1988.
- Баллады-2 — Беларуская народная творчасць: Баллады ў дзвюх кнігах / Уклад., сістэматызац., уступн. арт. і камент. Л. М. Салавей, уступн. арт., уклад. І сістэматызац. напеваў Т. А. Дубковай. Рэд. тома К. П. Кабашнікаў, В. І. Ялатаў. Мінск, 1978. Кн. 2.
- ГБЧ — Гомельско-брянско-черниговский регион.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Песни. Чернигов, 1899. Вып. 3.
- Климчук — *Климчук Ф. Д.* Песни юго-восточного Загородья // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 217—233.
- Красноярские песни — Русские народные песни Красноярского края / Под ред. С. В. Аксюка. М., 1962. Вып. 2.
- Линтур — Народні балади Закарпаття / Запис та впорядкування текстів, вступна стаття і примітки П. В. Лінтура. Видавництво Львівського університету, 1966.
- Можейко-1 — *Можейко З. Я.* Песни белорусского Полесья. М., 1983. Вып. 1.
- Можейко-2 — *Можейко З. Я.* Песни белорусского Полесья. М., 1984. Вып. 2.
- Радченко — Гомельские народные песни (белорусские и малорусские) / Записаны в Дятловичской волости Гомельского уезда Могилевской губернии З. Ф. Радченко // Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. СПб., 1888. Т. XIII. Вып. 2. С. 205—255.
- РФ-27 — *Марченко Ю. И., Петрова Л. И.* Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205—255.
- РФ-28 — *Марченко Ю. И., Петрова Л. И.* Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 290—348.

- Список — Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974. С. 113—143.
- Указатель — Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988.
- Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Части I, II и III с прибавлением 1770—1773 гг. СПб., 1913.
- ЭП-2 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор: Обряд, текст. М., 1981. С. 224—269.
- ЭП-3 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья по записям 1976 г. // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 179—216.
- ЭП-4 — Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1977 г., ч. 1) // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 243—284.

А. Ю. КАСТРОВ

НАПЕВЫ ПУДОЖСКИХ ПРИЧИТАНИЙ ТИРАДНО-СТРОФИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ

Поэтические тексты причитаний Пудожского края широко известны по публикациям прошлого века, а также по современным изданиям.¹ Напевы пудожской причети были введены в научный оборот сравнительно недавно, число опубликованных образцов незначительно. Более того, в единственном музыкально-антологическом издании пудожская традиция индивидуальной причети оказалась представленной лишь одностиховыми (однострочными) напевными образцами.² При этом наиболее показательные для местной традиции музыкальные формы причети тирадно-строфической (многострочной, многочастной) композиции приводятся в качестве единичных нотных иллюстраций в составе музыковедческих работ.³ Вследствие сложившейся парадоксальной ситуации издание репрезентативных образцов тирадно-строфических напевов причитаний Пудожского края представляется необходимым шагом в процессе изучения локальной традиции причети. Настоящая публикация основывается на материалах, собранных в экспедициях 1984—1986 гг., проводившихся Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на территории Пудожского района Карелии.⁴

Прежде всего охарактеризуем состояние местной причетной традиции на время экспедиционной работы. Возраст основных хранилищ плачевой культуры колеблется (за редкими исключениями) в пределах от 70 до 80 лет. Как правило, все опрошенные исполнительницы в равной степени владеют искусством свадебной и похоронно-поминальной причети.⁵ Однако нельзя не заметить тенденции к забвению свадебных причитаний. Данное явление вызвано причинами исторического порядка: вследствие искусственного разрушения местного свадебного обряда в конце 1920—начале 1930-х гг. Распад в первую очередь затронул музыкально-поэтические формы сольного исполнительства и в меньшей степени коллективные. Хорошей сохранностью отличаются похоронные и поминальные плачи: женщины старшего поколения до сих пор причитают по умершим.⁶ Меньшее число записей собственно похоронных причитаний в сравнении с поминальными обусловлено методическими установками, сложившимися в современной экспедиционной практике. Они направлены на имитацию привычного для информаторов эмоционального состояния в естественных условиях исполнения. В случаях отказа воспроизвести причитания, звучащие на похоронах, собиратели, принимая во внимание преклонный возраст исполнителей, не

¹ Перечислим основные: Рыбников П. Н. Пудожские свадебные заглазки // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866 г. Петрозаводск, 1866; Барсов Е. В. Пудожские свадебные причитания // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 6—7; Шайжин Н. С.: 1) Похоронные обычаи и приплачь в с. Нигижме Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119—124; 2) Свадьба в Нигижме: Обряды, приплачь и песни // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 114—125; Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губ., Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. Пг., 1915. Вып. 1—2; Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; ст. Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940; Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962.

² Песни Карельского края / Сост. и авторвступ. ст. Т. В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977. № 143, 145, 150.

³ Краснопольская Т. В.: 1) Традиционное искусство современного Пудожа // Народная музыка СССР и современность. Л., 1982; 2) О мелодике пудожских причитаний // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. М., 1987. Вып. 91.

⁴ В пяти экспедициях, регулярно проводившихся на территории Пудожского края в его современных границах, участвовали сотрудники Фонограммархива ИРЛИ: музыковед А. Д. Троицкая, инженер-звукозаписи А. В. Осипов и В. П. Шифф, а также автор настоящих строк. Собиратели стремились к сплошному охвату информаторов, владеющих причетной традицией. За время работы выполнено свыше 400 звукозаписей напевных текстов индивидуальной причети и причетных сцен. При отборе образцов для публикации учитывались также материалы пудожских экспедиций Петрозаводского ин-та языка и литературы. Ограниченные объемом публикации, мы лишены возможности привести развернутые образцы причитаний, отдавая предпочтение кратким поэтическим текстам.

⁵ Для обозначения жанра наиболее употребительно среди местного населения имеет термин «причёт» (производные: «отпричёт», «причитывать», «спричитывать» и т. п.), значительно реже — «причитанье». Жанровая дефиниция «плакса» в качестве локальной (см.: Песни Карельского края. С. 254) на территории Пудожского района нами не встречена. По нашим наблюдениям, она более свойственна жителям Заонежья.

⁶ Поэтому мы не можем согласиться с суждением, согласно которому «хранилителями» похоронно-поминальной причети «являются только отдельные мастера» (Краснопольская Т. В. О мелодике пудожских причитаний. С. 127).

смели настаивать, предлагая им восстановить в памяти менее трагические обстоятельства посещения кладбища в поминальные дни.

Овладение искусством причитания пудожанками, сохранившими его до настоящего времени, было аналогично процессу преемственности причетной традиции, имевшему место на всей территории Русского Севера. Готовясь заранее к будущей свадьбе и слушая причитания старших родственниц и подруг, девушки пытались запомнить канонические обороты музыкально-поэтических форм. Кроме того, непосредственно в предсвадебный период невесту обучала либо мать, либо пожилая женщина из родни, умевшая причитать.

В деревнях Нигижемской и Пудожской волостей существовал обычай обязательного приглашения подголосницы на свадьбу. Она повсюду сопровождала невесту и нашептывала ей слова причитаний, которые та, в свою очередь, воспроизводила в интонируемой форме. На остальной территории Пудожского края подголосницу («причитальницу», «плакальницу») звали на свадьбу не часто и, как правило, лишь в очень богатые семьи, чтобы не утруждать невесту заучиванием обширных поэтических текстов. Однако ряд современных исполнительниц, хорошо знающих традицию и хранящих в памяти множество текстов, учились в юности искусству причети у подголосниц — своих родственниц, приготавливаясь к будущей свадьбе. Любопытно, что в силу причин исторического порядка некоторым из них так и не пришлось плакать на своей свадьбе. В городе Пудоже приглашенная подголосница могла не только подсказывать слова, но и непосредственно причитать от лица невесты (последняя ограничивалась рыданиями). Если у горожан не было средств для найма подголосницы, мать девушки плакала от своего и от ее имени. В деревне Корбозеро сохранилось воспоминание о приглашении к невесте, во владении причетным мастерством, двух старух-«плакальниц». Они причитали вдвоем, держа под руки невесту, которая при этом только кланялась.

Несмотря на пристрастный и кропотливый поиск информации об участии подголосниц в похоронном обряде, все опрошенные старожилы отрицали существование на их памяти подобного явления. Согласно их воспоминаниям, на похоронах причитали только родственницы усопших, сходявшиеся из разных деревень после получения известия о случившемся.

Следует отметить, что традицию рекрутской причети участники экспедиций застали полностью разрушенной. Удалось записать единственный образец плача. Подавляющее большинство местных жительниц вообще не помнят обычая причитаний во время проводов рекрутов. Помимо традиционных образов причети собиратели зафиксировали несколько новых текстов, связанных с официальной тематикой. Их создание вплоть до настоящего времени культивируется на почве клубной самодеятельности.⁷

Напевы пудожских сольных плачей органически входят в состав единой музыкальной традиции, распространенной на территории Пудожского и Вытегорского краев, Белозерья и озерного Каргополья.⁸ Наибольшей сохранностью музыкально-поэтических форм, многообразием мелодических, ритмических и композиционных структур отличаются пудожские причитания. Их однострочные и многострочные напевы опираются на асимметричный девятисложный стих с третьим и седьмым акцентными слогами (2.3.2).⁹

Отступление от количественно-слоговой нормы стиха сводится, как правило, к расширению стихотворной строки до 10 слогов за счет добавления служебных слов в анакрузе, что не влияет на метрическую характеристику стиха и временные параметры музыкальной строки.¹⁰ Реже расширенную форму стиха с трехсложной анакрузой образуют словосочетания и отдельные лексемы:

Тебя домой да дожидājuси...
Проговори со мной ты, милушкой...¹¹

Возможно увеличение количественно-слогового состава стиха за счет вставок постпозиционных частиц в междукитовом сегменте:

Вязову́-то дугу невпряганну...
Дак ворона́ коня-то неждённа... (№ 15).¹²

Аналогичным способом (с добавлением местоимений и союзов) происходит преобразование девятисложной модели в силлабический десятисложник:

(Ой,) не казнá ведь тут / идет с дёньгами... (№ 2);
(Ой,) пара ко́ней да / устоя́лесе... (№ 8);
(Уж) как живáла я, / многобёдная... (№ 11).

⁷ Сходные формы см.: Русские плачи Карелии. № 55—82.

⁸ Более подробное описание границ ареала см. в нашей статье: Вопросы структурной типологии олонечских нарративных напевов («вепская мелострофа» и «рунический ритм») // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27.

⁹ В музыковедческой литературе он однозначно определяется как тонический. В стиховедческих исследованиях отмечается сочетание принципов силлабики и тоники. Например, см.: Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М., 1989. С. 30—33. обстоятельный разбор девятисложной формы русского народного стиха содержится в кн.: Bailey J. Three russian lyric folk song meters. Slavica Publishers, Inc., 1992. Chapt. 6.

¹⁰ Длительность добавочного слога входит в музыкальное время финалиса и междустрочной паузы.

¹¹ ФА ИРЛИ, МФ 2949. 07 (Колодозерский с/с, д. Корбозеро). Чрезвычайно редко в данной форме присутствует зачинный возглас:

Ой, он ведь с вина́мы с загра́нцныма...
(см. напев 10 наст. публ.).

¹² Здесь и далее ссылка дается на номера музыкально-поэтических образцов, представленных в настоящей публикации.

Строки, содержащие силлабический десятисложник расширенного вида, единичны:

Не буду сѣстриць / (да) звать сестрицамы... (№ 9).

Разрастание первой преакцентной зоны до четырех единиц вызывает трансформацию тонического девятисложника до размера трехиктного тонического стиха с дактилическим окончанием (2.1.3.2):

Уж не буду звать тебя по имяцки... (№ 9);
Как свою законную семёюшку... (№ 10).

В некоторых случаях можно наблюдать сложение трехиктного тонического стиха путем элиминации соседних строк — сокращенного (четырёхсложного) и полного (девятисложного) вида:¹³

Уж бежала-(торопилася)
по хорóмному строёницу... (№ 10).

Превышение слоговой нормы стиха в окончании приводит к его модификации. Гипердактилическая клаузула встречается в строках, несущих как девятисложный, так и трехиктный тонический стих:

Да за петрòвсима за ягодками...
Пойдешь за ивáнскима за вѣничками... (№ 6).

Редко наблюдается сокращение количественно-слогового норматива за счет усечения анакрузы:

Голóвушка круци́нная...
Со та́мной со сторо́нушки... (№ 1).

К формам, обладающим фенотипными признаками, относится стихотворная строка с редуцированным последним слогом (см. напев 15).

В основе ритмики напевов причитаний лежит декламационная форма равномерного произнесения поэтического текста, характерная для одиночных причитаний различных локальных традиций Русского Севера. При этом для формирования вариантов слогопроизнесения важное значение имеют структурные характеристики стиха, выраженные в сочетании его акцентных, стопных и силлабических признаков.

Рассмотрение напевных образцов индивидуальных пудожских причитаний обнаруживает множественность их ритмических конфигураций. Важно, что ни одна из ритмических версий не является узколокальной, имея повсеместное распространение на обширной территории. Ритмическая вариативность свойственна однотипным напевам и наблюдается при сравнении образцов, зафиксированных в одной географической точке, от одной исполнительницы, а также просматривается внутри одного текста. Представление о многообразии форм слогопроизнесения стихотворных строк позволяет составить схему, интегрирующую варианты ритмических сегментов (обратить внимание на проявление свободы комбинаторности соединения ритмических ячеек в процессе формирования различных вариантов слогоритмического периода).¹⁴

Количественное описание всех имеющихся ритмических версий пудожских причитаний представляет собой тему самостоятельной работы и требует привлечения напевов одностиховой композиции. Остановимся на рассмотрении некоторых ритмических конструкций.

К числу наиболее употребительных принадлежит структура, в которой долготой подчеркнуты акцентные слоги стиха. Она реализуется посредством двух вариантов ритмической ячейки хореического вида с соотношением долгого и краткого слогового времени в пропорции 2:1 (♩ ♪), 3:1 (♩. ♪ и ♪. ♪).¹⁵ Отражение на ритмическом уровне стопной организации стиха приводит к образованию равномерно сегментированного периода. Его хореический рисунок складывается на основе указанных выше фигур. Ритмометрическая мерность данного периода может нарушаться в кадансе-клаузуле за счет выделения долгой восьмой слога стиха:¹⁶

♩ = 200

Уж з - та ба - ён - ка ом - ма - н(к) - ши - шя,
Уж клю - чё - ва во - да про - вор - ши - шя.

¹³ Угловыми скобками отмечено выпавшее звено, возвращение которого позволяет реконструировать исходную двухстрочную конструкцию нормативного вида. В подобных элиминированных структурах А. А. Банин видит следы мультипликативной тирады (см.: Банин А. А. Слово и напев: Проблемы аналитической текстологии // Фольклор. Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 193—195).

¹⁴ Избранный нами принцип сегментирования учитывает акцентные и стопные параметры структуры стиха. Схема «музыкально-ритмических форм пудожской причети», приведенная Т. В. Краснопольской в статье «О мелодике пудожских причитаний» (с. 130), представляется нам несколько упрощенной и далеко не полной.

¹⁵ В кадансе находят применение модификации ритмической модели хореического вида с иными пропорциями и временными параметрами ♩ ♪ (4:2), ♩ ♪ (4:1), ♩ ♪ ♪ (5:1).

¹⁶ ФА ИРЛИ, МФ 2951. ОЗ (Колодозерский с/с, д. Корбозеро).

С х е м а

	a	b	c	d	e
1. Уж					
2. Уж					
3. Уж					
4. Ак					
5. Уж					
6. Уж					
7. Уж					
8. Ой,					
9. Дак					
10. Ак					
11. Ак					

Одновременно с удлинением восьмого возможно двукратное увеличение длительности седьмого (акцентного) слога

Аналогичным способом происходит формирование различных видов ритмического периода ямбической конфигурации. Временная форма ритмической ячейки имеет несколько модификаций. Соотношение ее краткого и долгого слогов находится в пропорции 1 2 ($\dot{\text{u}}$ $\dot{\text{u}}$), 1 3 ($\dot{\text{u}}$ $\dot{\text{u}}$ $\dot{\text{u}}$), 1 5 ($\dot{\text{u}}$ $\dot{\text{u}}$) и 2 3 () Появление первой из приведенных фигур в зоне первого акцента иногда сопровождается обусловленным силами метрической инерции ускорением произнесения последующих слогов, предшествующих второму акценту (см № 2)

Сопоставление различных звукозаписей пудожских причитаний, сравнение фонограмм, выполненных от одной исполнительницы в разное время, позволяет высказать осторожное суждение о наличии взаимосвязи между ритмичкой слогопроизнесения и психофизиологическим состоянием причитальницы в момент репродуцирования музыкально-поэтического текста. Эмоционально нейтральной манере исполнения (своего рода — интонированный «пересказ») причитаний сопутствуют ритмические конструкции пиррихического и хорейского типов.¹⁷ При этом обычно выдерживается одна, как правило, регулярно-метрическая форма слоговой ритмики. Подобная психическая скованность бывает вызвана разными причинами, в том числе отсутствием контакта между собирателем и исполнительницей, психологической дискомфортом обстановки записи.

Свобода выражения экспрессии в процессе исполнения обуславливает проявление ритмического разнообразия в серии причитаний, ритмической текучести в пределах одного текста, вариативности оформления однопозиционных стоп стиха. Полагаем необходимым согласиться с замечанием В Л Гошовского о наличии взаимосвязи между степенью эмоционального напряжения исполнитель и частотностью применения ритмических фигур ямбического типа.¹⁸ Отметим, что в подобных образцах причети наблюдается вариативность сочетания ямбических ячеек различного вида, а также — ямбизация ритмики огласовок.

Особый оттенок в процессе варьирования ритмоструктур, свойственных нарративным напевам, вносит аугментация ритмических сегментов, вызывающая замедление темпа слогопроизнесения. Сочетание аугментированных ячеек может привести к сложению форм ритмического периода, конфигурация которых более характерна для музыкальных образцов групповой причети (см., например, напев 11, строки 12—14).

Следует обратить внимание на разнообразие форм произнесения дактилической клаузулы. В пудожских напевах закрепились несколько ритмических групп каданса различной конфигурации (см. схему на с. 195). Ни одна из этих ритмических конструкций локально не ограничена. Более того, ритмике клаузулы-каданса (даже в рамках одного текста) свойственна отчаявшаяся выше подвижность. Подобная нестабильность ритмики каданса выделяет напевы пудожских причитаний среди музыкальных форм иных плачевых традиций Русского Севера.

Нельзя не отметить наличие тенденции к подчеркиванию внутрисклоновой цезурности стиха ритмическими средствами. Его членению на две ассиметричные группы (4 + 5) способствует увеличение длительности четвертого слога (в составе ритмической ячейки ямбической или спондической конфигурации), сопряженного с кратким пятым (в составе ячейки пиррихического или ямбического вида). При этом смена метрической пульсации спондической ячейки в зоне первого акцента обостряет цезурирование (схема, бс). Использование аналогичного приема в кадансе типично для музыкальных форм повествовательной группы жанров вне зависимости от их композиционной структуры (см. нотный пример на с. 194).

Организация архитектоники ритмическими средствами сводится к долготной оппозиции последнего слога клаузулы в интегрируемых строках, а также — временной антитезе преддыктой зоны стиха. Для инициальных строк тирады свойственно количественно-слоговое и музыкально-временное расширение преддыктого сегмента в сочетании с сокращением долготы заключительного слога, которое маскирует цезуру. Протяженный избыточный слог анакрузы способствует членению музыкальной формы Цезурность обостряется за счет добавления зачинного возгласа, музыкальное время которого может увеличиваться. В соподчиненных строках наблюдается тенденция к сокращению времени слогопроизнесения преддыкта и свертыванию его в двусложный норматив. Для заключительной мелостроки тирады характерно увеличение долготы финалеса. Цезура между тирадными звеньями усиливается с помощью междустрочного паузирования (его длительность входит в музыкальное время заключительного слога). Присутствие в однострочных напевах причитаний указанных приемов ритмической организации архитектоники свидетельствует о наличии остаточных элементов тирады.

Интеграция мелострок тирадного периода базируется на звуковысотном контрасте как инициальных, так и кадансовых оборотов. Оппозиция по высоте затрагивает в первую очередь акцентные слоги соподчиненных строк. Наиболее важной оказывается антитеза опорных тонов, приходящихся на первый акцентный слог стиха. Высотное положение первого опорного тона в начальной и подчиненных музыкальных строках имеет тенденцию к понижению. Данная закономерность проявляется в тирадно-строфических напевах двух- и трехстрочной композиции независимо от особенностей их интонационно-ладового строения. Вариантность высотного соотношения начальных опорных тонов в мелостроках двух-, трехчленных тирад отражает следующая схема.¹⁹

¹⁷ Для подтверждения данного тезиса приводятся напевы, зафиксированные от одной исполнительницы в разных условиях и с временным интервалом. Запись ранних образцов (см. № 8, 9) осуществлялась дома у причитальницы, воспроизведение плачей перемежалось рассказами об этнографических подробностях свадебного обряда, похоронного и поминального ритуалов. Напев 9 был записан годом позднее. Сеанс звукозаписи, на котором присутствовали односельчанки, проводился в другом помещении.

¹⁸ Гошовский В Л. У истоков народной музыки славян. Очерки по музыкальному славяноведению М., 1971. С. 219.

¹⁹ Цифровое выражение высотной позиции опорных тонов обозначает их положение относительно финалеса, принимаемого за тонику лада. В скобках указаны номера напевов. Значимость высотной антитезы начальных акцентов демонстрируют реликтовые образцы тирадных форм, в которых соподчинение музыкальных строк осуществляется только за счет данного приема (см. напев 14).

а) напевы минорного наклонения;

6—5	(№ 2)
6—4	(№ 6)
6—5—4	(№ 1)
6—4—3	(№ 3)
5—4—3	(№ 4, 5, 13)

b) напевы мажорного наклонения

4—3	(№ 7, 14, 16)
4—3—2	(№ 8, 9, 10, 12)

Наличие оппозиции первых акцентов по высоте закономерно обуславливает возникновение антитезы инициальных сегментов мелострок, поскольку мелодический рисунок анакрузы складывается на основе опевания начального опорного тона.²⁰ Отмеченные приемы интонационно-ладовых связей синтаксических элементов периода сопровождается сужением амбитуса подчиненных музыкальных строк, входящих в тирадное построение.

Аналогичная форма звуковысотной интеграции широко представлена в регулярно- и тирадно-строфических напевах русского эпоса. Нельзя не заметить присутствие последнего из указанных приемов высотного соподчинения составных частей музыкально-поэтической тирады (за счет сужения амбитуса) в некоторых образцах средне- и южнокарельских рун и причитаний.²¹ Отмечая существование сходного способа организации музыкального синтаксиса в декламационных формах разноэтнических музыкальных культур, мы не склонны спешить с однозначной интерпретацией данного факта. Ограничимся дополнением перечня параллелей за счет примеров тирадных образцов гдовской и мезенской причеты, белорусских голошений,²² а также цезурированных однострочных причитаний контрастно-фразовой структуры.²³

В пудожских причетных напевах мажорного наклонения может отсутствовать оппозиция первых опорных тонов. При этом возрастает значимость интонационного контраста предыхтовых сегментов (см. напев 15) в совокупности со звуковысотной антитезой вторых акцентных слогов: 3—2 (№ 11), 2—3 (№ 15). Важно отметить наличие вариативности высотных параметров — составляющих данной оппозиции:

а) напевы минорного наклонения;

4(3)—3(4)	(№ 1)
3—2	(№ 6)
3(4)—2	(№ 3, 13)
3—1	(№ 4)
3(4)—1	(№ 2, 5, 13)

b) напевы мажорного наклонения

3—2	(№ 8, 9, 11)
3(2)—2(3)	(№ 10)
2(3)—1	(№ 12)

Усиление интеграционных свойств периода способствует появлению несовершенного каданса в начальной строке тирадного напева минорного наклонения. Мелодический контур данного кадансового оборота имеет разновидности: 5→3 (№ 13, 13-я строка), 4→3 (№ 6, 1-я строка). Следует обратить внимание на свободу использования причитальницами мелодических версий различного наклонения (см. напевы 7, 14, 16).

В рамках настоящей заметки мы сознательно не останавливаемся на рассмотрении специфики интонационно-ладового строения напевов, учитывая тот факт, что эта проблема поднималась Т. В. Краснопольской в упомянутой выше статье «О мелодике пудожских причитаний». Однако, поскольку напевы трехстрочной композиции выпали из поля зрения исследовательницы, полагаем необходимым осветить некоторые закономерности их звуковысотной координации.

Мелодическое оформление трехстрочного периода базируется на перечисленных выше способах соподчинения его музыкально-синтаксических элементов. Их последовательное применение обуславливает существование высотной оппозиции инициальных сегментов, начальных акцентных слогов, вторых акцентов во всех трех строках (см. напев 3). Процесс свертывания диапазона всех подчиненных мелострок приводит к трансформации ладовой структуры напева минорного наклонения, выраженной в понижении второй ступени звукоряда. Для мелодической конфигурации третьей строки характерно «обрывание» второй низкой ступени, а также ее участие в кадансе, приобретающем фригийскую окраску. Отсутствие какой-либо из оппозиций смягчает контраст сочлененных строк и выделяет их комплементарные свойства, что заметно в построениях, обнаруживающих сходство мелодического рисунка анакрузы второй и третьей строк (напевы 8, 9), тождество кадансовых оборотов первой и второй строки (напевы 4, 5, 8, 9, а также 13, строки 5—7), реже — второй и третьей строки (напев 13, строки 8—10). Исключение составляет отсутствие высотной оппозиции первого акцентного слога второй и третьей строк (см. напев 13, строки 5—7).

²⁰ В качестве исключения укажем на редкий пример трехстрочной тирады, в которой мелодические контуры предыхтовых сегментов второй и третьей строк тождественны (см. напев 12).

²¹ Карельские народные песни / Сост. сб. и вступ. ст. Л. М. Кершнер. Ред. предисл. и коммент. Е. В. Гиппиуса и В. Я. Евсеева. М., 1962. № 6—11; *Кондратьева С. Н.* Карельская народная песня. М., 1977. № 31, 33; Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976. № 13, 27, 35, 37—42; Песни Карельского края. № 54, 57—61.

²² Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района / Сост. А. М. Мехнецов, Е. И. Мельник. Л., 1985. № 80 (см. голошение невесты); *Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии... Пример 14; Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / Уклад. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У. А. Васілевіча. Артыкул, сист. і камент. напеваў Т. Б. Варфаламеевай. Мінск, 1986. Напевы 20 (472), 114 (338).

²³ Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.): Песни. Причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. Напевы 454, 477, 486; *Банин А. А., Вадакарня А. П., Канчавели Л. Г.* Музыкально-поэтический фольклор Новгородской области. Новгород, 1983. № 50, 52, 53.

Форма архитектоники двухстрочного периода ограничивается тремя видами конфигурации: *ab* (№ 1—16), *|:a|:|b* (№ 1, 3—7, 14—16), *a|:|b|:* (№ 1, 3—5, 8—11, 15).²⁴ Композиция трехстрочных построений отличается большим многообразием, которое достигается за счет вариативного сочетания мелодических строк:²⁵ *abc* (№ 3—5, 8, 9, 12, 13), *|:a|:|bc* (№ 12), *a|:|b|:|c* (№ 5, 9, *ab|:|c|:* |).²⁶ Встречаются построения более сложной композиции, например *abc|:|b|:* (№ 8, строки 15—19). В случаях редукции второго члена трехстрочного периода образуются варианты двухстрочной модели с использованием музыкального материала третьей мелодической строки: *ac* (№ 1—5, 8, 12), *a|:|c|:* (№ 5, 12, 13), реже — *|:a|:|c* (№ 12).

Одним из характерных свойств многострочных напевов пудожской причети является полистрофичность — сочетание в рамках одного текста тирадно-строфических периодов нетождественной композиции. Наиболее отчетливо оно проявляется в трехстрочных напевах, тирадные группы которых различаются числом как оппозиционных, так и повторных строк, а также видом используемых моделей строфы. К исключительным версиям трехстрочного напева относятся музыкальные композиции, в которых блок второй и третьей строк оказывается расчлененным, образуя парные сочетания с начальной: *ab—ac* (№ 1, 2).

Отмечая свойственную архитектонике пудожских напевов комбинаторность, нельзя не обратить внимание на существование тенденции к коррелятивной связи композиционных параметров музыкального и вербального компонентов, проявляющейся в стремлении к совмещению границ музыкального и стихотворного периода. Взаимосвязь между многострочными напевными конструкциями и стиховыми тирадами базируется на принципах развитой системы параллелизма, наиболее свойственной нарративным жанрам.²⁷ Чередование параллелестических вербальных структур, в которых проявляются признаки дихотомии и трихотомии, в значительной степени определяет процесс формирования композиции напева. В рамках настоящей статьи ограничимся несколькими примерами.

Наиболее употребительно парное объединение строк, связанных синтаксическим и метафорическим параллелизмом, а также рифмой (№ 5, строки 6—7):

'Ак серой утушкой проплавати, (а)
'Ак мне-ка, девушки, проплакати. (б)

Широко распространены трехчленные конструкции, связанные синтаксическим параллелизмом (№ 13, строки 5—7):

Ведь как замужьицо не шуточка, (а)
Дак и не кукольна игрушочка, (б)
Не робячѣ спотешаныцо. (с)

Возможно образование трехстрочного периода за счет присоединения к двустичию строки, не имеющей параллелей (№ 4, строки 11—13):

'Ак не хотела пропустить слезмы, (а)
Уж как долит меня обидушка — (б)
Ды окаянная кручинушка. (с)

Разумеется, творческая практика вносит свои коррективы в координацию архитектоники стиха и напева. Конкретная реализация указанной выше тенденции зависит от ряда объективных и субъективных факторов. К ним прежде всего относится уровень сохранности традиции на время ее фиксации. Следует также принять во внимание возрастные особенности исполнительниц. Поэтому представляются закономерными любые нарушения коррелятивной связи синтаксических конструкций вербального и музыкального компонентов текста, воспроизводимого причитальницей преклонных лет в реликтовый период существования традиции. Так, например, трехстрочная модель стиха может не получить адекватной музыкальной реализации вследствие противоречий с принципиально двухстрочной формой организации напева: *ab*, *ac* (см. № 2). Зачастую исполнительница не справляется с интонационным оформлением сложных в синтаксическом отношении построений (см. № 14, строки 5—8):

Што я ведь в баёнки намылася, (б)
С девочѣй волюшкой простилася, (а)
С девочѣй волюшкой росталася, (а)
Да с подневолей повстречалася. (б)

Несмотря на возможные исполнительские просчеты в организации архитектоники напевов, следует обратить особое внимание на стремление причитальниц к маркированию границ смыслового периода поэтического текста (чаще заключительной строки) и отражению его структурных особенностей музыкальными средствами. Нередко вместо интонационного оформления двух пар параллельных стихов исполнительница предпочитает подчеркнуть конструктивно-смысловую согласованность строк стихотворного периода (см. № 12, строки 20—23):

²⁴ Структурные особенности построений многострочных напевов отражаются в публикуемых поэтических текстах графическим способом.

²⁵ Выбор литеры для обозначения третьей строки не отражает ее мелодического содержания относительно второй.

²⁶ Последняя композиционная версия в настоящей публикации не представлена. В ней, как и в конструкции, *a|:|c|:*, обычно присутствует контраст мелодического контура предыдущего сегмента повторных строк (см. № 13, строки 5—7).

²⁷ См.: *Яacobson P.* Грамматический параллелизм и его русские аспекты // *Яacobson P.* Работы по поэтике. Л., 1987. С. 99—132. Там же приводится обширная библиография по данной тематике.

Уж поростроньсе, мать сыра земля,	}	(а)
'Ак покажись-ко, гробова доска		(а)
'Ак у родителя у батюшка,		(b)
У родитель моей матушки.		(с)

Привлечение широкого круга источниковых материалов для наблюдений над системой координации структур вербального и музыкального синтаксиса в напевах тирадно-строфической композиции позволяет отметить способность исполнителей к ощущению конструктивных характеристик поэтических тирад во время репродуцирования причети. Исполнительница, интонирующая текст по подсказке, оказывается не способной к звуковысотной и ритмической интеграции мелострок (что подтверждено экспериментально). В контексте изложенного становится ясной причина, которая привела к разрушению тирадно-строфического способа организации музыкальной формы в свадебных причитаниях, бытующих в деревнях бывших Нигижемской и Пудожской волостей. Процесс трансформации многочастных структур, направленный в сторону их упрощения, был вызван устойчивым обычаем причитания невесты только с помощью подголосницы (о чем упоминалось выше). Совпадение границ локализации указанной традиции и распространения свадебных напевов одностиховой композиции (в пределах Пудожского района) подтверждает изложенную точку зрения. Закономерно параллельное существование на той же территории похоронных и поминальных причитаний многострочной композиции (см. № 1—2).

Сопровождая настоящую публикацию наблюдениями над морфологией и синтаксисом пудожских причетных напевов, воздержимся от преждевременных выводов. Все же еще раз подчеркнем особенности соотношения мелодических и ритмических форм пудожской причети. Ограниченному числу мелодических разновидностей²⁸ противостоит многообразие ритмических структур. По сути используются практически все возможные формы слогапроизнесения, свойственные музыкальным нарративным традициям Русского Севера. Стабильность мелодических видов находится в противоречии с неустойчивостью ритмических структур. Контраст звуковысотной упорядоченности позиций напевного периода составляет позиционная неупорядоченность ритмики. Она проявляется прежде всего в подвижности форм слогапроизнесения клаузулы стиха. Импровизационность, свойственная жанру, отражается на архитектонике многострочных напевов и не вносит существенных корректив в особенности их звуковысотной организации. Напротив, ритмическая комбинаторика затрагивает параметры разноуровневых структур.

Последующее изучение напевов пудожских причитаний позволит выявить причины слабой урегулированности их ритмического контура. Вероятно, в процессе структурообразования наряду с типологически значимыми участвуют типизировавшиеся формы ритмического варьирования, сходные с агогическими оттенками исполнения. Также не лишена оснований концепция, рассматривающая настоящую проблему в историко-генетическом аспекте и связывающая проявление ритмической и композиционной мобильности с процессом распада традиции групповой причети, сопровождающимся утратой напевами характерных стилистических свойств. Современные музыкальные образцы пудожских сольных причитаний могут представлять собой индивидуализированные версии напевов, сложившиеся в результате транскрибирования моделей регулярно-строфической и стабильно-ритмической конфигурации в соответствии с нормативами декламационных форм и особенностями сольного исполнительства.²⁹

²⁸ См.: Краснопольская Т. В. О мелодике пудожских причитаний.

²⁹ О дифференциации декламационных и песенных признаков в нарративных жанрах см.: Мазо М. Л. Динамика местного песенного стиля // Советская музыка. М., 1977. № 5. С. 106—110; Марченко Ю. И. Замечания о напевах вологодских причитаний // Русский фольклор. Л., 1991. Т. 26. С. 190—192.

НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

1

♩ 140

Ой, я си - жу, бед - на о - бид - ла - я,
 Го - ло - ву - ш(ь) - ка кру - цк - н(ы) - на - я,
 Уж у лю - бе - з(ы) - но - го у плет(ь) - нищ - ка.
 Пос - про - шу, бе - л(ь) - на го рю - ши - ця,
 Ой, у ба - жо - но - го у ми - ло - го:
 Те - бе што не п(ы) - ри - лю - би - ло - се,
 Ой, те - бе што не приг(ы) - ля - ну - ло - се
 У ро - дк - тел(ь) - ки у ма - туш - ки?
 Уж(ь) те - бе го - р(х) - нищ - киль не све - тлы - и,
 Ю. А бы - ли пла - т(ь) - к - ил - не цве - т(ы) - ны - и?

Ой, даж лю - бе-э(ы)лой ты мой пле-во(и) ли - цек!
У - ж(и) сы-г(ы) - ра-л(ы) ты кра-ску сва - дё(о) - ку

Ой, без кня - ги - ны мо - ло - ло-й(и) жо - лы
А г(ы)ле сто - ять сто - ла - м(ы) ду - бо - вы - им,
И. Ак тут - ко - ло - да те - су бе - ло - го,
Ой, где си - ам-ть(и) кня - зю с кня - ги - ко - ю,

Ак ту-т(ы) ле - жит да те - ло мер - тво - е,
И. Ой, те - ло ме - р(ы)тво, лиц-ко (ы) - ле-к(ы)-ло - ё
21 Уж ты ко-г(ы) - ды ко м(ы)ле по - су - лись - се,
Ай, ты ко-г(ы) - ды ко м(ы)ле по - я - вись - се.

Ой, волю - би - мо во го - стё - биш - чо?
 Да - к(ы) до - жи - да - ть(и) я ста - ну, бе - д(ы) муш - ка,
 25. Ой, у ко - си - вр(и) - щя - та о - ко - шо - ч(к) - ка;
 26. Дё - р(ы) - жать(и) лож - ки на до - ро - жень - ки,
 31. Ой, как [с] та - м(ы) кой - то сто - ро - муш - ют
 Ком - мо - му - то же - ту вы - с - э(ы) - ду,
 Пе - шо - му да ве - ту вы - хо - лу.
 Уж от - туль це - р(ы) - выш - ко же вы - пло - ве,
 33. Ой, ни - ка - ко - к(и) ве - сти не вы - ле - сят.
 44. Я при - ве - зу го - стя(ю) ба - жо - вы - их
 45. Со та - м(ы) кой со сто - ро - муш - ки,

- Ой, я сажу, бедна обидная,
 Головуш(ы)ка круцин(ы)ная,
 Уж у любез(ы)ного у плев(и)нищка.¹
 Попрошу, бед(ы)на горящица,
 5 Ой, у бажоного у милого:
 Тебе што не п(ы)рилюбилосе,
 Ой, тебе што не приг(ы)лянулосе
 У родитель(и)ки у матушки?
 Уж(и) тебе гор(и)нищки ль не светлыи,
 10 А были плат(и)ица не цвет(ы)ныи?
 Ой, дак любез(ы)ной ты мой плев(и)нищек!
 Уж(и) сыг(ы)рал(ы) ты красну свадёбку
 Ой, без княгины молодой(и) жоны.
 А г(ы)де стоять столам(ы) дубовыи,
 15 'Ак тут — колода тёсу белого,
 Ой, где сидеть(и) князю с княгиною,

- 'Ак тут(ы) лёжит да тело мертвоё,
 Ой, тело мёр(ы)тво, лицько б(ы)лек(ы)лоё.
 Дак(ы) любез(ы)ной ты мой плев(и)ницёк!
- 20 Ой, послухай-ко, што я скажу:
 Уж ты ког(ы)ды ко м(ы)не посулисьсе,
 Ай, ты ког(ы)ды ко м(ы)не появьсьсе,
 Ой, во любимо во гостёбишчо?
 Дак(ы) дожидать(и) я стану, бед(ы)нушка,
- 25 Ой, у косив(и)цята окошоч(и)ка:
 Дёр(ы)жать(и) ножки на дороженьки,
 Ой, белы руцьки на заложоц(и)ки,
 А оци ясныи — в окошоцьки.
 Дак любез(ы)ной ты мой плев(и)ницёк!
- 30 Сама з(ы)наю, сама ведаю:
 Ой, как [с] там(ы)ной-то сторонушки
 Конному-то нету выезд(ы)ду,
 Пешому да нету выходу.
 Уж отгуль цер(ы)вышко не выплове,
- 35 Ой, никакой(и) вести не вынесет.
 Дак(ы) со своих(ы) я слёз(ы) горюющих
 Проведу вам(ы) рицьку быструю,
 Ой, рицьку быструю, струистую.
 Ой, да с тоски-то я, с круцинушки,
- 40 Сошь(и)ю лёгонь(и)кую лодоцьку.
 'Ак(ы) в эту лёгонь(и)кую лодоцьку,
 В лодоцьку к(ы)ладу г(ы)ребителей,
 Ой, на кор(ы)му к(ы)ладу п(ы)равителей.
 Я привезу гостей(и) бажонных
- 45 Со там(ы)ной со сторонушки,
 Ой, во своё во вито гнездышко
 У меня-то ведь у беднушки...

(Ой, не могу боле!)

♩=160

Ой, по - про - шу толь - ко я, бе - д(ы)муш - ка,
 А как ро - жо - ных с(ы)во - и.х(ы) де - гу - шок.
 Не у - по - ск - те те - ла мё - р(ы)тво - го
 А вы ско - ро м(ф)и.мо - го стро - с - нь(ф)и - ця.
 3. Ой, вы о - ста - вьте - тко, по - жа - луй - ста,
 Ой, вы на кру.т(ф)ылы - и на су - точ - ки.
 Ой, мо - же в(ы) - ло - же - т(ф)и ё - му Гос - по - ди
 А во бс - лъ г(ф)и.ру - ди э(ф)и.ды - ха - ны - цё,
 Ой, во яс - ны о - ци г(ы)ля - же нь(ф)и - цё,
 10. Ой, во у - ста - ты го - во - ре - нь(ф)и - цё.
 У - ж(ф)и как ро - жо - ко мо - ё ди - тят - ко!
 12. 'А - к(ы) по - про - щай - се - ко, по - жа - луй - с(ы)та.
 13. Ой, за - пры - ми т(ф)и ро - ша эс - лё - на - я.

20. Да - к(ы) не шу - мн, ро - ща зе - лё - ка - я,
 Ой, не ки - ши - те, му - ра - ве - ль(и)ки - ч(и) - ки!
 Ой, дак не ро - ту - ш(и) - ка с сол - да - та - мы,
 Ой, не пе - хо - та с но - во_б(ы) - ра - и(и) - ция - мы,
 Ой, не - ка_з(ы) - на ве_дь(и) тут и_дет с де - ль(и) - та - мы,

- Ой, попрошу только я, бед(ы) нушка,
 А как рожиных с(ы)воих(ы) детушок:
 Не уносите тела мёр(ы)твого
 А вы с хором(ы)ного строень(и)иця.
 5 Ой, вы оставьте-тко, пожалуйста,
 Ой, вы на круг(ы)лыи на суточки.
 Ой, може в(ы)ложет(ы) ёму Господи
 А во белы г(ы)руди з(ы)дыханьице,
 Ой, во ясны оци г(ы)ляжень(и)ице,
 10 Ой, во уста-ты говорень(и)ице.
 Уж(ы) как рожино моё дитятко!
 'Ак(ы) попрошайсе-ко, пожалуйс(ы)та:
 Ой, протись с улушкой(и) плановою,
 Ой, ды с площадкой сторублёвою,
 15 Ой, ды с соседями поряд(ы)ныма,
 Ой, ды с сусёдками-то доб(ы)рыма.
 Ой, путь(и)-дорожка твоя дальняя,
 Ой, путь(и)-дорожка нез(ы)накомая.
 Ой, зашумит(ы) роща зелёная.
 20 Да к(ы) не шуми, роща зелёная,
 Ой, не кипите, муравель(и)нич(и)ки!
 Ой, дак не ротуш(и)ка с солдатамы,
 Ой, не пехота с новоб(ы)ран(и)цями,
 Ой, не каз(ы)на ведь(и) тут идет с день(и)гамы,
 25 Ой, не баржу везём мы с хлебами:
 Ой, везём(ы) телуш(и)ко мы мёр(ы)твоё,
 Ой, везём(ы) личуш(и)ко мы б(ы)лэк(ы)лоё.
 Ой, дак встречайте-ко, пожалуйс(ы)та,
 Ой, своёго сына бажоного,
 30 Ой, моёго сына любимого.

(На кладбище)

Когда принесут его, дак й-она и заплачет:

А не спускайте-ко г(ы)лубёшень(и)ко,
 Не зарывайте-ко плот(ы)нёшень(и)ко.
 А вы оставьте-ко, пожалуйста,

Хоть од(ы)ну малень(и)ку проталин(ы)ку:
35 'Ак может чер(ы)вышком(ы) повып(ы)ловёт,
А серой утушкой повылетит
А как(ы) рожно моё дитятко,
Ой, да к доб(ы)ротуш(и)ки-то матушки.

3

♩=184

Я при-ш(ы) - ла, бед - на - го - рю ши - пя,

Я на у - луш - ку ро - ли - тель - ску,

Да на мо - ги-ль(ы)ку чо - ло - ви - чель - ску -

Я ко бра - тию ко ро - ли - мо - му.

5. Дах по - про - шу я толь - ко, бе-д(ы)нуш - ка,

Да При-с(ы)в(я) - ту - ю Бо - го - ро - ли - цю,

Дах што - бы да - ля Бо - го - ро - ли - ця

Дах в рез - вы но - же-нь(и)ки хо - же-нь(и)и - цё,

А в бе - лы ру - це-нь(и)ки в(ы)ло - же-нь(и)и - цё,

10. А во я-с(ы) - ны о - ци г(ы)ля - же-нь(и)и - цё,

Ды я - зы-ц(и)но го - во - ре-нь(и)и - цё,

12. А во бе - лу да пр(ы)-ру-дь(я) зды - ха_нь(и)-и - щё.

17. Да_к(ы) по - ка - жи_сь(я)_ко, те - ло мёр_р(ы)_тво ё,

'Ак те - ло мёр - тво, ли_ц(я)_ко блё_к(я)_по - ё,

- Я приш(ы)ла, бедна горящица,
 Я на улушку родительску,
 Да на могил(ы)ку чоловичельску —
 Я ко братцю ко родимому.
- 5 Дак попрошу я только, бед(ы)нушка,
 Да Прис(и)вятую Богородицю,
 Дак штобы дала Богородиця
 Дак в резвы ножень(и)ки хожень(и)ицё,
 А в белы руцень(и)ки в(ы)ложень(и)ицё,
 10 А во яс(ы)ны оци г(ы)ляжень(и)ицё,
 Ды языц(и)но говорень(и)ицё,
 А во белу да г(ы)рудь(и) здыхань(и)ицё. [...]
 'Ак(ы) вы розвийтесь(и), вет(ы)ры буй(и)ныи,
 Дак(ы) роз(и)несите пес(ы)ки жёл(ы)тыи,
 15 'Ак пороссып(ы)се, мать(и) сыра земля,
 А поотк(ы)рой(и)се, г(ы)рובה доска.
 Дак(ы) покажись(и)-ко, тело мёр(ы)твоё,
 'Ак тело мёртво, лиц(и)ко блёк(ы)лоё,
 'Ак(ы) моёго б(ы)ратця родимого —
 20 'Ак(ы) голубоцька з(ы)латок(ы)рылого.
 Уж как любимой б(ы)ратец-с(ы)ветушко!
 'Ак этот круглень(и)кой ты годицёк
 Да ты наст(ы)рету не встречаешьсе,
 Ды на г(ы)лаза не появ(ы)ляешьсе,
 25 Ды ты во с(ы)нях мне-ка не кажешьсе,
 Ды наяву да м(ы)не не явишьсе. [...]
 'Ак(ы) поп(ы)рошу я толь(и)ко, бед(ы)нушка,
 Дак(ы) Присвятую Богородицю,
 Дак(ы) штобы дала Богородиця
 30 Дак(ы) в резвы ножень(и)ки хожень(и)ицё,
 'Ак в белы руцень(и)ки в(ы)ложень(и)ицё,
 'Ак(ы) во белу да г(ы)рудь(и) здыхань(и)ицё,
 Ды языц(и)но говорень(и)ицё,
 'Ак во яс(ы)ны оци г(ы)ляжень(и)ицё
 35 'Ак(ы) моёму б(ы)ратцю родимому.
 Дак(ы)только дай Бог(ы), Богородиця,
 Дак на сёгодеш(ы)ной Гос(ы)подён(ы) день.
 Дак(ы) ты пой(и)дём-ко, б(ы)ратец-светушко,
 Да к сыновь(и)ям к своим(ы) родимым,
 40 А ко жёны да ко любимую,
 А ко невес(ы)тушки жалан(ы)ноёй —
 Дак ты во гос(ы)ти во любимыи,
 'Ак во гос(ы)тёбиш(ы)ча во з(ы)ваныи.
 Дак(ы) привёду я тебя, бед(ы)нушка,

- 45 'Ак во высокоу нову горёнку
Дак в рядово-п(ы)росто строень(и)ицё
А во к(ы)рестьян(и)сько заведень(и)ицё.
Дак(ы) завёду, бед(ы)на горюшиця,
'Ак во высокоу нову горён(ы)ку.
50 Ак(ы) посажу я тебя, бед(ы)ну⟨шка⟩,
(Я заплачу!)
Дак за столы да за дубовыи,
Я за с(ы)катель(и)я шол(ы)ковыи,
А я на с(ы)тулья на точёныи,
А на дивань(и)ца золочёныи.
55 Дак(ы) мы ведь(и) сядём(ы) да набаём(ы)си,
А мы с(ы) тобой(и) нароссужжаём(ы)си...
(Ой, не могу, жадоба! Я уж заплакала.)

232

За - ро - сла - се путь - до - ро - жь - ка

Уж толь - ко ель - ниць - ком - бе - рез - ниць - ком,

'Ах час - тым мел - ки - им фе - рес - ниць - ком.

'Ах ста - ла кбу - ёв - ки тро - га - ти - се -

5. Дах ста - ла бу - ёв - ка тро - га - ти - се,

6. 'Ах вси до - ро - жень - ки те - ря - ти - се.

11. 'А - к(ы) не хо - те - ла про - пус - тить сле - змы,

Уж как до - лят ме - ня о - би - душ - ка -

Ды о - ка - ях на - я кру - чи - куш - ка.

'А - к(ы) рос - ска - зать при - шла про го - рюш - ко:

13. Дах у м'яя го - рюш - ка - два мо - рюш - ка,

36. 'А - к(ы) я при - шла, бе - д(ы)на го - рю - ши - ня.

Уж как из у - куш - ку ро - мь - тель - ску,

Ды на мо - тил - ку чо - ло - ви - чель - ску.

- Заросласе путь-дороженька
 Уж только ельницьком-березницьком,
 'Ак частым мелкиим фересницьком.¹
 'Ак стала к буёвки трогатисе —
 5 Дак стала буёвка трогатисе,
 'Ак вси дороженьки терятисе.
 'Ак(ы) не убойтесъ-ко, родители,
 Ды не спугайтесъ-ко, сердечныи.
 'Ак(ы) не с огнём иду, не обожгу,
 10 Ды не с водой иду, не оболюю.
 'Ак не хотела пропуститъ слезмы,
 Уж как долит меня обидушка —
 Ды окаянная кручинушка.
 'Ак(ы) рассказать пришла про горюшко:
 15 Дак у м'ня горюшка — два морюшка,
 'Ак слёз горющих — два озёрышка.
 Уж всей обидушки не высказать,
 Да-й всей кручинушки не выбаять.
 Уж как обидушка повысказать,
 20 Дак надо круглая неделюшка,
 Уж только горюшко повысказать,
 Дак гербовых да надо два листа.
 Утром по утру по-ранному
 'Ак по сёгodesнному деницьку,
 25 Ды по сёгоднему, Господнему,
 'Ак я вставала поранёшеньку,
 'Ак умывалась поскорёшеньку,
 'Ак одевалась побыстрёшеньку.
 Получила только, бедная:
 30 Прилетела птицька вешняя,
 'Ак птицька вешня поднебесная.
 'Ак птицька крылышки расправила,
 Ды во стёколышко ударила.
 'Ак только дано увольненьицё —
 35 'Ак с того свету розрешеньицё.
 'Ак(ы) я пришла, бед(ы)на горюшиця,
 Уж как на улущку родительску,
 Ды на могилку чоловичельску.
 'Ак только спишь да высыпаешсе,
 40 'Ак(ы) не вставашъ, не пробуждаешсе.
 'Ак по селам да печи топятце,
 'Ак(ы) по углам да петухи поют.
 Дак ты пойдём, жаланной дедушко,
 Дак ты конём пойдём, конём пойдём,
 45 Дак ты пешом пойдём, пешом пойдём.
 'Ак(ы) может сядешъ на машинушку:
 Уж как машинушки трясуции,
 Уж как колёса да зыбуции,
 Да по углам — не розрешаетце.
 50 Уж ты пойдём, жаланной дедушко,
 Уж как пешом пойдём, пешом пойдём,
 Уж как конём пойдём, конём пойдём,
 Дак во полаты г(ы)рядовитыи,
 Дак во усадьбы красовитыи,
 55 Уж(ы) за столы да за дубовыи,
 Уж как за скатертъя шолковыи,
 Уж как за питъя за сахарънии-й,
 За еденьё за мёдовое,
 Уж за соропны² сладки прянички,
 60 Уж за горько да зелёно вино.

№ 224

Уж толь - ко сить мие, крас - ной де - вуш - ки,
 2. Дах на бру - со - ву бе - лу ла - воч - ку
 8. Дах се - рой у - гуш - ки по во - душ - ки,
 9. А мие - ка, де - вуш - ки, по - бо - люш - ки.
 14. 'Ак вы - зы - вал да чуж о - тец - кой сын
 15. Дах мо - ё - го кор - миль - ня ба - таш - ка
 16. Дах на пи - рё - но - ё кры - ле - цуш - ко.
 37. Дах пос - про - шу я, кра - сна де - вуш - ка,
 'Ак у <хир - шич - ной> бе - лой <пе - чень - ки>.
 Дах у ро - ди - тель - ки, у ма - мень - ки
 40. Дах печ - ка кре - пко при - за - ма - за - ка,
 Дах печ - ке кре - пко при - за - ка - за - но.
 'Ак вы - зы - вал да чуж о - тец - кой сын
 Дах уж мо - их брат - пов ро - дк - мы - их -
 Дах го - лу - бошь - ков зла - го - кры - лы - их.

- Уж только сисьть мне, красной девушки,
 Дак на бросову белу лавочку
 Дак под косивцато окошочко
 'Ак причитать да по-умильнѣму,
 5 Ды говорить да по-обидному.
 'Ак серой утушки проплавати,
 'Ак мне-ка, девушки, проплакати.
 Дак серой утушки по водушки,
 А мне-ка, девушки, поболоушки.
 10 'Ак мимо моѣго окошочка
 Дак проступала ступ[ь] кониная,
 Ды прошла ступ[ь] да лошадиная —
 'Ак приезжал да чуж отецкой сын.
 'Ак вызывал да чуж отецкой сын
 15 Дак моѣго кормильца батюшка
 Дак на пирѣноѣ крылецюшко.
 'Ак он спросил, да всё выпрашивал,
 'Ак он глядел, да всё выглядывал,
 Про меня, про красну девушку:
 20 'Ак нет ли девушки на возрастѣ,
 'Ак нет ли девки на выдаваньи,
 Дак нет ли девки на продаваньи?
 'Ак отвецал кормилец батюшко:
 'Ак есть ли девушка на возрастѣ,
 25 Да есть ли девка на выдаваньи.
 'Ак посулил кормильцю батюшку
 Дак за меня, за красну девушку,
 'Ак сорок вѣдѣр зелѣна вина,
 'Ак пиисят¹ — да пива пьяного,
 30 'Ак шестьдесят — да мѣду сладкого.
 Уж как пришѣл родитель-батюшко,
 Дак говорил мне, красной девушки.
 'Ак я того не согласиласи,
 'Ак я того не присмириласи.
 35 'Ак вызывал да чуж отецкой сын
 Дак уж мою родитель-маменьку.²
 Дак поспрошу я, красна девушка,
 'Ак у ⟨кирпичной⟩ белой ⟨печеньки⟩.³
 Дак у родительки у маменьки
 40 Дак печка крепко призамазана,
 Ды печке крепко призаказано.
 'Ак вызывал да чуж отецкой сын
 Дак уж моих братьцов родимых —
 Ды голубоцьков златокрылых.
 45 Уж как спросил да он, выпрашивал,
 Уж как глядел да он, выглядывал,
 Да про меня, про красну девушку.
 Уж как большому свату большому
 Уж как ступень ступить — нога сломить,
 50 Уж как другой ступить — друга сломить.

№ 168

У_ж(и) где - то ес[т]ь у кра-сной де - вуш - ки -

Да спод-д(ы)-не - во-ль(и)-ной мо - ей во - люш - ки -

Уж где под-д(ы) - ру - ж(и) - ка мо - я ми - ла - я, "

4. Да г(ы)де под-д(ы) - руж - ка за - ду - шев - на - я.

6. У_ж(и) на - ло - жи - ко руч - ки бе - лы - е "

У_ж(и) на мо - ю ба - жо - ну во - люш - ку.

У_ж(и) как под - руж - ка мо - я ми - ла - я!

Да как во ле - т(и) - ню по - ру - вре - мяч - ко

10. Пой - дешь за и - ван(ы) - ским - а за ве - щеч - ками "

11. Да за пет - ров - ским - а за я - год - ками,

12. У_ж(ы) где слес - ва - ли жал-ки ле - сс - н(ы) - ки - "

Да спо - те - ша - ли до - ро - гу во - лю.

- Уж(и) где-то ес[т]ь у красной девушки —
 Да спод(ы)неволь(и)ной моей волюшки —
 Уж где под(ы)руж(и)ка моя милая,
 Да г(ы)де под(ы)ружка задушевная.
 5 Уж(и) подойди сюда, пожалуйста,
 Уж(и) наложи-ко ручки белые
 Уж(и) на мою бажону волюшку.
 Уж(и) как подружка моя милая!
 Да как во лет(и)ню пору-времячко
 10 Пойдешь за иван(ы)ским за венчиками
 Да за петровским за ягодками,

Остав[ь] берёзку не заломанну
Да кустик ягод не обобранный.
Ой, спомятуй, подружка милая,
15 Уж(и) где с тобой мы красовалисе,
Уж(ы) где певали жалки песен(ы)ки —
Да спотешали дорогу волю.
Уж(и) как с тобой(и), подружка милая,
Да мы с тобой да поросстанёмсе —
20 Уж(и) мы водой(и) ли порозоль(и)ёмсе,
Аль шолкамы порозовьёмсе.

♩ = 144

Уж(и) спа - си Бог вам, бла - го - дар - ству - ет,
 Да как сес - три - ця мо - я ми - ла - я!
 Уж за тво - ё да у - го - ще - ныи - цо
 Я от(ы)но - шу б(ы)ла - го - да - ре - ныи - цо:
 1. Уж(ы) за ча - и да за <цве - точ - ныи - и>,
 Да за са - ха - ра <пе - соч - ныи - и>,
 Уж(и) как за све - тлы са - мо - дар - чки - ки,
 Да за х(ы)русе - таль - ны - е сто - как - чки - ки.

- Уж(и) спаси Бог вам, благодарствует,
 Да как сестриця моя милая!
 Уж за твоё да угощеньцо
 Я от(ы)ношу б(ы)лагодареньцо:
 5 Уж(ы) за чай да за <цветочные>,¹
 Да за сахара <песочные>,
 Уж(и) как за светлы самоварчики,
 Да за х(ы)рустальные стаканчики.
 Уж(и) я напиласе-наелася,
 10 Да к(ы)рас(ы)ной ложкой нахлёбаласе,
 Уж(и) пирога съ(и)ела ошщипочку,
 Да со калиточки начиночку.
 Уж(и) вы, подружки мои милыи,
 Да вы покушайте, пожалуйста!
 15 Уж(и) не едят(ы) гости, не кушают,
 Да меня, девушки, не слушают.

8

♩ = 148

Уж сла - ва Бо - гу, с(ы)ла - ва Гос - по - лу,
 Ды пу-ть(х)до - ро-ж(и)ка ско-ро - та - ла - се,
 Ой, па - ра ко - ней да у - сто - я - ла - се,
 Уж ко - ло - ко-ль(и)ли по-ло - ма - ли - се,
 Я ды де-в(ы)ки в пе-сё-н(ы) - как сме - ша - ли - се.
 Ды о-т(ы)но - шу б(ы)ла - го - да - ре - нь(и)и - цё
 У-ж(и)во пе-р(ы) - вы - к-х(ы)ко-ню до б(ы)ро - му,
 8. А во дру - ги - к-х(ы)ми-ло - му б(ы)рат(ь)ню.
 13. Ой, у ми - ла б(ы)рат(ь) - ця ро - дк - мо - го:
 Уж бы - ли пло-т(и)миць - ки из Ли - тё - ра,
 Ды бы - ли ши-ль(и)ли-ць(и)ки к-з(ы) Во - лог - ды.
 Ды вы - со - ко к(ы)ры-ль(и)цё под - ды - ну - то,

19. Не мо - гу по - й(и) - ти - по - ду - ма - ти.

23. У - ж(и) й - э - ты де - ву - ш(и) - ки для пи - бе - пок,

Ды й - э - ты де - в(ы) - ки д(ы) - ля ве - се - ль(и) - ця -

- Уж слава Богу, с(ы)лава Господу,
 Ды путь(и) - дорож(и)ка скороталасе,
 Ой, пара коней да устояласе,
 Уж колоколь(и)ци поломалисе,
 5 Ды дев(ы)ки в песён(ы)ках смешалисе.
 Ды от(ы)ношу б(ы)лагодарень(и)ицё
 Уж(и) во пер(ы)в(ы)х(ы) — коню доб(ы)рому,
 А во другиих(ы) — милому б(ы)рат(ь)цю:
 Уж(и) прокатил(ы) да меня, девушку,
 10 Ды свеселил(ы) бажону волюшку.

*(А потом, уж как выйдет она с кресел (это в креслах она поёт). А к крыльцо подхóдя, дак:)*¹

- Ды не могу пой(и)ти - подумати
 Во пилёноё к(ы)рылецюшко
 Уж(ы) без сестрици, ды без(ы) голубушки.
 Да к высоко к(ы)рыль(и)цё под(ы)дынуто,
 15 Ой, у мила б(ы)рат(ь)ця родимого:
 Уж были плот(и)ницьки из Питёра,
 Ды были пиль(и)щиць(и)ки из(ы) Вологды.
 Да высоко к(ы)рыль(и)цё поддынуто,
 Не могу пой(и)ти - подумати.

(На фатёру опять как придё, дак:)

- 20 Ой, не убойтесь(и), не сполохайтесь,
 Уж я не пол(ы)к пришла с солдатамы,
 Ды я не Питёр(ы) со бур(ы)лакамы.
 Ой, я со крас(ы)ныма девицями,
 Ды со жал(ы)кима петарицями.
 25 Уж(и) й - эты девуш(и)ки для писёнок,
 Ды й - эты дев(ы)ки д(ы)ля весель(и)иця —
 Ой(и), взвеселят(ы) да меня, девушку,
 Ой, взвеселят(ы) бажону волюшку.²

♩ 140

У_ж(и) я кня - лу ба - жо - ку во - люш - ку

Я на у - лыш - ку пла - но - ву - ю,

Ды ла до - ро - же - вь(и) ку по - что - ву - ю.

У_ж(и) пу - сь(и) - ко во - ля ды на - гу - ля - ет - це,

5. Да пусь - ко во - ля на - кра - су - ет - це.

Ды - й по - лё - тай, ба - жо - ма во - люш - ка,

На дви, на три на сто - ро - нуш - ки.

Ды ты ле - тк, во - ля, по - пти_чь(и) - ё - му,

Ды го - во - ри по - це - ло - ви_чь(и) - ё - му,

10. У_ж(и) е_шь(и) - ко т(ы) - ра - вуш - ку - о - со - ци_н(и) - ку,

11. Ды пей - ко во - душ - ку - бо - ло - тки - ку.

42. Уж(и) я тво - их
се - р(к) - де - ч(к) - ны - их ро - ди - те - лей
Бу - ду з(ы) - вать их тут по - и - мящ - ки,
Зве - ли - ца - ть(к) да по - и - зо[т] - цин - ки.

43. Да ты от - дай ба - жо - ну во - люш - ку.

62. Не бу - ду
тво - ей ма - туш - ки звать ма - туш - кой,
Не бу - ду ба - тюш - ка звать ба - тюш - ком,
Не бу - ду сес - три - ц(к) да звать сес - три - па - мы,

63. Не бу - ду брат - цев звать я б(ы) - рат - па - мы.

- Уж(и) я кладу бажону волюшку
Я не улышку плановую,
Ды на дорожень(и)ку почтовую.
Уж(и) пусть(и)-ко воля ды нагуляетце,
5 Да пусь-ко воля на красуетце.
Ды-й полётай, бажона волюшка,
На дви, на три на сторонушки.
Ды ты лети, воля, по-птичь(и)ёму,
Ды говори по-целовичь(и)ёму,
10 Уж(и) ешь(и)-ко т(ы)равушку-осоцин(ы)ку,
Ды пей-ко водушку-болотинку.
Уж(ы) полётай, бажона волюшка,
Ты во лесушка во тём(ы)нии, [...]
Во болотушка топуции.

*Ну и ушла: увели в фатёру, утянули с «волей».
А потом идёт к бабушкам:*

- 15 Уж старицьки, сядьте по лавоцкам,
Д' вы, старушки, по скамеецкам,

- Уж(ы) молодцы, подьте во синецки,
 Красны девки — во решётцаты.
 Уж(ы) пропустите д' меня, девушку,
 20 Уж ко столу да ко дубовому,
 Ды-й ко князю да ко молодому.
 Уж(ы) я к(ы)ладу бажону волюшку
 Д' я на столики дубовыи,
 Ды я на скатер(и)ки шол(ы)ковьи,
 25 Да на закусоцки медовыи.
 Дак(ы) наедайсе, воля, досыти,
 Ды напивайсе, воля, допь(и)яна.

*Ну тут опять и плачет. А плаче — как жених «волю»
 возьмет, дак й-она опять и прицйтывает тѣмока:*

- Уж ты отдай бажону волюшку,
 Ды ты отдай, не разговаривай.
 30 Уж(и) я тя буду звать по-имяцки,
 Звелицать(и) да по-изо[т]цинки.
 Уж(ы) не отдашь(и) бажонной волюшки —
 Дак(ы) [...] не без(ы)родна красна девушка:
 Уж(ы) много роду, много племени,
 35 Много братьицѣв родимых,
 Много б(ы)ратаньциков любимых.
 Ды тебе скуют ножки рез(ы)выи,
 Ды-й тебе свяжут(ы) ручки белыи,
 Как не отдашь бажонной волюшки.
 40 Ты отдай бажону волюшку,
 Да ты отдай, не роз(ы)говаривай.
 Уж(ы) я твоих сер(и)деч(ы)ных родителей
 Буду з(ы)вать их тут по-имяцки,
 Звелицать(и) да по-изо[т]цинки.
 45 Да ты отдай бажону волюшку.

Ну, а потом:

- Уж ты ж брудга, брудга-пристав(ы)ниця,
 Встань на резвыи на ноженьки,
 Ды на сафьянныи сапоженьки.
 Уж ты скажи, брудга, пожалуйста,
 50 Как зовут князя по имяцки,
 Ды звелицать(и) да по изо[т]цинки.

Да как скажет, как зовут его, она:

- Спасе Бог тя, благодарствует,
 Што сказала мни-ка, девушки,
 Как(ы) зовут князя по имяцки,
 55 Ды звелицают по изо[т]цинки.

Она опять и к жениху:

Ты отдай бажону волюшку,
 Ты отдай, не разговаривай.

Назовѣт, так он... Тяпнет она «волю», а то што и...

- Уж ты лукав(ы), да я лукавие:
 Да омманула, облукавела —
 60 Уж не буду звать тебя по имяцки,
 Ды звелицать(и) да по изо[т]цинки.
 Не буду твоей матушки звать матушкой,

65 Не буду батюшка з(ы)вать батюшкой,
Не буду сестриц(и) да звать сестрицамы,
Не буду братцев звать я б(ы)ратцамы.
Уж(ы) поди к цорту, поди к лешому!
Ты лукав(ы), да я лукавие.

Ушла она.

♩=156

Я се - го - д(ы) - неш - но - го де - ниць - ку

Дак ма - ло спа - ла, м(ь)но - го ви - де - ла,

У_ж(и) ды - й во сря - х(ы) мно - го кв - за - ло - се.

Ды по се - го - д(ы) - неш - но - му де - ниць - ку

3. У_ж(и) ко ге - б(и), ро - жо - но ак - тят - ко,

6. Дак при - хо - д(ы) ко - р(и) - ми - лень ба - гьян - ко

9. Ож, о - н(ы) вель сви - ка - мы сза - гра - ни - ц(и) - ны - ма.

10. Как ро - жо - но - ё - то ак - тят - ко!

13. У_ж(и) бе - жа - ла

по хо - ро - м(ы) - но - му стро - с - нь(и) - я - шю

Ды от - во - ря - ла д(ы) ве - ры(и) ду бо - бу - ю,

15 Уж(ы) за - пу - ска - ла, м(ы) - но - го - бе - д(ы) - нуш - ка,
 Как сво - ю за - кок - ку - ю се - ме - юш - ку -
 Ды тво - е - го ко - р(и) - миль - ця ба - тьюш - ка -
 На тво - е на про - во - же - нь(и) - це
 Уж са - мы зна - ем, са - мы ве - да - ем -
 20 Нет ко - р(и) - ми - ль(и) - ця све - та ба - тьюш - ка,
 21 Ды нет по - ку - по - цек - по - да - ро - цек,
 24 Ты ро - жо - но мо - е ди - тят - ко!
 25 Пой - дешь по лу - ти да по до - ро - жь - ки.

- Я сегод(ы)нешного денищку
 Дак мало спала, м(ы)ного видела,
 Уж(и) ды-й во снях(ы) много казалосе
 Ды по сегод(ы)нешному денищку
 5 Уж(и) ко тебе, рожоно дитятко,
 Дак приходил(ы) кор(и)милец батюшко
 Уж(и) на твое на провожень(и)ице
 Да-й он с покупками, с подар(ы)камы,
 Ой, он(ы) ведь с винамы с заграниц(и)ныма.
 10 Как рожоное-то дитятко!
 Дак уж(и) как я, да м(ы)ногобед(ы)нушка,
 Как сегод(и)няшного денищку
 Уж(и) бежала по хором(ы)ному строень(и)ицу
 Ды отворяла д(ы)верь(и) дубовую,
 15 Уж(ы) запускала, м(ы)ногобед(ы)нушка,
 Как свою законную семеюшку —
 Ды твоего кор(и)мильця батюшка —
 На твое на провожень(и)ице.
 Уж самы знаем, самы ведаем —
 20 Нет кор(и)миль(и)ця света батюшка,

Ды нет покуроцёк-подароцёк,
Ды нету вин(ы) да заграниц(и)ных,
Ды нет кормиль(и)ця света батюшка.
Ты рожоно моё дитятко!
25 Пойдёшь по пути да по дороженьки:
Уж(ы) там по левую по руцень(и)ку
Стоит белая лебёдушка.¹
Дак(ы) пок(ы)лонись(и), моё бажоноё,
Ды й-этой белою лебёдушки.
30 Клади-т(ы)ко свиц(и)ку сторублёвую,
Да кладь-ко пелену шолковую,
Штобы Гос(ы)поди помиловал
Уж от врага от супостатого,
Ды и от пуль от снаряжённых.

♩ = 176

Уж вы за - вет - те, вет - ры бу - й(ы)ны - е,
 Да роз - ке - си - те пе - сню жо - лы(ы)ты - е
 Уж ты роз - дьви - нь(и)се, мать сы - ра зе - м(и)ля,
 Уж рас - ко - ли - сь(и)ко, гро - бо - ва до - ска,
 Уж по - ка - жи - сь(и)ко, те - ло бе - ло - е,
 Те - ло бе - ло - е, у - ме - р(ы)шо - е,
 Ды ро - ди - тель(и)мо - ей ма - туш - ки
 Уж на - ле - ти - те сне - ба я - сь(и)на - го,
 Сне - ба в - н(и)ге - лы - а - р(ы) - ха - м(и)ге - лы
 10 Уж да - й(и)те вно - же - нь(и)ки хож - ае - нь(и)и - ца,
 Да - й(и)те в(ы) ру - че - нь(и)ки ре - з(и) - ве - нь(и)и - ца,

Уж(ы) в бе-лы гру-дьюш-ки взды-ха-нь(и)-и-ца,
 Бяс-ны о-че-нь(и)-ки г(ы)ля-же-нь(и)-и-ца,
 Уж во ус-та да го-во-ре-нь(и)-и-ца.
 15. Уж встань, ро-ди-тель(и) мо-я ма-туш-ка,
 Уж ты ко м(ы)-не, ко м(ы)-но-го-бе-д(ы)-куш-ке.
 Уж как жи-ва-ла я, мно-го-бе-д(ы)-на-я,
 Уж во жи-тх да во в(ы)до-ви-на-сь,
 Уж ро-щу до-чь(и) да (в) си-ро-ти-но-ю.
 20. Уж как не во по-ру, не во в(ы)ре-мя,
 Ой, мо-я си-ла из-но-си-ла-се
 И зло-ро-вь(и)-ё под-ко-си-ло-се...

Уж вы завейте, ветры буй(и)ные,
 Да рознесите пески жол(ы)тые.

Уж ты роздвинь(и)се, мать сыра зем(ы)ля,
 Уж расколись(и)-ко, грובהа доска,

5 Уж покажись(и)-ко, тело белоё,
 Тело белоё, умёр(ы)шоё,
 Ды родитель(и) моёй матушки.

Уж налетите с неба яс(ы)наго,
 С неба ан(и)гелы-ар(ы)хан(и)гелы.

10 Уж дай(и)те в ножень(и)ки хождень(и)ица,
 Дай(и)те в(ы)ручень(и)ки рез(и)вень(и)ица,
 Уж(ы) в белы грудюшки вздыхань(и)ица,
 В ясны очень(и)ки г(ы)ляжень(и)ица,
 Уж во уста да говорень(и)ица.

15 Уж встань, родитель(и) моя матушка,

Уж ты ко м(ы)не, ко м(ы)ногобед(ы)нушке.
Уж как живала я, многобед(ы)ная,
Уж во житьи да во в(ы)довинаей,
20 Уж рошу дочь(и) да (в) сиротиною.
Уж как не во пору, не во в(ы)ремя,
Ой, моя сила износиласе
И здоровь(и)ё подкосилосе...

12

♩=176

Уж ты от - крой - ся, дверь ду - бо - ва - я,

Да_к(ы) ты на пе - тёл - как шол - ко - вы - их.

Зай - ги на бу - ев - ку ро - ди - те_ль(к)ску,

А на мо - гил - ку чо - ло - ви - че_ль(к)ску.

5. У_ж(и) вы не вей - те, вет - ры бу_й(и)ны - х,

'Ак не шу - ми, рош - ша зе - лё - ка - я,

'А_к(ы) не ша - тай - тесь, де - ре - ви - ноч - ки,

Да_к(ы) не ле - ти - те - тко, ли - сти - ноч - ки.

Уж при - от - крой - ся, луть - ло - ро - ж_нь(к)ка,

10. 'А_к(ы) на бу - ев - ку ро - ди - те_ль(к)ску,

А на мо - гил - ку чо - ло - ве - че_ль(к)ску:

Уж ко ро - ди - те_ль(к)сво - ёй ма - туш - ки

13. Ды ко ро - ди - те - лю ко ба - тьюш - ку -

16. А сес[т]ь ко рез - вы - им ко но - жень - кам -

17. 'Ак и не вид - но лич - ка бе - ло - го,

21. 'А_к(ы) по - ка - жись - ко, гро - бо - ва до - ска,

'Ак у ро - ди - те - ля у ба - тьюш - ка,

у ро - ди - те_льфо ей ма - туш - ки.

'Ак по - ка - жись - ко, те - ло мер - тво - ё,

25. А по_ка - жись - ко, лич - ко б(ы) - лек - ло - ё.

'Ак уж вы вста - ньте - тко, ро - ди - те - ли,

'А_к(ы) вы на рез - вы - х на но - же_ньф)к,

'Ак вы от - край - те о - чк яс - ны - х.

Уж ты откройся, дверь дубовая,
Дак(ы) ты на петёлках шолковых.
Зайти на буёвку родитель(и)ску,

А на могилку чоловичель(и)ску.

5 Уж(и) вы не вейте, ветры буй(и)ныи,

'Ак не шуми, рошша зелёная,

'Ак(ы) не шатайтесь, деревиночки,

Дак(ы) не летите-тко, листиночки.

Уж приоткройся, путь-дорожень(и)ка,

10 'Ак(ы) на буёвку родитель(и)ску,

А на могилку чоловечель(и)ску:

Уж ко родитель(и) свой матушки

Ды ко родителю ко батюшку —

'Ак сес[т]ь на буёвку родительску,

15 А на могилку чоловечель(и)ску.

А сес[т]ь ко резвыим ко ноженькам —

- 'Ак и не видно личка белого,
А сес[т]ь как рядом на середочку —
'Ак и не видно ретива серь[д]ца.
20 Уж поростронь(и)се, мать сыра зем(ы)ля,
'Ак(ы) покажись-ко, гробова доска,
'Ак у родителя у батюшка,
У родитель(и) моей матушки.
'Ак покажись-ко, тело мёртвое,
25 А покажись-ко, личко б(ы)леклоё.
'Ак уж вы встаньте-тко, родители,
'Ак(ы) вы на резвыи на ножень(и)ки,
'Ак вы откройте очи ясные.
Дак(ы) пойдете-тко, пожалу [й]ста,
30 А во любимыи во гостюшки:
Уж там родня вся собирайтцы,
'Ак только вас да дожидаетци.
Столы дубовыи поставлены,
'Ак зелена вина наставлено,
35 Уж самовары вскипячоныи.

Уж ты под-руж-ка мо-я ми-ла-я,
 Дак уж ты дочь мо-я ба-жо-на-я!
 'А-к(ы) ты по-што по-шла-по-лу-ма-ла
 'А-к(ы) во про-кля-то-ё за-му-жьк-по?
 5. Ве-дь(и) как за-му-жьк-по не шу-точ-ка
 Дак и не ку-коль-ня иг-ру-шоч-ка,
 Не ро-бя-чьё спо-те-ша-ньк-по.
 У-ж(и) на су-ди-мой-то сто-ро-нуш-ки
 Дак над' до-ме-точ-ки-на сто-поч-ки,
 Ю. А и до-га-доч-ки-на гря-до-ч(и)-ки.
 Уж как пойт-ти, на-до спро-си-ти-ся,
 Д и прийт-ти, на-до ска-за-ти-ся.
 'Ак на-доть си-жуш-ка зве-ри-на-я,
 А мо-гу-та да-ло-ша-ди-на-я.

Уж ты подружка моя милая,
 Дак уж ты дочь моя бажоная!
 'Ак(ы) ты пошто пошла-подумала
 'Ак(ы) во проклятоё замужьцо?
 5. Ведь(и) как замужьцо не шуточка
 Дак и не кукольня игрушочка,
 Не робячьё спотешаньицо.
 Уж(и) на судимой-то сторонушки

Дак над' дометочки — на стопочки,¹
10 А и догадочки — на грядоч(и)ки.
Уж как пойти, надо спроситися,
А и прийти, надо сказатися.
'Ак надоть силушка звериная,
А могут да лошадиная.

♩ 140

Да по - мо - лит[ь]ца м(ы)не, по - кла - нит[ь]ца,
 Да мне на все че - ты - ре сто - ро - ны
 3. Да всем бо - ль(и) - ши м(ы)свя - тым у - го - д(и)ни - кам,
 6. С де - воч - ей во - люш - кой про - сти - ла - ся,
 С де - воч - ей во - люш - кой рос - ста - ла - ся.
 8. Да с под - не - во - лей повс - тре - ча - ла - ся.
 11. Да г(ы)де - то есть у м'ня, у бе - д(ы)нуш(ы)ки,
 У под - не - воль - ной крас - лой де - жуш(ы)ки,
 13. Да есть сес - три - ца мо - я род - на - я.
 47. Как ка по - ля - х(ы)да лю - ди слы - ши - ли,
 Да ла луж - ка - х(ы)да лю - ди ж - ли - ли.
 Да к зпо - ми - на - й(и), под - руж - ка ж - ли - ла - я.

Да помолит[ь]ца м(ы)не, поклонит[ь]ца,

Да мне на все четыре стороны

Да всем боль(и)шим(ы) святым угод(и)никам,

Да Прис(и)вятой(и) да Богородицы.

5 Што я ведь(и) в баён(ы)ки намылася,

С девочьей волюшкой простилася,

С девочьей волюшкой рассталася,

Да с подневолей повстречалася.

Да от(ы)дают(ы) меня, голубуш(ы)ку,

10 Да на чужую да на сторону.

Да г(ы)де-то есть у м'ня, у бед(ы)нуш(ы)ки,

- У подневольной красной девуш(ы)ки,
Да есть сестрица моя родная.
Да подойди-ко ко мне, к бед(ы)нушки,
15 Да ты накин(и)-ко ручки белые
Да на мои плеча ретивые.
Дак ты возь(и)ми-ко мою волюшку
Тебе на буй(и)ную головушку:
Мне больше в девушках не хаживать,
20 Девочьёй волюшки не нашивать.
Пускай-ко волюшка красуетце,
Девочь(и)ёй жизнью интересуется.
А от(ы)дают(ы) меня, побед(ы)нушку,
Да на чужую даль(и)ну сторону,
25 Да за седую да за бороду.
Как(ы) на чужой(й) дальнёй сторонущ(и)ки
Да старый муж-то будёт(ы) битися,
Будёт свёкровушка бранитися,
Да будёт деверь-то ругатися,
30 Будёт золовка издеватися:
Штобы на к(ы)рылечко не выскакивать,
Штобы в окошко не выглядывать,
Дёр(ы)жать подушечку подружень(и)кой,
Дёр(ы)жать постелюшку соседущ(ы)кой.
35 Да от тоски да я, от горюшка,
Да я засох(ы)ну, как(ы) тростиночка,
Да я повяну, как(ы) травиноч(и)ка,
Спадут с лица румян(ы)цы алыя,
Да почер(и)неет лич(и)ко белое.
40 Ты споминай(и), сестрица род(ы)ная,
А как(ы) ходили с тобой в девушках
Да по полям(ы) да по зелёным,
Да по лужкам(ы) да по широкиим —
Да по иль(и)ин(ы)ские по ягодки,
45 Да по иван(ы)ские по венич(и)ки,
Да распевали всяки песён(ы)ки.
Нас на полях(ы) да люди слышили,
Да на лужках(ы) да люди видели.
Дак вспоминай(и), подружка милая.

15

192

Ой, вы за - вий - те, вет - ры бу - й(и) - ны - и,
 Ой, роз - не - ск - ко мать сы - ру зем - лю,
 Ой, по - ка - жись - ко, гро - бо - ва до - ска,
 Ой, по - ка - жись - ко, те - ло бе - ло - ё,
 5. Ой, те - ло бе - ло, лич - ко блё - к(ы) - ло - ё.
 Дай - ко Бог да дай - ко Го - с(в)и - по - ам,
 Ой, дай - ко в ру - цях - ки ма - ма - ны - ц(а),
 Дай - ко в но - жех - ки хо - же - лы - ц(а),
 Ой, во яс - ны гла - за гля - же - ны - ц(а),
 10. Да во(с) ус - та да го - во - ре - ны - ц(а).
 32. Да - к(ы) во - ро - на ко - ня - то не е - ж(ы) - лёк - на.
 А воль - му са - нок - ки - то ле - ка - тап - ны,
 Вя - зо - ву - то ду - гу ле - шья - гап - ку,
 33. Шол - ко - ву плё - тку ле - шья - с(ы) - тап - ну.

Ой, вы завийте, ветры буй(и) ны,
 Ой, рознеси-ко мать сыру землю,
 Ой, покажись-ко гробова доска,
 Ой, покажись-ко тело белоё,
 5 Ой, тело бело, личко блёк(ы) лоё.

- Дай-ко Бог да дай-ко Господи,
Ой, дай-ко в руценьки маханьиц(а),
Дай-ко в ноженьки хоженьиц(а),
Ой, во ясны глаза гляженьиц(а),
10 Ды во(с) уста да говореньи(ца).
Ой, ты корминец света батюшк(о)!
Я пришла к тебе с обидушк(ой).
Дак(ы) мне встречалосе три стретушк(и):
Перва стретушка с круцинушк(ой),
15 Друга стретушка с обидушк(ой),
Ой, третья стрета — горюци с(ы)лёзы.
Первой стретушки смолила(се),
Другой [в] ножках поклонила(се):
Ой, пропустите меня, бед(ы)нушку,
20 Ко сырой да ко могилушк(и),
Ой, ко корминьцу света батюшку.
Ой, как корминец света батюшко!
Ты поедём-ко, пожалуйста(а),
Ой, во любовно цасто гос[т]би(щё).
25 Дак посулись, корминец батюшко,
'Ак если к летному Петрова дн(и),
Дак возьму лодоцку дубовую,
Возьму веслица как перышка. [...]
Ой, посулись, корминец батюшко,
30 Уж о снег к зимному Христова дни,
Дак я приеду, сиротня девушка,
Дак(ы) ворона коня-то нееж(ы)дённа.
А возьму саноцки-то некатанны,
Вязову-то дугу невпряганну,
35 Шолкову плётку нехлыс(ы)танну.
Дак привёзу корминьца батюшка
Во любовноё гостёбищё.

♩ = 176

По - сле мо - ё - го бы - ва - нь(и) - и - ця,
 Ды по - сле мо - ё - го хо - же - нь(и) - и - ця,
 Ой, за - ро - сла - се - пу - ть - до - ро - же - нь - ка
 О - на е - ль(и) - ни - ць - ком - бе - ре - з(и) - ни - ць - ком,
 5. А ця - стым ме - л(ы) - ки - им фе - рес - ни - ць - ком.
 Ой, ох - ти м(ы) - не, м(ы) - не - ка то - ш - нё - шень - ко!
 Ой, мне - ка, е - ль(и) - ни - ць - ку не вы - ру - бить,
 Ды фе - ре - с(и) - ни - ць - ку не вы - топ - тать.

- После моёго бывань(и)иця,
 Ды после моёго хожень(и)иця,
 Ой, заросласе путь-дороженька
 Она ель(и)ницьком-берез(и)ницьком,
 5 А цястым мел(ы)киим фересницьком.
 Ой, ох-ти м(ы)не, м(ы)не-ка тошнёшенько!
 Ой, мне-ка ель(и)ницьку не вырубить,
 Ды ферес(и)ницьку не вытоптать.
 Ой, подойти да мне-ка, бед(ы)нушки,
 10 Ой, еще к вашей к новой горёнки.
 Ой, стала к горёнки двигатисе,
 Ды стала горёнка терятисе.
 Ой, не пугай(и)тесь-ко, бажонные,
 Ой, я пришла ведь к вам ведь, гос(и) [ть]юшка,
 15 Ой, я пришла да не недель(и)няя,
 Ой, я пришла гос [т]ья цясовая.
 Ды мне повыс(ы)казать обидушка,
 Ды повыкидать круцинушка.
 Ой, ох-ти м(ы)не, м(ы)не-ка тошнёшенько!
 20 Ды послушайте, сер(и)децьные!

Ой, мне-ка в лет(ы)ной день не вып(ы)лакать,
 Ды осённу ночь не высказать,
 Ды на [г]ёр(ы)бовой лист не выписать.
 Ды бажоны да сер(и)дець(и)ныи!..

КОММЕНТАРИИ

В основу группировки публикуемых материалов положены географические параметры. Это позволяет компактно разместить тексты, записанные от одной и той же исполнительницы. В состав паспортных данных звукозаписей входят обозначение места их хранения (Фонограммархив ИРЛИ), а также архивный шифр (магнитофонный фонд, номер единицы хранения и порядковый номер фонограммы).

Все расшифровки выполнены автором публикации (к сожалению, имевшаяся в рукописи система ранжира отображена в нотном оригинале недостаточно точно). Графика поэтических текстов отражает особенности композиционной структуры многострочных напевных периодов. Поэтические тексты передаются по нормам современной орфографии с сохранением ряда особенностей местного диалекта. «Г» фрикативное выделено курсивом. Не отражаются фонетические явления, соответствующие нормам литературного произношения. Квадратными скобками обозначены отсутствующие на фонограмме фонемы. Конъектурная правка заключается в угловые скобки. Отточиями в квадратных скобках отмечены случаи нарушения стабильности исполнительского процесса (остановки, ошибки, оговорки и пр.). Пропуски в нотном тексте обозначены отточиями в угловых скобках.

1. ФА ИРЛИ, МФ 3007. 06. Каршевский с/с, д. Ярчево. Исп.: Анна Андреевна Сёмина, 1909 г. рожд. (уроженка д. Каршево). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 29.08.1984. Похоронное причитание в избе у гроба племянника. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
¹ племянничка.
2. ФА ИРЛИ, МФ 3020. 02-03. Каршевский с/с, д. Каршево. Исп.: Мария Николаевна Сухова, 1911 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова, А. Д. Троицкой и В. П. Шиффа 16.12.1984. Похоронные причитания матери по сыну во время выноса гроба из избы, а также на кладбище. Напев транспонирован на 2 1/2 тона выше.
3. ФА ИРЛИ, МФ 2986. 03. Пудожский с/с, д. Кулгала. Исп.: Татьяна Осиповна Плешкова, 1900 г. рожд. (уроженка д. Остров Кривецкого с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 23.08.1984. Поминальное причитание на могиле брата. Напев транспонирован на 1 тон выше.
4. ФА ИРЛИ, МФ 2978. 08. Кривецкий с/с, д. Кривцы. Исп.: Мария Ивановна Максимова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Колово Пудожского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 22.08.1984. Поминальное причитание на могиле дедушки. Напев транспонирован на 1 1/2 тона выше.
¹ вереском.
² сиропны.
5. ФА ИРЛИ, МФ 2975. 04. Паспортные сведения см. коммент. 4. Свадебное причитание невесты в день просватанья. Напев транспонирован на 1 1/2 тона выше.
¹ пятьдесят.
² По окончании исполнения причети был проинтонирован опущенный фрагмент текста:

Уж подхожу бедна горящиця
 Уж как к кирпичной белой печеньки.
 'Ак поспрошу я, красна девушка,
 Уж у кирпичной белой печеньки
 Уж как про чужого чужанина —
 Уж про млада сына отецкого.
 Уж как не бает да-й не говорит
 Уж как кирпична бела печенька.

(ФА ИРЛИ, МФ 2975. 05)

- 3 На фонограмме зафиксирована оговорка исполнительницы:

'Ак у брусовой белой лавочки.

6. ФА ИРЛИ, МФ 3041. 05. Авдеевский с/с, д. Авдеево. Исп.: Пелагея Федоровна Костина, 1912 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 10.06.1985. Свадебное причитание. Невеста встречает подружку, приходящую в гости «на неделе» («когда невеста невестится»). Напев транспонирован на 1 тон ниже.
7. ФА ИРЛИ, МФ 3103. 18. Паспортные сведения см. коммент. 6. Запись А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 21.06.1986. Свадебное причитание невесты за столом в гостях у сестры после угощения («покушают и вот благодаренье сестры и отдават»). Напев транспонирован на 2 тона ниже.
¹ Конъектура в соседних строках вызвана оговорками исполнительницы.
8. ФА ИРЛИ, МФ 3089. 04-06. Авдеевский с/с, д. Песчаное. Исп.: Анастасия Дмитриевна Исакова, 1907 г. рожд. (уроженка д. Рындозеро Авдеевского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 16.06.1985. Свадебное причитание. Невеста приезжает в гости («с добровтом») к замужней сестре и начинает причитать около избы, не выходя из саней. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

¹ Здесь и далее приводятся исполнительские ремарки, сопровождавшие пересказ текстов причитаний (ФА ИРЛИ, МФ 3087.04).

² На фонограмме ФА ИРЛИ, МФ 3089.09 зафиксирован вариант:

Ды спотешают(ы) мою волюшку.

9. ФА ИРЛИ, МФ 3108.07-09. Паспортные сведения см. коммент. 8. Запись А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 24.06.1986. Фрагмент развернутого цикла причитаний в свадебный день. Невеста «сдаёт волю» и кладет на стол ленточку из косы, которую берет жених. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
10. ФА ИРЛИ, МФ 3090.09—3091.01. Паспортные сведения см. коммент. 8. Рекрутское причитание матери в избе перед отъездом сына. Согласно свидетельству исполнительницы, при отправлении сыновей в армию было принято причитать лишь вдовам. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.
¹ белокаменная церковь.
11. ФА ИРЛИ, МФ 3062.04. Авдеевский с/с, д. Римское. Исп.: Клавдия Павловна Тимофишина, 1922 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова, А. В. Осипова и А. Д. Троицкой 13.06.1985. Поминальное причитание на могиле матери. Исполнительница была остановлена разрыдавшимися односельчанками, присутствовавшими на сеансе звукозаписи. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.
12. ФА ИРЛИ, МФ 2933.01. Кубовский с/с, д. Кубовская. Исп.: Наталья Васильевна Бычкова, 1907 г. рожд. Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 09.08.1984. Поминальное причитание на кладбище у могил родителей.
13. ФА ИРЛИ, МФ 2932.04. Кубовский с/с, д. Кубовская. Исп.: Анна Александровна Беляева, 1913 г. рожд. (уроженка д. Водла Водлинского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 09.08.1984. Свадебное причитание матери «на просватовстве». Напев транспонирован на 2 1/2 тона ниже.
¹ вешалка для одежды.
14. ФА ИРЛИ, МФ 2955.05. Колодозерский с/с, д. Погост. Исп.: Ирина Константиновна Богданова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Щанниково Колодозерского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 18.08.1984. Свадебное причитание. Невеста возвращается из бани в избу и подходит к сестре «сдавать волю». Они стоят обнявшись, невеста плачет. Напев транспонирован на 1 тон выше.
15. ФА ИРЛИ, МФ 3122.07—3123.01. Куганаволокский с/с, д. Куганаволок. Исп.: Анастасия Васильевна Пономарёва, 1911 г. рожд. (уроженка д. Рагунова Куганаволокского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 18.05.1986. Поминальное причитание на могиле отца.
16. ФА ИРЛИ, МФ 3142.03. Куганаволокский с/с, д. Канзанаволок. Исп.: Евдокия Архиповна Демидова, 1911 г. рожд. (уроженка д. Калакунда бывш. Канзанаволокского с/с). Зап. А. Ю. Кастрова и А. Д. Троицкой 28.05.1985 в г. Пудоже. Свадебное причитание. Невеста причитает дома, возвратившись из гостей (после «поездки с добровтом»).

О. Р. НИКОЛАЕВ

СКАЗКИ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

(сказочница М. И. Патрикova)

Летом 1987 г. фольклорная экспедиция ЛГПИ им. А. И. Герцена (ныне Российский государственный педагогический университет) работала в Западнoдвинском районе Калининской области, продолжая обследование региона псковско-смоленского пограничья, начатое зимой 1987 г. в соседнем, Торопецком, районе. Исторически Западнoдвинский район относился северной своей частью к Торопецкому уезду Псковской губернии, южной — к Бельскому уезду Смоленской. Граница проходила именно по Западной Двине. В определенной степени это и граница местных традиций народной культуры. Конечно, зона перехода размыта, захватывает значительную территорию. Многие признаки этого процесса, касающиеся этнографии, диалекта, напевов, общего колорита и структуры традиции, проявились уже в летней экспедиции. Одной из главных задач полевых исследований было выявление традиций народной прозы. Записано более 500 текстов несказочной прозы, 45 сказок (из них 27 волшебных). Необходима серьезная постановка вопроса о местной сказочной традиции, тем более что в литературе этот регион освещен крайне слабо. Представление о смоленских сказках дает только издание В. Н. Добровольского,¹ о псковских — сборник В. И. Чернышева² и немногочисленные отдельные публикации. О не столь давней живой жизни сказки в этих местах говорит не только количество записанных текстов, для современной ситуации немалое. 37 сказок записано от трех профессиональных исполнительниц, мастеров жанра: Клавдии Терентьевны Клишковой (1917 г. рожд.) — 10; Матрены Ивановны Патриковой (1893 г. рожд.) — 8; Анны Романовны Ростовской (1908 г. рожд.) — 19. Репертуар каждой сказочницы когда-то был гораздо обширнее. Так, К. Т. Клишкова знала около сорока сюжетов. Лет пятнадцать назад была потеряна последняя аудитория слушателей сказок — детская: и по причине немногочисленности детей в современной деревне, и вследствие вторжения в сельский быт телевидения. С тех пор сюжеты, сказочные формулы, интонации перешли в сферу пассивной памяти и постепенно забываются, хотя иногда сказки и рассказываются «про себя», когда не спится (по словам А. Р. Ростовской).

Настоящая публикация посвящена искусству Матрены Ивановны Патриковой, сюжетный репертуар и исполнительское мастерство которой доносят до нас память о «золотом веке» сказочной традиции. Матрена Ивановна живет в д. Староселье Васьяковского с/с. Это юго-западный угол района. В отличие от «цивилизованной» северной части, где проходят автомобильная и железнодорожная трассы Москва—Рига и каждое лето население пополняется московскими туристами и дачниками, болотистый южный край — место глухое и труднодоступное. Асфальтовая дорога из райцентра доходит до большого поселка Ильино. Дальше до деревень двух совхозов, расположенных у границы с Псковской областью, весной и осенью могут добраться только гусеничные тракторы. До Староселья 18 км от Ильина. В деревне сейчас 23 дома. В ней же живет и А. Р. Ростовская.

Матрена Ивановна родом из деревни Миняково, которая находится в 10 км от Староселья, но за Западной Двиной, т. е. уже в Куньинском районе Псковской области. На эту сторону Двины Матрена Ивановна шла замуж, с этим переходом через реку связано и осмысление ею своей жизни: «Ну, паплакала... вволю, сюда шла. Приду к реке — ну, зачим было идти за реку, милые май! Када свадьба была, мальци мне даже в волосы плявали, плявали...: „Верно, девка тронулась ума, — гарит, — разве женихоу, — г-т, — не хватит, идти за реку, за ваду такую“. А вот судьба, верно! Судьба и судьба. Всю жись зато клянцую сваю жись». Вышла замуж Матрена Ивановна на 21-м году, т. е. в 1914 г., по всей видимости, во время первой мировой войны, парней из ее деревни забрали в армию. С мужем она прожила «только двадцать гадоу», в 1936 г. он умер. Рассказ Матрены Ивановны о ее девичьей жизни в родительском доме окрашен в светлые тона; вся последующая жизнь исполнена непосильного труда, горя и слез: «О, господи, што только я ня робила, што только я ня робила. На такие работе, што куды патяжéлей». Было у Матрены Ивановны 5 детей: двое умерло до войны в детском возрасте; сын погиб в войну; дочь умерла в Ленинграде во время блокады; младший сын, Алексей Петрович (1933 г. рожд.) живет в Староселье. До 60 лет Матрена Ивановна работала в колхозе (дояркой, скотницей и др.). Пенсия не избавила ее от труда, понятого как смысл жизни: «Знать, цююж кров не дау бог пить». Только два года назад Матрена Ивановна перестала принимать у себя в доме «пастаяльцеу», приезжающих работать в совхоз, готовя и стирая для них. Сейчас она плохо видит и слышит, но живет одна в своем доме, даже держит кур: «Я

¹ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1 // Записки Русского географического общества. Т. XX. Далее сокращено: Добровольский, номер текста.

² Чернышев В. И. Сказки и легенды пушкинских мест. М.; Л., 1950.

сама б, кабы ня глаза, все б я... троху капалася. Но уже... сильно плакала, много горя перенясла». У Матрены Ивановны высокий нравственный авторитет в деревне, к ней и сейчас ходят поделиться своими несчастьями: живой и ясный ум не изменил ей. Она принадлежит к уже ушедшему культурному и нравственно-психологическому крестьянскому типу. Об этом свидетельствуют: архаичность местного диалекта в ее устах, не похожий на современный интонационный строй речи, иное осмысление мира и своей судьбы. Так, говоря о неприятии матерной брани, Матрена Ивановна употребила архаичскую формулировку: «На матку-зямлю не клала, на божьую мать не клала».

В момент нашей встречи с Матреной Ивановной Патриковой в ее памяти лучше всего сохранились сказки. Она рассказала 8 сказок, из них две — легендарные. Репертуар раньше был значительно шире, упоминала Матрена Ивановна сюжеты о «жар-птице» и «коньке-горбунке». Сказки она переняла из семейной традиции: «...матка мая гаварила, и баба гаварила, и дед»; «...и батька любіу слухат, батька не умеу гаварить, а матка умела всякие». По воспоминаниям сказочницы, сказка являлась одним из важнейших элементов крестьянского культурного быта: «...дванадцать часоу было — слухают, все рассказывают. Бывало сабярутся, смяются, гаворють, а теперь только брешутся, теперь адин аннаго ненавидють».

Шесть сказок Матрены Ивановны — волшебные, причем с явным преобладанием эпико-героического колорита. Сюжет змеборства представлен не только классическим «Суцым сыном». В сказке «Сарока» создается парадоксальная, но художественно убедительная ситуация совмещения в образе Дитятки-Соломки героя-мудреца и богатыря-змеборца. В каждой сказке присутствует «богатырская» характеристика образов: «сильный, магуций багатырь Иван-дурацёк» в «Сивце-бурце» и «Настасее-прекрасее»; «карова-багатырка» в «Каровушке-бялюношук»; «багатырский кремешок» в «Ляксе Гаремыке» и т. д. В «Сароке» и «Настасее-прекрасее» встречается формула: «ездил на палевань», «дай палевань!». В польском и белорусском языках это слово *rolowanie* известно со значением «охота». Но по контекстному употреблению формула Патриковой сродни былинному «общему месту»: «поляковать», «полякованье».

Матрена Ивановна точно соблюдает сказочную обрядность, образно-формульный строй ее сказок сохранился в удивительной полноте. Заслуживает внимания неразрушенная ритмико-интонационная цельность повествования. Односельчане говорят, что она рассказывает сказки «как стихотворение». По ее исполнению, по всей видимости, можно судить об архаической манере сказочников: стилистическому «обряду» соответствует «обряд» интонационный. Повторение словесной формулы сопровождается и воспроизведением той же интонации, конечно, при условии богатейшего эмоционального варьирования. Причем в запоминании формул ведущую роль играют именно ритм и интонация. Так, Матрена Ивановна, даже не припоминая некоторых слов, не может остановиться или замедлить темп речи. Пропуски заполняются невнятными словами и обрывками слов, отдельными слогами. Ритмико-интонационный период всегда оказывается завершенным, его цельность не нарушается. Такая манера напоминает традицию словесных импровизаций, например дружек на свадьбах.

Эмоциональный строй сказок Патриковой удивительно богат и заслуживает специального исследования, тем более что исполнительская психология жанра сказки практически не изучена. Поразителен лиризм, проявляющийся в наиболее напряженных моментах повествования: например, описание последней ночи боя в «Суцым сыне». О недавней трагической гибели своего внука Матрена Ивановна рассказывала с такими же интонациями, в которых смешались слезы жалости с улыбкой трагического умиления.

По сюжетному составу сказок, их образному богатству, «музыке» исполнения Матрена Ивановна Патрикова несомненно принадлежит к незаурядным представителям русской сказочной традиции.

В данной публикации представлен весь сказочный репертуар исполнительницы. Тексты печатаются в последовательности их записи, что в определенной степени отражает иерархию сюжетов в сознании сказочницы, степень цельности и сохранности повествования. Все сказки записаны в июле 1987 г. студенткой I курса Н. Н. Кочковой, аспиранткой кафедры русской литературы Л. И. Окуневой, ассистентом кафедры О. Р. Николаевым. «Настасея-прекрасея» публикуется по варианту, записанному в октябре 1987 г. О. Р. Николаевым. Летом эта сказка была рассказана последней.

Для публикации избран принцип полной, адекватной передачи импровизационного потока речи сказочницы, включая несмысловые паузы, ошибочные слова — все, что относится к процессу припоминания текста. Все подобные случаи выделяются угловыми скобками. В современной ситуации отрицания традиции самый механизм воспроизведения сказочного повествования, тягущегося в пассивной памяти, представляет ценность для характеристики последних представителей сказочного исполнительского мастерства. В прямые скобки заключены слова, части слов, отдельные буквы, невнятные в звукозаписи, пропущенные, произнесенные скороговоркой.

В соответствии с задачей воспроизведения художественной выразительности диалекта и передачи близкой к звучанию языковой ткани сказочных текстов передаются следующие фонетические особенности.

1) Аканье. Передается в предударных позициях, заударные редуцированные обозначаются через «о»: «балото», «гасударство». В предложениях, являющихся проклитиками, в целях облегчения чтения текста аканье не передается: «по царству», «про яго», «подо мной» и т. д.

2) Яканье: «березье», «яго». В случаях, где звук средний между «я» и «е», выбирается написание, отражающее наиболее близкое звучание: «дванадцати», «двенадцати».

3) Во всех случаях обозначается «ё», так как часто встречаются расхождения с современной орфоэпической нормой («встаеть», «идеть») и варианты произнесения («есь» и «ёсь», «яе» и «яё»).

4) Передается звук «и» в словах: «ись» («есть»), «вси».

5) Цоканье: «малыцик», «чистенько». В сложных случаях звука, среднего между мягкими «ц», «ч» и «т», передается наиболее близкое звучание в каждой конкретной ситуации: «ци», «чи», «ти». Редко возможно твердое «ч»: «ничаво», «чутно». Так же обозначается мягкость «ц» в позициях вместо «ч»: «дурацёк», «луцше», «Цюдо-Юдо».

6) Фрикативный «г» употребляется во всех случаях. На письме особым знаком не передается. В окончаниях прилагательных, причастий, числительных и местоимений в родительном и винительном

падежах чаще произносится фрикативный «г»: «этого», «ядиного». Возможны случаи сложного «в» — с оттенком фрикативного «г»: «аннаво». Иногда фрикативный «г» в конце слова отчетливо переходит в «х»: «ничёх».

7) Варианты произнесения в словах: «ланно» и «ладно», «пасленний» и «паследний».

8) Часто употребляется слово «говорит» как вводное в полных формах «гаварить» и «гаворить» и в разнообразных случаях скороговорки: «га-рит», «гав-рит», «г-т».

9) Передается смягченный согласный «т» в глагольных формах 3-го лица: «бягить», «встаеть», «ржеть» и др. Возможно и твердое звучание.

10) В случаях, совпадающих с современной нормой произношения, передаются: «ш» в словах «что», «чтобы»; долгий «ж» («выяжжаеть»).

Приношу глубокую благодарность студентам факультета русского языка и литературы РГПУ им. А. И. Герцена, оказывавшим помощь в расшифровке текстов.

1. САРОКА

Сарока яйцы клала, жопу драла, пастушкí нашли, надýхали — яна взýла, аткинулась. Раз это как... пташки аткидываються, кагда нáйдешь, где надýхают. Ворон раз прилетеў, ворон два прилетеў, ворон третий раз ўзяў да и сеў на эты яйцы. Сядеў, три нядели сядеў, высядеў сараканят. Кармиў две нядельки в килках, а две нядели в пушку, сараканяты палятели эты за вороном. И увидела эта сарока, што сараканяты палятели за вороном: «Ох, это ж маи дети!»

Схвати́лась с етым вороном драться:

— Агдавай, это маи дети.

— Нет, — гаварить, — это маи дети. Я, — гаварить, — сядеў три нядели, — гаварить, — атсядеў, да две нядели в килках кармиў их, да две нядели в пушку, и тяперь, — гаварить, — аны палятели за мной — это маи дети.

— А, не. Дрались — пайдём к царю на суд.

— Хм, пайдём.

А царь быў — как сицяс же зъезды, так же ж и раньше зъезды были, там вот в гасударстве зъезжуются, и ён паехаў на несколько месяцев туда, на зъезд.

А царевня была бяременна, савсим уже радить скоро ей надо. Ну царевня судила ды делала, присудила — сарокины дети. Так, и младенец атребыва[ет]: «Блядь по бляди и пагадываеть». Што няправильно присудила яна. А ана:

— Слуги маи милые, слуги маи верные, возьмите б[у]лат-нож, возьмите маю белую грудь и выймите из мене етово блазня¹... вон, каторый аветиў еще у меня в [у]требѣ.²

— Ай царевня (...), батюшка (...), да ты ж ражаешь, на што ж тебе ето портить сябе, сама сябе. А ты луцьше как ражай, так на яго гла́зы ня вскинъ. Куды ты прикажешь, туды мы яго и патрябём.

Ну так и ана сагласилась. Ти много, ти мало... Лягла, радýла — мальчик такей хароший — он багатырь радиўся, раз уже он аветиў. (Нясуть) «Нясите мне... нажанку,³ сердце принясите. Разарвите яго и и (на) сердце принясите».

Яго нясуть, а ён растёт на руках. «Ну как мы так будем губить этого рябёнка, ах, боже мой. Ай, возьмём мы паймаем шшанка, разарвём, сердце ўсунем, ана и ни паймётъ. А этого рябёнка, дед там есь бяздетный, паложим мы яво в саломку, дед пайдётъ живатине класть и найдётъ».

Взяли шшанка разарвали, сердце всторнули (на сердце) на ножик, принясли, ана панюхала — пси́на псиной. Взяла за вакошко и выкинула. Ну што ж, дед пашёў саломы каровы класть — ай-я, рябёнок ляжить, рябёнка нашёў. Ой-я, пабёг шибком:⁴

— А, бабушка, детку нашёў, — гав-рит, — па[гляди] в саломе (оживленно, с улыбой. — О. Н.), — г-рит, — рябёнацька нашёў. Да какей хароший, — гавбрит.

— А как мы яго будем звать?

— Ай, Дитятка-Саломка, раз ў саломки, пушшай Дитятка-Саломка.

¹ Малолетний, глупый; шалун, шутник.

² В утробе.

³ Т. е. на ноже.

⁴ Шибко, быстро.

Ну, так и баба согласила [сь]. Баба тут рада, яго, о господи! надели, абрядили, и ен, кто по минутам, а ен... по цясам, а ен по минутам, кто по цясам, а ен по (по ця...) минутам растёт — ну, сильно вырос, бальшей уже, растёт и все. Вырос уже бальшей, стали рябты играть с каньками, такие делали-делали: «Ну што, — гав-рит, — мы так играем, сделаем мы сябе будку, выберем мы царя промеж себе. Што, — г-ть... А то, — г-ть, — може што и сделаем, будем судить тады».

Взяли да из... как это... истружки⁵ такие, шшапáli луцинку, аны взяли такие будки сделали, и там будут судить, кто царь бу[деть]. Ну... «Вот, — гаворить, — кто этих лягушек унимет ў лужине, тот будеть и цáрем у нас». Аны крицяли, делали, но все равно лягушки квакцють, и всё. А ён как крикнуў, как анна лягушка — вс[e]. Ну, г-т: «Как хочешь, быть мне... цáрем».

Как хошь, он, как царьский сын, он думает: «Што ж...» «Ну ланно, все-таки аны ня хоцють, што дедов сын и будеть нам цáрем да и судьёй: «Ну, хто вот етый лес, вот стаит бярезье ровное, к каму етый лес пригнётся, — ён сказаў, — то мой царь». Яны как пашли, так он выше взаў да и падняўся, а ён как пашёў, так всей лес яму пригнаўся. «Ну, — га-ть, — как хочешь, мне быть, — гаворить, — судьём царьским».

Ну, уж и яны сагласились, рябты. Ну, по каньку таких делали, играют, и мальчик взяў да канька украў. Ну, пашли судить — в эту будку. Сели, судили, ён взяў да и вушко атрезаў. «Ох!» — малец закрицяў, пабег. Ох, боже мой, батька идеть: «А што ж это такей за разбойник, где ты таково браў разбойника, это сколько играли, никада вушки не резали». Это вушко мальцику атрезаў.

— Ах, мой Дитятка-Саломка, што ты это наделаў, это ж нельзя так делать.

— Ня бойся, дедушка, ня бось, ничёх ня будеть, ето он украдеть и, — гаворить, — и каня увядеть, и в анбар влазеть, што ж он, — гаворить, — будеть вором? Вот я яму и покажэў.

Ну, апять. Вушко тое заляцили яму, апять вси стали играть вместе. Играли, играли, он апять канька, тот мальчик, апять украў. Он апять присудиў и апять взяў да последнее атрезаў. «Ой-я, боже мой, ну што делать, да ведь это уже, — г-рит, — э-э-э». Пришёў батька к этому деду.

— Бери разбойника этого, штоб он у тебя ня буў, таких не было яшшо.

— Ну куды ж я яво, — г-ть, — убяру.

Ну, взяли в суд падáli. Ну, судиў-рядиў царьский суд. И ён присудиў, как он рассказаў, што... так взяли аправдали мальчика этово, аправдали. Ну, и прав, што малец атрезаў вушки яму. Ну, тады он жиў-жиў, жиў-жиў. «Ну што ж я буду жить, дай-ка я сабе игрушку скую». Пашёў ў кузню, взяў стали там сколько-то пудов, да там всяво такого и палку-булавку скаваў себе, васемнадцать пудов, штоб была такая. И пустиў под нябес яе — паставиў по сваё калено, взяла и развалилася. «Ах, эта ня игрушка мне [я]шшо. Эта ня игрушка».

Апять пашёў в кузню. Кавали-делали, кавали-делали, ну скавали. Тады он паставиў сваю буйную галавú — только абагнулася.

Взяў, паправиў: «Во, теперь магу ехать паиграть этой игрушкой». Тады г-ть:

— Дедушка! Баслави мене, — гаворить, — хацю я пагулять, па царствам хбдя.

— Ай, дятёнок мой, табе ж у мяне ня плохо, я ж те...

— Я приду к вам, я вас закармлю. Баслави меня.

— Ну, цим<...>

— Кромощькой хлеба.

Ён атрезаў кромощьку хлеба, ён ето где идеть, и все атрежеть скрибацьку,⁶ и ета не нацинается. Паисть там, ти з вадицькой, ти с цим. Шёў-шёў, гуляў это он по царствам и в такое царство пришёў сбитое, што ни жилья, ни былья. Ну, пришёў (к де) к деду — а-ой, три казла стаить (замедленный темп, удивление. — О. Н.): «Буду у етово деда праситья нацявать».

— Дедушка, вазьми меня нацявать, вазьми ты меня в поле ганяться <...>.

⁵ Дранка.

⁶ Ломоть хлеба.

— А-ой, — гаварить, — а хто ты такей?

— А мене звать Дитятка-Саломка.

— Охти, ну што ж, — г-рит, — нас Цюдин-Юдин сбиў, и, — гаварить, — кагда ж... няльза ж, — г-рит, — пускать — у яго агняная ряка, шалкбвая трава; как только пустишь, то савсим убьеть нас, и глаза выкалапаў, сбиў цисто, што наши казлы хадили.

— Ой, дедушка, я не паганюсь, маим казлам п мяжам хватить.

Ну, сагласились, лягли спать. Бабушка встаёт, ляпёшек напекает, он пазавтракаў: «Эй, казлы маи милые, казлы любимые, бягите — на агняную ряку, на шалковую траву, ешьте, мните, сколько надо». Казлы пабегли, ядут, мнуть. Сам сеў под калиноў мост, сядить. И Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с трём галавам, увидеў: «Што ж это... — г-ть, — дед Упат апять сваих казлов пустиў на нашу агняную ваду и на шелкбвую траву, апять мнуть, ядут». Бярет каня няяжжена, сакалá няспушшена, едет на калиноў мост. Конь заржаў, сакол засвистаў, пес засквылиў. Он бьёт каня по шерсти:

— Ты цяво, валциное {...}, ржешь, ты цяво, кашацье перье, свищешь, а ты цяво, сабацье мясо, сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с трём галавам, есь Дитятка-Саломка (пад па...) пад палом сядить.

— Ой-ой, ён яшмо млад юнош, яшмо он ня может сюда зайти.

— Ой! Цюдо-Юдо, беззаконная галава, сам зайшёў, — гав-рит, — добрый мблodeц.

— Э-э. Зря ты зайшёў. Давай драться.

— Ах, будем драться-биться.

Дрались они, бились. Ён яму три галавы сбивает, в реку вкацивает, на каня садится: «Эй, казлы маи милые, казлы любимые, бягите дамоў, з юдина поля, с шалкбвой траве, с... этой... с агняной вады». Прибег[ли]. Дед этый пришёў — цюў этый стон.

— Ах, мой Дитятка-Саломка, што-то стон, — гаварит, — што-то там — ти не пускаў?

— Не. Это, — гав-рить, — стебануў нямножко малого казла, — г-рить. — Ну, ён не стебануў, што я яму ня даў. Я так, — гав-рит, — ў грудки потягаўся з им, — га-рит.

— Ну, спасибо, што ты за маих животкоў заступаешься.

Апять паужинали, спать лягли. Встаёт апять, баба яму ляпёшек напаякает, пазавтракаў, справляется ён апять.

— Дитятка-Саломка, ну не ганяйся ты на цюдино-юдино поле, на агняную ряку, на шалкбвую траву.

— Ту, дедушка! Во маим казлам — ну, на што паганюсь, все па мяжам, сколько им тут надо, траим.

Как выгнаўся, апять: «Казлы маи милые, казлы любимые, бягите на агняную ряку, на шелкбвую траву, ешьте, мните, сколько дбса».⁷ Яны ядут! — да и всё. А ён сеў апять под калиноў... Э-э! Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с шясти галавам [приедет]: «Сабраў дед Упат силы, апять пустиў казлоў на нашу на агняную ряку и на шалкбвую траву — ядут казлы да мнуть». Бярет каня няежжена, сакалá няспушшена, запрягает, едет на калиноў мост. Взьяжжает — конь заржаў, сакол засвистаў и пёс засквылиў. Он каня бьёт по шерсти:

— Ты цяво, мясо, ржешь, ты цяво, кашацье перье... а ты, валциное мясо, цяво сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с шясти галавам, ёсь неприятель — Дитятка-Саломка.

— Нет. Ёсь неприятель в десятом царстве, в десятом государстве. Но [я] шшо он молод.

— Ой, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, я сам дбрый молодец пришёў.

— Э-э, так ты маяго брата сгубиў! Рябец,⁸ мой будешь!

⁷ Досыта, достаточно.

⁸ Парень.

— А, — гав-рить, — каму бог памагётъ.

Ну, дрались — бились. Он яму шесь галоў сбиваетъ, в реку вкачиваетъ, на каня садится: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите дамоў». Казлы бягутъ, ⟨...⟩ наелись ⟨...⟩ Апать дед выходить: ах, боже мой, казлы как мягкие стали, какие полные.

— Дитятка-Саломка, ой какой стон сѣдни быў.

— А его, — га-рить, — средняво казла сѣдни пугой⁹ как секануў, так я [з] им вот паскандалиў, даже ў грудки патягаўся... што секануў казла маяго.

— Ах, ну, спасибо, што ты за маих живаткоў заступаешся.

Ну, пришли казлы уже нажраўшися. Апать баба яму ужинать сготовила, паеў, лягли, назавтрее встаетъ апать.

— Ну, Дитятка-Саломка, ня гонься на Цюдино-Юдино поле, на агняную ряку, на шалкóвую траву. ⟨...⟩ убьеть савсим он нас.

— Ту-у, дедушка, и зачим я паганюсь. Разве маим казлам... па мяжам и то траве хватить, а пожни сколько.

— Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите на Цюдино-Юдино поле, на агняную ряку, на шалкóвую траву, ешьте, сколько надо. Только я вам сѣдни скажу: кагда я вас папрашу помощи, то вы мне дайте сѣдни помощь.

Ну, ладно. И сеў пад калиноў мост, сядить и видеў: Цюдо-Юдо с девяти галавам.

— Ахти мне, паехали браты на паляванье и нет, неужели етый — ён млад юнош — и сюда зайшёў? Нет неприятеля, только на десятом царстве, десятом гасударстве Дитятка-Саломка, больше яшшо нет багатырёў.

И едетъ на калиноў мост. Конь заржаў, сакóл засвистаў, пес засквылиў, он яво бьеть по шерсти:

— Ты цяво, мясо, ржешь, цяво, кашацье перье, цяво свищешь, сабацье мясо, цяво ты сквылишь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с девяти галавам, есь неприятель Дитятка-Саломка пад палóm сядить.

Ой, вылез сам:

— Ой, — г-т, — што ты рано лятаешь, перья растяряешь, а, братоў маих убиў, теперь будешь, рябец, мой.

— Ну, буду я твой, только знаешь, тебе, — гав-рить, — девять галоў, как балдо, у меня адна галава, как хмелиная шеецька, только да трех раз атдох, — гаварит.

— Атдыхай, всё равно, и мне, — г-ть, — будетъ легче.

Ён яму три галаве сбиваетъ, он это ня цювствуетъ, что яму три галаве сбиў. А ён яго по ступени в землю вбиваетъ: «Чудо-Юдо, беззаконная галава, дай атдох, мы же до трёх раз атдыхаем».

Ён цапай, цап[ай]-выцапаўся, пахадиў-пахадиў, апать схватились драться. Бились-дралися, апать он яго [уже] по калена вбиваетъ в землю.

— Эй, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, мы ж до трех раз атдох.

— Атдыхай!

Ну, цапаўся, цапаўся, выцапаўся: «Казлы май милые, казлы любимые, дайте помощь!»

Казлы прибегли, головы яму сбили, ў ряку вкатили (в конце предложения быстрый темп сменяется медленным. — О. Н.). Всё аны ⟨...⟩ глядять: сумка привѣзена. В сумке живая вада и мертв́ая вада. Бабины глаза и дедовы глаза. Садится на каня: «Эй, казлы май милые, казлы любимые, бягите с агняной ряке, с шалкóвой траве, бягите дамоў».

Казлы прибегли, дед вышеў:

— Ой! Дитятка-Саломка, зямля калатилася как, — гав-рить, — стон ишёў.

— А, дедушка, сѣдни я падраўся. Я сѣдни падраўся с Цюдым-Юдым. Я падраўся. Ну, всё-таки, — гаварить, — я яго перядóлиў. Перядóлиў.

Ну, баба тут — ой — яго угостила, делала: «Бабушка, пахди ко мне». [Ён] взяў глаза вставиў, ⟨живой вадэй⟩ мертв́эй пакрапиў, живёй — глаза. Баба

⁹ Плеткой.

идеть: «Ой-я!» — баба. Пабегла за дедом (с радостным оживлением. — О. Н.): «А, дедушка, хади, я тябе павяду, — гав-рить, — у мене ж глаза ёсь». Деда падвёў, он и деду вставиў глаза, так памациў. «Дитятка-Саломка! — пацелаваў дед. — Все царство тебе аткажу, и быдь ты у нас, — гаварит, — за сына, и мы, — гаварит, — никада тебе ня кинем, и ты нас ня кинь, — гаворить».

Ну ланно. Только пагуляли там аны три дня, ци няделю, все гуляли — рады, это все вышло харашо. Тады гаварит:

— Дитятка-Саломка, дай нам на няделю зьездить к своим сростам,¹⁰ а то мы ж да[вно]... у нас же... сильно сбиў ён наше царство, мы уже ня знаем у [мене] ж ёсь... ты... свам, хоцем мы з им павидаться.

— Зьездите, зьездите, — гаворит.

— Всюду гуляй, только туда, вон там не гуляй, где зязлезной <спи...> ступкой прикóсано!¹¹ <...> лыцьком завязано. Туды не гляди, а тут всюду, — гаварит, — гуляй. Пей, ешь, што хошь.

Он хадиў, глядевши, гуляў-хадиў: «Што ж такое-то там ёсь?» Паглядить: стаить асёл, перяд им катялок, парка идеть, он парку ту глатаеть и сыт етым бываеть. «Ох, матки-панибожьи! У мене ж у атца сваяво есь царство ня хуже и етово». Взяў асла, вывёў аттуль. Ён гав-рит:

— Дай мне пагулять на три цяса, я, — г-рит, — несколько лет стаю, я уже заплеснеў.

— Пагуляй.

Он выпустиў яго, ён пагуляў там и сколько.

— Ну што ж, я хацю, — гав-рит, — уехать в сваё царство.

— Ну. Садись, — га-рит, — павязу, куда ты хоцешь.

Ну, там ехали-ехали, много, царство ж бальшое. Ён паехаў, прияжжает дамоў дед етый: «Ахти мне!» Па[глядить]: асла нет, а казлы дома. Садится на малого казла — ўдагонь. Дагнать яго. Ну, едеть, едеть тады ее... етый... паглядить, как... саскациў с асла. Стонеть кто-то. Паглядить — едеть дед. <Та...> Так ён гаварить: «Казлы маи милые, казлы любимые, как я пас, напасаў, на агняную ряку, на шалкóвую траву, гарюцюю сваю кров проливаў, а вы, — гаварить, — как на меня нападаете» <...> «Бух!» — казёл об землю, он яво биў, биў, убиў казла — дед. Пабег дамоў, садится на среднего казла, апяць, апяць едеть, апяць даганяеть. Ён хоцет это асла етово, штобы ня увёз. Ну што ж, апяць он злез далоў. Апяць видит — казёл бягить. «Эй, — гаварить, — казлы маи милые, казлы любимые, я вас пас-напасаў, на агняную ряку, на шалкóвую траву, гарюцюю кров проливаў, а вы как на мене нападаете».

О-о! — казёл завалиўся, ён апяць етово биў, казла делаў — убиў дед етово казла, пабег за последним казлом. Садится на бóльшого казла и апяць едеть он, апяць все едеть, едеть-едеть, едеть — апяць даганяеть: «Казлы-багатыри, казлы маи милые, казлы любимые, я вас пас-напасаў, на агняную ряку пускаў, на шалкóвую траву, а вы как нападаете».

Бух! — и етый казёл завалиўся, ен взяў убиў и етого казла.

— Знаешь, Дитятка-Саломка, ладно, прашшаю я тебе ра[з] за тваю услугу, падхади ка мне ближе, и мы с табой распрашшаемся по доброти. Ты на маем аслу только от царства уедешь, а дальше не уед[ешь], тебя анестуют.¹² А ты заедь вот в магазин и вазьми кожей таких, каких пóпада, вазьми яго абший кажим-нибудь кожам, тады ты паедешь, не то, — гаварить, — ни мядведь, ни волк, ти нихто ня будеть и судить, только паглядять да пасмякются. Ну, едь уже ты с богом, пусть уже табе асёл, када за тваю услугу, што ты мене услужиў.

А ён тады взаў да яму взяў атживиў казлоў. Ён, дед етый, паехаў дамоў на сваих казлах, а ён паехаў в сваё царство. Взяў, кожей етых накупляў, абшиў яго. Едеть, только люди смяются, што ни волк, ни мядведь, лахматый какей-то — и едеть, <муж[ик] > целавек. Ну, прияжжает уже в свае царство там, в сваю, где дяревня тама, заехаў к старушке:

¹⁰ Т. е. родственникам.

¹¹ Подперло.

¹² Т. е. арестуют.

— Пусти ты меня нацявять.

— А-ой, — гаварить.

— Только у меня, — гаварить, — и конь ёсь.

Ну ету кожу всю абарваў эту всю з яго, с асла, только астаўся асялёк, харошенькой.

— Вот только ён тоже в маю хату.¹³

— А-ой, я баюсь, — гав-рит, — тваяго каня.

— Ня бось, мой конь... — г-т, — во — катялок павешаю, он парку будет глатать и сыт бывать, ничёх тебе не сделает, бабушка.

— Ну, ланно, нацюй.

Тады гаварить: «А што в вашем царстве, какие новости тут ёсь, што тут такое у вас есь?» А [яна] гаварить: «Вот што есь — была царавня бяременна, царь паехаў на зъезд, и ана ражала, и [г]де рябенек падеўся — и ня знаеть нихто. И вот яго три этих... банки, три короба арех, хто только не шшытаў, ня мог перешшытатъ.

— Ой, я, — гаварить, — перешшытаў бы. Только ты уж, бабушка, не гавари, — гаварить, — нигде.

А баба скорей еты... — он лег спать — ана скорей уж к царю и передала, што вот такей-то (быстрый темп. — *О. Н.*) у мене нацюеть и, — г-ть, — (переш...) и, — г-т, — саглашается три короба ареха перешшытатъ, а яго сколько шшытали — ну, нихто ня может сашшытатъ, [патаму] аны ня знають, как это бываеть.

Так царь слуг этих, салдатэй, присылаеть. «Нет, — гав-рит, — када нужно, он сам приедеть, када надо яму». Ну, царь карету закладаеть, прияжжаеть. Бяре[ть] сажаеть яго в карету и едеть. И все глядить. Как паглядить — копия мая, да и все, копия царьская. Ну и ён: «Только знаете, што, — гаварить, — я буду шшытатъ, но мене не перебиватъ». Ана: «Ай, царь (...) батюшка (...) у нас таких шшытальников сколько перебыло, не один не сашшытаў». Ана — малцяць! Он на яе крикнуў: «Малцяць!» Тады г-т:

— Если буде[те] перебиватъ, я ня буду шшытатъ.

— Ня будет перебиватъ.

Вот ён взяўся:

— Сарока яйца клала, жопу драла, пастушкй нашли, надыхали. Три короба арех, — бярець з етой и в другую перякидываеть. — Ворон — раз — прилятеў, ворон — два — прилятеў, ворон три — три короба ареха, — апать перекидываеть, — взяў да сеў. Три нядели атсядеў — три короба ареха. Две нядели кармиў ў килках — три короба ареха. Две нядели ў пушку — три короба ареха. И палятели эты сараканяты за вороном. Три короба ареха. И видела эта сарока, што палятели. Три короба ареха, — все бярець и перякидываеть эту. — И «это маи дети». «Нет, — ворон гаварить, — это маи дети — три короба ареха. — Я, — гаварить, — сядеў три нядели и, три короба ареха, — и две нядели в пушку, (три...) два ў килках, — три короба ареха». (Ну, а тяперь, — гаварить, — этый как ён цап пасленний, — гаварить, — взяўся, так и кинуў, так и всё, — гаварить.) «Это маи дети»... присудила... да присудила — сарокины дети. Так яна была бяременна. Так ей младенец атветиў: «Блядь по бляди и пагадываеть». Так ана: «Слуги маи милые, слуги маи верные», — ён бярець, всё апать, што это... апать... всё перякидываеть — целая ж каробка, надо ж перекидять это всё, — «выймите этого блазня из мене вон». Три короба арех. Ан [ы] гаварят: «Царевня, — г-т, — што ты (...), батюшка, што ты? Ражаешь, тады глаза ты ня вскинъ, — три короба ареха, — а мы, куды ты скажешь, туды мы яго и патрябем». Ну, три короба ареха. Ражала, глаза ня вскинула: «Мне нажанку сердце принясите, только». Яны нясутъ, а ён растеть на руках. Три короба. Ня можуть аны яго сгубить. Ох, три короба ареха. «Панясём мы етого мальчика деду, нетути ребят, — три короба ареха, — разарвём мы шшанка и всторнем, и ана не пайметъ». Яны взяли паймали шшанка, разарвали на нажок, — а ён

¹³ Т. е. туда, где поселили самого героя.

всё, — три короба ареха, — все аткидываеьт. — Ана панюхала-панюхала, да и выкинула за вакошко, — цап он пасленний.

⟨Хоть не⟩ Так царь сгрёбся за яго: «Ты мой сын, я твой атец, а з ей, што хошь, то и делай, што хатишь. ⟨Ты мой атец⟩ Я твой атец, а ты мой сын». Вот. Ён — копия яго, всей ў царя. Ну, ён... так, ну што ж — «Бяри». Посадили яе на три года ў тюрму, и хунт хлеба и хунт вады. Вот. «Перенясеть ана — пусть перяносит такую муку. Ана мене хатела загубить». И царь так сказаў, и царь не жалеў яе. патаму што дятей не булб, и ён хатеў дятей, а ета нет. Ну, може ён там и не атжиў, и не атжила ана, може взмилавалися. Вот и сказка вся. Вот и сарока вся.

2. КАРОВУШКА-БЯЛОНЮШКА

Жёнка памёрла, асталася доцька. И ён взяў бабу с двым дацькам: [у] адный доцьки — з двым глазам, ⟨а треть...⟩ а другой — три глаза́. А у етой девоцьки была у мацехи карова-багатырка. Тады ана ⟨пагна...⟩ пагналася ў поле, ана дала ей куделю: «Вот, спряди, выткай и ў трубки пакатай — тэй дамоў гонься». Ана села на мяжу, пагналася. Плакала-рыдала, божий свету не видала. Карова эта увидела:

— Што, девка, плацешь-рыдаешь, божий свету не ви[даешь]? ⟨...⟩ Девка-цернавка, чего ты плацешь-рыдаешь, божий свету не видаешь?

— Ах, матка мая ронная, каровка мая, — гав-рить. — Мацеха дала куделю испрясть, выткать и ў трубки пакатать. Как же я магу?

— Эта, — гав-рит, — дело божье, все сделать можно. Лезь в правое вухо, в левое вылезешь, выткешь, выпрядешь и в трубки пакатаешь.

Ана в правое вухо влезла, в левое вылезла, выткала, выпряла и — ето... в поле и падскакывает — рада, што сделала. Гонится дамоў. Пригналася дамоў. «О-о! — мацеха, — правда, гаварили, што карова бага [тырка]. Как же ж ана магла эта сделать так?»

Назавтрее... апять гонится в поле, даеьт с двум глазам девку: «Гляди, доченька, как ана будет делать». Ну, ана апять выгналася в поле, села на мяжу, апять заплакала. Да, ⟨не⟩ сястры: «Дай, — г-т, — я тебе паишшу». Ана искать, а сястра дрямать. Ана яе с калень спихнула. Ана и заснула, ета девка. А сама пашла на мяжу и заплакала. Плакала-рыдала, апять карова эта увидела:

— Эй, девка-цернавка, што ты плацешь-рыдаешь, божий свету не вида[ешь]?

— Каровушка-бялонюшка, мая мацеха вцёра дала много кудели, сёдни — больше. И штоб выткать, выпрясть и тэй дамоў гнаться.

— Ето дело божье — всё сделать можно. Лезь в правое вухо, выткешь, выпрядешь и всё делай.

Ана влезла, спряла, выткала и вылезла. И падска[кывает]. Эта праснулася, эта заплакала девоцька: «Теперь как дамоў гнаться? Матка убьеть — не видела». Ну, а эта скацеть. Пригнались дамоў: «Што — как дёцущка?» А ана взялася дёцку сваю бить: «Как ты глядела — не магла углядеть!»

Ну, и ланно. Апять перенацевали. И яна даеьт с трём глазам девку: «Гляди, доченька, гляди, как ана будет делать». Апять таку[ю] дала куделю яшшо больше. ⟨Ана так апять сделала эта. Села на мяжу и заплакала. Ну, да... Не-е, кя так⟩.¹ Пришла в поле, села, апять г-ть: «Сястри[ца], дай я те паишшу». И ана искать, ана дрямать. А забыла, што у ей третий глазок быў. Так яна тот и не закрыла ей. Ну, яна, ета девка, все разглядела, как ана делала. Гонится дамоў, ета уже заплакала... девка, што «ох, как ето я ашиблась, што я ⟨ня...⟩ глазок тот не закрыла».

— Мамушка, видела, — г-ть, — пришла наша карова-бялоха к ей, а ана села, стала мне искать — я драмать, а про третий глазок мой забылася. Тады, — гав-рить, — карова пришла, бялоха: «Девка-цернавка, што ты плацешь-рыда-

¹ Перепутана последовательность.

ешь, божий свету не выдаешь?» Так яна в правое вухо влезла, в левое вылезла, выткала, выпряла и, — гаварить, — и (дамоў) дамоў гонимся.

Так яна и заплакала, девка ета. А ета скацеть. Ой, как ана на мужука:

— Умираю — хацю мяса бялохина. (Не умрешь) Не зарежешь, я ето... умру.

— Ах, боже мой, карова (..) шастым тялёнком! Да што ты, хазяюшка ты мая, я ж тебе какво хошь мяса дастану.

— Нет, только бялохина, а то умираю.

Ну, што. Падумаў, падумаў: «Анна женка памёрла и ета памреть». Ну, ланно: «Пусть хоть яна сходить в поле сёдни, да и уж завтрее зарежем яе». Ну, выгнались в поле. А яна уже кудель не дала ей. Выгналась девка в поле (и стала), села на мяжу и плацеть, плацеть горьким слязам. Ана увидела, карова, апять идеть:

— Эй, девка-цернавка, што ты плацешь-рыдаешь, божий свету не выдаешь?

— Каровушка-бялонюшка, матка мая ронная, мая мацеха захатела тваяго мяса.

— Ой, пусь яе разарвётъ. Пусь жреть, ана не наистся мной, — гавбрит. — А ты только ня ешь. Кады аны меня зарежутъ, то ты папраси у их рожки да ножки, да кишоцьки, да схади на рецьку, вымый (хара...) цистенько и папраси у ней карытца, и ссяки дробненько. Дробненько ссяки и вазьми по садў, по агароду по всёму пасей.

Ну, ана ужо... И пагналася дамоў, пригналася. Карову эту взяли зарезали. Карова эта... да цяво мацеха тут скацеть — ана жирная такая.

— Мам, — гав-рить, — (я...) мне дайте только рожки да ножки, да кишоцьки, я и мяса ись ня бу [ду].

То ана: «Во! это яшшо харашо: и мяса ись ня будетъ. А што там в кишках (...), — га-рить, — атдаём». Взяли атдали ей: ноги да роги, да кишки. Ана пашла на рецьку, вымыла, карытце папрасила, ссёкла в мел[к]ую капусту. И пашла по агароду по всёму засеяла. И спать лягли.

Назавтрее залатая яблоня и серебряная, на ей яблоки сяребряные и пташки пеють разные и салавьи. Как ана идеть, а всей сад к ей прикланяется. А её девки как идуть, аткуль сароки-вароны — все валасы павыдеруть в галаве и в сад не пускають. Ну, это время, ти много... а аны, правда, вси были красивые девки и еты были красивые, и ета красивая была девка, каторая бабина. (Ну, тады...) Дедова.

Царьский сын гуляў по царству. Ездиў, ехаў-ехаў: «Охти, — паглядить, — у старика такой сад, што у маяго атца нет таково саду. А тады, — гаварить, — чо... И каки[e]-та девушки гуляють, красавицы». Он не падышёў к им, а дамоў приехаў и сказаў атцу-царю: «Вот такое местность, такой... едь, — гаварит, — в сваты, вот такие, — гав-рит, — девки. Да, — г-рит, — спраси, цим яны хитры, цим яны мўдры, эты, там три девушки».

Ну, ён паехаў. Ана:

— А-ой, разве это ты будешь, царь, да маих, — гав-рит, — девок брать. (Царьски... царские, — гаварит...) Царь-батюшка, не пасмейся, — гав-рить, — это, — г-т, — прастые.

— Ну, да маему сыну падабали, ничёх ня сделаешь.

Ну, тады ана, ну, взяла: «Вот я тебе сделаю. Возьму ет[а], им галóву памацю». Взяла сваей слинкой памацила, а етой кружку на галавў, и павяла сушить. Г-т: «Каторой галава высохнеть — то и твая нявеста». Так яна взяла свайм-то только слинкой памацила, а ей целую кружку, етой девке. Павяла на солнышко сушить. Идуть, у ей² (течет. — О. Н.), а етой (...) ничаго. Тады он гав-рит, царь: «Верно, во ета мая нявеста будетъ». Ланно. Апять. Ну, тада ж гаварит: «Ну, как же... теперь. Цим тваи яны хитры, цим яны мўдры?»

А-а. Вот малая ета гавóрить девка:

— Я из ядиноного зярёнка все царство пракармлю.

— Хараша, — га-рить.

А бóльшая сказала:

² Т. е. у родной дочери.

— Я из ядиного павэсома³ все царство придену.

— Тоже хараша. А што ж дедова, как ж?

— А я, — гаварит, — цим хитра, цим мўдра: ражу, — га-рит, — три раза (три... три раза) па три мальчика: руки в злате, ноги в серебре, на макушке драбные звёзды, в патылицы⁴ ясён ме[сяц], паходка ў паходку и гаворка ў гаворку, и ростом как один.

— Ух, ета хараша тоже.

⟨Ну, приехаў дамоў ён⟩. Да. «Вы, — га-рит, — падарунку⁵ дайте маему сыну». Ана пашла, ета дедова, нарвала самых любых яблочкоў и завязала в платоцек, ему падала. А эти пашли, альховых⁶ и тых не далі сароки, всих задрали — не дають рвать и ўсё. Ну, и царь паехаў. Вот приажаает, сын и спрашивает:

— Ну, как, пап, там нявеста?

— Вот так нявеста, — гав-рит, — бабину,⁷ — гаварит, доцьку взяла, — г-т, — (слинкой пама...) ету кружку вады — павяла сушить, а етым, — га-рит, — слинкой памацила да и вядеть этих — тьякеть, а эта, — г-т, — высохла.

— Да. Ну, ланно. В цим аны хитры, цим аны мўдры?

— А вот малая сказала: «Я, — г-т, — з ядиного зярёнка все царство пракар-млю».

— Это, — г-т, — пустое.

— А большая сказала: «Я, скажи, из ядиного павесома все царство придену».

— Это, — га-рит, — тоже пустое. Эта, — га-рит, — пустое.

— А дедова доцька сказала, што «ражу три пуза па три мальчика: руки в злате, ноги в серебре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясён ме[сяц], паходка ў паходку и ростом как один».

— Вот ета, вот е[та], — г-т, — хараша. Брать ету, ня брать е[тых]. Только, — сказаў ён.

Ну, взялі свадьбу сыграли. И сад перейшёу сюда, к царю, как только яна, так и сад перяшёу [с] етой девушкой. Ну, ана ти мног пахадила, забременела. Радила три мальчика: руки в злате, ноги в серебре... Да ён:

— Жана мая милая, жана любимая, у нас же сваи бабки, у нас же сваи... — га-рить, — што ты?

— Нет, — гав-рит, — у маея мацехи лёгко радить, едь за маея мацехой.

Ну, вот ана приехала, радили трёх мальчику. Ана взяла завяла за баню: «Были, — гаварить, — вы дабрим малайцам, абярнитесь сизым галубцам, ля-тите за тихое море, за тихое лукаморье, где стаить изобка на [курячьих] ножках, на бара[нь]их рожках, куда (двери...) ветер павее, туда дверь, там вам, — г-т, — пит[анье], там вам и питавальня». А сама пабёгла по городу, трёх сабрала пшанков и нясеть царю:

— Вот ваша нявест[к]а каго радила.

— Ой-я: што это ж такое, што ето может такие случия быть?

Ну, што ж, а аны жалеють — ана красивая и харошая: «Ну, будем дожидать другого пуза, можем изменить это». Што ж, ана малцить, ничёх не гаворить (же...) ета жёнка. Живеть, апять, ти мног пахадила, апять забременела, апять надо радить.

— Муж мой милый, муж любимый, едь за маея, — га-рить, — за маея мацехой — мне время ражать.

— Што ты, жана мая милая, разве у нас нет кушерок? Разве у нас нет...?

— Нет-нет, только з ей лёгко радить.

Паехаў, апять привёз. Ана апять так радила, апять трёх мальчику: ноги в злате, руки в серебре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясён мес[яц], паходка ў паходку и гаворка ў гаворку — как один. Взяла завяла за баню:

³ Повесомо — пучок выделанного льна, умещающийся в руке пряжи.

⁴ В затылке.

⁵ Подарок.

⁶ Диких.

⁷ Перепутано, нужно: «дедову».

«Были, — гаварит, — дабрým малайцáм, абярнитесь сизým галубцáм. Лятите за тихое море, за тихое лукаморье, там вас будет шесть. И там стаить избобка на курьих ножках, на бараньих рожках, куды ветер павеесть, туда ана... дверь варо[тит], там вам, — г-ть, — и питанье, и ваша и жизня вам».

Ну, ланно. Ну, што делать царю. Пабегла, апяць трёх шшанков сабрáла где по городу и панясла: «Вот ваша жана радила, <а ваша> а ваша, — га-рит, — нявест[к]а». Ну, што делать? Он сказаў: «Пасленнее пузо даждёмся, што будеть», — мужик.

Ну, апяць так же... Это бальшая сказка. Ну, ланно. <Радýла ана>. Апяць нямног пахадила, апяць забяременела. Ну, пахадила ана там мног, апяць надо радить.

— Нет, жана мая милая (...), никада не паеду за тваей мацехой.

— Нет, паедешь, з ей лёгко радить — паедешь и всё.

Ну, паехаў. Пакуль яна ехала, яна аннагó радýла, да взялá <пад па...> яго пад пазуху да и падвязала сабе аннагó мальчика. А тады приехали, радýли.

— А што ж это, — г-т, — только два?

— Да, мамушка, ашиблась, — гавóрит, — на аннавó ашиблась, — гавóрит.

Ана и этих взялá, так апяць завяла, г-т: «Лятите за тихое море, за тихое лукаморье, где, — гав-рит, — ...не... там вам и питанье. Вас будеть восемь штук там».

Ну, што ж ён, што делать з ей? Ай-я-яй. Бить яе? Жалееть. Взяў в боцьку всадиў и на мóре пустиў — «путь ана сама памираеть, ня буду яе бить».

Ну, ланно. <И сяд... яны...> Катаеть ветер по мóрю боцьку. <Так ён> А ён растеть, рябёнок етый ужу: «По мамкину раждению, по бабкину багаславлению, кабы вот взняўся ветер и прибиў бы эту нашу боцьку где-нибудь на край». И ветер взняўся, взяў катать и как раз ў цюжое царство взяў да и... — цюють: уже боцька зашаршала, стала на песок. Тады аны там паспали, па [ели], га-т: «Па мамкину раждению, по бабкину багасл[авлению], кабы на етой боцьке палопались абруцý, штоб мы видели белый свет». И абруцý треснули, и яны видели белый свет. Ана, царевня, вышла, села на залатые креслы, а царевиць перед ей на каленках стаў.

И купцы-карабельщики сколько пó морю ходють и только дивуются <такей> такей, што быў город Будаи, а стаў город Китай. Лучше, как яво царство. И еты... атваливаеть ен, атваливаеть. А ён мúшинкой абарацивается и з этим караблям <эта уже... ён вырос ужу> едет туда, на батькину площадь, где етот царь ходить:

— Эй, купцы-карабельщики, ци давно пó морю ходите, ци не видели боцьки какей балтаеться?

— Ай, царь, мой царь, батька, как ты глупо [пытаешь]. Ты скажи што, ци не видели какие аказии, што <сядить> вот быў город ци Будаи, ци город Китай — вот это, сядить царевня на залатых креслах и царевиць: руки в злате, ноги в серебре, на макушке драбнёые звёзды, в патýлицы ясён [месяц].

— Ах, матки-панибожьи, эта мая, мая жана, маи детушки.

Ана: «Што-о ты! Вот есь на десятом царстве — это ня хитрость, это ня мудрость — в десятом царстве <...>цатом гасударстве <асна> этый — ваперь: луцём⁸ ареть,⁹ хвостом скарóдеть,¹⁰ за им белая пшаница рóдится, сытница [пьяк]ется и на торг нясется. Вот ето хитрость, вот ето мудрость. А ето ня хитрость».

Ну, ланно. Он — пырх! — палятеў. Приходить, яна спрашиваеть:

— Ну, што?

— Папка прапытываеть, бабушка загадки загадываеть. Кабы вот в эту ночь не в мой город, а в татушкин, прибýю тот ваперь.

И лягли спать, пришли, а ваперь тот уже прибýю сюда: луцём ареть, хвостом скарóдеть, <сы...> пшаница-сытница [пьяк]ется и на торг нясется.

⁸ Лык — «рыло».

⁹ Пашет.

¹⁰ Боронит.

Ну, апять купцы эти карáбельщики приходят апять, паглядяць, што теперь: и ваперь тут, ну, дивуются, што такое; и царевня сядить. Аны атваливаюць, он апять мўшинкой абярнуўся, апять з им палятеў на батькину плошчадь. Прияжжають. Он апять спрашиваець:

— Эй, купцы-карабельщики, (ци не вы) ци не видели ли, — гав-рит, — боцьку на́ море?

— Э, как ты глупо пытаешь. [Ци не видели] какую аказию, што, — г-т, — город быў Будай, стаў город Китай, лучше тваяво. Сядить царевня на залатых креслах, царевичь: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патьбилицы ясён месяц. И, — гаварить, — еты... и ваперь: луцём ареть, хвостом скародеть, белая пшаница растеть, и сытница пякется и на торг нясется. Вот ето хитрость, вот ето мудрость.

[А ён г-т], а яна: «Ай, зятек мой милый, эта ня хитрость, эта ня му[дрость]. В [три]десятом царстве, в (..)десятом гасударстве сасна стаить, дятел сядить, на адин бок кинеть — злато, на другей — сребро. Вот ето хитрость, вот ето мудрость».

Ну, ён апять палятеў, мўшинкой палятеў, еты паехали.

— Ну, што?

— Папка прапытываець, бабушка загадки загадываець. Кабы, — г-т, — ня в мой город, а в татушкин, по мамкину раждению, по бабкину багаславлению прибыла б тая сасна и тый дятел.

Ну, яны [лягли] спать и всё. Апять — и тут стаить сасна и дятел далбить, на адин бок — злато, на другей — сребро.

Ну, ланно. Тады еты апять прияжжають купцы, еты карабельщики. Ой, ето дивуются, што за аказия такая! Ну, ён апять атправляется ехать туда. Атваливаюць, и ён апять мўшинкой абярнуўся и на пристань на батькину прияжжаець. Апять он, царь, выходить:

— Эй, — гаварить, — купцы-карабельщики ци не видели, — гав-т, — вы еты... боцьки на́ море балталась?

— Нет, — гаварят, — ня видели. Аказией видели, што вот быў город Будай, стаў город Китай. Всё только там есь. Всё — чёго я вам пагаварила — там всё есь.

— Ай, ето ня хитрость, это ня мудрость. А вот хитрость, вот... в (..)десятом царстве (..)десятом гасударстве, за мóрем есь восемь мальцикоў: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патьбилицы ясён месяц. Вот то хитрость, вот то [мудрость].

Эта ана про мальцикоў про этих рассказала. Так ён — пырх! — палятеў. Прилятаець к матке.

— Мам! — гав-рит.

— Што ты?

— Ци адин у тебя я, — г-т, — быў?

— Ой, сынок, вас было девять, восемь неизвестно где страдають.

— Мама, натискай ты малака какого ни быть с грудёй, ти сыворотки каких. Спяки ты мне девять прасвироцек, паеду я их искать.

Ана там тискала да жалá, сколько ана там нажалá и спякла девять прасвироцек.

— Завяжи мне в платоцек...

Он абярнуўся там галубóm, падвязаў и палятеў цезер море куда — искать их. Прилятаець — хатка стаить на [куррых] ножках, на бараньих рожках, лампатоцька топится. Нет никóго. Столик стаить засланый, и ён взяў разлажиў этих девять прасвинок на стол, а сам лёг на печьку за трубу, ляжить. И! — в падпалнй!¹¹ Как ля[тять], как прилятають, абярнулися — сизым галубцáм, абярнулися дабрým малайцáм. Все стали: руки в злате, ноги в сребре, на макушке драбные звёзды, в патьбилицы ясён мес[яц]. Все в хату: «Ай-я, господи, што такое? Лятаем, пишшу дабываем, а нам пишшу бог ў хаты принёс. Это, верно, смерть наша. Што мы будем теперь делать? Разрежем анну прасвироцьку: ти смерть, ти што? Пакушаем мы яе».

¹¹ В полдень.

Разрезали — так вси и заплакали: «Ой-я, господи, маткиного малака ня кушали, это маткино малако. Есь кто есь, показывайся нам: старший нам — атец нам, младший — брат нам». Што ж, он саскациу — третий ровный им. Сели это аны.

— Братцы маи, (вам тут) эта ня жись вам.

Сели, зъели эти прасвироцьки вси вдевятых.

— Паляцём со мной.

Абярнулись галубцám и прилятають к матке, вси на каленки пали, — абцелавали, абмилавали маму, и вси на каленках стаять перед царевней.

Купцы эти карабельщики приехали, паглядели: «Ой-я, што это за аказия — девять штук! — (все руки) руки в злате, ноги в серебре, на макушке драбные звёзды, в патбылицы ясён ме[сяц], паходка ў паходку, и гаворка ў гаворку, и ростом как адин. И такая тут ўсё...» [Аны] апяць атваливають, ён апяць мўшинкой абярнуўся и палятеу туда. (Так ён гав-рит) Царь и спрашиваеть:

— Эй, — г-г, — купцы-карабельщики, ти не видели где аказии, — г-г, — (на... эти) на море боцьки?

— Ой, как ты, — г-г, — глупо пытаешь. Ты скажи, ци не видели какие аказии: сядить царевня на залатых креслах, девять царицеу: руки в злате, ноги в серебре, на макушке драбные звёзды, в патылицы ясён месяц, паходка ў паходку, и гаворка ў га [ворку].

— Охти, это маи детки, это маи детки. Еду туда.

— А-ай, кагда ж тваи детки, так пусь от яе дварца, от яе от крыльца да тваво дварца будеть залатая яблоня и серебряная, и штоб сукном падé [рнуть], штоб ты паехау ў гости.

Ну, лягли спать. И от яе дварца и памастиўся мост... и с красным сукном. Так царь запрягаеть, забирает (ету) ету бабу, ету, и с трем глазам и ету девку (и ету)... и сам едет ў карету туда. Прияжжаеть. Аны вси на каленки пали: «Атец наш», — признали. Ён всих пацелавау, (жан...) жану стау прасить пращения, и вси... А етых всих расстреляу, всих разарвау етых трёх, што это так муцяли...

Вот и сказка вся.

3. СУЦИЙ СЫН

Была у царевне... Царевня — ну, нет дятей. Царь ездю, ездю, ездю, привёз такую рыбину и аны... Цистиу повар, цистиу, повар перший и забяременеу. Как это? Не, сука забяременела. Ён шелюху эту мюу да делау, да вылиу — сука палактала, сука забяременела. Тады повар, варивши, пакушау и повар забяременеу (усмешка. — О. Н.). А царевню... там приготовили мясо да што, и тая забяременела. Ну, и ти много аны там хадили, и давай радить.

Сука радíла сына. Это багатырь радился у суки — суций сын. А повар радиўся, повара разрязали там, пóвара там (цере...) через живот рябёнка и — и повароу сын. А это всё царские сыны: «Вот это маи дети». Та и царевня радíла, ну вот, и вси яго дети: «Это раз... это все маи дети тый». Аны уже павы[росли]. И вси аны браты ровные и вси гуляли, делали, уже большие павыросли. «Атец, — гаворить, — сделай нам игрушку такую, штоб по свету прайтить, пагулять. А што мы, — гаварит, — будем сядеть».

Вот ён, пашли в кузню, заказау — три пуда смоли, там... стали, да какой-то, такая васемнадцать пудов штоб была такая — игрушка, скавать. Ён пустиу, етый Иван суций сын, яе вверьх. Паставиу сваю ногу — ана развалилась. «Ай, царский сын, — гаворить, — у твоего отца, — га-рить, — нетути кузнецов, што, — гаварит, — не развалилась... эта. Это не игрушка».

Так царь пашёу: «Да што это такое, што маим детём ня можете игрушку такую скавать, штобы не развалилися». (Ну, ён тады...) Апяць кавали, делали. Ну, апяць ана ня дуже дóбра. Ён паставиу другую каленку. Ана — бах — разагнулася. Ну, ланно, апяць паправили, апяць... Царь закрицяу: «Штоб сделали лучше всяво». Тады ён паставиу сваю буйную галаву — и ана не развалилась. «Вот теперь мы пайдём, — га-рит, — можем по царству пагулять. Втраих».

Ты, атец, баслави нас». Там хлебца им там, как ён даў. Аны где кромоцку атрязают — ана всё полная.

И пашли гулять. Гуляли, гуляли, да в такое царство зайшли, што разбитое — ни жилья, ни былля, и в такую пастройку ламаную зайшли, што ўсё. А зайшли, а калиноў мост ёсь. А их три. «Ну, ланно, браты, вы идите, — гаварит ён, багатырь. А хоть ён суций сын, только... знаете што, хоть вы — ты царский сын, (а я хоть по...), ты — повароў сын, а я — суций сын, ну да вы меня далжны слухать».

Ну, тады, што ж. Яны пашли, ляжать, спяць. А ён под калиноў мост сеў да и сядить. И Цюдо-Юдо, беззаконная галава, бярець каня, едет на калиноў мост с шасты галавам. И конь заржаў, сакол засвистаў, пёс засквылиў. Ён каня бьет по шерсти:

— Ты цяво, валциное мясо, ржешь, ты, кашацье перье, сквылишь?

— Ой, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, суций сын есь, сядит пад калиноў мостом.

— Разве он может лятать, яшшо он молод. Рано лятает, перья растеряет.

— Ай, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, у тебе шесь галоў, у мене адна галовка, — гаварит. — Я сам добрый молодец пришеў.

— А-а, давай драться.

— Давай будем драться-биться.

Ну, и дрались-бились, дрались-бились. Он яму шесь галовок сбивает, на каня садится, да сюда и едет, где эти братья. Тут гатовяць, аны паели, встали: «Мы ня цюли, ничёго нет, ничаво ня чули».

А апяць тутотка дажидають яшшо ноци. Ну, ляжить, ляжат, лягите. Он апяць пашеў под калиноў мост, сеў. А еты спяць — повароў сын и царский сын, а суций сын сеў апяць под кали... (и еты... апяць...).

Цюдо-Юдо, беззаконная галава, увидеў: «Э-э», — девять галоў. А то шесь галоў паехаў и нет. Это с девяти приехаў. Нет, неприятель, есь неприятель в десятом царстве, десятом гасударстве (дитятка са...) етый суций сын. Можеть рано лятать, он можеть перья растерять. Он [выяжаеть]. Конь заржаў, сакол засвистаў, пёс засквылиў. (Каша...) Он бьет каня по шерсти:

— Ты цяво (каша... э...) ржешь, а ты, кашацье перье, цяво свищешь?

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, с десяти галавам, есь неприятель — суций сын.

— Ой, рано лятает, перья растя[рять]. Рябец мой, брата маяго убиў, будешь и ты убит.

— Ну, давай драться, будем биться.

Ну, дрались, бились. Он яму девять галоў ўбивает, в реку вкатывает, садится на каня и сюда едет, к братьям. Ну, тут яны паготовили, пазаўтракали. «Ну, браты, глядите ж, вот будет седни ночь пасленняя. Если вы проспёте, то всим нам смерть будет». Он взяў повешаў им, стакан завешаў и нож вторнуў: «И вот кагда кров закапаеть в этый стакан, то являйтесь на калиноў мост, а то будеть всим нам смерть».

Ну, а ён пашеў на калиноў мост, сеў. (Аны) И карыт им даў: «Играйте в карты, штоб ня спали». Аны играли, играли в карты, да и лягли спать.

Ён приехаў, видит: Цюдо-Юдо, беззаконная [галава], с двенадцати галавам едет на калиноў мост. И конь заржаў, сакол засвистаў, пёс засквылиў. Он бьет каня по шерсти:

— Ты цяво, валциное мясо, ржешь, ты кашацье перье, цяво...

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, есь сабац[ий], суций сын под полом, — гаварить, — сядить под калиноў мостом.

— А-а, ты маих братоў сгубиў! Будешь, рябец, теперь мой.

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, до трёх раз атдох. У тебя двенадцать галоў, как балдо, у меня ж, — гаварить, — анна галава, как (...) шеецька. Надо до трёх раз атдыхать.

— Атдыхай, рябец, всё одно будешь мой.

(Ну ён) Дрались-бились, дрались-бились. Он яму три галавы сбивает, а ён яго по ступени ў зёмлю вбиваеть.

— Эй, Цюдо-Юдо, беззаконная галава, дай атдох!

Ён сгряб с сваяго, этаго... мизэньца кальцо, пустиў на крышу, крышу далоў им. Спать яны, всё равно. А уже кров нацяла капать ў стакане. Труд яго это. Ну, апяць давай драться. Бились, дрались, дрались, бились. Ён яго уже вбиваеь по калено в землю.

— Цюдо-Юдо, беззаконная галава, дай до трех раз атдох.

Ну, ён тады што ж:

— Атдыхай, рябец, будешь мой.

Цапай, цапай, выцапаўся. Сгряб сваю шапку с сябе, как пустиў, так и крышу далоў. Апяць спать, апяць спать. Кров уже пашла дуже капать.

— Ну, давай драться, биться.

— Будем драться, биться.

Ну, што ж. Бились, дрались, бились, дрались. Ён уже так сбиўся, што всё. (Ну, што ж ён пустиў тады. Это да знёў сапог с сваей наге). (Цюдо-Юдо) уже вбиваеь по калено он яго в зямлю.

— Дай, — г-рит, — до трёх раз атдох.

— Ну, давай.

Ён цапаўся, цапаўся, выцапаўся. Взяў сапог, здеў, да как пустиў, так и с койки их далоў скинуў. А-а — хватились — уже через стакан кров идеть. Так яны уже тут... Ён выцапаўся, падходит, так аны уже вси туда, на калиноў мост. Как яму пасабіли, дабили этаго Цюдо-Юдо, беззаконная галава. Убили, памагли яму, а кабы не памагли, (то б и ето уже...). А ён тоже только атфукаўся. (Тут яго) Ну, тады сели сюда: «Вот, братцы, как я прасиў вас, как я, — гав-рит, — вас, и карты вам даў. О, — гав-рит, — если б только не вы, всим нам бы смерть былб. Ну, теперя паедем». Паели там, паготовили: «Паедем». Едем, едем. И вот, где ёны едуть (это), тут дом бальной стаить: и три нявесты... э... три нявестки, трех сыноў, и три нявестки, и яна, старуха з им живеть.

— Ну, ланно, вы постойте, а я забягу в эту хату, — гав-рить.

Взяў катком абярнуўся, под акошечко: «Ау, ау».

— А-ой, — нявестка, — какой каток красивый, пустите яво, мамки, пустите яво в хату, пусти, — гаварит, — што он такей.

Ён пришёў в хату. Ну, тады там сеў, сядить где-то, (за) скрывшися. Тады яна гав-рит, старуха:

— Ну, што, нявестки, суций сын ваших (бра...) мужьяв пабиў? Што тяперь будете делать?

А аны гаварят — будем делать. Анна встала, гав-рить:

— А я сделаю голод, холод, галодную смерть. А я абярнуся и стану, — гав-рит, — питянья, едянья разным (на...). Как возьмут, так всих трех их и разарветь.

— Ня знаю. Ен, — гав-рит, — и хитер, ухитрится.

А другая гаварить:

— А я сделаю сонных капель, — гаварить, — таких, хоть вот-вот на свете где-нибудь привалилися б, а я стану — пярину пуховую, адеяло шалкбвое, как лягуть, так сразу и разарветь.

— Не, — гаварит, — ухитрится, он хитер.

Ну, а ён всё слушаеьт, это... кой этый. Ну, а та и третья:

— А я, — гаварит, — ну, такую сухоту сделаю, — третья нявестка, — кружецьку паставлю и будеть вади[цька], кружка сярэбряная и залатая. Как напьются вадицьки, так их и разарветь по крошецьке.

Ну, ланно.

— Не, — гаварит, — ня знаю... А я, старуха, абярнуся свиньей — адин (лак... еты) рот пайдеть по зёмли, а другой — под небясу. Как даганю, так всих трёх пражру, сразу всих трёх пражру.

Ну, ланно. Еты, так яны (пае...) теперя едуть. Паехали. Так он велеть на поварого каня три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол, (на...) наладеть на повара каня. На царьского каня — три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол, тоже на царьского каня. Тады апяць три пуда соли, три пуда смоли, три пуда иголок на сваяго каня. И едеть папярёд. «Вы едьте... Ну, повароў сын, скали...» Едуть, едуть.

— Ска [ц] и. Скаци с каня, чи ёсь пагоня какая?

— Ой, — гаварить, — идеть свинья, — гаварить, — ой, какая, — гаварить, — адин лык¹ под небясом, а другей по землё.

Ён вскациў, с поварого каня схватиў это да ей в мялицу² как всадиў три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол. Ана праглатила: «О, какие праклятые — солоны!» Как абярнулась — пулморя выпила. Аны всё апять паехали, апять дальше, дальше. Ехали, ехали, ехали. «Ах, праклятые еты...», — ана... кархнула это — соль да смоль, все эта выкархнула. Апять в пагонь гонится за им сзату. Гналась, гналася.

— Царьский сын, скаци с каня, пасм... паслухай, чи есь па [гонь]?

— Есь, — гав-рит, — бягить свинья апять.

И вот схватиў с царьского каня — три пуда соли, три пуда смоли, да и апять в мялицу всё это всадиў — три пуда игол. Ана апять праглатила это. Самы паехали апять дальше, дальше, дальше, дальше. Ну, што ж, ехали, ехали. Она как глынула — пулморя выпила (ета...). Апять гонится в пагоню, апять гонится в пагоню, апять гонится.

Вот ён сам, саскациў ён со сваго каня, апять ей в мялицу как даў — три пуда соли, три пуда смоли, три пуда игол. Ана пабегла (...). А тут Кузьма-Дямьян жиў, яго каменный... от яго были уже абнёсны все.

— Ай, Кузьма-Дямьян, атлож вара́та, пусти от праклятой свинье, памилуй!

Тот атпёр их, ну, на двор всех и впустиў, и с каням, и всех, и залажиў. А у яго кирпичём ана уже (стена. — О. Н.) (сбили это, ничех не было уже) зложено, уже всё кругом кирпичём. Ну, тады, а яны кузняцы там были. Тады ана:

— Атдай, Кузьма, маих винаватых.

— Ох, чаво, не атдам. О, — гаварит, — (...) кують, во высынь сюда язык, — гаворит, — я табе их всех пассажу, — гаварит.

Ана там — торьк — цють только язык.

— Ну, што ты, — гаварит, — аны ж ладные пахёлки.³ Ты ж всё-тки, ты ж не пабольше.

Ана как [пихнула], аны щипцам как зажали (эту) ей язык, как взялись бить, кавать малаткам. Били, калатили, такую кабылицу [спякли], сделали, што ўсе. Садятся. На поварого сына: «Садись и (света...) зажги павёсомо, штоб абскацила свет, штоб ня сжёт». Полсвета только абскацила. А-а, ня так. Апять взялись яе бить, апять яе знова кавать. Кавали, делали, кавали, делали. Садится царьский сын: «Едь». Апять павёсомо надо, штоб свет абскачить. Апять не абскацила. Апять взялись бить. Били, калатили. Стаў сам, сеў етый, сабаций сын. Ну, вот, абскацила харашо. Вот теперь харашо. Ну вот. И паехали. И паехали, и паехали. Што ж тады — паехали. Тыды уже аны паехали, хто куда, в сваё царство.

Еты паехали на царьский (двор. — О. Н.), паехаў к царю, дамоў — царьский сын, а сущий сын паехал (на эты... на... на эты... на по...) на капиталийский двор, а повароў сын паехаў на паповский двор. Яны палки-булавки кидали, вот там, где нявесты. Аны им ответ давали, эта аны дажидали их.

А этый сеў, сущий сын, на эту кабылу ехать. Яна яго вязла по мхам, по балотам, по гнилым калодам. Все это ана яго вязла. И палетела касатка как раз в ушко. «Ах, ты праклятая касатка, думаю, как быть. Ну, убью яе. Што это ты кабыле влятета. Как аттуль палятить, так». Так как палетела, как даў, так кабылу вяза да убиў. Сядить на пню, глядить — кабыла ня жива, убиў. Так ён пяхком шёў, шёў — насилу за няделю пришёў к сваей нявесты. А эты приехали скоро. Этый паехаў к сваяму батьке, а етый паехаў к паповському, повароў, тоже к сваей нявесты. А ён тады взяў вады, живый и мяртвый, и пашеў кабылу аживиў, да привёў дамоў. И стаў уже тут жить. Вот и сказка вся. Вот больше вам. Вот это какая сказка.

¹ Челюсть.

² Пасть.

³ Парни.

4. СИВЕЦ-БУРЕЦ

[Царевня Лена] — сядела за двянадцати стянám, двянадцати калакóлам, и хто яе пацалуеьт, тот и зять будет. Ну, так нравится вам эта?

— [Вот и расскажите]. (Слова собирателя. — *О. Н.*).

— Ну, вот и расскажу.

Ну вот, дед быў, а у деда былі три сына. А у яго было три каня. Ён кагда-то — кабылы жерябилися там — ён украў у багатыря три каня и хатеў всим сынам по каню. У яго два сына разумных, а третий — Иван-дурацёк. А етый Иван-дурацёк да багатырь быў, а яны вот шшытали яго, еты... браты, дураком. Ну и ён ето... тады гаврить: «Сыны, если я буду памирать, то меңе (усмешка. — *О. Н.*), — гаварить, — зацапите верёвкой за ноги, тягайте, где атарвусь, — там закапывайте. И, — гаварить, — и по ноци пакараульте». Хатеў всим сынам по этом по каню дать багатырэ. О-ой, тады эый Иван-дурак — ну што? «Што-то, — гаварить, — батька ужо ня помню што гаварить, а я буду супалнять, што батька гаварит». Взяў он зацапиў батьку да и тягаў по мхам, по болотам, по гнилым калодам, а нигде на атарваўся, — на Сияней гаре атарваўся, где кабыла эта жеря[билась]. Взяў там и закапаў батьку. Закапаў. Пришёў.

— Ну, где?

— Та закапаў там, — гаварить. — Ну, сёдни ноць — пайду, — га-рит, — старажить.

Не, малый сын: надо идить. Етому, ето ж малый... ну, да седни етому надо <са...> «Ай, жёнушка, иди баню пратапи. Ну, хто... — гаварить, — он уже абрусий.¹ Ну, хто, — гаварит, — там мертвый будет...» Ён пайд[еть] в баню да на пол, ляжить, а етый пашёў на дуб да и сядить, етый Иван-дурацёк. Ну, сядить. [Уже] приходит ноць. Взнимаются вятры, разгрываются пяски, встаеьт батька:

— Малый сын, тут ты? — Малцить.

— Большой сын, тут ты? — Малцить.

— Иван-дурацёк, тут ты?

— Тут я, татушка.

— Будеьт шаслив ты у бога, кады маё всё суполнишь.

Вышеў в чистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырьским голосом, маладецким посвистом. Конь бягить (и на каленки), ржеьт и на каленки паў:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за служба?

— Служиў ты мне тридцать лет, служи маему Ивану-дураку, пакуля век яго.

Взяў падрациў яго, пустиу <ну... и сделаў я>. Он пришёў дамоў. Тады жёнки эы спрашивають:

— Ну, как ты, што там?

— Ай, ну хто мёртвый, — гаварить, — встаеьт (смех. — *О. Н.*). В бане на палу паспали да дамоў пришли...

Ну, ланно. Тады и эый так:

— Иди, — гав-рить, — пратапи.

— Схажу, — гав-рит, — хоть што.

Пашёў апать на пол паляжаў, а етый Иван-дурак апать пашёў да и сеў на сук, туды на дуб на тот пашёў. Им не гаврить, што <та> ходит туда. <Апать ён гав-рить: «Эй»>. Падходит ноць, взнимаются вятры, разгрываются пяски, встаеьт батька.

— <Средн...> Малый сын, тут ты? — Малцить.

— Большой сын <сре...> да — средний сын... — да Иван-дурак — большой сын — тут ты? — Не.

— Иван-дурацёк, тут?

— Я (сильное ударение на слове «я». — *О. Н.*) тут, татушка.

— Шаслив ты у бога будеьт, што ты маё суполнишь.

Вышеў апать в чистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырьским голосом, мала-

¹ Закостенел.

децким (посви...) свистом: «Серенний конь, бяги ко мне на пара слов». Конь прибягает, из наздрей пóлмыя [дхает]:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за служба?

— А вот служиў мне, служи маему Ивану-дураку по яво век.

Падрациў. Пустиў и пашёў. Ну, Иван етый дурак взяў да и эты... зáранья завтра... эты, ну...

— Што там, — гав-рит, — чи чутно было што?

— Ай, ну што там это, — (жёнки) жёнкам гав-рит, — ну што там мёртвый будеть гаварить.

Иван-дурак: «Ой, пайду я». Шшо солнышко высóко, он па-а-ашёў: «Я уже пайду зáранья». Пашёў, сеў там. Ну... Апять приходит ночь, апять г-т, взимаются вятры, разгрябаются пяски и встаеть батька.

— Эй, малый сын, тут ты? — Малцить.

— Средний сын, тут ты? — Малцить.

— Большой сын, Иван-дурацёк, тут ты?

— Тут, [та]гушка, я тут.

— Ну, шаслiв ты у бога будешь; што ты суполниў всё.

Ну вот, он суполниў. Тады ён вышеў в чистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вещий каурец, бóльший конь, бяги ка мне на пара слов». Конь прибягает, из наздрей пóлмыя дхает:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што, — г-т, — служиў ты мне, служи маему сыну, дураку, по яво век.

Ну, падрациў, пустиў. Батька лёг на место. Он пришёў дамоў, тады он...

— Ну, што ты, ну ци цюл ты, што там?

— Ну, што там цюл, не, ничёх, ну кто, — га-рит, — мёртвый будет гаварить.

Ну, тут заказали: царевня сядить — [за] двянадцати стянам, двянадцати калакóлам. Кто яе пацалует, то и зять. Вот приказано приказ: вси штоб явились туда. Вси и па-а-шли.

— А-ой, вазьмите вы мене.

— А-ой, ну куды тебя, дурака, брать?

Тады ана... А другая: «Дай хоть яму балахнишко надеть какой пацишше». Ён надеў балахнишко и пашёў. И пашёў, пашёў туда под дуб. И крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вещный ка-вурец, малый конь бяги ка мне на пара слов!» Конь прибягает, из ноздрей пóлмыя дхает:

— Хазяин мой милый, хазяин мой (...), Иван-дурацёк, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што есь у цáря доцька Лена — сядить в двенадцати стенá[х], двенадцати калакóла[х], кто яе пацалует, тот и зять будет.

— Ну, вот. Лезь ў правое вухо, напейся, наеся, в самоцветное платье наденься и вынеси двянадцать пад[пруг] шелкавých, асядлай мене пакреце, сам садись палегце. И как тебе нёсти: с гары нá гору скакать, ти поверьх лесу, ти под небес?

— Не, няси с гары нá гору, — г-т, — скакать, первый раз.

Ну, сеў. Всей в злате ён и каня асядлаў. Едет. Ну, скрёбся, скрёбся, за три стяне не даскрёбся. Тут: «Ой-я, зять, зять!» — вси крикнули. Всей в злате, в се[ребре] — [это] багатырь едет. «И дай маим, — г-т, — братáм, [што] палож[но] им». Аны там встали. Он как-то пихнуў, аны завалилися. Ну, ён пришёў, апять яго падрациў и все у каня это улажиў и пришёў дамоў. Апять балахнишко свой надеў, пришёў.

— Ой, — а эты, — хто это? Всей в злате. Уже, ну завтра приедеть, верно, уже... будеть зять, — гав-рит, — и конь, — гаварит, — багатырь. Ой-ой, всей, — г-т, — и залатые капыта и сярэбярные, и залатая шарстина и сярэбярная.

Ну, што ж. Назавтра апять царь заказаў стражей, штоб где хто быў, штоб вси былі. И ён апять пашёў. Тады аны ему уже далі — што такое? — взяли

залы полпуда да маку, штоб расцистиў, <тай тады> — тады [только] прихадіў. Аны што-то уже сбалаваліся. Валнаваліся браты. Ну, ён взяў под куст падлажыў, под эту...

Тады ён апяць вышэў в чистое поле, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вешний кавурец, серенний конь, бяги ко мне на пара слов!» Конь прыбгаает, из наздрей пólымя дхает:

— Хазяин мой милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею. Есь у царя доцька Лена, сядить за двянаццатью стянам, двянаццатью калакóблам. Кто яе пацалуеть, тот и зять будеть.

— Лезь, — га-т, — в правое вухо, напейся, наеся, в самацветное платье наденься и вынеси двянаццать падпруг шалкавých, асядлай меня покрепце, сам садись палегце. И как тебе нэсти: с гары нá гору скакать, ци поверх лесу, ци под нябэс?

— Няси поверьх лесу.

Ну да, ну всё равно ён не даскрéбся, <адну> адну стяну <не да...> ... яшшо не пацелаваў ён я[e], а то пацалует ён яё.

Ну вот. А теперь апяць будеть уже эта паследняя ночь. Это апяць заказаў царь. Ой! как заказаў всё это, штоб где кто ня быў, все б былі. Ну, ён апяць пашёў, апяць яму так зладили в мяшках эты, да вот маим братам па многу <...>. Ён спихнуў, што он им даеть это — мак этый разъединить. А аны делают примет, што... узнають — ци есь это... , верно, атказаў багатырёў Ивану-дураку батька. А аны ж не паслухали батьку.

Ну, ланно. Тады ён апяць вышэў в чистое поле, крикнуў-гэйкнуў это, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом [багатырським голосом]: «Сивец-бурец, вешний кавурец, больший конь, бяги ко мне на пара слов!»

Конь прыбгаает, из наздрей пólымя дыхает:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею. Есь у царя доцька Лена, сядить [за] двянаццатью стянам, двянаццатью калакóблам. Кто яе пацалуеть, тот и зять будеть.

— Эта, — га-т, — ня служба, это службишка. В правое вухо лезь, напейся, наеешься, в самацветное платье наденься. Двянаццать пад[пруг] шелкавých вытянешь. Асядлай меня покрепце, сам садись палегце. Как тебе нести: с гары нá гору скакать, ци поверх лесу?

— Няси под нябэс.

Ну, ён скак-скак-скак. Ну, и перескациў. А ана яму в лоб перстнй всадила. Ну, и [всё] — зять, раз уж зять, даждаўся, взяўся — всё. И паехаў апяць. Он яво расседлаў, разм[уздаў]. Он яму там апяць <рази> это... мак проць, залу проць, в мяшки — братам. Ляжить на палу и спихнуў, а сам пашёў, в сажу замазаў это <коло...> коло пецьки, штоб не видать, што кальцо ж всóжено... в лоб.

Ну, тут ишуть — всюду! — яво. Ну, всюду! Царь, где только не(...), всюду прабрали и не(...). И царевня ходить, ишеть. Да. А ён забраўся в нўжник да и стаить. Во какой! Ана вядёт яво за руку. Ой-я, царь с царевней:

— Што это? Ци [што] — дурак?

Ана:

— Нет, мой муж. Не магу атказаться сваим..., перстень мой и всё. Это мой муж.

И взяли, свадьбу сыграли. Ну, што ж, живут и всё. И живут, и живут. Да, ну, тады апяць каней даў етых — всё живут. Ну, зьезд. Как и теперь, у царя же зьезды, так и у яво, сабраў зьезд царёв — царь. И гаворить: «Есь на десятом царстве, на десятом государ[стве] ваперь — <зала... этый> залатая шарстина и сярэбряная. Вот как... Маи зятъи дастануть, разумные, маи эти разумные дастануть». Ну, што ж. Даеть им злата, серебра — едьте. Ну, а ён падумаў. Еты паехали. Он няделей после: «Жёнушка, сходи ты кабылу папраси какую. И я хацю праехать, — гаворить». Он: «Идите, яму дайте, какая там стаялая, — гаварить». Он взяў хвост в зубы, коло вакошка едеть да по жопе шлепаеть: «<...> какова дурака нашла, ай-я-я». А ён это их дразнить, ён вумный, только <...> дразнить их.

Ну, ланно. Паехаў, сгрэб (каня...) ету кабылу за хвост — во какея сила! — што ж и кожу далоу зразу. «Вот тебе, — гав-рит, — куст, пакрывало — пярным варанам на (прибежище), а шарым валкам на прибежище — мясо ись». А сам пашёу, крикнуў-гэйкнуў багатырським голосом, маладецким посвистом: «Сивец-бурец, вешний кавурец, малый конь, бяги ко мне на пара слов». Конь прыбгаеть:

— Хазяин мой милый, хазяин любимый, што ты за службу имеешь?

— А во службу имею: в десятом царстве, в десятом государстве ваперь ёсь, залата шарстина, сярэбряная [шарстина]. Как яво дастать?

— Ой, гав-рит, — ну, што ж тебе надо? Это ж, — гав-рит, — наш дядюшка, — гав-рит. — Ну, ты ж сам пользуешься.

— А мне не рать, не пахать, талько ахота мая такая.

— Ну, паедем. Лезь в правое вухо (...) напейся, наешься, в самацветное платье наденься, выноси вярёуку-самавязку, палку-булавку. И, — гаварить, — (ана) зразу ён не узнаеть, заревёт, ён нас не падпу[стит]. Ну, там будем ездить кругом. Он меня и узнаеть, — гаварить. — И как ни быть, рвися на яво вярхом и бей [яво] межи вух, не жалей, — г-т, — пакуль, — га-рит, — ... праглотит ком зямле, тады пускай. Тады, — гаварить, — яго ето... А так бей, не жалей, — гаварить, — яго.

Ну, ён так напиўся, наеўся там, вынес вярёвку-самавязку. Взяў яго, падьяжжали, делали, он яво скрутиў вярёвкой и рваўся, рваўся, вярхом сеў, взяўся бить межи вух.

— Эй, — гаварить, — Иван-дурак, што тебе надо, — гав-рит, — ты маим племенникам пользуешься, [што] ты, — г-т — стариков (...).

— А мне, — гаварит, — не рать, не пахать, ахота такая мая, — г-т. — Праглоти ком зямле, я тябе и пушшу.

Он ком зямле праглатиў — а-а — и сам лёг спать, пакатывается. И ваперь ходить, и конь этый ходить. А аны всей свет прайшли, эти, эти — нигде не [нашли]. А тут ен же и близко и (...) ляжить, з етым.

— Ой-я, ти это багатырь какей-то! Ну, што ты, мы ж яго... И конь... Убить яго? Ведь он ж... Конь не падпустит, и ваперь же не падпустит нас. Будем даждать, пакуль праснется.

Праснуўся. Ой, праснуўся. Аны яго не узнали, патаму он надевшися в харошую адёжу. А ён тады гаварит:

— Ну, што ж (эты), продай нам свово борова.

— Куплять, ён мне ня надо, куплять.

— Ну, што? Злато, сре[бро]?

— Не-е, злата-сребра мне ня надо. А вот мне атрежьте ў руке по пальцу, по большому — я вам атдаю.

— Ой-я. А што ж это ж, как это можно, это резать (...)?

— А вот как хóчете: а я за деньги не прадаю.

«(...) Ай! Яшшо (...) сваи дактарй, сваи лекарй — можа и залецють».

Взяли... Так ён резаў да муцяў их. Аны кричали, делали. Атрезаў, тряпкой закрутиў, атдаў баравá им, аны павяли баравá. А сам апать — паехаў на место. К каню влез, это всё улажиў, и дамоў и деть. Пришёу, набиў сарок, набиў варон: эта пароцька — царевне, эта — царю пароцька — на падарунок. Тыи тукають: «Ты, ты ж сарока-варона. Куда ты, — гаварит, — это набиў их». Ну вот. Аткинули. А на жёнущу: «На, это, — га-рит, — это ваперь, прибяри». Ана прибрáла тáма, в тряпоцьке закрутивши.

Ну, ай, апать царь ето:

— Ой-я, как маи зятьи разумные. Ёсь каза на десятом царстве, детом га[сударстве] — залата шарстина и сярэбряная. Маи зятьи дастануть.

Ой-я, што-то делать? А яны уже ня хоцють ехать. А тут апать цари сабралися. Злата-сребра дают яму и сколько надо. Ну, што делать? Волей-няволей — царь приказывает — паедешь. Паехали искать апать. А ён няделей после апать, аны паехали, ён после апать: «Жёнущка, иди, — гаварит, — канишку папраси, я хацю праехать, — га-рит». Ну, там папрасиў. Апать он там праехаў, коло вакошка, к жопе, взяў хвост в зубы, а им тут шлёпаеть. Аны гаварят: «Во какей

дурак! (Смех. — О. Н.) Вы паглядите, какова дурака (выпалали)² и живеть, — гаворит, — живеть, — гаварит». Ну, ён тады приехаў к кусту, за хвост дернуў — кожа далоў... с каня: «Вот табе, куст, пакрывало, цярным варан [ам] на прилетице, а (...) шарым валкám на прибежище». Это ён мясо — валкám. А пташкам? Это ён (...) А сам вышеў в цистое поле и крикнуў-гэйкнуў багатырским голосом, маладецким по[свистом].

— Сивец-Бурец, вешний кавурец, бяги ко мне на пара слов.

Конь прыбгаець и ржеть:

— Што тебе надо, Иван-дурацёк?

— А вот есь... мне надо. В [десятом] царстве, в десятом гасударстве есь каза. залата шарстина, сяребряная, и яе дастать.

— Ой, это ж, — г-т, — тётушка наша! Што ты это?

— А мне не рать, не пахать, а мне ахота такая.

— Ну, лезь в правое вухо, напейся, наешься, в самацветное платье наденься, выняси вярёвку-самавязку и палку-булавку и, — гаварить, — как асядлай меня пакрепце, сам садись палегце. И паедем, — гаварит. — Ана меня зразу не узнаець, но ты, — гаварит, — как... после узнаець, — гаварит, — тады крути вярёвкой яе и рвись на яе вярехом и бей межи вух, пакуда ана целавецым языком загаворит.

Ну, так он делаў, падъехали. Ана першей не узнала, тады узнала это — плямённик. Ну, што ж. И всё-таки ён на яе вярехом взарваўся, нацяў бить. Ана:

— Эй, дурак, дурацёк Иван, сильный, магущий багатырь, — гаварит, — што табе надо. Ты, — гав-рит, — трем [племенникам] ... теперь брата маво взяў, и мной старухой...

— А мне, — гав-рит, — не рать, не пахать, — такая ахота — и всё. Праглати ком зямле, я тябе пушшу.

Яна праглатила, ну и всё. Он лёг апать, пакатывается. А тут ходит каза, и конь етый. Аны весь свет абхадили, — ну, нигде не найдуть.

— (...) Ой-я, апать тот. Ну, што это делать? Ну, што это... Ён апать, — гаварит, — ён и деньги не вазьмёт. (Пришёў) Ну, што... каза ж не падпустить, и конь не падпустить, не убьёшь же яго.

Ну, аднако, всё-таки... [он] праснуўся.

— Ай, прадай казу!

— У-у, купите, купите. Ана мне ня надо, купите, пажалуйста.

— Злато, сребро?

— О-о, не. Мне злата-сребра ня надо. Мне дайте (у большому) ў нагах по большому пальцу атрезать — вот вам (...) и казу атдам.

«Ой-я, боже мой, што он сказаў апать, што это делать? Ну, разве мы можем атрывать. И царь — дамоў не явись, приказ — привесь. Ты так — смерть, ти так — сме[рть]. Ну... сваи дактарй, сваи лекарй — залецють».

Он там ето апать атрезаў по пальцу. Казу атдаў, аны паехали, а это завязаў в тряпоцьку, сам сеў, апать приехаў сюда, на сваё место. Всё сделаў и... апать эты[x] убиваець, убиў пару сарок, пара варон — это тестю, это теще: «Няси! — на сабак. — Это гастинцы».

— И куда ты нясёшь, сарока?

— А это, — гаварит, — гастинец, Иван-дурацёк даў гастинцы.

Ну, ланно. Ай-я-яй! Тут апать встрееть музыкой их — всё! А аны идить ня могут, надяют перцятки на руки, а тутá на ноги няльзя идить, как больно. А тут музыка их сустрякаець, царевы — ой! разумные зятьи, што дастали. Ну, всё-таки апать:

— Это ня хитрость, — это тут цари, приехавши на зьезд, — есь, — гаварит, — кабылица с двянадцатью жерябцам, но только три куда-то атлущаются, неизвестно куда.

Вот.

— О-ой! — царь, — маи зятьи дастануть, маи зятьи дастануть, разумные.

Ну, што ж. Это ён так паслухаў. Тады эты... Ну, даець он там., яны уже ня

²Т е. наши.

хочють ехать: «Мы уже балеем, займуцялися». Приказ ца [рев] — паедешь. <Паеха...> Хошь — галову далоу.

Ну, и паехали. Набрали... А ён няделю после апяты: «Жёнушка...» — апяты так сеу, кабылёнку тую взяу, паехау. Прияжжаеть к кусту, дёрнуу яво: «Вот тябе, куст, пакрывало, цярным варанам на прилетище, шарым валкам на прибежище — ешьте». А сам... вышеу в цистое поле, крикнуу-гэйкнуу багатырьским голосом, маладецким посвистом:

— Сивец-бурец, вешний кавурец, больший конь, бяги ко мне на пара слов!

Конь бягить, зямля дражить, из наздрей польмя дхаеть:

— Хазяин наш милый, хазяин любимый, што за службу имеешь?

— А вот службу имею, што в десятом царстве, в <...> цатом гасударстве есть кабылица с двенадцати жерябцам. И вот как яе дастать?

— Ой-е! это ж мать наша. Ты ж сам трём пользоваешься, — г-т, — што ж тябе надо?

— А мне, — г-т, — не рать, не пахать, только ахота мая такая.

— Это ж мать наша. Ну, ланно. Лезь вот в правое вухо, в левое вылезь и, — гаварит, — вазьми мене это... абшей кожей, такой — какой-нибудь дряннэй и выняси вярёвку-самавязку и мене завяжи, а сам садися на дуб. Яна прыбегить сюда, где <я> ана жерябилася, и мене завяжи, — г-т, — штоб я только хватау задним нагам землю, мене сзаду завяжи. Я, — гав-рит, — как заржу, ана узнает, где я, голос падам ей.

Ну, ён так взяу, абшиу яго козам, жерябца этаго. Ан [а] как прибе [гла], а ён как заржау, так свет закалатиуся. Ана — ох! — как бегала: «Ахти, где-то сын папауся!» Но не паймёт, где. Тады ён в другой раз как заржау! Апяты астанавилася — никак не паймёт. Тады в третий раз как заржау! «Ах! где я их жерябила — тама!» Как прибегла — глядь: «Ой-я!» Так ана зубам как сгрябла эту кожу, так и з яго далоу. Так ён как рвауся, рвауся да и вярёком на яе. Верёвкой-самавязкой взяуся вязать яе, взяуся бить межи вух яе...

— Ох ты, — г-рит, — Иван-дурак, сильный, магуций багатырь, што тебе надо? — гаворить. — Ты и сястрой маей и братам пользоваешься, маим сынам трём и хошь ты мной, старухой.

— А мне, — г-т, — не рать, не пахать, только мая ахота такая. Во праглати ком зямлэ, я пушшу тебе.

Ана праглатила ком зямле, ну вот аны вси, двенадцать жерябцов тут гуляють, и ана, старуха, тут. А ён лег <и пака...> и ляжить, тут же и ляжить на сваём поле, недалеко зашёу. Абхадили аны свет, нигде не нашли, идуть: «Ой, боже мой, апяты тот. Ну, теперь он... што теперь делать. Ён, — гав-рит, — не вазьмёт злата». Тады ён праснууся, он адевшись харашо. Аны яво не узнали:

— Ну, што, — гав-рит, — прайдай ты нам кабылицу с двянад [цатью]...

— Прадам, прадам, — га-рит, — кабылицу с двянадцатью жерябцам, ана мне ня надо.

— Ну, злато, [сребро]?

— Не-е-, злата-сребра я не вазьму, а вот дайте по ряню, выкрою сзаду вот вам за всё и атдам кабылицу.

«Ой-я, боже мой, разве ж мы вы [к] ровыем ето, што он будет резать». Пашли, ня стали даждить. Шли, шли. А дамоу уже придуть (смех. — О. Н.) — галову и нам далоу царь знясеть. Всё равно, надо делать: «Пайдём. Пусть <живы> живы ня будем, пушшай режеть». Ён выкраиу по ряню — аннаму и другому — и атдау <жеря...> эту... кабылицу и жерябца.

Аны паехали дамоу, там их састрякають. Ой, боже мой, и музыка састрякаеть — всё! А ён ужу, нет няделю и другую Ивана-дурака. Ну, надо, када хошь, паминки справлять — прапау. Ну, тады, пагадивши... Не! — идеть дамоу. Апяты набиу сарок, варон и бяреть пароцьку. А-ой, является Иван-дурацёк. Ну, и ланно. Является дамоу. Ну, царь сабрау тут зьезд апяты, и этих уже сабрау, што — «маи зятьи разумные». Ну, и етово дурака все анно приглашаеть на зьезд. Сядят там, и яна сядить, ён сядить. Ён тута, надевшись, ходить. <Тады этот... цари... как аны тут>. Тады он гаворит... Всё это там ряшали цари, гаварили.

— Да, — гаворит, — спрасите вы, — гаварит, — как дастали баравá твай, —

гаварить. — Пацяму аны ходюць в баню и в перцятках мыюцца? Пацяму яны в насках мыюцца, твай зягьи разумныя? — гаворить. — Пасматрите у их, ти ёсь пальцы, — гав-рить, — в руках? Жёнуска, схади-ка, приняси, — гаворит.

Ана пашла, принясла.

— Вот, паглядите. Вот его, — гаварит, — з рук — это ваперь, а его в нагах — а его каза. А пацяму ж аны рубашки не сдяюць в банях? Пасматрите сваих зягьёу разумных. А его, — гаварит, — кабылица с дванадцатью жеряб-цам.

Тады аны паабярнулись валка́м, их взяли́ да пабили. И всё дасталось этому, Ивану-дураку. И царства, и царь взяў взлюбий яго, и всё это яго, это всё. И дастаўся ваперь яму, и дастались каза, и кабылица с двенадцатей, и царство. Вот и сказка вся.

5. ЛЯКСЕЙ ГАРЕМЫКА

Жиў у царя по сем лет, не уживаў ни шапки-муромки, ни каня доброго, мяця острого. Пажиў у царя-дабрудителя, пажиў лишний год, выжиў шапку-муромку, каня доброго и мяця острого. Пашёў в царский кабак, прапиў-прагуляў это всё доброе. Ах, боже мой, хватиўся (смех. — О. Н.) ён... — пайду к царю, паслужу яму лишний год, ён это мне и вёрнетъ.

Как етый пашёў, как напаў царь, царь-пабедитель, атабраў у царя-дабрудителя купёсту-манасту,¹ силу-казну нязметную. После... этого Ляксея Гаремыка. У Ляксея Гаремыка быў кремешок багатырьский. Ну, што ж делать? Ён пашёў, и царь сядить задумавшись. Этый:

— А што ты, — гаварить, — пришёў?

— Я табе лишний год паслужу, только вярни маё. А ты што?

— А после табе, — гаварит, — напаў царь-пабядитель, атабраў у меня купёсту-манасту и силу-казну нязметную — всё забраў. А вот вярни, я тебе... свою доць атдам за тебе замуж и гулцарства атпишу.

— Вярну, — гаворить. — Эта табе всё вярну.

— И вот я табе тады сваю доць атдам замуж и пулцарства тебе, табе будеть. А после смерти и царство всё.

Ну, ён и пашёў, сеў на каня и паехаў к етому царю (пабя...), который пабедитель, пабедиў дабрудителя. Взъехаў на яго луг, нигде казавка не [припалзаёт], ни муха не прилятаеть. А ён взяў шатёр распяў, агонь расклаў и пакатывается. Увидеў этый царь: «Што ж это за блазень такой приехаў? На нашем лугу ни казавка не припалзаеть, ни муха не прилятаеть. А ён взъехаў, агонь (рас...) распяў, (ша...) и пакатывается». Паслаў девять [слуг]: «Салдаты, идите, ссяките, зрубите яго, в агняную рякў вкатите!»

«Ну, што мы яго будем бить. Ён, — га-рить, — спить. Може и конь не падпустить, — гаворить. — Праснется, ну, што нам бить (этых девя...), мы в девятерых, а ён адин. Эх, — гав-рит, — праснуўся, — га-рить».

— Хто ты, — г-т, — ци царь-царевиць, ци кароль-каралевиць, сильный, магуций багатырь? Што ты, на наш луг ни казавка ни припалзаеть, ни муха ни прилятаеть, а ты шатёр распяў, агонь расклаў и пакатываешься.

— А я, — гаварит, — ни царь-царевиць, ни кароль-карале[виць] — Ляксея Гаремыка, Ляксея Фёдорови[ць].

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте трубцёкку налажить, смялей к вам падступить.

— А это, — гаварит, — дело божье, [сделать] можно.

Ён вытянуў масацёк-кремешок,² секануў-рубануў — высокоцило дванадцать багатырей зязлезных.³ Г-т: «Ссяките, зрубите, (в) этых восемь... в агняную рякў... А етого живцом падташшите». Он етому взяў, атарваў рукў, атарваў нагў, пасадий на каня и прагнаў, как пса, штоб царю-дабрудителю атдаў купёс-

¹ Т. е. богатство.

² Огниво и кремь.

³ Т. е. железных.

ту-манасту, сабаку Карнауха: «И я то град-город падступаю, град-город сажгу и мятлой падмяту».

— Ой, — ён г-рит, — што вы, вы, — г-рит, — няверно служите, што это не магли аннагб убить, вы аннагб.

— Болько бьётъ, не магём тярпеть.

Ну... И вот, што ж, тады он яшшо присылаеть, других. Других яшшо атправиу: «Вы, зрубите яго». Ён апять пакатывается на лугу, спить и всё. Ну, это апять аны (праснули): «Ну, што, — гав-рить, — ну, што это, — га-рить, — аннагб яво бить, — га-рит. Ну, ляжить, ну... мы ж аннагб яво, тут и бить некого». Праснуўся.

— Ты ты царь-царевиць, ти ты кароль-каралеви[ць]? На нашем лугу ни казавка не припалзаеть, ни муха не прилятаеть, а ты, — г-т, — шатер распяў, агонь расклаў и пакатываешся.

— Я, — га-рит, — ни царь-царевиць, ни кароль-карале[виць] — Ляксея Гаремыка, Ляксея Федоровиць.

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте, — га-рить, — трубоцьку мне налажить, смялей к вам падступить.

— А, это дело гоже, — га-арит, — сделать можно.

Ён вытянуў масацёк-кремяцёк, как секануў-рубануў. Апять двянаццать багатырей зялезных вышло: «Всих (...). А этово аннагб подташшите ко мне». Этых ссек, зрубив, в агняную ряку вкатиу. А этому выкалапау глазу, атарвау руку, атарвау нагу, пасадив на каня, прагнау, как пса. Штоб царь-(дабрудитель)-пабедитель, штоб атдау царю-дабрудителю купесту-манасту, силу-казну нязметную, «а то град-город падступаю, град-город сажгу и мятлой падмяту».

Э-э-э. Царь едет са-ам сюда: «Да царь пусь прибудет и сам сюда».

— Што ты так, — га-арит, — это паступаешь, за царя-дабрудителя, — га-арить. — Да у мене, — га-арить, — доць есь ня хуже тя... ня хуже яе. Я тебе тоже магу в зяти взять и, — гаварить, — царство табе.

— А мне всё равно. А это ты всё атправь. Атправь царю-дабрудителю. Ну, мне всё равно, магу и с тваей доцькой жаниться.

Ну, (взяу да еты) ён ето всё атправиу. А (етым) взяу жаниться з етой доцькой, етово царя-пабедителя. Взяу, сделау... а такую (ашигмину⁴) сделау. Вот ноць сёдни: хто пайдеть на двор, того гнать, где ни жилья, ни былья, да небо-вада. А ён лёг, да што-то и захателось яму на двор. Ей: «Можно до ветра мне схадить?» Ана: «Схади». Так яго как заграбли, как папёрли, ланно, што ружьишко захватиу да пинжачишко. Папёрли в такая ляса, што ни жилья, ни былья, небо да вада. Загнали яго — и всё. «Во, кагда прапау я, прапау и прапау. Вот — не паслухау того». Ну, што ж, ходить день, где убьеть дятла каково, пташку, сжарить, зысть, так и ходить. Паслухаеть — гомон⁵ в лясу, крик.

— Што такое? Крик, гомон?

— А вот, — гаварить, — было у царя свадьба. А мы украли, — га-рит, — злато, сребро и шапку-невидимку.

— А што это шапка-невидимка?

— А вот это... Это всё раздялили, а шапку-видимку никак не разделим. Рассець яе? Тады ана...

— А на што ж тады... А я вам вьвернишек сделаю, пушшу, хто, — га-рит, — яё дагонить, возьметь, дастанеть аннаму, ня бедно⁶ никаму. А так, куды ж ана, — га-рить, — будет. Рассеките и никаму ня будет пользы.

Во аны согласились так. Как пабегли, так ён шапку надеу, злато-сребро вмёу в куцьку, сеу под куст и ся [дить]: «Во, — га-рит, — дасталось аннаму, ня бедно никаму». И ни злата, ни сребра — никаво нет, и яво нет (и... нет).

Ну, ланно. Апять это: «А мы вот, у царя была свадьба, накрали это всё и шапку-невидимку украли эту. Ну, яшшо украдем».

⁴ Слово не удалось прояснить.

⁵ Разговор, шум от разговора.

⁶ Т. е. не обидно.

Пашли. Там ти мног пахадиў. Крик, гомон апяць в балоте. «Што ж мне баяться. Я царевиць цюжестранный. Пайду на... этот, хто там... крик, гомон». (Ажно...) Падходить:

— Ци вы добрые, ци вы...? — га-рит.

— Мы ня добрые, ня худые — вары да разбойники, — га-рит, — только. Вот украли у царя золото-сребро, — га-рит, — разделили. Украли боцьку-салёвку и (кавёт) этый сакёл-самалёт. И вот никак не паделить.

— А, — га-рить, — а што этый сакёл-самалёт?

— А этый сакёл-самалёт, куда сядешь, куды хошь вывезеть. А боцька-салёвка: распахнись, размахнись, всякая питянья-едянья дасть, [всяких] напитков.

— Ну, сдайтесь вы на мой, — га-рить, — вот... Я вам вывернишек сделаю и пушшу, каму дастанется, таму и дело. А так, што вы, рассець это и всё (...), а их много.

Ну, яны сагласились. Он пабэг, как пустиў, аны па-а-бегли, а ён скарей шапку-невидимку надей эту, взяў боцьку-салёвку и ету... и сакёл-самалёт, сеў (под ну...), атышёў, и яны яво ня видють. «Во, — гаварит, — дасталось аннаму, и ня бенно никаму!»

— А мы сабе яшшо украдем.

Э-э-э... Ён тута от их вышеў, ну, тут ето ён с кустов, с балота, к рёки: «Боцька-салёвка, размахнись (...).» И дала питянья-едянья, яму уже тут — о-о! — питяньё-едяньё... и сакёл-самалёт. И сакёл-самалёт этый, куды хошь вывезеть. Ён день тут гуляеть, пьеть и с силой сабраўся, и другей день уже у яво питянья-едянья, уже тут... сыт ён. «Эй, сакёл-самалёт, паля[тай] в памядательское царство», — с которой ён уже жаниўся, в ето царство палятай. И боцьку-салёвку кладеть (и этый сакёл...), на сакёл-самалёт садится, и прилятеў и сеў под калиноў мост.

А яны тута уже гуляють... ето, яна уже женится, яго жёнка. Ето... свадьба... это были, эта ён всё (на край), была свадьба. А ён сядить. Тыда ён взяў холод, голод сделаў такей, хоть бы сабаку разарвать. А ана: «Боже мой!» — ана видить, што, верно, што-то ёсь. Так ана и схватилась: «Кабы Ляксея Гаремыка, Ляксея Фёдоровиць да прибыў, никакие хитрости, никакие мудрости не былб».

Ну, ён апяць вацариўся (...), апяць даў питянья, едянья. А ана апяць пашла гулять и забыла про яво. Ну, ланно. Тады апяць это ён сделаў сонных капель: «Боцька, [замахнись, запахнись] и дай сонных капель». И ана замахнулась, запахнулась, и ана как ишла, так и заснула тута, на этом на калиноў на масту, где гуляля. И взяў яе в реку нагам как, и палажиў в реку нагам, а сам сядить. Сядить, глядить. А ана ляжала, ляжала, праснула: «Ах, матки-панибожьи, это бог меня наказаў. Ляксея Гаремыка...» Сядить день, сядить два, и голод уже, ись хочет. А ён ходить, не паказывается ей. Ну, канешно, дурный. Ён не дурный, да вот (вжелеўся).

Ну, ланно. «Кабы ж Ляксея Гаремыка прибыў бы, никакие хитрости, никакие мудрости — век бы мы з им жили». Яна знает, што уже тут ёсь что-то. Ну, ён хадиў-хадиў, хадиў-хадиў. Ана плацеть горьким слязам. Сжалёўся, паказаўся... ей (с усмешкой. — О. Н.).

— Ай, Ляксея Гаремыка, Ляксея... Как ты тут жиў, боже мой? Как ты тут жиў, столько страдаў?

А што ж яна ж заставила яво страдать.

— Как страдаў... всё. А што ж ты пиў, еў?

Не паказывает эту боцьку-салёвку. Што ж апяць хадили голодные, вяло так, вяло, уже третий день не евши. Он паказаў эту боцьку-салёвку, паказаў это всё, и сакёл-самалёт. Это ж батьки яё — сакёл-самалёт, и боцька-салёвка эта батьки... украли. Ну... И всё это... Ну, дали питянья-едянья, разных напитокоў.

— А-яй, Ляксея Гаремыка, Ляксея Фе[доровиць], дай те паишшу у те (...), мошки-блошки завелись. Хади [сюда] да паишшу.

А сакёл-самалёт тут. Ён ей всё паказаў, и шапку-невидимку ён ей паказаў. Тады ён спать, он уже тут сбиўся и заснуў у ей на каленах. Ана пихай-пихай, далоў спихнула, да яво в ваду нагам, как ён яе палажиў (смеется. — О. Н.),

так и ана яво палажила. Сама села на сакбл-самалёт, боцьку-салёвку... Прилятаеть в антрихрицкое царство. Так (...). Яна взяла, села и улятела, и яво кинула. Што ж ляжаў, ляжаў, праснуўся. Ахти, боже мой! — праснуўся. Нет нигде ніко́го. Плакаў, делаў и што ж делать. Тады едеть святэй Микола.

— А, — гаварить, — рано паказаўся. (Вот ей). Рано (с усмешкой. — О. Н.), — гаварит, — паказаўся ты ей, — гаворит. — Надо было пабольше памуцять. Садися в лодку со мной. Теперь ты прапаў. Твая жана, — гав-рит, — уже ана жанилась с другим, — гаворить. — Паедем в тот город со мной, рякой.

Павёз он яго. Ну, што.

— У тебе масацёк-кремашок есь, и твой масацёк-кремашок ляжит в галавашках. И ты, — гаварить, — этый... Ана ня знает, што с им делать... Ана ня знает, што сделать. Ну, аны ляжать вдваих, — гаварит. — Кагда я тябе привязу к городу, иди в непаказанные цясы, уже савсем вси будут спать, тябе ништо не увидить. Иди туда, только, — га-рит, — не буди яе. А приди в (ка...), ана в каменных палатах, — га-рит, — там, в царских ляжить. И, — гаварить, — бяри перше, — га-рит, — свой масацёк, он ляжить в галавашках, — га-рит, — у ей. Тады буди яе. И, — гаварить, — етый... и ана з мужем спать. Только, — гаварить, — ссяки, зруби тады, штоб эты... все это выжги, и штоб, — га-рит, — выстрайу церкву... святово Микола, хадили люди, богу малились. И выжги этый город всё, штоб яво не былб, и мятлой падмяти.

Ён взяў масацёк-кремеш[ок] и стаў ето... у пароги, стаў яё будить. Ана: «Ах!» — праснулася, цап — туда, цап — нет. Так ён секануў-рубануў, высказило двянацать багатырей зялезных: «Вазьмите этих блазнев, ссяките, зрубите, в агняную ряку вкатите. И сажгите это всё падворье, только адну каменную палату... пусть астанутся».

Всё выжег и [вымеў]. Ну, што ж... (Взё...) Тады сюда уже этому царю передает, што вот так.

— А, — гаварить, — я ня грёбую.⁷ Я знаю, што ты много пастрадаў. Ня грёбую, ну, я сваю доць всё равно за тебе атдаю.

И вот тады у их свадьба, взяў сыграў царь. И уже с царем-пабядительским стаў, и ету уже ён зрубиў тады сваим... и царство это всё выжег. Вот и сказка вся.

Ажаниўши уже ён с этой, первой (с каторой), с пабедительницей, а это пабедитель, а етый добрудитель царь — так ён уже з этой доцькой ажаниўся. Ну, ён и царство яму падариўши. А яво, этому масацьку-кремашку, это багатырьский. Там, што хошь, он может сделать этым масацьком. Вот... Вот ти волшебный, ти какей. Вот... а ён вот мог всё сделать.

6. ПРО БОЖИЮ МАТЕРЬ

Ну, вот, женщина (нет) сколько гадоў — не радíла. Не радíла, не радíла, а это — взяла да забяременела. А ён пашёў ў дровы, в болото (тады), а божья мать пришла к яму:

— Аткажи ты мне тое, што ты дома ня знаешь.

— Ну а што я дома ня знаю. Я всё знаю дома. Ну, пушшай табе тое, што я дома ня знаю.

Пришёў, ну што:

— Женщина пришла ко мне, — гав-рить, — и сказала: «Аткажи мне, — га-рит, — тое, што ты дома ня знаешь». Я ж всё...

— А ты знаешь, што я, — га-рит, — бяременна.

— О, господи, ты ж, — га-рит, — ни разу не радíла, (это...).

— Да, — гаварит, — бяременна.

— А я, — га-рит, — приду тады маткой хрёсной.

Ну што ж, ана (эты)ти мног пахадила, ана радíла. Идеть ана, а ана пришла кумой. Кумой пришла и назвала яе Настицькой, Настей. Ну, и Настей. И сколько ана там хадила, так яна яе и взяла, девоцьку ету, от их. Ах, боже мой.

⁷ Не брезгую.

Ну, яны яе и бранили, што, боже мой, што как яна это — ни разу дтей не было, а яна взяла.

А яна яе питала там уже, кармила сама, хадила в (...), питала яе, Настеньку эту. И яна яе маткой звала. Выросла уже ана, а яна была красивая дуже девка. Гаварить: «Гуляй, где хошь, Настютка, только не хади, — гаварит, — в тую хатку глядеть». А яна всюды шла, быдто уже бальшая стала, под нявесту. Так — тошно ей как быдто стало: «Мамка не приказывала глядеть, я анным глázком только пагляжу». Ана паглядела — уже ана стаить, божья матерь, богу молится, и по пояс ў крави. Так яна завярнулася.

«Ах, божья мать!» — а яна уже завила. Так пришла:

— Настенька, видела, што я делала? (Низким голосом, строгий тон с угрозой. — О. Н.).

— Не, мамка, ня видела.

— Нет, видела.

— Нет, ня видела, мамушка, ня видела.

— (...) У тебе язык атыму, будешь нямая. Скажи, што видела.

Ня видела и всё. А яна взяла яе, раздела и язык атняла и павяла ў лес, на дуб высóко и посадила. Ах, боже мой, яна сядить — голая, нагая. А красивая! Царьский сын хадиў по ахоте. И пёс, сабаки так лають, ну, так лають, ну, не на зверя лають, да и всё. Пахходить, паглядить — целавек сядить. (Так яна показываеъ).

— Спустись, а то буду стрелять.

А яна показываеъ, што «я нагая, у меня ничаво нет». Нямного спустилася тагда, он ей — взяў пиньжак, у яво адет быў, сдеў — адень пиньжак. Ана спустилася к яму ниже. Он паглядить — такая красавица, што няльзя даже расстаться. Спустилася. «Пайдём, — гаварит, — со мной». И павёў дамоў. Павёў, а батьке не показываў, царю. Взяў да в комнату, там девки, да и хадиў всё. И ну — панадо[билась] — «буду жить с ей», — и ўсё, — «красива — буду жить». Тады уж стаў царю гаварить, што вот такую-то нашёу в балоте, и яна нямая, и не гаворит — «ну, не магу расстаться и буду жаниться з ей». Ну, царь гаварит: «Што ж, ничёх ня сделаеш. Живи».

И те мног, те мало ана пахадила, забяременела, радíла мальчика. Радíла мальчика, и (большая) божья матерь приходить к ей:

— Настенька, скажи, што я делала. А то я мальчика вазьму ў тебе.

— Не, мамушка.

Тады гаворить, как яна з ей разгавариваеъ: «Ня видела, што (я) делала, ня видела?» Эта яна ня хоцетъ, што мать яе сказала: «Не гляди», а яна паглядела. Вот ну хоцетъ это яна, ей што. Взяла галубá, разарвала ей, ўзяла руки вымазала, морду вымазала, грудь вымазала, а рябёнка ўзяла.

О-я, боже мой, зъела рябёнка. Тута зъела рябёнка и всё. Ну, тута царь и вси цисто... руки ў крави у ей, и грудь ў крави. Што это з ей делать? А ён: «Я не магу яе бить, ня буду бить, будем даждать, слуг паставим тяперь. Яшшо када будетъ ражать, будут слуги, кругом будут паставлены».

Ну, ланно. Ти мног пахадила, ана апать забяременела, яшшо мальчика радíла. Ну, тут уже паставили слуг таких, што ўсё, штобы это караулили, штоб... ня то...

Ана, божия матерь, приходить и тóго рябёноцька приносить:

— Настя, скажи, што я делала, и этаго атдам, а то и этого вазьму, — гаворить.

— Не, мам, ня видела, ня видела.

Ну, ана апать разрываеъ галубá, ей апать руки замазываетъ, грудь. А этого мальчика бярётъ, а ей нихто..., [патаму] ана святая, яе нихто ня видитъ, как ана бярётъ. И слуги стаять, и рябёнок ня видит. (Слуги...) Царь приступиўся к этому: «Пабью...» «Ну, не я...» «Што-то ёсь, — гаварить, — ну, не придумать. Не атхадилы, — г-т, — и ня спали; и, — как быў рябёнок, так и нетути».

А яна ж нямая, [яна], язык не гаворить. Ну, што ж. Ну, да третьяго разу, пушшай уже третий раз, што будетъ. Тады уже и царь так думаў: што-то ёсь.

Патаму што клянутся аны, бжатся, што... нет, не атхадили и ня спали. Ну, яна апяць радילה, апяць третьяго мальцика радילה. Ана апяць (...) приходить:

— Настя, скажи, што я делала.

— Не скажу, мамушка, ня видела — и всё, ня видела.

(Ну и я). А эты уже ходють, рябёнок — аннаго за руку привяла, а другога на руках держить:

— И мальцикоў атдам табе, скажи.

— Не, ня видела, мам.

Ана апяць ей галуба разрывае, апяць руки замазала, грудь замазала. А (это) слуг сколько паставлено и глядеть, кругом ходють, как што там. Как быў, так и нет. Так закричали слуги рятунку:¹ «Ой, боже мой, мы не виноваты! Не вино[ваты]. Кто-то бярёть, и ня знаем, кто, и мы ня видим». И всё.

Ну, так царь — што ж делаться? Ён сказаў: «Ня буду яе бить. А сделаю ей склеп и пасажу яе в склеп. Пусь ана лучше сама памирае, а бить яе ня буду». Ён взяў да в лес, сделаў такой склеп, хороший ей. Ну, царьский — што захатели, аны сделали. И все эта... хадилла божия мать к ей. Ён яе пасадил туда. А цвяты кругом пашли етого склепу — такие, што ўсё! Ну, ён далёко быў в балоте, ей сделаў такой склеп. Ну, не хадил туда ён. (А это пастухи). А яна приходить тады. Настя сказала уже ей, што: «Мамушка, видела». Так яна всех мальцикоў этих привяла, ей атдала. И кармила их (божи...) эта кармила эту Настю и мальцикоў этих кармила... всё (Нас...) эта божия мать.

Тады пастухи, [значит], што такое? «Нашли, — гаварят, — склеп. А цвятоў! И хто-то, — гаварить, — гаворить там. што-то гомон есь». Царю тут данясли. Так царь это: «Ах, боже мой, няужели это мая жана жива, з майм детушкам!» Так ён туда. И вот яны, эта небальшёнкая (сказка. — О. Н.), и ён раскамаў,² и яны вси пацелавалися, (и ён) и яна простила яму, и вси перяставились, вси святые стали. Вот. Што (ён) яна пастрадала, и ён яе бить ня стаў, пажалеў. И вси святые стали, и ён не жаниўся, все страдаў.

. Вот. Вот ето маленькая сказоцька, во какая сказка.

7. МЛАД ЮНОШ

Яна любила гулять, а надо радить. А хоть у суседа свадьба. Ох, пашла ў сад и плацеть: «Ох, боже мой, как ето мне нехарашо, а я смерть люблю плясать, а сёдни радить, а у суседа свадьба».

И плацеть ў саду ў пólноць. И цёрт етый кривэй идеть к ей:

— Што ты плацешь, маладуха?

— А я плацую то, што сёдни у суседа свадьба будеть, а мне надо радить, а я плясать люблю.

— Ой, и рóдишь, и будешь плясать, и рябёнок твой будеть углежено, ня плаць. Только, — гаварить, — разрежь мне мизяный палец хрястом и на тряпоцьку напусти кравй.

Ана взяла, разрежала етый мизяный палец и на тряпоцьку напустила яму кравй. Он взяў ў карман, пашёў, и [ана] радילה, и тут свадьба, пляшет, вси дивуются: «Ай-я-яй, радילה и пляшет, ну што это у ей такое. Пляшет маладуха, да и ўсё». А ён калышет, кагда малец там закричить, он, цёрт, калышет яго. Ну, свадьба прайшла, а малец взяўся не по гадам, а по минутам рось. Так растеть малец, што всё. Как увидит ана яго, так горьким слезам плацеть; так плацеть, што всё. Малец уже стаў хадить и панимать ето всё: «Мама, што такое? Ня видишь ты мене — ня плацешь, как увидишь — так плацешь. Што с тобой?» Малчить, не гаворить ана. «Што-то ёсь, мама!»

А ето уже яму и ланно аставалось, ци цятвертый год, ци што.

— Мама, скажи, пачаму ты плацешь по мне, как только... так все плацешь.

— Ай, сынок, я те прадалá.

— А, ты мене прадалá? Так я жить с тобой ня буду, — гаворить, — я пайду искать.

¹ От «рягувать» — спасать.

² Разломал.

— Я, — гаварить, — к цяртям прадала́ тваю... тябе.

— Ой, я, мама, я ж жить с табой ня буду, я пайду сваю... искать. Пайду искать, — гаварить.

Ну, и пашёу малец. Пашёу, ляжить два разбойника. Тоже были разбойники, сагрывивши богу, яны много ляжали, за муку господь их там...

— Млад юнош, куда ты идёшь?

— А вот иду, — гав-рить, — мене матка прадала́, — га-рить, — цяртём. Иду сваю расписку искать.

— А вот мы тебе скажем: буде мельница, — гаварить, — и мельник живеть, — гав-рить, — а ён ходит к им, а мельница дуже ня любить, што он ходит к цяртём. И вот иди туда, аны тебе далжны памиловать. А ты нам, — гаварить, — дай сваим иртом вадицьки в ключе, прицящи ты нас, ты ня грешный, только тело грешное яшшо, а то ты ня грешный.

Он взяу иртом аннагб, дал — етый памёр, перяставиўся, другому — и другой перяставиўся. Сам пашёу, пришёу туда, в мельницу. А ета:

— Ах, боже мой, аткуда ты такой пришёу, малоденький, а што ж такое это?

— А-ай, тетушка, такое мне горе, — г-рит, — так и так.

— А ён, — гав-рить, — сейцяс у цертёх, мой хазяин. Ой, я не люблю, што он ходит, — гав-рить, — ой, не люблю. Ну, будем, — г-рить, — как-нибудь яго прасить, — гаврить. — Ты нацевать у мене, — г-ть, — нацюй.

Ана яго накармила и схавала яго, палажила спать. Ну, ён в пólноць идеть дамоу аттуля. Приходить. Ух, как яна ⟨за...⟩ а яна, бывало, всё брónить яго, што это как, а это так завесялила, так завесялила:

— Ой, што ты так поздно сёдни пришёу, поздно дуже.

— Ай, што это такое у тебе злуцилося, ни разу слова доброго не было, а это што это, у тебе што-то ёсь, не так.

— Да не, так, што так это, ня всё ж будем сердиться, будем кагда...

— Да не, ня так.

Тады ана хади, пакармила там яго, што...

— Знаешь што, млад юнош пришёу, расписка, яго матка прадала́.

— О, это не табе гаварить, не мне слухать, вот-таки я знау, што ты ня так ко мне, — гав-рит, — это... абратилась, харашо ни разу не абратилась, а ты сходи сама туда к им.

— Я ж не хажу туда, не, уже ты памилуй, ён ня грешный, ён только, — гаварить, — млад юнош, ну што ж, тело ж только грешное яшшо.

Ён паказаўся, мальчик, им:

— Атец, я вас закармлю и вот ня кину до смерти, только памилуйте меня, возьмите маю расписку у их. Я ж не винават, што меня матка так прадала.

— Ну ланно, завтра пайдём.

Ну, как аны там ишли, назад пяткам: «Прайдём три раза», — и там шагнули и пришли.

— Кум, што ты пришёу? Вцёра быу, сёдни с каким ты пришёу?

— Та-ак, пришёу я к вам с просьбой сёдни.

— С какой ты к нам просьбой мог ты придить, ни с какой с просьбой не далжбн приходить, ты у нас жрёшь, пьёшь и с просьбой пришёу? А мальчика што ты это привёу?

— А мальчик етый не винават, яго мать прадала́, — гав-рить.

— А, так ты пришёу, это... защита? Вот ён пришёу с каким пришёу, жрёшь, пьёшь у нас и пришёу с какой новостей, с такой новостей ты к нам не хади ни разу.

— Да не, памилуйте стаго мальчика, ён не винават, мать [это], матери, коль хочете, делайте, а это ж рябёнок.

Ну, ланно. Цёрт взяу, мост атлажиу, взяўся атрубить. Как пашли церти: «Есь у вас расписка мальчика, есть распи...?» «Нет, нет, нет», — сыпались, сыпались, сыпались, — «нет, нет, нет». Идет кривэй напаслё, все перяйшли.

— У тебе расписка?

— Да, у мене.

— Атдай мальцу расписку!

— Не атдам! (Я яго). Ана, — гаварить, — всю ночь плясала, а я яго нянциў, калыхаў, не атдам.

— А вот на кумову пастелю тебе, пакатаем, так атдасі.

Тады взяў да выкинуў. А што ето — кумова пастеля? А это куму этому такая падлажена.¹ Иголки да шилы, будут катать яго, по этой пастели (усмешка. — О. Н.). Ну, это ён-то яму рассказаў, дарбогой иды, тады. Ну, што ж, ето, атдаў. Так мельник взяў да сябе в карман.

— Ну, садитесь ись!

Ну, посадили. Принесли ситнику — эта каняцьи говны. Это карбый ситник, каровый, каняций. Пиво — это ссаки кабыльи да каняцьи, да и каровьи. Калбасы — змеи. Пананесли — мельник исть да и всё. И малец не пакушаў. Ён яго, калботь под бок:

— Што ты ня ешь, такая закуска?

— Нет, я, — гаварит, — не хацю, я еў. Я, — гаварит, — сыт, я ня хацю, (я ня еў). Я, — гаварит, — сыт, не хацю.

А етый исть, мельник. Ели там, ели, ну: «Штоб ты такей яшшо с такей запиской к нам не прихадиў никагда. А то те по кускам разарвем».

Ну, иды дарбогой, правда, аны ти там, как шагнули апать и идут дарбогой аттуля.

— Што такое, што ты вот ня еў, такая закуска хорошая, а ты ня еў?

А малец яму г-рить:

— А какая ж это закуска? Это што, — гаварит, — ситники — каняцьи говны, каровьи. А ссаки, пиў пиво это, — г-рит, — это каровьи ссаки да каняцьи. А калбасы ты — змеи эты.

— Это правда?

— Правда. Я, — гав-рит, — не магу ись это, я ня ем.

— А я табе расписку не атдам, кагда ты меня не спасешь. Кагда бу... А, — гаварить, — а пастеля табе приготовлена, шилья да иголки, табе будут катать по этой пастели, кагда ты мене не спасешь, то я и ня дам расписку.

— Спасу, кагда ты будешь слухать меня, спасу.

Ну, пришли дамоў, мельницаха-то рада, боже мой, боже мой, апать всё, завтрак приготовила, и всё.

— Ну вот, — г-ть, — поставь асиновый вот етый кол бальной (...) и кругом дров абкладай, и сам сядь туда наверх, а я буду падпякать. И надо те вот книжка Ваянгелие, и читай. Што с тобой будут делать, ты малци, только читай и читай, читай и читай.

Ну, ён сеў высьоко и взяўся читать. Как налятели еты варбонья, ах, боже мой, варбонья, сароки, плёют на яго, кърхають на яго: «Пусть тябе разарвало, када ты не наеўся, када ты не напиўся, каго ты паслухаў, рябёнка паслухаў, дурак ты». И плёют, и кърхають, и бьют яго, и ён ничёго, все цитаеть, все ци[та-еть], а этый всё падпякает, всё падпякает, и столько налятело, даже, ну, ня знаю, што такое, гатовы разарвать варбонья яго. Цитаў, цитаў, цитаў, савсим уже нямножко астаётся, ну, астаётся так уже листка два. А взялісь атлятать варбонья — проць, проць, проць, проць. Все атлятали, атлята[ли], плявали, кърхали, атлятають проць. Ну, атлятели, асталося два голубя. Астался ангел мальцику и ангел яго.

— Закрывай книжку!

Закрыў.

— Вот теперь, — гаварит, ты больше к им не пайдёшь. Не пайдёшь.

Ну пришли дамоў, и вот ана там апать угастила — всё.

— Астанься, юнош, у нас, всё багатс[тво], какое ёсь, всё на тябе.

— Нет, пайду дамоў, я со сваей мамкой разбярусь, с сваей мамкой разбярусь и занясу ей ету расписку, атдам ей.

И дамоў пришёў.

— Я приду к вам, я приду к вам.

Ну, вот батька г-рить:

¹ Подготовлена.

— Што хошь, то и делай з матерей, што хатишь, то и делай.

Вот ён засадиў на год яе ў тюрьму, и хунт хлеба, и хунт вады. Будешь жыва — будешь, а ня будешь — ня жыва. Вот. И сказка вся.

8. НАСТАСЕЯ-ПРЕКРАСЕЯ

Было у царя три сына, и вси сыны красивые, вси хорошие, (но) а Иван-дурацёк — это сильный, магуций багатырь быў. Ну, вот ён знаў: в другом царстве вот ёсь Настасея-прекрасея, прекрасная дявица и сабе жниха ня выбрать нигде, а у ей тут девушек сколько. Ну вот, он и ряшиўся туда(…), в тое царство приехать и дастать яе. А у яго баба-парезница¹ была на этом... на ихным... дяревне, где-то аны жили, ну, ти в городе, ти где. Ён за реку:

— Бабушка, баслави меня!

— Ну, щасливо, Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь. Внуцек, едь, только худа, — гаварит, — ня делай.

— Не, бабушка.

Ну, сеў на каня и паехаў. Ехаў, ехаў — приехаў, ляжить гарнастай:

— Ай, Иван-дурачок, куда едешь?

— А, — гаварит, — еду Настасею-прекрасею, прекрасную дявицу паглядеть и живый вады и мертвый дастать.

— Едь, едь, всё дастанешь, только худа ня делай. Ну, и паяжжай, — гаварит, — только не заяжжай, — гаворить, — няверную силу Кашею, — гаварить. — А то, — гаварить, — вси тычины по целавецьей галавины, а то и будет и твая.

... Ён ехаў, ехаў. Ну, заехаў-таки. А ён стаить на дароге:

«Э-э, Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь, заяжжай ко мне, пагаворим».

Не хатеў. Ну, вскациў на двор, ён яво и залажиў: «Ну... будем теперя беседовать. А куда едешь? А, Настасею-прекрасею, прекрасную дявицу хошь застать?» Ланно. (Вот первую ночь перенацевали).

«Вот тябе, — гаварит, — три ноци. Если ты скрыешься от мене, то паедешь, а не скрыешься, то, — гаварить, — есть на каждой тычины по целавецьей галавины, а на анный нету, то твая галава будет там сторнута».²

Что ж это? Он тут задумаўся. Ланно. Ночь падходить, он пашёў да в эту... в море лёг в эту (в раки...), такие эты, как их, — ракушки. Абярнуўся ракушкою да и ляжить, ли с краю, и ляжить в море. Ён встаеть, бярьет книжку, цитаеть: «Слуги маи милые, слуги верные, (там он), идите, возьмите — вот ляжить в море (в раки...), в ракушке этой ляжить, — г-рит, — Иван-дурацёк». Пришли:

— Ты?

— Я, — ну, идеть.

— Ну, што?

— Ну, што ж, — гаварить, — ня скрыўся.

Ну апять аны гуляли там, пили да и гуляли. Втарая ночь идеть. Ну, втарая ночь идеть. Тады ён апять пашёў скрываться. Ну, што ж, куды? Тады взяў да и — стаить дуб — ён ў кару, взяў закапаўся в кару, и ето, и ляжить. Ну, ён апять книжку бярьет: «Эй, идите, слуги маи милые, слуги (…), идите...» Ну, тады: «Идите, слуги маи милые, возьмите — в каре, — гаварит, — ляжить он». Пришли:

— Ты?

— Тут ляжу, да.

Ну, ланно... Пришёў.

— Вот тебе пасленняя ночь сроку. Галава будет твая на тычине.

«Ну, и ланно, ишто ж ты будешь делать. Наверно, мая, — г-рит, — судьба тута». Ну, тады апять. Уже пагуляли, ночь паходить. Он... ну, што ж теперь, где скрываться. Ён взяў апять ў кару ту, паляжаў, паляжаў — не, надо идить. Пашёў да в хату сквозь стену пралез, иголкой абярнуўся — ён тоже мог

¹ «Каторая пуп резала яму, пуп атрязала яму, как ён радиўся» (объяснение сказочницы).

² Воткнута, наколото.

варá[чатся], — да и протиў яво как раз — в пóтолок и вторнуўся. Ну, эта середь ноци он так делаў. Тады ён апяць встаеть: «Эй, слуги маи верные, слуги... Идите вот — ў каре. Идите — закапавшись, ляжить в каре». Пришли тыи, рыли, капáли — ну, нигде нетути. Пришли, г-рит:

— Ну, нигде нет.

— Идите, капайте, видите — каре, — гаварить, — ляжить в каре, — и всё.

Ну пашли тыи. Капáли, капáли; апяць нет. Тады ён: «Вот праклятый, — гаварит, — ты — Кашей несмертный». Блясь яму на тарелку — иголка, абярнуўся дабрým маладцóm:

— Во где я сядеў.

— Ну, — гаварит, — шасьё тваё, што ты..., — г-рит, — а то б <на> тваей, — г-рит, — на этой тваей галаве, — гаварит, — на тэй тыщине.

Ну, угастиў ён я[во], делаў. Аттуль заяжжаёт.

— Настасея-прекрасея, я ва[м] и путь покажу.

— Ну, ланно, праклятый, если пайдеть, — гаварит, — пайдеть Настасея-прекрасея, штоб ты ей слова не сказаў, а то с зямле змяту тябе, — гаварить.

Ну... Сам паехаў, заехаў, ехаў, заехаў к бабушке там такей: «Ну, куда ж едешь?» А вот так и так. «Ну, ланно. На тябе, — гаварит, — <...>. Канька дала ана яму и <ще...> и дала какую-то шщётку, знать. «Те будеть нападение, ты это кидай сзаду», — гаворить.

Та ён апяць паехаў, заехаў к другей. Тая дала яму катка: «Вот, — гаварит, — пайдешь, в такие цясы, ён пайдеть в ком[нату], вси будут спать, там их мног красавиц, а яна на самой занней, — гаварит, — будет ляжать, Настасея-прекрасея». <Ну, при...>. А как же живый вады и мярт[вый] дастать?

Ну, ён приехаў это, каня взяў, зарезаў, кишки выпустиў, сядить сам в кишках. А вароны лятають, а вараняты: «Мам, свежее мясо! Крик, крик, свежее мясо!» А ворон: «Детки, сгуба³ наша». А яны всё анно как ни лятають, но мяса смерть хочут свежево паклявать. Так, яны как сели, так ён цап варанёнка. Вот г-рит: «Дастанешь живый вады и мярт[вый], атдам варанёнка, а не достанешь, не атдам». Тады ён: «А как там дастать, там же ж ведь старажá, там же ведь и день и ночь старажат этый калодезь, где там вот живая и мярт[в]ая вада».

— А как хошь.

Ну, тады ён взяў да и сшиў <три мя...> два мяшоцька: на живую и вот... ну, падвязаў ей, вороны, ана палятела. Она уже там в двянацать цясоў, каторые заснули старажá. Так ён там гыркаў⁴ да делаў, гыркаў и пацернуў и принёс яму, прилятеў, принёс. Тады ён взяў эту ваду, взяў варанёнка и разадраў на пол...

— Эй-я, што ж ты мне сделаў.

А ён памациў мярт[в]ой вадой — тело наскацило, живый — пырх! — варанёнок палятеў.

— Ну, вот, тяперь лятите.

Ну, сам тады пашёў с катком туда. В ночь падходить, пашёў. Как придеть — ляжать такие красавицы! Кот панюхаеть, панюхаеть, дальше пайдеть. Апяць, ну, што это. Все ишёў, ишёў на самое... Ана ляжить, красавица, кругом и свечи гарять, и такие <...> и всякое <...>. Ну, што ж. Ён там падабраўся к ей... (пауза по смыслу. — О. Н.). Ну, што ж, ана гаварит: «Квас пиў, да и квасницу не закрыў». Ну, яна даганяет. Ён сеў на каня и уяжжать! Каня сваво памациў этово и — уяжжать!

Ну там... была у яво..., што-то давали яны. Ён как кинуў, так сделаўся лес. Непрахадимый лес, ей никак не пралезь. Яна пакуль бегала, мастяроў этих нанимала, дарогу прадельвали. Апяць бягить, апяць... это всё вдабóнь за им.

А тады ён видить, што падганяють. Тады ён ти шщётоцьку ту... как кинуў, так сделаў ряку, ваду, <што ей>, ти море, нигде не перейти. Ён апяць паехаў. Ана пакуль там сабиралась, да и делала, уже замарилась, забегалася. Ну, ишла, знать, абдумала, што ты будешь делать: «Мне уже тяперь придется, верно, уже... — гав-рить. — А идить яво искать, жизни ряшать».

³ Гибель — от «сгубить».

⁴ Кричал по-вороньи.

Шла-ишла. А ён-то ведь падыяжжаець к этому Кашшею, няверному силе:

— Помни, если ты, только... пайдеть Настасея-прекрасея, прекрасная дявица, и если ты ей только худово скажешь, то я тебе, — гаварит, — и с зямле смяту, больше жизни тваей нет.

— Нет, — г-рит, там он яво назваў как по атечеству, — Иван-дурацёк, сильный, магуций багатырь, я яшшо на путь наставлю яе.

Ну, ён так как. Ну, яна не зайшла к яму. Тады идеть. Ехаў, гарнастай этый ляжить: «Ну, вот щасливо табе, я, — г-рит, — ей путь яще укажу, тваей Настасее-прекрасее».

Ну, што ж. Приехаў дамоў ён. Яна уже цисто замарилася, все бегши, эта Настасея-прекрасея, сюда, к царю к этому. Приехаў, а тут напала баба-яга, кастяная нага, с тóго свету ездить, а яна радня етой... царевни. Зато а [на]: «Дай паляванье! Где этый Иван-дурак?» Вот... и бьеть: «Дай!» — вакоеть и всё. Едеть на зялезной ступе с тóво свету и вакоеть.

Тады он гаворит: «Завязите вы мене туда, к тый наре, аткуль ана ездить». Взяў палку-булавку, сделаў такую харошую. Яна как ездила, ён как тягнуў, так яна как пакатилась на тот свет и ня помнила как, ужу три дня спáла. А этый... тады ён, что ж, как это сумка ж палятела туда у яго, как это ён туда... Пашёў ён тоже искать яе туда. Што ж это — паглядеть на тот свет, што ж это там делають люди. Шёў-шёў, приходить: девка кросны ткеть, на адин бок кинеть — салдат з ружьем; [на] другой бок кинеть — конь с сядлом.

— Што ты делаешь?

— Матка, — гаварит, — ездила на палеванье, — г-рит, — кто-то даў ей такое патыкалье,⁵ ляжить третий день, — гаварить, — спать, не прасыпается.

— Ну... А пайдёшь замуж за мене?

— Пайду, — гаварит, — пайду.

Ну, ён пашёў. Надо ж паглядеть, што тут делается на этом свете. Пашёў дальше. И другая девка так делаець. Как, г-рит, кинет — конь с сядлом, на другей — салдат с ружьем.

— Што ты делаешь?

— Матке силку тку. Матка была на палеванье, вот третьи сутки не встаеть, как дали патыкалье.

— А вот пайдешь за меня замуж?

— Пайду. Вот, — гаварит, — кагда пайдёшь. (Навар...), — ана знала, што дажидала каво-то (<...>), наварила пива, — вот боцьки стаять, па левой⁶ стóроне — это сильное пиво, а по левой боцьки — это бяссильное пиво.

— Аны, гаварит, как...

Ну, так ана прасыпла:

— А-а-а, я тебе дажидала в гости (фраза интонационно выделена. — О. Н.). Я ведь пивца наварила, — ана на яво.

— Ну, што ж, наварила, — гаварит, — будем гастить.

— Ну, так и будем и драться, — гаворить, — кагда ты приехаў ў гости ко мне. Ну, напьём пивца.

А яна взяла, девка эта, перекатила пиво это: на эту сторону — крепкое, а на тое — слабое. Ён как выпиў там кружку, ти две — нямного. Ана как палавину боцьки выпила — ослабела, што всё. Как раздуло яе. Ён яе сбиў цисто.

— Нет, будем атдыхать.

— Ну, будем атдыхать.

А яво сила ящё дўжей стала, как ён выпиў сильное пиво, такое сильное. Ну, выпили. Атдыхнула, апять драться.

— Давай яшшо пивца напьём.

Ана как пинула,⁷ так боцьку тую дапила. Ён выпиў там кружки две, апять яшшо сильней... Сбиў яе, убиў, убиў эту бабу-ягу. «Ну, пайду ж тепера, —

⁵ «Дать патыкалье» — побить, от «тыкать».

⁶ Нужно: на правой.

⁷ Т. е. выпила.

палку в руки взяў, — пайду по свету прайду там, што делают — где скацють, где пляшуть, а где плацють горьким слязам».

— А што ж вы плацете?

— А вот напала птица нагая, — гав-рит, — лятает и по целавеку каждый день зьядает. И как хошь...

— Ну, — гаварит, — а вы знаете про белый свет?

— Не, — гав-рит, — никто ня можем знать про белый свет.

Ну, ладно. «Звядите вы меня, — гаварит, — туда, где ана... Я, я целавек цюжестранный, всё равно, пусть ана мене зьись». Ён пашёў, ана придёт, эти... идёт... уже целавека ей ⟨это⟩... Он ей как тяпнуў межи вух, так ана вярсту, вярсту полную пяшком ишла, не магла улятеть. «Ну, — гав-рит, — теперь к вам больше не пайдёт, ня бойтеса, — гав-ритель».

Ну, апять пашёў он там по свету, и дальше апять тутотка падходит ночь, и этим другим надо апять, апять же целавека. Апять плацють еты:

— Вот напала нагая птица лятать и по целавеку зьядатель.

— Ой, — гав-рит, — звядите вы мене, — гав-рит, — звядите вы мене, — гав-рит, — я целавек цюжестранный, — гаварит, — и звядите вы мене, — гаварить.

Ну, ланно. Звядли аны ⟨яво⟩. Апять ана лятить, идёт. Так ён яе как даў апять, так ана уже две вярсты пяшком ишла. Всё — не магла уже ⟨...⟩. «О-о, — гав-рит, — разве ты это можно делать. Ну, — гав-рит, — теперь к вам не пайдёт». И третий раз так ён тоже, тоже так пабыў. Ну, тады што ж.

— Знаете про белый свет?

— Не, — гав-рит, — ня знаем.

Ну, ладно. А у яво сумка там спущена, и яны... када затропае⁸ он, то браты патянуть. А ён г-ритель: «У меня жена ёсь. А это красавицы, девки красивые дуже. И вазьму это ⟨сястрам⟩ братам по жёнке, пусть тянуть». Да взяў боцьку сильную пива, вставиў, это всё.

Аны тянули, тянули, тыи тяжко тянуть. Ну, вытянули — ох, какие красавицы девки! Теперь он... Это не падумали, што это ён ⟨пя...⟩ это после пришла, што это ён тут всё сидеў в этой наре. Гав-ритель: «Аннамў будеть, а другому не». ⟨Возь...⟩. Боцьку эту аны взяли, девок... «Пусть, встанем на палсвёта та и пустим — он убьется, а нам будет по жёнке, вот этих».

Аны тянули, тянули на пулсветя, тады взяли да пустили. Так сумка та как палятела, так ён и убиўся до смерти. И ляжить. А там ахотник ходил по этому, по том свету: «Што ж такое это? — паглядить. — Нямножко будто светить и сумка, целавек ляжить ⟨замедленный темп, недоумение. — О. Н.⟩. Это не прастой целавек». Тады он паглядеў: и живая вада и мяртвая вада, две бутылоцьки взято у яво. То он взяў этый мяртвóй вадой яво памациў — ⟨он⟩ тело наскацило: живой...

— О-о, как я, — гав-рит, — заснуў.

— Да, — гав-рит, — ты заснуў навек.

— Ах, браты, браты, — гаварить, — што наделали. Эта ж мне так братки наделали. Я им ⟨...⟩ дабра, а ён мне зла.

Ну, што будеш делать.

— Знаешь ты, у гав-рит, — ахотник, знаешь ты белый свет?

— Нет, я ня знаю. А ёсь у нас, — гав-рит, — птицька такая, што яна знает, — гав-рит, — ана знает про белый свет. Ана тут, диво, села вот только, — гав-рит, — в дни эти не лятить. А то, — га-рит, — ана, — эта, каторая зьядала людей, — а то ана, яна, — га-рит, — знает.

Тады аны стали всех манить. Он тут... Да царь этый стаў этый... Царя ён падмаладиў: стал маладэй, быў старый. Стаў яго, их всех сабраў. Все — никто ня знает: «Ня знаем, ня знаем, ня знаем». Тады ана после лятить.

— Знаешь про белый свет?

Яна стаяла, ста [яла]:

⁸ Задержает.

— Не, ня знаю. Только нясла matka мене ў жопе, в яйце, и гаварила: «Доцюшка, во где белый свет». Только э[то] помню.

— А-а, знацит, штоб этово целавека на тот свет падставила.

Ну... Ну, ланно. Тады уже... Тады он и гаварить: «Бей тута этих (птиц, животных — на еду. — О. Н.), ана мясная». Карáb целый набили. «Ана тебе павязеть и по вады, по нем, ана вывезеть, — гаварить». (Взяли). Набиў ен целый карáb. Все мяса накладў, накладў, сам сеў пасяред. А яна палятела, павязла. И все. И там и в ваду, все савсим будто тапить, а все ня ўтопить. Эта яна все сярдилась, яна узнала, што это ен яе биў. Ну, вязла, вязла: «Видишь белый свет?» Ен га-рит: «Не, ня вижу». А уже (вганю) уже видит нямножко, виднееть, нямножко виднееть. Ну, што ж. Едетъ тада — ух! — на берег вытянула. Ен увидеў белый свет.

— Фу, как я нонешний год здаровье утеряла. Вот это ж ты мене биў, — гаворить.

— А што ж ты, — гаварить, — делала, ты же, — гаварит, — людей зьядала, разве можно так делать, — гаворить.

Да, пашли яшшо... Што ж? Рот разинула — нет. Так ен взяў да икры вроде вырезаў сабе, с адной наге, — да ей в мялицу, да и с другой... Гаварит:

— Какое ты мне мясо даў сладкое напаслед.

— А што делать. Я вижу, што не давязла ты, а мяса концилося.

Так ана как вькархнула, ен приставиў, вадэй так памациў — все прижилб. Распрстались, разъехались. «Я, — гаварит, — делать больше ня буду, людей ись».

Он уже приходить, тут у яго два сына радилобся, пакуль он там странствоваў. Уже састрякают яво, (а сынам) а братам простиў, это все.

— Што ж, — гаварит, — я, (мы) вы ж видели, што у мене жана есь. А вы?

— Ну, мы это ня думали, есь ли нет, ня знали. Мы самы, — га-рит, — переживали. Ты нам прати, брат, што мы так наделали.

Ну, и вси стали жить, паживать и добра наживать. И сказка вся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Сарока». Уникальная, искусная в композиционном отношении контаминация новеллистического и волшебного сюжетов Первый восходит к циклу сказок о мудрости царя Соломона Возможно, прозвище «Дитятка-Саломка» является народной трансформацией по фонетическому сходству библейского имени Подобные случаи встречаются в сказках этого сюжетного типа например, в тексте «Соломенный царь» (см Песни и сказки Пушкинских мест Фольклор Горьковской области Л, 1979 Вып 1 С 194—196) при отсутствии самого имени Соломона номинация мотивирована так же ребенок подброшен в солому Непосредственно сюжет о «сорокиных детях» (вариант международного сюжета «спор о детях») не зафиксирован в издании Сравнительный указатель сюжетов Восточнославянская сказка Л, 1979 (далее сокращено ВС) Мотивы обличения развратной матери младенцем в ее чреве и детства царя Соломона — первая часть сюжета «Царь Соломон и его неверная жена» (ВС, 920) Сходные смоленские варианты см Добровольский, № 31, 32 Сюжет о «сорокиных детях» образует композиционное кольцо сказки в финальном мотиве пересчета орехов — разоблачения (см, например, вариант сюжета «Безручка» в кн Народные русские сказки А Н Афанасьева В 3 т М, 1985 Т 2 № 280, далее сокращено Афанасьев, том, страница или номер текста) повторена завязка В середине сказки не исчерпанный до конца сюжет о царе Соломоне через мотив «палки-булавки» трансформируется в волшебный, редкий на русской почве, сюжет «Юноша служит пастухом у слепых старика и старухи» (ВС, 321) В отличие от известных науке вариантов (Севернорусские сказки в записях А И Никифорова М, Л, 1961 С 356 — пересказ, Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке /Подред и с коммент Л Г Барага Уфа, 1975 № 9) у М И Патриковой дана героическая интерпретация этого сюжета — змеборство В варианте Никифорова герой борется с Бабой-Ягой, в сказке, опубликованной Барагом, — с чертом

2. «Каровушка-бялонюшка». Не отраженная в ВС контаминация сюжетов «Чудесная корова» (ВС, 511) и «Чудесные дети» (ВС, 707) Их соединение усиливает атмосферу диковинности и чудесности в сказке По своему образно-стилистическому строю эмоциональности — это, наверное, самая яркая сказка М И Патриковой «Каровушка-бялонюшка» с исчерпывающей полнотой сохраняет сказочную обрядность и ритмико-интонационную цельность Интересен мотив диковинок и его формульность

3. «Суций сын». Вариант героического сюжета «Бой на калиновом мосту» (ВС, 300А) Сюжетные ходы сказки в основном изложены схематично, за исключением трех ночей самого боя, изображение которых совершенно по исполнению Детали разработки мотива чудесного рождения (беременный повар) близки смоленскому варианту Добровольский, № 7 Отсутствует обычный для данного сюжета момент соревнования между братьями, старшинство «суцьево сына» никак не мотивировано, со змеями

он борется один — братья даже не выходят по очереди караулить. Нет эпизодов с оборотничеством змеиных жен, потеряны сюжетные линии сватовства героев.

4. «Сивец-бурец». Вариант популярнейшего сюжета с традиционной контаминацией: «Сивко-Бурко» (BC, 530) и «Свинка, золотая щетинка» (BC, 530A). Уникален начальный мотив сказки — похороны отца. Заслуживают внимания: мотивировка появления трех жеребцов — кража у богатыря; родство всех чудесных персонажей.

5. «Ляксея Гаремыка». Некоторое сходство с сюжетом «Неверная жена» (BC, 318). Эпизод получения волшебных предметов восходит к сюжету «Обманутые черти» (BC, 518). Образ Ляксея Гаремыки типологически схож с героем сюжета «Пойди туда, не знаю куда» (BC, 465A): Бессчастный стрелок; Бездольный; Горе-горянин; Данило-дворянин и др. Сходна и структура формул, характеризующих героев этого типа: «Жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого» (Афанасьев. Т. 3. С. 278). Сказка осложнена мотивами легендарными: христианская оценка персонажей («царь-дабрудитель»); святой Микола в роли волшебного помощника; упоминание «антихрищского царства». Некоторые повествовательные моменты остаются непроясненными: появление «багатырського кремешка»; характер мести Ляксея Гаремыки; упоминание собаки Карнауха, калинова моста. Сказка, особенно в первой половине, отличается ярким языком образных формул, ритмизованных и часто украшенных рифмами.

6. «Про Божию мать». Довольно редкий в русской традиции сюжет «Крестница богоматери» (BC, 710). Характернейшее отличие варианта М. И. Патриковой — сказочная мотивировка действия: «Атдай мне, чего дома не знаешь» (см., например, в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая»: Афанасьев. Т. 2. № 234).

7. «Млад юнош». Вариант легендарного сюжета «Кумова кровать» (BC, 756B). Своеобразна завязка действия: продажа души ребенка черту за пляску сразу после родов. Возможно объяснение этого мотива спецификой местной демонологической традиции, в которой черт часто предстает скрипачом, покровителем пляски и инструментальной музыки. В данном варианте во многом усилена роль героя как орудия спасения грешников: «причащает» разбойников; путь спасения мельника подсказывает именно он.

8. «Настасея-прекрасея». Контаминация нескольких сюжетов. Эпизод с Кашеем напоминает сюжет «Елена Премудрая» (BC, 329), мотив погони Настасеи-прекрасеи — «Бегство с помощью чудесных предметов» (BC, 313H), пребывание героя в подземном царстве — «Три подземных царства» (BC, 301A, B). Сказка не обладает сюжетно-композиционной цельностью, но ее образный и интонационный строй соответствуют лучшим сказкам Патриковой.

БИБЛИОГРАФИЯ

СЛОВАЦКИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ ПО ФОЛЬКЛОРУ

Предлагаемая подборка представляет собой продолжение работы по учету библиографических пособий по фольклору, выходящих в зарубежных странах.¹ В настоящем списке даны основные библиографические указатели, опубликованные на территории Словакии. В данной публикации не приводятся многочисленные библиографические указатели текущей литературы, печатавшиеся начиная с середины 1950-х гг. в журнале «Slovenský národopis» Рудольфом Жатко и Миладой Кубовой. Весь материал, зафиксированный в названных журнальных публикациях, позднее вошел в фундаментальные фольклорно-этнографические указатели этих же авторов (см. № 19, 30, 33, 37, 38). Там же в разделе «Библиография» при необходимости читатель сможет найти указания на данные ежегодные списки текущей литературы. К сожалению, во второй половине 1980-х гг., как показал специальный просмотр журнала «Slovenský národopis», эта столь нужная науке традиция ежегодных публикаций списков фольклорно-этнографической литературы прервалась. Последнее пятилетие, таким образом, оказалось в словацкой этнографии не охвачено библиографическими пособиями.

В настоящей публикации опускаются также многочисленные указатели-персоналии, регулярно в связи с юбилеями ученых появляющиеся на страницах «Slovenský národopis», «Národopisne aktuality» и других изданий. Сведения о персональных библиографиях словацких этнографов и фольклористов читатель найдет в тех же указателях М. Кубовой и Р. Жатко. Не включен в настоящую подборку и ряд других материалов, не представляющих для русской аудитории большого интереса.

Представленный материал расположен в хронологическом порядке и завершается изданием 1989 г. (см. № 38). В квадратных скобках дается перевод заглавий на русский язык. Далее следует краткая аннотация. Звездочкой (*) отмечены работы, отсутствующие в библиотеках Санкт-Петербурга.

1. Žatko R. Register «Národopisného sborníka». 1—11 (1939—1952) // Slovenský národopis. 1954. R. 2. N 3—4. S. 410—420.
[Указатель к изданию «Národopisný sborník»].
2. Slovenská hudobná tvorba. 1945—1954. Bratislava, 1955. 113 s.
[Словацкое музыкальное творчество].
Раздел: Обработки народных песен и танцев.
3. Michálek J. Diplomové práce s národopisnou a folkloristickou tematikou na filozofickej fakulte UK r. 1959 // Slovenský národopis. 1960. R. 8. N 1. S. 165—166.
[Дипломные работы по этнографической и фольклористической тематике, выполненные на философском факультете Университета им. Я. Коменского в 1959 г.].
- 4.* Kováč M. Naša ľudová slovesnosť. Martin, 1961. 2 s.
[Наша народная словесность].
- 5.* Repčák J. Súpis literatúry o ukrajinských ľudových piesňach na Slovensku a v Zakarpatskej Ukrajine. Prešov, 1961. 3 s.
[Список литературы об украинских народных песнях Словакии и Закарпатской Украины].
- 6.* Potúček J. Slovenská hudobno-folkloristická literatúra (Výber bibliografie za roky 1823—1961). Bratislava, 1962. 38 s.
[Словацкая музыкально-фольклористическая литература: Избранная библиография за 1823—1961 гг.].
- 7.* Žatko R. Výberová bibliografia ľudovej kultúry Karpatskej na Slovensku. Martin, 1962. 59 s.
[Избранная библиография народной культуры Словацких Карпат].
- 8.* Potúček J. Výberová bibliografia zo slovenskej hudobnovednej literatúry (1862—1962). Bratislava, 1963. 116 s.
[Избранная библиография словацкой музыковедческой литературы].
- 9.* Žatko R., Kubová M. Vecný a menný register «Slovenského národopisu. 1—10» (1953—1962). Bratislava, 1963. 21 s.
[Предметный и именной указатель к изданию «Slovenský národopis»].
10. Repčák J., Potemra M. História a národopis. Košice, 1964. 355 s. — (Bibliografia Východného Slovenska, 1945—1964; 10 zväzkov).

¹ См.: Иванова Т. Г. Польские библиографические указатели по фольклору // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 411—416.

- [История и этнография (Библиография Восточной Словакии, Т 10)]
 В рубрике «Этнография» имеются разделы, касающиеся духовной культуры Семейные отношения, Обычаи и поверья, Народная словесность, Народная словесность украинцев Народные песни, Народные песни украинцев, Народный танец
 Имеется именной и географический указатели
- 11 * *Višňovska-Rihova D Vyberova bibliografia narodopisnej muzeologickej literatury 1945—1965 // Narodopisna praca v muzeach na Slovensku Martin, 1966 S 119—139*
 [Избранная библиография этнографической музеевской литературы за 1945—1965 гг.]
- 12 * *Stano P Vyberova bibliografia narodopisnej literatury Bratislava, 1968 78 s*
 [Избранная библиография этнографической литературы]
- 13 *Stano P Bibliografia Liptova Knižna a člankova literatura od najstaršich čias do roku 1965 Martin 1968 797 s*
 [Библиография о Липтовском крае Книги и статьи с древнейших времен до 1965 г.]
 В рубрике «Этнография Фольклор» имеются разделы Свадьба, Похороны, Народный танец, Фольклор, Повести, Народная вера, Народные игры, Народные песни
- 14 *Kolodziejsky L Katalóg slovacikálnych kníh do roku 1918 Kolgialnej knižnice v Prešove Martin, 1969 596 s*
 [Каталог книг о Словакии, изданных до 1918 г. в собрании Коллегиальной библиотеки в Прешеве]
 См Систематический указатель на «Narodopis»
- 15 *Michalek J, Chlebana M Supis dizertacnych a diplomovych prac s narodopisnou tematikou, obhajenych na filozofickej fakulte univerzity Komenskeho do r 1968 // Slovensky narodopis 1969 R 17 N 2—3 S 470—472*
 [Список диссертаций и дипломных работ с этнографической тематикой, защищенных на философском факультете в Университете им Я Коменского до 1968 г.]
- 16 *Duchajova E Slovenská slavistika 1968 Bibliografia Martin, 1970 336 s*
 [Словацкая славистика 1968 Библиография]
 В рубрике «Этнография» имеются разделы Общие вопросы, Болгарская этнография, Чешская этнография, Югославская этнография, Польская этнография, Русская этнография, Словацкая этнография Украинская этнография
- 17 * *Potuček J Slovenska etnomuzikologia v rokoch 1938—1949 (Antologia príspevkov a štúdií) Bratislava, 1970 130 s*
 [Словацкая этномузыкалогия в 1938—1949 гг Антология статей и исследований]
- 18 * *Potuček J Slovenska etnomuzikologia v rokoch 1950—1960 (Antologia príspevkov a štúdií) Bratislava, 1970 130 s*
 [Словацкая этномузыкалогия в 1950—1960 гг Антология статей и исследований]
- 19 *Kubova M Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960—1969 Bratislava 1971 194 s*
 [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1960—1969 гг.]
 Разделы, относящиеся к народной духовной культуре Традиции и обычаи, Знания народа, Представления и верования, Народная словесность, Пение, музыка, танец
 Имеются именной и географический указатели Библиография включает в себя работы словацких ученых по проблемам этнографии и фольклора словаков и по народной культуре других этносов, а также труды зарубежных исследователей по словацкой тематике
- 20 *Potetra M Krásna literatura a jazykoveda Martin, 1972 1158 s — (Bibliografia článkov zo Slovenských novín a časopisov 1901—1918, 8 zväzkov)*
 [Художественная литература и языковедение (Библиография статей из словацких газет и журналов 1901—1918 годов)]
 Разделы Народная поэзия, Народные повести и сказки
- 21 * *Potuček J Anotovaná bibliografia tlačených zbierok notovaných slovenských ľudových piesní // Seminarium ethnomusicologicum Ustav hudobnej vedy SAV Bratislava, 1973 S 61—66*
 [Аннотированная библиография печатных нотных сборников словацких народных песен]
- 22 *Gładysz M Polska bibliografia historii kultury ludowej Karpat za lata 1960—1967 // L'udove staviteľ'stvo v Karpatскеj oblasti Bratislava, 1974 S 295—319 (Ethnographia Carpatica)*
 [Польская библиография по народной культуре Карпат за 1960—1967 гг.]
 В рубрике «Духовная культура и общество» разделы Устная литература, Народные песни, Обряды и обычаи
- 23 * *Muntag E Slovenská literatura v hudobnej interpretácii Bibliografický supis ľudovej poezie, slovenských ľudových piesní a umelých poetických textov slovenských autorov v hudbe umelej v žánrovotematickom zoraďení od najstaršich čias do roku 1968 Martin, 1974 286 s*
 [Словацкая литература в музыке Библиографический указатель народной поэзии, словацких народных песен и поэтических текстов словацких авторов, расположенный в жанрово-тематическом порядке от древнейших времен до 1968 г.]
- 24 *Stano P Literatura // Slovensko L'ud Bratislava, 1975 C 2 S 1135—1149*
 [Литература]
 Избранная библиография по этнографии и фольклору Материал расположен по алфавиту в трех разделах, не имеющих заглавий
- 25 *Štefanek J Bibliografia vydání slovenských ľudových rozpravok slovenských zberateľov a slovenských pohádek a povestí v Némcovej (1845—1974) Martin, 1975 367 s*

- [Библиография изданий словацких народных сказок и изданий «Словацких сказок и сказаний» Божены Немцовой (1845—1974)]
- Разделы Издания собраний словацких собирателей, Издания «Словацких сказок и сказаний» Б Немцовой, Основные теоретические работы
- 26 *Beneš B* Folklor a literatura (Vyberova bibliografie) // *Slavica Slovaca* Bratislava, 1976 T 11 N 4 S 428—438
- [Фольклор и литература Избранная библиография]
- Материал расположен в алфавитном порядке Учтены работы словацких, чешских и иностранных ученых, изданные как в Чехословакии так и за рубежом
- 27 * *Ondrejka K* Literatúry k inscenovaniu folklóru // *Folklor a scéna Zborník príspevkov k problematike štylizácie folklóru* Bratislava, 1976 S 242—261
- [Литература по фольклорным инсценировкам]
- 28 *Ušák J* Diplomové práce obhajene na katedre etnografie a folkloristiky FF UK v Bratislave v rokoch 1975 a 1976 // *Slovenský národopis* 1977 R 25 N 2 S 352—356
- [Дипломные работы, защищенные на кафедре этнографии и фольклористики Университета им Я Коменского в Братиславе в 1975—1976 гг.]
- 29 *Kubova M* Register časopisu «Slovenský národopis» Ročníky 1—25 1953—1977 // *Slovenský národopis* 1978 R 26 N 1 S 169—232
- [Указатель публикаций журнала «Slovenský národopis»]
- Разделы см № 19
- 30 *Kubova M* Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1970—1975 Bratislava, 1979 421 s
- [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1970—1975 гг.]
- Разделы см № 19
- 31 *Meleková M* L'udova kultura v okrese Banská Bystrica (1945—1983) Regionalna bibliografia Banská Bystrica, 1983 50 s
- [Народная культура в районе Банска Быстрица (1945—1983) Региональная библиография]
- 32 *Novohradská V* L'udova kultura v okrese Považská Bystrica Regionalna bibliografia Považská Bystrica, 1983 20 s
- [Народная культура в районе Поважска Быстрица Региональная библиография]
- 33 *Kubova M* Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1976—1980 Bratislava, 1984 T 3 342 s
- [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1976—1980 гг.]
- Разделы см № 19
- 34 *Šipka M* Vydavateľ'ska činnosť krajskeho osvetového strediska (KOS) v Banskej Bystrici vo vzťahu k tradičnej ľudovej kultúre // *Slovenský národopis* 1984 R 32 N 3 S 537—540
- [Традиционная народная культура в изданиях Краевого Просветительского Центра в Банской Быстрице]
- 35 *Salzmann Z* Bibliografia k dejinám Slovákov a Čechov v Rumunsku // *Slováci v zahraničí* 1985 T 11 S 181—212
- [Библиографические материалы по истории словаков и чехов, живущих в Румынии]
- Материал расположен в алфавитном порядке Учтены работы по истории поселений социологии, этнографии и фольклору
- 36 * *Vyberova bibliografia k štúdiu súčasného scenického folklóru* (1979—1984) // *Folklor a festivaly* Bratislava, 1985 S 145—154
- [Избранная библиография по проблемам современного сценического воплощения фольклорных произведений]
- 37 *Kubova M* Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1981—1985 Bratislava, 1986 T 4 356 s
- [Библиография словацкой этнографической и фольклористической литературы за 1981—1985 гг.]
- Разделы см № 19
- 38 *Stano P, Zátka R* Narodopisná literatúra na Slovensku za roky 1901—1959 Martin, 1989 795 s
- [Этнографическая литература в Словакии за 1901—1959 гг.]
- Разделы, относящиеся к народной духовной культуре Обычай, Знания народа Фольклор Устное народное творчество, Народная поэзия Народная песня (без напева) Народный театр Кукольный театр, Детский фольклор, Народная музыка Народная песня (с напевом), Народный танец
- Имеются именной предметный и географический указатели Библиография включает в себя работы словацких и чешских ученых о словацкой народной культуре, работы зарубежных исследователей о Словакии, труды словацких этнографов и фольклористов о других народах

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ ЗОИ ИВАНОВНЫ ВЛАСОВОЙ

1957

Фольклорные записи В. Г. Короленко / Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 186—219.

1958

Комментарии к статьям А. И. Герцена («Колокол», 1860): «Из Москвы», «Эпоха прогресса и гласности в России», «Палач Барановский», «Тверской вице-губернатор Иванов», «С.-Петербургские ведомости», «Омское красноречие», «Свистунов и Кашкин», «Сверхштатный член Шереметев», «Ковалевский призывал петербургских журналистов» // Герцен А. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 14.

1959

Фольклорные мотивы в рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.: Сборник статей. М.; Л., 1959. С. 279—285.

Из ранней деятельности П. И. Якушкина : (По забытым и неопубликованным материалам) // Русская литература. 1959. № 4. С. 195—197.

1960

О приемах композиции в частушке // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 231—246.

Этнографические интересы В. Г. Короленко. (По сибирским материалам) // Советская этнография. 1960. № 4. С. 121—136.

1962

Коллекция лирических песен в собрании П. В. Киреевского (30-е гг. XIX в.) // Русский фольклор : Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Вып. 7. С. 328—342.

1963

Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 132—155.

Фольклорно-этнографические интересы В. Г. Короленко 1880—1890-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963. 17 с. (Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР).

1964

Частушки [глава монографии] // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 149—193.

Современный фольклорный репертуар одного района (в соавторстве с А. Н. Мартыновой) // Русский фольклор. Проблемы современного народного творчества. М.; Л., 1964. Вып. 9. С. 240—274.

1965

Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. Л., 1965. 496 с. с нотами. (Памятники русского фольклора).

1966

Текстологические принципы издания русских народных песен в начале XX в (по материалам «Новой серии» [П В Киреевского]) // Принципы текстологического изучения фольклора Л, 1966 С 37—71
 Информационные заметки в журнале «Демос» о работах 1) Алексеева О Б Устная поэзия русских рабочих Л, 1966 Автореф дис канд филол наук, 2) Колтакова Н П Типы народной частушки Л, 1965, Частушки в записях советского времени (см выше) // Демос Берлин, 1966 Вып 1 и 2

1968

М Федеровский как фольклорист и этнограф // Русский фольклор Исторические связи в славянском фольклоре М, Л, 1968 Вып 11 С 277—296
 Этнографическая деятельность В Г Короленко и ее общественное значение // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии М, 1968 Вып 4 С 13—30
 Частушки для клубной сцены (Заметки о репертуаре) // Фольклор и художественная самодеятельность Л, 1968 С 90—121
 Н А Костров [Вступит ст и примеч] // Литературное наследство М, 1968 Т 79 С 497—540
 Д П Ознобишин [Коммент к текстам песен (в соавт с С И Минц при участии М Е Роговской)] // Литературное наследство М, 1968 Т 79 С 513—558
 Обсуждение десяти выпусков «Русского фольклора» (Ленинград, март, 1968) // Русский фольклор Л, 1968 Вып 11 С 337—339

1969

Средства отражения действительности в частушке // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе Метод и мастерство / Тез докл II межвузовской научной конференции литературоведов Май, 1969 Вологда, 1969 С 17

1971

Частушка и песня (К вопросу о сходстве и различии) // Русский фольклор Из истории русской народной поэзии Л, 1971 Вып 12 С 102—122
 Фольклорное наследие П С Богословского (Материалы пермского фольклора в архиве П С Богословского) // Фольклор и литература Урала / Тез докл, сообщ Пермь, 1971 С 69—71
 Рец. 1) Частушки / Предисл В Ф Бокова Вступит ст, подгот текста и примеч В С Бахтина М, Л, 1966, 2) 1000 частушек Ленинградской области / Сост В С Бахтин Л, 1968 // Русский фольклор Л, 1971 Вып 12 С 239—295

1972

К изучению поэтики устных заговоров // Русский фольклор Русская народная проза Л, 1972 Вып 13 С 194—201
 Устный репертуар и исполнители Хвойнинского района Новгородской области // Русский фольклор Л, 1972 Вып 13 (В соавторстве с В В Коргузаловым) Л, 1972 С 238—241
 Результаты экспедиции в Новгородскую область в 1969 г // Русский фольклор Вып 13 С 270—271 (в соавт с В В Митрофановой)
 «Сибирская тетрадь» / Примеч (в соавт с И М Юдиной) // Достоевский Ф М Полн собр соч В 30 т Л, 1972 Т 4 С 310—323

1973

Из архива О Д Форш (Письма М М Пришвина и Вс Иванова) // Русская литература 1973 № 2 С 185—188
 Письма В Я Шишкова к П С Богословскому // Русская литература 1973 № 4 С 146—152
 К 100-летию О Д Форш Научная сессия в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР 21—22 мая 1973 г // Русская литература 1973 № 4 С 232—236
 Фольклор Севского района // Народные песни Записи О А Славяниной Сб Брянск, 1973 С 3—8
 Неизвестные письма Вячеслава Шишкова // Литературная Россия 1973 14 сент
 Из неопубликованного и забытого О Форш Шимка и Степа [Заметка и публикация текста] // Литературная Россия 1973 25 мая
 Из неопубликованного и забытого В Шишков На Лене Море зеленое [Заметка и публикация текстов] // Литературная Россия 1973 5 окт

1974

К вопросу о поэтике подблюдных песен // Русский фольклор Проблемы художественной формы Л, 1974 Вып 14 С 74—100

1975

Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штукенберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 354—370.

Письмо Н. К. Михайловского к М. М. Лисицыну. [Вступительная заметка и подготовка текста] // Русская литература. 1975. № 2. С. 191—194.

1976

Русские и болгарские припевки к гаданию // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 95—119.

В. И. Даль // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX в. Л., 1976. С. 338—359.

А. Ф. Писемский // Там же. С. 384—406.

1977

С. Н. Сергеев-Ценский. Письма к Л. Я. Гуревич. [Вступит. заметка, подгот. текстов и примеч.] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 186—195.

1978

Письма А. Н. Афанасьева к П. П. Пекарскому // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 64—83.

1981

Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова и Н. К. Миролубова [с публикацией статей: «Путь Иоанна Грозного» и «Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного»] // Русский фольклор. Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. Вып. 20. С. 107—157.

Статьи о стихотворениях М. Ю. Лермонтова «Атаман», «Воля», «Колокол стонет», «Русская мелодия», «Песня (Что в поле за пыль пылит)», «Казачья колыбельная песня» и др. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Русский фольклор в иноязычной среде. [Рец. на сб.]: 1) Зялёныя моя вишенка : Собрание песен липован, проживающих в Румынии / Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978; 2) Фольклор семиреченских казаков / Сост., вступит. ст. и примеч. М. М. Багизбаевой и А. Б. Абдуллиной. Алма-Ата, 1977, 1979. Ч. 1 и 2 // Русский фольклор. Л., 1981. Вып. 21. С. 195—198.

1982

П. И. Мельников-Печерский // Литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л., 1982. С. 94—130.

К вопросу о традиции в фольклоре. («Старина о большом быке» в свете историко-этнографических данных) // Русская литература. 1982. № 2. С. 168—181.

П. И. Якушкин на педагогическом поприще : Материалы к биографии (в соавт. с О. В. Анкудиновой) // Русская литература. 1982. № 4. С. 122—126.

1983

Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи П. И. Якушкина / [Вступит. ст., подгот. текстов, коммент. и указатели]. Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1983. Т. 1. 342 с. (Памятники русского фольклора).

П. И. Якушкин в 1840—1850-е гг. // Записи П. И. Якушкина. Т. 1. С. 9—36.

О влиянии поэтических традиций скоморохов в фольклоре Чайковского района Пермской области // П. И. Чайковский и Урал. Ижевск, 1983. С. 75—85.

Фольклорные материалы в архиве П. С. Богословского // Фольклор Урала: Бытование фольклора в современности: Сб. науч. тр. Свердловск, 1983. С. 147—156.

1984

О принципах публикации современных песенных записей // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Вып. 22. С. 107—120.

Севские частушки [Предисловие] // Севские частушки. Записи О. А. Славяниной: Сб. Тула, 1984. 143 с.

1985

Следы творчества скоморохов в традиционном песенном фольклоре // Русская литература. 1985. № 2. С. 113—127.

Письма Е. И. Елагиной к И. С. Аксакову [Вступит. заметка, подгот. текста, примеч.] // Памятники культуры. Ежегодник на 1983 год. Л., 1985. С. 44—66.

1986

Собрание народных песен П. В. Киреевского : Записи П. И. Якушкина / Предисл., подгот. текстов, коммент., указатели. Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1986. 326 с.

Полезное издание песен рабочего класса. (К 80-летию Первой русской революции. *Рец.* на сб.: Сто песен русских рабочих / Сост. П. Г. Ширяева. Л., 1984 // Русская литература. 1985. № 4. С. 183—187.

1987

Скоморохи и фольклор // Русский фольклор : Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Вып. 24. С. 44—64.

«Привлекавшийся по делу...» : (К 150-летию А. А. Котляревского) // Русская литература. 1987. № 2. С. 137—152.

В. Г. Короленко // Русская литература и фольклор. Конец XIX в. Л., 1987. С. 305—333.

1988

Скоморохи и сказка // Русская литература. 1988. № 2. С. 58—76.

А. А. Котляревский в Праге // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 291—306.

1989

Скоморохи и свадьба : (К вопросу об эволюции отдельных моментов обряда) // Русский фольклор. Л., 1988. Вып. 25. С. 23—37.

Скоморохи и волошебничество // Русская литература. 1989. № 2. С. 22—40.

А. Ф. Гильфердинг // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. С. 560—561.

1990

Письма А. А. Котляревского к О. Ф. Миллеру // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 81—103.

К вопросу о генезисе обходных календарных формул // Дети и народная культура. Четвертые Виноградовские чтения: Тез. докл. Новосибирск, 1990.

1991

Принципы текстологической работы А. Ф. Гильфердинга (по записям и изданиям его «Онежских былин») // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. Вып. 26. С. 22—38.

Письма А. Ф. Гильфердинга к А. В. Плетневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 130—135.

1992

Новое о А. Ф. Гильфердинге. (К 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1992. № 1. С. 60—72.

1993

Скоморохи и календарно-обрядовая поэзия / Русский фольклор : Межэтнические фольклорные связи. Л., 1993. Вып. 27. С. 148—164.

Скоморох // Восточнославянский фольклор : Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993.

1994

Ерш Ершович : Возможные истоки образа и мотивов // Тр. Отд. древнерусской литературы. СПб., 1994. Т. 47. С. 250—268.

П. М. Перевлесский. Письма к Ю. В. Жадовской / Публикация З. И. Власовой // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 157—188.

1995

Песни, записанные П. В. Киреевским / Ст. и примеч. З. И. Власовой. Публикация В. Л. Кляуса // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 51—56.

Песни, записанные П. И. Якушкиным / Ст., публикация и примеч. З. И. Власовой // Там же. С. 69—77.

1996

Письма А. Н. Афанасьева к П. А. Ефремову. Приложение // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. М., 1996.

Похороны дударя : Песня и обряд (в соавторстве с М. А. Лобановым) // Экспедиционные открытия последних лет: Сб. статей. СПб., 1996.

**ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ
СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА¹**

1954

Указатели // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М., 1954. С. 450—487.
Рец.: По следам древнерусской культуры [По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953] // Вечерний Ленинград. 1954. № 1. С. 3.

1955

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву // БСЭ. 2-е изд. Т. 33. С. 349.
Прéлог // БСЭ. 2-е изд. Т. 35. С. 32.

1956

Новгородская третья летопись. (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 236—262.
II Всесоюзное совещание по вопросам изучения древнерусской литературы // Там же. С. 647—650.
Рец.: Вопросы древнерусской литературы в «Очерках истории исторической науки в СССР». М., 1955. Т. 1 // Известия ОЛЯ. М., 1956. Вып. 6. С. 541—545.

1957

Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (обзор списков) // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 282—297.
Совещание по древнерусской литературе // Славяне. М., 1957. № 7. С. 62.

1958

Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 251—283.
Новгородские местные летописцы // Там же. С. 364—370.
Новгородское летописание XVII в. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погодинская летописи). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958. 23 с.
Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 147—153.
Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь? // Вестник ЛГУ. 1958. № 8. Сер. ист. яз. и лит. Вып. 2. С. 166—170.
Отрывок славянской служебной Миней XI—XII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 432—435.
Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива // Там же. С. 418—423.
Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. М., 1958. Вып. 1. С. 91—97. [В соавторстве с А. Н. Робинсоном].
Русская литература на Четвертом Международном съезде славистов // Русская литература. Л., 1958. № 4. С. 239—248. [В соавторстве с другими].

¹ 5 июля 1995 г. исполнилось 40 лет работы С. Н. Азбелева в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, а 17 апреля 1996 г. — 70 лет со дня его рождения.

Принятые сокращения:

БСЭ — Большая советская энциклопедия.

Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского университета.

Вестник МГУ — Вестник Московского университета.

Demos — Demos. Ethnographische und folkloristische Informationen.

Известия ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.

КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Третье Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 515—516.

Рец.: Описание ценной коллекции рукописей [Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей Гос. Архива Ярославской области XVI—XX вв. Ярославль, 1957] // Исторический архив. М., 1958. № 5. С. 213—215.

1959

О художественном методе древнерусской литературы // Русская литература. Л., 1959. № 4. С. 9—22.

Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 219—228.

Дискуссия по проблемам древнерусской литературы // Вестник АН СССР. М., 1959. № 8. С. 116—117.

Четвертое Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // Известия ОЛЯ. М., 1959. Вып. 6. С. 549—554.

[Обсуждение вопросов археографии] // Вопросы языкознания. М., 1959. № 5. С. 149—150.

1960

Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. 295 с.

Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270—287.

Об истолковании двух известий Повести временных лет: (К болгаро-русским отношениям в X в.) // Изследования в чест на Марин С. Дринов. София, 1960. С. 235—241.

IV Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 653—654.

1961

Памятники древнерусской письменности в хранилищах Болгарии // Исторический архив. М., 1961. № 2. С. 208—212.

К датировке русской Повести о взятии Царьграда турками // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 336—337.

Фольклор Мезени богат и интересен // За боевые темпы. Лешуконское Архангельской обл., 1961. № 71. [В соавторстве с В. В. Коргузаловым].

Сохранять и умножать фольклорные богатства Севера // Там же. № 83. [В соавторстве с В. В. Митрофановой].

1962

Новгородские былины и летопись // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 44—51.

[Выступление по докладу К. Стифа «Взаимоотношения между русским летописанием и русским народным эпосом»] // Четвертый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 1. С. 25—26.

Экспедиция по собиранию народного творчества // Новый путь. Бабаево Вологодской обл., 1962. № 42. [В соавторстве с Н. В. Новиковым].

Ред.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 61—69, 76—77, 79—179. [Отв. редактор В. В. Виноградов].

1963

Летописание и фольклор // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 3—28. (Русский фольклор; Т. 8).

Реализм и древнерусская литература // Русская литература. Л., 1963. № 1. С. 45—78.

Какви са съвременните задачи на фолклористиката в проучването на проблемата за взаимоотношението между народното поетическо творчество и литературата (фолклора и старата, средновековна литература и новата литература) // Славянска филология. Материали за V Международен конгрес на славистите. София, 1963. Т. 2. С. 286—287.

Може ли да се определи художественият метод на старите славянски литератури с познатите литературно-теоретически категории // Там же. С. 75—77.

Примечания [к публикации неизвестных писем В. Ягича к А. Н. Пыпину] // Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. С. 378—380. (Русский фольклор; Т. 8).

Фольклорная экспедиция Пушкинского Дома в 1961 г. // Советская этнография. М., 1963. № 1. С. 134—138. [В соавторстве с В. В. Митрофановой].

Ред.: Народная поэзия славян. М.; Л., 1963. 436 с. (Русский фольклор; Т. 8). [В сост. редколлегии].

1964

- Современные устные рассказы // Проблемы современного народного творчества М, Л, 1964 С 132—177 (Русский фольклор, Т 9)
 Об этике титульного листа // Нева 1964 № 12 С 172—173
Рец.-аннот. Народная поэзия славян М, Л, 1963 (Русский фольклор, Т 8) // Demos Berlin, 1964 J 5, N 1 S 94—97
Рец.-аннот. Русское народное поэтическое творчество Хрестоматия М, 1963 // Там же S 97—98
Ред. Проблемы современного народного творчества М, Л, 1964 331 с (Русский фольклор, Т 9) [В сост редколлегии]

1965

- Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность М, 1965 С 5—25
 О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих // Устная поэзия рабочих России М, Л, 1965 С 111—126
Рец.-аннот. Проблемы современного народного творчества М, Л, 1964 (Русский фольклор, Т 9) // Demos Berlin, 1965 J 6 N 1 S 76—78
Рец.-аннот. Cistov K V Zur Frage der Klassifikationsprinzipien der Proza-Volksdichtung М, 1964 // Там же S 71—72 [В соавторстве с Н В Домановским]
Ред. Русские повести первой трети XVIII в / Исслед и подгот текстов Г Н Моисеевой М, Л, 1965 324 с [Отв редактор]

1966

- Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Специфика фольклорных жанров М, Л, 1966 С 176—195 (Русский фольклор, Т 10)
 Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР М, 1966 № 4 С 81—106
 Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора М, Л, 1966 С 260—302
 Родовая сага в Древней Руси (К русско-скандинавским фольклорным взаимосвязям) // Тезисы докладов Третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии Тарту, 1966 С 166—167
 Журнал польских фольклористов [Literatura ludowa, 1957—1964] // Советское славяноведение М, 1966 № 4 С 78—81 [В соавторстве с В Б Вилинбаховым]
Рец.-аннот. Специфика фольклорных жанров М, Л, 1966 (Русский фольклор, Т 10) // Demos Berlin, 1966 J 7 N 2 S 309—310
Ред. Специфика фольклорных жанров М, Л, 1966 356 с (Русский фольклор, Т 10) [В сост редколлегии]

1968

- Куликовская битва в славянском фольклоре // Исторические связи в славянском фольклоре М, Л, 1968 С 78—101 (Русский фольклор, Т 11)
Ред. Исторические связи в славянском фольклоре М, Л, 1968 381 с (Русский фольклор, Т 11) [В сост редколлегии]

1969

- Летопись Петровского времени, содержащая поэму Симеона Полоцкого // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» Сб статей к 90-летию Н К Пиксанова Л, 1969 С 261—265
 Фольклор восточных и южных славян о Куликовской битве // Советское славяноведение Материалы IV конференции историков-славистов Минск, 1969 С 632—636
 Историческая основа былин об отражении татарского нашествия // Проблемы художественного метода, стиля и направления Материалы докладов М, 1969 С 37—38
 Устное героическое сказание и историческая реальность // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературе Тезисы докладов Вологда, 1969 С 6—8
 [О международной классификации преданий и легенд] // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук М, 1969 Т 7 С 421—423

1970

- Литературные памятники Киевской Руси // Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв) Л, 1970 С 20—35
 Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого Русского государства // Там же С 55—68
 Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре // Советское славяноведение М, 1970 № 6 С 50—57
 Об историзме устных героических сказаний Новгородской земли // Современное состояние народного творчества Тезисы докладов Л, 1970 С 33—34

Генетическая связь южнославянской песни о Куликовской битве и русского предания // VI. Mezi národní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu. Praha, 1970. S. 663—664.

[Выступление по докладам М. Бошкович-Стулли, Э. В. Померанцевой, В. К. Соколовой и К. В. Чистова — о соотношении преданий и легенд] // Там же. С. 495.

[Выступление по докладу П. Динекова «Общность и различия в развитии на старите славянски литератури»] // Там же. С. 332.

1971

Былины об отражении татарского нашествия («Ермак и Калин», «Илья и Калин», «Камское побоище») // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 162—180. (Русский фольклор; Т. 12).

Мотивы убийства вражеского царя в былинах и в косовских песнях // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 53—74.

Две былины Сборника Кириши Данилова и южнославянский эпос // Фольклор и литература Урала. Пермь, 1971. С. 45—46.

Устные героические сказания о Куликовской битве // Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 35—48.

Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 110—117.

[Исторический комментарий к 70-и сюжетам] // Исторические песни XVIII в. Л., 1971. С. 302—306, 314—315, 326—335. (Памятники русского фольклора).

Фольклористика на VI Международном конгрессе славистов // Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. С. 274—275. (Русский фольклор; Т. 12).

Ред.: Из истории русской народной поэзии. Л., 1971. 324 с. (Русский фольклор; Т. 12). [В сост. редколлегии].

1972

Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русская народная проза. Л., 1972. С. 77—102. (Русский фольклор; Т. 13).

Предисловие // Там же. С. 3—5.

Былина о свержении татарского ига, ее источники и обстоятельства появления // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы: Тезисы совещания. М., 1972. С. 30—31.

Рец.: Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970 // Русская народная проза. Л., 1972. С. 291—294. (Русский фольклор; Т. 13).

Ред.: Русская народная проза. Л., 1972. 316 с. (Русский фольклор; Т. 13). [Отв. редактор].

1973

Алтайская версия былины о Сухане и Сказание о Мамаевом побоище // Эпическое творчество народов Сибири: Тезисы докладов. Улан-Удэ, 1973. С. 41—42.

1974

К определению понятия «фольклор» // Русская литература. Л., 1974. № 3. С. 94—113.

Изобразительные средства героических сказаний: (К проблематике изучения) // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 144—163. (Русский фольклор; Т. 14).

Эпитеты героического сказания и фольклор XVIII—XIX вв. // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1974. С. 19—31.

Отражение действительности в преданиях, легендах, сказаниях // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 96—109.

О сходных тенденциях в архитектуре Новгорода и устном эпосе Новгородской земли XV в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 98—100.

Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 164—172.

Всесоюзная конференция по народной прозе // Русская литература. Л., 1974. № 4. С. 228—231.

Всесоюзная конференция «Проблемы теории фольклора» // Проблемы художественной формы. Л., 1974. С. 277—281. (Русский фольклор; Т. 14).

Рец.: Фольклор как искусство слова. [М., 1966; 1969] Вып. I, II // Проблемы художественной формы. Л., 1974. (Русский фольклор; Т. 14). С. 299—301.

Рец.: Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971 // Там же. С. 301—302.

1975

Фольклор в системе общественного сознания // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 21—30.

Оппозиционные мотивы в былинах и историческая реальность XIV—XV вв. // Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. С. 77—92. (Русский фольклор; Т. 15).

Всесоюзная конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР» // Там же. С. 285—287.

1976

- О типологических соответствиях и исторических взаимосвязях в славянском эпосе // Советское славяноведение. М., 1976 № 4 С 64—75
- Хроникат в древнерусском фольклоре // Историческая жизнь народной поэзии Л., 1976 С 135—151 (Русский фольклор, Т 16)
- Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории. Сб статей 1975 г М., 1976 С 163—190
- Обустность источников летописных текстов (На материале Куликовского цикла) [Начало] // Летописи и хроники. Сб статей 1976 г М., 1976 С 78—101
- К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками // Сравнительное изучение литератур. Сб статей к 80 летию М. П. Алексеева Л., 1976 С 18—22
- Эпос и летопись // Фольклор и историческая действительность. Всесоюзная научная конференция Тезисы докладов. Магачкала, 1976 С 29—30

1977

- Актуальные проблемы текстологии былин // Фольклор. Издание эпоса М., 1977 С 104—111
- Полное собрание русских былин (Проект проспекта и основных правил подготовки издания) // Проблемы Свода русского фольклора Л., 1977 С 11—23 (Русский фольклор, Т 17)
- После дискуссии об историзме былин // Русская литература Л., 1977 № 4 С 200—210
- Пушкин и «Поблище Мамаево» // Временник Пушкинской комиссии, 1974 Л., 1977 С 123—130
- Бытчины. Новые книги [Обзор] // Проблемы Свода русского фольклора Л., 1977 С 176—184 (Русский фольклор, Т 17)
- Рец. Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания М., 1975 // История СССР М., 1977 № 2 С 168—169

1978

- О жанровых взаимосвязях русского и украинского эпоса // Славянские литературы и фольклор Л., 1978 С 3—17 (Русский фольклор, Т 18)
- Типы героического эпоса и соотношение их поэтических систем // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1978 С 31—33
- О подразделениях несказочной прозы // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1978 С 28—37
- «Джангар» и былинный эпос // Всесоюзная научная конференция «„Джангар“ и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов» Тезисы Элиста, 1978 С 24—25
- Гуляев Степан Иванович // КЛЭ Т 9 Стб 249—250
- Никифоров Александр Исаакович // Там же Стб 264
- [Публикация статьи А. И. Никифорова «Фольклор и „Слово о погибели Рускыя земли“» и вводная заметка к ней] // Из истории русской фольклористики Л., 1978 С 189—198
- Рец. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания М., 1977 // Вопросы истории М., 1978 № 10 С 160—162
- Рец. Русское устное народное творчество [Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. Учебник для филологических факультетов университетов М., 1977] // Русская литература Л., 1978 № 4 С 173—176
- Рец. Северные предания / Изд. подгот. Н. А. Криничная Л., 1978 254 с [Отв. редактор]

1979

- О специфике творческого процесса в фольклоре и в литературе // Вопросы теории фольклора Л., 1979 С 157—166 (Русский фольклор, Т 19)
- Всесоюзная конференция «Фольклор и историческая действительность» // Вопросы теории фольклора Л., 1979 С 216—217 (Русский фольклор, Т 19)
- Межвузовское издание по фольклору РСФСР [Обзор. Фольклор народов РСФСР, вып. 1—4] // Там же С 209—212

1981

- Эпос и история (Один из теоретических аспектов) // Фольклор и историческая действительность Л., 1981 С 3—9 (Русский фольклор, Т 20)
- Фольклоризм «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Литература Древней Руси. Сб. науч. трудов М., 1981 С 46—57
- Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) [Окончание] // Летописи и хроники 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания М., 1981 С 129—146
- Неопубликованные записи былин // Фольклор и историческая действительность Л., 1981 С 162—195 (Русский фольклор, Т 20)
- [Публикация статьи А. И. Никифорова «О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв. На материале „Слова о полку Игореве“, „Задонщины“, „Повести о разорении Рязани“, Псковской летописи, Азов-

ских повестей и других памятников» и вводная заметка к ней] // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 143—204.

Рец.: Былинное «Слово» [Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Вечерний Ленинград. 1981. № 126. С. 3.

1982

Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. 327 с.

Поэтизация исторического события в былине / Русская литература. Л., 1982. № 1. С. 97—114.

Два Ермака в русском фольклоре // Русская речь. М., 1982. № 4. С. 118—120.

Рец.: Вторая жизнь «бессмертного слова» [Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980] // Молодая гвардия. 1982. № 9. С. 272—274.

Ред.: Илларионов В. В. Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982. 128 с. [Соредактор Н. В. Емельянов].

1983

Народный эпос и история : (К изучению национального своеобразия) // Русская литература. Л., 1983. № 2. С. 104—117.

Чешский источник в Новгородской летописи XVII в. // Литература Древней Руси: Сб. науч. трудов. М., 1983. Вып. 4. С. 95—99.

1984

Былины. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, примеч., словарь]. Л., 1984. 398 с.

Взаимодействие фольклора и литературы в цикле произведений о «Мамаевом побоище» // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Воронеж, 1984. С. 12—19.

Роль Новгорода и Новгородской земли в формировании русского героического эпоса // Новгородский край. Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 201—206.

Историзм былин и специфика фольклора. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1984. 44 с.

[Разыскание неизданных записей былин для сводного издания] // Полевые исследования. Л., 1984. С. 189—191. (Русский фольклор; Т. 22).

IX Международный съезд славистов. [Секция фольклористики] // Русская литература. Л., 1984. № 2. С. 222—225.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966—1975. Л., 1984. Ч. 1. 420 с. [Соредактор С. П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1984. 207 с. (Русский фольклор; Т. 22). [В сост. редколлегии].

1985

Рец.: Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984 // Филологические науки. М., 1985. № 3. С. 82—84.

Ред.: Русский фольклор. Библиографический указатель. 1966—1975. Л., 1985. Ч. 2. [Соредактор С. П. Луппов].

Ред.: Полевые исследования. Л., 1985. 227 с. (Русский фольклор; Т. 23). [В сост. редколлегии].

1986

Исторические песни. Баллады. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, примеч., словарь]. М., 1986. 622 с.

Эпопея и народная циклизация эпических песен // «Калевала» — памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 82—98.

Новгородский эпос XV в. и историческая действительность // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Новгород, 1986. С. 18—19.

Предисловие // Фольклор Русского Устья. Л., 1986. (Памятники русского фольклора). С. 5—8. [В соавторстве с Н. А. Мещерским].

[Характеристика былин, записанных в Русском Устье] // Там же. С. 24—29.

Былины [Подготовка текстов] // Там же. С. 218—246.

[Комментарии к былинам] // Там же. С. 319—321.

К истории русского населения по р. Индигирке // Там же. С. 369—370.

Письмо в редакцию // Русская литература. Л., 1986. С. 226—227.

Ред.: Фольклор Русского Устья. Л., 1986. 384 с. (Памятники русского фольклора) [Отв. редактор, совместно с Н. А. Мещерским].

1987

Летописный факт и ранняя историческая песня («Шелкан Дудентьевич») // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 18—22.

Неудачное завершение важной дискуссии // Филологические науки. М., 1987. № 1. С. 17—23.

Бородино в народной поэзии // Русская речь. М., 1987. № 4. С. 46—51.

[Выступление по докладу: Czajka H. Kreacja bohatera w rosyjskiej i południowosłowiańskiej epice ludowej] // Девятый Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Фольклористика. Историческая проблематика. Круглые столы. М., 1987. С. 15.

[Выступление по докладу: Гацак В. М. Основы устной эпической поэтики славян: (Антитеза «формульной» теории); Путилов Б. Н. Эпический мир и эпический язык] // Там же. С. 25.

[Выступление по докладу: Холевич Й. Устности — проблем на литературния текст (въз основа на материали от славянските литератури)] // Там же. С. 39—40.

Рец.: Анахронизм в практике фольклорных изданий [Сказки и песни, рожденные в дороге. М., 1985] // Русская литература. Л., 1987. № 2. С. 200—205.

Ред.: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. 223 с. (Русский фольклор; Т. 24). [В сост. редколлегии].

1988

История эпоса в неизданных рукописях А. Н. Веселовского // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 129—139.

Устная поэзия славян и творчество скальдов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Десятый Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 237—248.

Добрыня — змеборец // Русская речь. М., 1988. № 3. С. 122—128.

Богатырь русской филологии : (К 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) // Русская речь. М., 1988. № 5. С. 100—105.

Фольклор надо издавать фольклористам // Русская литература. Л., 1988. № 3. С. 245—247.

[Выступление на конференции по историзму фольклора] // Фольклор. Проблемы историзма. М., 1988. С. 256—257.

1989

Добрыня — сват // Русская речь. М., 1989. № 1. С. 116—123.

Герои русского эпоса : Михаил Скопин-Шуйский // Русская речь. М., 1989. № 3. С. 123—129.

О недостоверных текстах и недостоверных сведениях в академическом издании частушек // Вопросы литературы. М., 1989. № 3. С. 255—260.

Рец.: Современный взгляд на былины [Селиванов Ф. М. Русский эпос. М., 1988] // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1989. № 3. С. 92—95.

Ред.: Русский фольклор. Т. 25. Л., 1989. 223 с. [В сост. редколлегии].

1990

Возраст славянских исторических песен // Славяне: Адзінства і многастаянасць : Міжнародная канферэнцыя. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. 5 секцыя. Узаемасвязі і ўзаемадзеянне славянскіх культур: фальклор, літаратура, мастацтва. Мінск, 1990. С. 4—6.

Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 1. С. 5—6.

Русский и калмыцкий эпосы — последовательные стадии эпического творчества в концепции А. Н. Веселовского // «Джангар» и проблемы эпического творчества: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Элиста, 1990. С. 68—69.

Г. С. Виноградов и рукописное наследие А. Н. Веселовского // Дети и народная культура. Четвертые виноградовские чтения: Тезисы докладов. Новосибирск, 1990. С. 5—6.

1991

Исторические песни. Баллады. [Сост., подгот. текстов, вступит. статья, коммент., указатель, словарь]. М., 1991. 765 с.

О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 39—53. (Русский фольклор; Т. 26).

Ф. И. Буслаев и его ученики об историко-бытовых основах народного эпоса // Русская литература. Л., 1991. № 4. С. 3—17.

Грозный царь Иван Васильевич // Русская речь. М., 1991. № 5. С. 123—129.

Фольклор Русского Устья: К изучению региональной традиции // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сборник науч. трудов. Якутск, 1991. С. 80—89.

Научный подвиг : 160 лет со дня рождения А. Ф. Гильфердинга. 1831—1872 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 5. С. 11—13.

Усердие, остроумие и ученая честность : 165 лет со дня рождения А. Н. Афанасьева. 1826—1871 // Там же. С. 14—15.

Истинно русский интеллигент : 160 лет со дня рождения П. Н. Рыбникова — собирателя и ценителя фольклора. 1831—1885 // Российский календарь знаменательных дат. М., 1991. № 10. С. 27—28.

Фольклористика на Десятом Международном съезде славистов // Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. С. 268—270. (Русский фольклор; Т. 26).

Рец.: Чикачев А. Г. Русские на Индигирке : Историко-географический очерк. Новосибирск, 1990 // Известия Сибирского филиала АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. Новосибирск, 1991. № 3. С. 69—70.

Ред.: Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. 280 с. (Русский фольклор; Т. 26). [В сост. редколлегии].

1992

- Народная проза. [Сост., вступит. статья, подгот. текстов, коммент., словарь]. М., 1992. 606 с.
 Веселовский и историческое изучение эпоса // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 6—31.
 Садко // Русская речь. М., 1992. № 6. С. 84—89.
 Три с половиной века великому подвигу донских казаков: Азовское сидение // Истоки. М., 1992. № 11. С. 5.
 Русский народный эпос в книгах последних лет. [Обзор] // Русская литература. М., 1992. № 2. С. 197—205.
 Рец.: Ценная книга. [Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель. М.: Наука, 1990] // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1992. № 2. С. 91—92.

1993

- Русские исторические песни в иноэтническом контексте // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 14—27. (Русский фольклор; Т. 27).
 Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Одиннадцатый Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 221—234.
 Рукописи А. Н. Веселовского по народному эпосу // Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы. СПб., 1993. С. 3—16.
 «Инварианты» практической текстологии // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 194—204. (Русский фольклор; Т. 27).
 Князь Владимир и Илья Муромец / Русская речь. М., 1993. № 6. С. 73—80.
 О генезисе исторических песен, посвященных Ивану Грозному // Скафтымовские чтения. Саратов, 1993. С. 81—83.
 [Публикация статьи А. Н. Веселовского «Былины о Волге Всеславьевиче и поэмы об Ортните», вступительная заметка к ней, примечания, библиография] // Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 273—312. (Русский фольклор; Т. 27).
 Былиноведение // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 25—26.
 Историзм фольклора // Там же. С. 104—105.
 Меморат // Там же. С. 138.
 Песня историческая // Там же. С. 205—206.
 Песня походная // Там же. С. 235.
 Предание // Там же. С. 275.
 Предание историческое // Там же. С. 275—276.
 Предание местное // Там же. С. 276—277.
 Предание мифологическое // Там же. С. 277.
 Притча // Там же. С. 285.
 Проза устная несказочная // Там же. С. 289—290.
 Фабулат // Там же. С. 373—374.
 Хроникат // Там же. С. 434—435.
 Участие казаков в присоединении Казани и Астрахани к русскому государству // Истоки. М., 1993. № 9. С. 4.
 Самосознание славян в героическом эпосе и исторических песнях // XI. Mezinárodní zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava, 1993. S. 194.
 Ред.: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. 336 с. (Русский фольклор; Т. 27). [Отв. редактор].
 Ред.: Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX в. в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. Н. Андерсон, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. 202 с.

1994

- К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Т. 7. С. 363—374.
 Оппозиционный фольклор 1920—1930-х годов в записях А. И. Никифорова // Живая старина. М., 1994. № 2. С. 44—47.
 Обзор источников о происхождении Рюрика и версия о его славянских предках // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1994. Вып. 1. С. 45—46.
 Фольклор народов России [Обзор вып. 1—20] // Живая старина. М., 1994. № 4. С. 47—49.

1995

- Эпосоведческое наследие А. Н. Веселовского в современности // Эпические традиции. СПб., 1995. С. 32—44. (Русский фольклор; Т. 28).

- Князь Глеб Володьевич // Русская речь М, 1995 № 3 С 98—105
- В Я Пропп о принципах издания Свода русского фольклора // Живая старина М, 1995 № 4 С 49—51
- Отношение к русской монархии в поэзии Лермонтова // Тарханский вестник Тарханы, 1995 Вып 4 С 11—18
- Рыбников Павел Николаевич // Русская словесность М, 1995 № 6 С 6—7
- Ф М Селиванов (1927—1990) // Эпические традиции СПб, 1995 С 421—424 (Русский фольклор, Т 28) [В соавторстве с А В Кулагиной]
- Запись духовного стиха о Святом Георгии в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Русская литература М, 1995 № 1 С 177—184
- Поэты России о русских императорах // Дворянское собрание Историко-публицистический и литературно-художественный альманах М, 1995 № 2 С 217—244
- Рекрутские песни // Русская словесность М, 1995 № 5 С 5
- Фольклористика на XI Международном съезде славистов // Эпические традиции СПб, 1995 С 433—435 (Русский фольклор, Т 28)
- Рец Живая старина Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре 1994 № 1 // Этнографическое обозрение М, 1995 № 1 С 182—184
- Рец Фольклор Сибири и Дальнего Востока Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост Ю И Смирнов Новосибирск, 1991 // Живая старина М, 1995 № 2 С 60—62
- Ред Скрябыкина Л Н Былины русского населения Северо-Востока Сибири Новосибирск, 1995 103 с [Отв редактор]
- Ред Эпические традиции СПб, 1995 439 с (Русский фольклор, Т 28) [В сост редколлегии]

1996

- О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор Материалы и исследования СПб, 1996 Т 29 С 62—81
- Гостомысл и его внуки в народных преданиях // Филологические науки М, 1996 № 2 С 3—9
- О подвигах казаков в борьбе против войск Маая // Русская речь М, 1996 № 1 С 97—102
- Из поэтического наследия С С Бехтеева (По страницам эмигрантских сборников) // Дворянское собрание Историко-публицистический и литературно-художественный альманах М, 1996 № 4 С 240—250
- Сергей Бехтеев, царский гуслиар // Возрождение СПб, 1996 № 4 С 9
- Ред Русский фольклор Материалы и исследования СПб, 1996 Т 29 302 с [В сост редколлегии]

ХРОНИКА

РЯБИНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-95

С 4 по 8 сентября в Петрозаводске проходила международная научная конференция «Рябининские чтения-95», организованная Петрозаводским университетом, Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, правительством Республики Карелия, Музеем антропологии и этнографии РАН (С.-Петербург). Самая же большая лепта принадлежит музею-заповеднику Кижы. Тематика конференции определяется ее названием, в котором отразилось глубочайшее уважение современной русской культуры к знаменитой крестьянской династии заонежских сказителей Рябининых. В Петрозаводске собрались фольклористы, этномузыковеды, этнографы, историки, лингвисты, архитекторы, искусствоведы — ученые, которым небезразлична судьба народной культуры Русского Севера. Почетными гостями научного симпозиума стали потомки Т. Г. Рябинина: Анастасия Петровна Титова (дочь Петра Ивановича Рябинина-Андреева, опубликовавшая в шестом номере за 1995 г. петрозаводской газеты «Лицей» интересные воспоминания о своем отце), а также Анна Михайловна Новгородцева и Алексей Михайлович Рябинин — прямые продолжатели рода Рябинина через их отца Михаила, деда Кирика и прадеда Гаврилу, который был сыном Трофима Григорьевича. 6 сентября в Кижях рядом с вдохновенной Покровской церковью священник Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска Владимир Иванов и дьякон Александр Мусин (диако́н епископа Петрозаводского и Олонецкого Мануила и непосредственный участник конференции) отслужили заупокойную литию по всем погребенным на Кижском погосте, в том числе и по Т. Г. Рябинину, чей прах покоится здесь. В тот же день участники конференции установили памятную доску на месте деревни Дуткин-Наволок в Кижях, где в июле 1871 г. А. Ф. Гильфердинг записывал былины от Т. Г. Рябинина.

Рябининская тема зазвучала в полный голос уже на пленарном заседании конференции в докладе Н. А. Криничной «Трофим Григорьевич Рябинин: становление сказителя». Исследовательницей специально к открытию конференции был издан сборник «Жил в Кижской волости крестьянин...», куда вошли тексты былин Т. Г. Рябинина и биографический очерк о сказителе. Ю. А. Новиков в своем докладе «Об истоках эпических репертуаров Т. Г. Рябинина и П. И. Рябинина-Андреева» существенно дополнил наше представление об учителях старшего Рябинина. Помимо Ильи Елустафьева, на котором обычно заострено внимание ученых, в докладе названы имена И. И. Андреева, И. А. Завьялова, И. Кокойкина, Ф. Тrepалина. Тщательный текстологический анализ былин на сюжет «Илья Муромец и Калин-царь», записанных у представителей династии Рябининых, в своем докладе «Устойчивость и изменчивость в былинах рода Рябининых» предложил Ю. И. Смирнов. Воспоминаниями о своих встречах с последним крупным сказителем из этой семьи — П. И. Рябининым-Андреевым — поделился с участниками конференции К. В. Чистов.

Многие доклады секции «Фольклор и народное искусство» также были посвящены Рябининым. С. В. Воробьева, изучившая ревизские сказки, исповедальные ведомости и метрические книги Кижской волости, существенно уточнила многие моменты биографии Т. Г. Рябинина. Исследовательницей была поставлена под сомнение принятая в науке дата рождения сказителя (1791 г.); весьма доказательно С. В. Воробьева отодвигает это событие на несколько лет

позднее (1798—1799 гг.). В. Г. Смолицкий посвятил свой доклад П. И. Рябини-ну и его работе над «советскими» былинами (новинами). В. С. Бахтин рассказал о своих встречах с Михаилом Кириковичем Рябининым, правнуком Т. Г. Ряби-нина. Попытка текстологических наблюдений над репертуаром Рябининых-Ан-дreeвых была сделана в докладе О. В. Захаровой.

Из фольклорных жанров основное внимание участников конференции, что вполне естественно, было приковано к былинам. В пленарном докладе председа-теля оргкомитета конференции Б. Н. Путилова «Эпические певцы Заонежья и типология севернорусского сказительства» отмечалось, что заонежские были-ны, отражающие несколько локальных очагов и творчество целой плеяды выда-ющихся сказителей, предоставляет ученым благодатный материал для изучения феномена сказителей в типологическом плане. Однако нельзя не пожалеть, что русская фольклористика безвозвратно потеряла возможность постановки экспе-риментов в духе школы Альберта Лорда. А. К. Байбурин в своем докладе, про-звучавшем на заседании секции «Фольклор и народное искусство», обратил внимание на некоторые теоретические аспекты проблемы «эпос и обряд». Извест-ный былинный мотив «сидения Ильи Муромца» ученым объясняется как отра-жение глубинной связи образа богатыря с потусторонним миром. В сообщении Т. Г. Ивановой еще раз была поднята проблема географического распространения былин; помимо «новгородской теории» было предложено сосредоточить вни-мание фольклористики также на высказывавшейся уже в науке идее консерва-ции эпической традиции в зонах этнического пограничья. Доклад В. Б. Семено-ва также имел отношение к былинному творчеству — «„Слово о полку Игореве” и былина о Дюке Степановиче». Э. С. Киуру и А. И. Мишин, недавно подгото-вившие новый перевод на русский язык «Калевалы», в своем сообщении обра-тились к карельскому эпосу. Они настойчиво утверждали мысль о том, что «Калевала» является не устным народным эпосом, а авторским произведением Э. Леннрота. Комментарий Леннрота, сохранившиеся в одной из его рукописей, являются ярким свидетельством того, что он работал с фольклорным материалом не как собиратель, а как писатель.

На пленарном заседании в докладе В. А. Лапина «Русскоязычная причетъ Заонежья (этнокультурный феномен)» определился еще один приоритетный для конференции фольклорный жанр — причитания. Исследователь, говоря о взаи-мосвязях карельско-вепсской и русской устно-поэтических традиций, вводит понятие «фольклорное двуязычие», которое подразумевает симбиоз двух народ-ных культур, когда при сохранении собственного этнического самосознания определенная популяция становится носителем фольклорной традиции другого народа. Музыкаведческие аспекты причитаний были затронуты в докладах Т. В. Краснопольской «Напевы заонежских причитаний в контексте местной певческой традиции» и Е. Е. Васильевой «Идеальность реального мира: жизнь стиха в эпической и причетной традиции Обонежья». О. А. Черепанова в своем сообщении обратила внимание, что в русских похоронных причитаниях, име-ющих ярко выраженное прагматическое звучание, доминирует положительная маркировка коммуникативной тактики и ситуации (обращения к умершему и его родственникам с экспрессивной лексикой типа «баженный», «скаченая жем-чужинка» и т. д.). Та же положительная маркировка коммуникативной ситу-ации отмечена и в нефольклорной народной речи, что исследовательницей объ-ясняется национально-культурной обусловленностью.

Несколько докладов было посвящено фольклорной лирике. Научный сотруд-ник музея Кижы Р. Б. Калашникова посвятила свой доклад беседным песням Заонежья. В обстановке бесед (в песне, игре, жесте), считает исследовательница, закодирован обрядовый свадебный смысл. Попытку усмотреть в частушках отра-жение скоморошьего искусства представила в своем сообщении Н. В. Дранни-кова. Неожиданный аспект уже упомянутой выше проблемы угро-финского субстрата в народной культуре заонежан был продемонстрирован в докладе И. Б. Семаковой. Оказывается, манера звукоизвлечения при пении (работа раз-ных групп лицевых мышц) жителей разных русскоязычных деревень также может свидетельствовать о вепсских или карельских корнях их предков.

И. А. Разумова на большом статистическом материале показала региональное своеобразие сказочной традиции Заонежья по сравнению с Пинежским краем. Сказочная коллекция вологодского собирателя М. Б. Едемского была охарактеризована в докладе М. А. Вавиловой. Ценность этого материала заключается в том, что здесь представлены тексты, записанные от взрослых и детей, — членов большой семьи Едемских. В докладе А. Ю. Брицыной говорилось о необходимости смелее вводить в полевую собирательскую работу эксперимент, в том числе и при записи сказок. Повторные записи произведений фольклора от одного и того же информанта, наблюдения над трансмиссией вновь узнанного текста при передаче его от одного исполнителя к другому, исследование того, как вновь узнанный текст пересказывается разными представителями одного коллектива — такого рода эксперименты могут привести фольклористов к важным выводам о жизни фольклорного текста. Доклад С. М. Лойтер был обращен к репертуару современных детей — «страшилки» и «саdistские стишки».

Обрядовому фольклору был посвящен доклад В. П. Кузнецовой «Смех в севернорусской свадьбе»; исследовательница продемонстрировала, как смеховое начало в обряде связано с эротической темой. Т. С. Канева указала на процесс «наращения имени» в календарной традиции Усть-Цыльмы: в летнем праздновании Ивана Купалы соединились представления о христианском святом Иоанне Крестителе, о Ивашке Ластко, по преданию, основавшем Усть-Цыльму, а также о еще одном Иване, пострадавшем за старую веру и чтимом на Печоре.

На Рябининских чтениях не осталась обойденной вниманием и тема взаимосвязей литературы и устной поэзии. Доклад Е. М. Неелова был посвящен фольклорным мотивам в «Повести о Петре и Февронии». В. В. Иванов в своем сообщении «Юродивые в культуре Заонежья и Пудожья» показал, как устные предания о петрозаводском юродивом Фаддее, жившем в начале XVIII в., трансформировались в письменное житие этого неканонизированного святого. В докладе гости из Лондона Фейт Визгел традиция русского народного снотолкования была сопоставлена с репертуаром печатных сонников, которые появились в России с конца XVIII в. и были иностранными по своему происхождению.

Проблемы устной поэзии нашли свое место и на заседаниях секции «История и этнография Заонежья» (доклады К. К. Логинова «Обряд и заговор», А. В. Окунева «Роль фольклорного текста в социальной жизни севернорусского общинника во второй половине XIX—начале XX в.», Н. А. Кораблева «„Олонецкие губернские ведомости“ о зарубежных поездках И. Т. Рябинина», В. А. Агапитова «Кижская топонимия и фольклор»). Результатами работы над топонимической картотеккой Заонежья, неоспоримо свидетельствующей о финно-угорском субстрате, поделились И. И. Муллонен и Н. Н. Мамонтова. Этнографическая тематика звучала в сообщениях Е. И. Яскеляйнен «Народный костюм Заонежья в фольклорных источниках» и Е. Ю. Дубровской «Этнографические сведения о жителях Олонецкой и Беломорской Карелии на страницах журнала „Карельские известия“ 1913—1917 гг.». Проблемы истории Заонежья были подняты в докладах Г. П. Енина («Воеводское кормление в Заонежском крае»), А. Ю. Жукова («Управление заонежскими погостами в конце XV—начале XVIII в.»), Л. Н. Амозова («Крестьянское хозяйство Заонежья в конце XVIII—начале XIX в.»), А. И. Афанасьевой («Сельская интеллигенция Олонецкой губернии конца XIX—начала XX в.»), Б. А. Гущина («Крестьянство и земство Заонежья»). Целый ряд докладов был посвящен истории крестьянских семей: сообщения И. А. Черняковой «Крестьянские родословия: обельные крестьяне Заонежья», Л. В. Трифионовой «Из истории одной крестьянской семьи: семья Сергиных из Мунозера», Н. И. Шилова «Рукописи из коллекции крестьянской семьи Корниловых в фондах музея-заповедника».

Ведущей темой секции «Народные говоры и язык фольклора» стала проблема народного слова в бытовом применении (доклады Е. И. Новиковой «Эмоционально-оценочная лексика говоров Заонежья», Л. П. Михайловой «Лексика говоров Заонежья на общерусском фоне», Т. Е. Рутт «Структурно-семантическое

своеобразие лексики говоров Заонежья»). Вопрос о прибалтийско-финском субстрате и здесь оказался актуальным, что отразилось в докладах Г. М. Керта («Саамские элементы в топонимике Карелии»), С. А. Мызникова («Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья»), Н. В. Марковой («К изучению синтаксических особенностей говоров Заонежья»). Сообщением М. Я. Кривонкиной и Т. Г. Доли «Лексикографическое изучение русских говоров Карелии» началось обсуждение научной общественностью «Словаря говоров Карелии и сопредельных русских областей», первый том которого недавно вышел в свет. Не обойдена вниманием была и проблема языка разных фольклорных жанров (доклады С. Н. Пономаревой «Функционирование глаголов чувства в причитаниях И. А. Федосовой» и Е. А. Калашниковой «Формульность эпической поэзии»).

Два заседания провела секция «Православие на Русском Севере», создание которой было невозможно еще несколько лет тому назад. В ее работе приняли участие диакон Александр Мусин, выступивший с докладом «Становление православия в Карелии: историко-археологический аспект», и священник Кондопожского прихода Лев Большаков, рассказавший присутствующим о жизни его прихода. В сообщении М. В. Пулькина «Приходы Заонежья во второй половине XVIII в.» было показано, как строились взаимоотношения между клиром и прихожанами в заонежской деревне два столетия тому назад. На секции прозвучали также доклады В. Г. Платонова «Иконы и народное искусство», А. Н. Кручининой «Певческая монастырская культура Русского Севера», С. А. Старостенкова «Сведения о колоколах Олонецкой губернии конца XIX в.», О. А. Фишман «Представление о душе и духе у русских и карельских старообрядцев Новгородчины», А. Н. Власова «Образы святых подвижников на Русском Севере», А. В. Пигина «Древнерусские рукописи в государственных хранилищах г. Петрозаводска», В. В. Семакова «Духовные стихи: поэтика глагольной формы», А. В. Антощенко «Два взгляда на раскол: В. О. Ключевский и А. В. Карташов».

Секция «Деревянная архитектура Заонежья» сосредоточила свою работу на двух проблемах: рассмотрение на архитектурном материале феномена Заонежской культурной зоны и практические рекомендации по сохранению архитектурных богатств здешнего края. На секции прозвучало восемь докладов: «Деревянное зодчество Заонежья в свете этнокультурных контактов русского и прибалтийско-финского населения края» (В. П. Орфинский), «Особенности архитектуры традиционного крестьянского жилища южного Заонежья XIX—XX в.» (А. Т. Яскеляйнен), «Истоки многоглавия в древнерусском зодчестве и формы покрытый деревянных культовых построек» (В. А. Крохин), «Ансамбль культовых построек д. Вороний Остров» (Г. А. Кутькова), «Декоративный балкон в народном зодчестве Заонежья» (И. Б. Гришина), «Проблемы комплексного сохранения историко-архитектурной среды традиционных сельских поселений Карелии» (Т. И. Вахрамеева), «Методика реставрации деревянного зодчества Карелии в историко-культурном контексте» (Е. В. Вахрамеев), «Иконография Заонежья» (М. И. Мильчик). Материал деревянного зодчества, как и данные народных говоров и фольклорной традиции, подтверждает наличие мощного финно-угорского субстрата в культуре Заонежья.

В рамках конференции работала также секция «Актуализация народной культуры», которая отметила драматическое противоречие между глубоким научным осознанием проблем народной культуры и низким уровнем использования научных результатов в сфере образования и просвещения. Проблема пропаганды народного искусства среди населения была затронута как в историческом (доклад Л. И. Капусты «Краеведческие общества Севера начала XX в. и проблемы изучения культуры»), так и в методическом плане, придавшем прозвучавшим сообщениям ярко выраженный практический аспект: сообщения Л. В. Шиловой «Интерпретация материальной и духовной культуры Русского Севера в музейно-образовательных программах Республиканского детского музейно-образовательного центра», Н. А. Никишина «Возможность и границы образовательной деятельности в музее», О. А. Захаровой «Наследие Рябининых-Андреевых в

курсе „Этнология русской музыки”», В. П. Ершова «Мифопоэтика в досюльной вещи», М. С. Коршаковой и Е. А. Назаровой «Психологические аспекты женской магии в традиционной вышивке по опыту работы студии „Карельская вышивка” Дворца творчества детей и юношества г. Петрозаводска».

Все участники конференции отметили высокий уровень докладов научных сотрудников музея Кижы (С. В. Воробьева, Р. Б. Калашникова, А. Т. и Е. И. Яскеляйнен, Б. А. Гушин, Н. И. Шилов). Здесь, похоже, сформировался молодой, энергичный и деятельный коллектив энтузиастов. В Кижях в знаменитой избе Ошневых фольклорный ансамбль музея — членами которого являются специалисты по народной вышивке, резьбе по дереву, работники администрации и т. д. — продемонстрировал фрагменты севернорусской беседы с ее песнями и танцами. В ансамбль органично вошли дети сотрудников музея, которые отголоски своих фольклорных опытов приносят непосредственно в свои игры (так, родители рассказывали, что случайно подсмотрели, как их дети играли «в свадьбу», где были роли жениха, невесты, подголосницы, поезжан и прочее). Так фольклорная традиция через свои вторичные формы передается новому поколению заонежан.

Участникам конференции отродно было видеть, что музей имеет четкое представление о перспективах своего развития. М. В. Лопаткин, директор музея, выступивший на пленарном заседании с докладом «Кижская волость: прошлое или будущее?», говорил именно о будущем. Музей-заповедник Кижы разработал концепцию создания уникальной территории «Кижская волость» как наиболее оптимальной формы организации системы охраны и рационального использования Кижского историко-культурного и природного комплекса. Вся деятельность музея направлена не только на сохранение архитектурных богатств Кижей, но и на возрождение плотницких ремесел в округе, на создание мастерских вышивальщиц, на поддержку умельцев по работе с берестой и т. д. Музей Кижы хочет, чтобы окрестные деревни жили полнокровной рабочей жизнью, и поэтому уже сейчас предоставил двум крестьянским фермерским хозяйствам денежные заемы.

Конференция завершилась 8 сентября общим заседанием всех секций, на котором было принято решение о придании регулярного характера Рябининским чтениям (один раз в четыре года). Между большими встречами рекомендовалось проводить раз в два года тематические семинары. Многие из участников высказывались за то, чтобы ближайший семинар был посвящен проблеме мастера в народном искусстве (сказитель в устной традиции, распевщик в церковном песнопении, мастер в народном прикладном искусстве). Тогда же в выступлениях участников встречи прозвучала тревога по поводу проектирования разработок урано-ванадиевых руд в Заонежье. Названный проект может обернуться множеством проблем для этого уникального уголка Русского Севера. Наряду с экологической катастрофой, грозящей краю, неизбежно будет разрушена та неуловимая культурно-историческая аура, которая присуща Заонежью. Участники конференции посчитали необходимым привлечь внимание общественности к данному вопросу.

И все-таки, несмотря на множество проблем, стоящих перед радателями народной культуры Русского Севера, конференция завершилась на торжественной ноте. Ее последним актом стала презентация только что учрежденной медали им. Т. Г. Рябинина и награждение первых лауреатов. По номинации «научные исследования» медаль была вручена Н. А. Криничной — старшему научному сотруднику Института языка, литературы и истории Карельского научного центра, чьи работы пользуются большим авторитетом среди фольклористов. Создатель вепсского национального музея в с. Шелтозеро Р. П. Лонин был награжден по номинации «просветительская деятельность». Архитектору-реставратору проектного бюро «Лад» (г. Петрозаводск) В. А. Крохину медаль вручили за вклад в сохранение памятников народной культуры. Работа руководителя фольклорного коллектива Хвойнинского района Новгородской области Н. Б. Бобровой была отмечена за вклад в возрождение народных традиций Русского Севера. Не нашла рябининская медаль своего лауреата лишь по одной номина-

ции — за благотворительность. Очень хочется надеяться, что через четыре года члены оргкомитета конференции будут в затруднении от большого числа претендентов на медаль по этой номинации — спонсоров, меценатов, доброхотов, которые бескорыстно пожертвуют свои денежные средства на сохранение и возрождение народной культуры, потому что хотят добра всему Русскому Северу.

Т. Г. Иванова

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

<i>К. А. Богданов</i> (Санкт-Петербург). Заговор и загадка. (К формульности заговора)	3
<i>М. П. Чередникова</i> (Ульяновск). Смысл и «бессмыслица» считалок. (К проблеме поэтики) . . .	14
<i>Ф. М. Селиванов</i> (Москва). Духовные стихи в системе русского фольклора	31
<i>А. Т. Хроленко, М. А. Бобунова</i> (Курск). Былинное слово в лексикографическом аспекте . .	36
<i>Дж. Бейли</i> (Мэдисон, США). Три русских народных лирических размера	45
<i>С. Н. Азбелев</i> (Санкт-Петербург). О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу	60
<i>А. О. Амелькин</i> (Воронеж). О времени возникновения песни об Авдотье Рязаночке	80

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Е. П. Гладких</i> (Санкт-Петербург). К. Д. Кавелин в истории фольклористики	86
<i>Ю. Д. Левин</i> (Санкт-Петербург). Вильям Рольстон и русский фольклор	98

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Ю. И. Марченко, Л. И. Петрова</i> (Санкт-Петербург). Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья	110
<i>А. Ю. Кастров</i> (Санкт-Петербург). Напевы пудожских причитаний тирадно-строфической композиции	192
<i>О. Р. Николаев</i> (Санкт-Петербург). Сказки верхнего течения Западной Двины (сказочница М. И. Патрикова)	241

БИБЛИОГРАФИЯ

Словацкие библиографические пособия по фольклору (<i>Иванова Т. Г.</i> , Санкт-Петербург) . . .	278
Хронологический список трудов Зои Ивановны Власовой	281
Хронологический список трудов Сергея Николаевича Азбелева	286

ХРОНИКА

Рябининские чтения-95 (<i>Иванова Т. Г.</i> , Санкт-Петербург)	295
---	-----

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
Т. XXIX

Материалы и исследования

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Редактор издательства *В. Н. Немнонова*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *И. А. Крайнева, А. Х. Салтанаева и С. И. Семиглазова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 01.12.95. Подписано к печати 12.11.96.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26.6. Уч.-изд. л. 30.7. Тираж 680 экз. Тип. зак. № 3273. С 1503

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12